ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР В 1971—1975 гг.
ЖУРНАЛУ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» — 50 ЛЕТ
НАРОДНЫЙ ФРОНТ В ПОЛЬШЕ
РОЖДЕНИЕ ЧЕЛЯБИНСКОГО ТРАКТОРНОГО
РУССКИЕ ГАЗЕТЫ И КРУПНЫЙ КАПИТАЛ
РАЗИНЦЫ И РАСКОЛЬНИКИ
ДЕЛО О ГОРЕ МАГНИТНОЙ

3
МОСКВА · 1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

Българска комунистическа партия. ЦК. Тезиси на ЦК на БКП във връзка с подготовката за единадесятия конгрес на партията. София. Партиздат. 1976. 235 с.

Българска комунистическа партия. Конгрес 11. София. 1976. Доклади и решения София. Партиздат. 1976. 222 с.

ВОЗНЕСЕНСКИ В. Д. **Тъй изгря свободата.** 9 септември 1944. София. Партиздат. 1976. 184 с

МИЛКОВА Ф. **Изключителното наказателно законодателство — реакционно оръдие против въоръжената антифашистка борба на българския народ. 1941—1944.** София. Наука и изкуство. 1976. 149 с.

НЕДЕВ П. **Те бяха осемнайсет...** Документална повест София. Нар младеж. 1976. 151 с.

СТЕФАНОВ Ц. **Перо и дълг.** София. Партиздат 1976. 198 с.

HUSZÁR L. **Habsburg-házi királyok pénzei 1526—1657.** Budapest. Akad. kiadó. 1975. 168. old.

SZABÓ I. **Jobbágyok-parasztol.** Ertekezések a magyar parasztság történetéből. Sajtó alá rendzte és a bevezetöt írta Für Lajos. Budapest. Akad. kiadó. 1976. 387. old.

TÓTH S. **Budapest felszabaditása 1944—1945.** Budapest. Zrinyi. 1975. 288. old.

VÁRKONYI N. **Dunántúl.** (Bövit., átdolg. kiad.). Budapest. Magvetö. 1975. 215. old.

BROWN D. **Begrabt mein Herz an der Biegung des Flusses.** Berlin. Neues Leben. 1976. 445 S.

Dokumente zur deutschen Geschichte 1929—1933. Hrsg. von Wolfgang Ruge und Wolfgang Schumann. Bearb. von Kurt Gossweiler unter Mitw. von Margarete Piesche. Berlin. Deutscher Verl. der Wiss. 1975. 111 S.

HERBERSTAIN S. von. **Moskowia.** Weimar. Kiepenheuer. 1975. 189 S.

IHDE H. **Von der Plantage zum schwarzen Ghetto.** Geschichte und Kultur der Afroamerikaner in den USA. Leipzig u. a. Urania-Verl. 1975. 167 S.

PILTZ G. **In alten und neuen Städten.** Leipzig. Brockhaus. 1976. 153 S.

BURDUKIEWICZ J. M. **Paleolit schyłkowy na Dolnym Śląsku.** Warszawa—Wrocław. PWN. 1975. 111 s.

GÓRALSKI W. **Stany Zjednoczone—Japonia 1945—1972.** (Sojusz—współpraca—sprzeczności). Warszawa. PWN. 1976. 387 s.

KOSTROWICKA I. i. i. **Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku.** Wyd. 2., zmien. Warszawa. KiW. 1975. 589 s.

ŁOPUSZAŃSKI. B. **Stowarzyszenie ludu polskiego.** (1835—1841). Geneza i dzieje. Kraków. Wyd-wo lit. 1975. 395 s.

NITECKA-JAGIEŁŁO B. **Cypr.** Anatomia konfliktu. Warszawa. Wyd-wo Min. obrony nar. 1975. 235 s.

PIOTROWSKI S. **Tureckie blaski i cienie.** Warszawa. Lud. spółdzielnia wyd. 1975. 481 s.

MUŞAT M. şi BOATCĂ S. **Dimitrie Cantemir.** Bucureşti. Ed. milit. 1975. 141 p.

NEGULESCU T. **România la Organizaţia Naţiunilor Unite.** Bucureşti. Ed. politică. 1975. 261 p.

BOUČEK M. a. j. **Program revoluce.** Ke vzniku Košického vládního programu. Praha. Svoboda. 1975. 316 s.

JANOTKOVÁ Z. **Padli, aby sme my žili.** Martin. Osveta. 1975. 285 s.

KRÁL V. **Myšlenkový svět historie.** Praha. Acta Univ. Carolinae. 1975. 206 s.

POLIŠENSKÝ J. **Už vicrat ne!** Hirošima—Nagasaki. 1945—1975. Praha. Pressfoto. 1975. 128 s.

POTOČNÝ M. **OSN-naštroj miru a mezinárodni spolupráce.** Praha. Svoboda. 1975. 379 (7) s.

MUJEZINOVIĆ M. **Islamska epigrafika u Bosni i Hercegovini.** Knj. I. Sarajevo. Veselin Masleša. 1974. 558 s.

Трновит пут Србије 1914—1918. (гл. и одг. уред. изд. Коста Тодоровић). Београд. Београдски изд.-графички завод. 1974. 358 с.

ZADNIK M. **Istrski odred.** Nova Gorica. Knjiz. NOV in POS. 1975. 899 s.

HASWELL J. **The British Army.** A Concise History. London. Thames and Hudson. 1975. 192 p.

HECHTER M. **Internal Colonialism.** The Celtic Fringe in British National Development, 1536—1966. London. Routledge and Kegan Paul. 1975. XVIII, 361, 14 p.

MACMILLAN H. **The Past Masters.** Politics and Politicians. 1906—1939. London. Macmillan. 1975. 240 p.

MARTIN R. M. **Trade Unions in Australia.** Harmondsworth (Midd'x). Penguin Books. 1975. X, 150 p.

WINDROW M. and MASON F. K. **A Concise Dictonary of Military Biography.** Two Hundred of the most Significan Names in Land Warfare, 10th—20th Century. Berkshire. Osprey. 1975. XI, 337 p.

GÓMEZ ACEVEDO L. y BALLESTEROS GAIBROIS M. **Cultura indígenas de Puerto Rico.** 2-a ed. Madrid. Samarán. 1975. 229 p.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ, МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Вопросы истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

№ 3 МАРТ 1977

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. И. Буганов, Г. А. Трукан — Актуальные проблемы источниковедения истории СССР 3
С. И. Сметанин — Начало промышленного переворота на Урале . . 16
Ю. Б. Рябощапко — Русско-шведские отношения на рубеже XVI — XVII веков 26
Ю. П. Аверкиева, А. И. Першиц — Полвека журнала советских этнографов 40
В. П. Чугаев (Львов) — Движение за народный фронт в Польше . . 53
А. А. Бокщанин — Политика Китайской империи на национальных окраинах в начале XV века 68
С. С. Пасков (Владивосток) — Японская буржуазная историография экспансии японского империализма в конце XIX — первой трети XX века 85

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Н. П. Шмакова (Челябинск) — Рождение Челябинского тракторного... 96

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

А. Н. Боханов — Русские газеты и крупный капитал 113
В. Г. Карцов (Калинин) — Разинцы и раскольники 121
Н. П. Ефремова — Призывное слово Коммуны 132

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

Новое пополнение Отделения истории АН СССР 141

В высшей школе

Н. А. Гусакова (Минск), **Э. М. Загорульский** (Минск), **Ю. Е. Ивонин** (Минск), **И. О. Царюк** (Минск) — Технические средства обучения на Историческом факультете Белорусского университета . . . 145

Обзоры

М. С. Кузьмин (Ленинград) — Новейшая литература о международных научных и культурных связях СССР в 1917—1932 годах . . 147

Рецензии

С. А. Артемьев, А. Я. Утенков — «Гегемония пролетариата в трех русских революциях» 153
А. Л. Литвин (Казань) — Б. А. Томан. За свободную Россию, за свободную Латвию (Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти) 156
Е. А. Луцкий — В. И. Кострикин. Земельные комитеты в 1917 году 158
Член-корреспондент АН УССР **Ф. П. Шевченко** (Киев) — Я. Д. Ісаевич. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні 161
В. А. Гавриличев (Казань), **В. В. Иванов** (Казань) — «Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования» 163
П. Ю. Рахшмир (Пермь) — «Вопросы историографии в высшей школе» 166
Н. Е. Застенкер — Г. С. Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. 169

Новые книги 172
Статьи в советских периодических изданиях 175
Хроникальные заметки 177

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Р. П. Гришина — В. Вознесенский. Так взошло солнце свободы. 9 сентября 1944. 181
Т. Л. Лабутина — Дж. М. Д. Хоуат. Внешняя политика Стюартов и Кромвеля 184

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 187
Заметки о статьях: **Н. В. Сивачев.** Об условиях диалога с буржуазными историками; **В. В. Согрин.** Как и почему изменяется историография?; **В. Н. Истратов** Шотландская «деволюция» и канадский федерализм; **К. Б. Виноградов** (Ленинград). Американские займы Великобритании во время первой мировой войны; **С. Ф. Блуменау.** Еще раз об истоках Великой Французской буржуазной революции конца XVIII века 189
Рецензии на советские издания 197
Коротко о книгах 198

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Н. С. Зелов — ЦЕКУБУ 201
Г. И. Мишкевич (Ленинград) — Дело о горе Магнитной 205
В. М. Матвеев — Первые страницы истории колледжей США 210

Сведения об авторах 216
Владислав Иосифович Раздорикас 217
Сергей Павлович Толстов 219
Резюме статей на английском языке 221

© Издательство «Правда». «Вопросы истории». 1977.

СТАТЬИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СССР

В. И. Буганов, Г. А. Трукан

Расширение источниковедческих изысканий остается ответственной задачей советской исторической науки. Они должны помочь глубокому и эффективному изучению важнейших источников по узловым проблемам истории, повысить качество исторических исследований, обеспечить ускоренное формирование источниковой базы истории развитого социализма в СССР и тем самым способствовать подготовке фундаментальных исследований по отечественной истории.

Дальнейший подъем эффективности научных исследований может осуществляться лишь на базе марксистско-ленинской методологии и методики работы с источниками, на овладении всем богатством опыта работы с источниками, содержащегося в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Марксистско-ленинские требования рассматривать источник в связи с породившей его эпохой и классом, марксистское понимание природы источника составляют теоретическую, методологическую основу конкретного источниковедческого анализа, в ходе которого изучается и обобщается содержащаяся в источнике информация о событиях прошлого. В настоящей статье анализируются основные направления источниковедческих исследований по отечественной истории за период от XXIV съезда КПСС и перспективы дальнейшего их развития в свете решений XXV съезда КПСС.

За время между XXIV и XXV съездами КПСС значительно активизировалось источниковедение ленинских трудов по истории СССР, изучение методов работы Ленина над источниками. Завершение издания Полного собрания сочинений и дополнительного тиража к нему, выход в свет XXXVIII «Ленинского сборника», включающего около 500 новых документов, публикация семи томов биографической хроники «Владимир Ильич Ленин» расширили арсенал средств овладения марксистско-ленинской методологией исторического исследования. В источниковедческой литературе справедливо подчеркивается огромное значение трудов Ленина, разработавшего теоретические основы и методологические приемы изучения и использования источников и литературы по истории СССР. Источниковедческая Лениниана развивалась по следующим главным направлениям: классификация ленинских документов, выявление и изучение источниковой базы исследований Ленина, анализ ленинских работ как важнейших источников по истории СССР, текстологическое изучение произведений Ленина, структура ленинской источниковедческой базы, ленинский анализ видовых свойств источников, выбор критериев их оценки, приемы использования содержащейся в них информации, методы анализа таких источников, как устная информация участников событий, мемуары, публицистика, периодическая

печать, партийные документы, уточнение дат написания ряда произведений. Проанализированы отдельные виды или группы источников, привлеченных Лениным для исследования (например, земская статистика, фабричные законы, описания кустарных промыслов, партийные документы, государственные акты, пресса и публицистика и др.). Отмечены последовательные этапы его работы над источниками — с поисков, отбора данных, их обработки и до теоретического обобщения [1]. Все большее внимание уделяется текстологии ленинских сочинений, их значения как источника по истории СССР, КПСС, историографии и т. д. Подробному изучению подверглись такие ленинские работы, как «О компромиссах», «О диктатуре пролетариата», «Государство и революция», «Успехи и трудности Советской власти», «Ответ на запросы крестьян», «Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах» и др. [2].

В ряде работ рассматриваются с источниковедческой стороны труды В. И. Ленина по истории России второй половины XIX — начала XX в. (источники его трудов; методы работы с источниками; ленинские труды как источник по истории КПСС, СССР; история их написания, идейно-теоретическое значение) [3].

Характерным для источниковедческой Ленинианы является стремление авторов проникнуть в ленинскую лабораторию исторического исследования, восстановить творческую историю основополагающих трудов Ленина. Достигнутые в этом направлении результаты непосредственно связаны с фронтальной разработкой ленинского исторического наследства, осуществлявшейся в последние годы [4]. Задачи, стоящие перед исторической наукой, требуют создания капитального труда «Произведения В. И. Ленина как методологическая основа источниковедения истории СССР». В нем следовало бы подвести итоги многолетней работы историков по теоретическим и методологическим проблемам

---

[1] Н. К. Крупская. Как Ленин работал над Марксом. Н. К. Крупская. О Ленине. Изд. 3-е. М. 1971; С. И. Кузьмин. О поисках ленинских документов. М. 1973; его же. Бесценное ленинское наследие. Поиски и находки. М. 1976; А. Соловьев. Новое пополнение Ленинианы. «Коммунист», 1974, № 16; М. С. Веселина. О дальнейшем собирании документального наследия В. И. Ленина. «Вопросы истории», 1974, № 4; Р. Лавров. Неисчерпаемый арсенал. «В мире книг», 1974, № 1; Г. Н. Голиков. Сокровища ленинского идейного наследия. «Политическое самообразование», 1974, № 4; О. М. Медушевская. К изучению ленинских методов работы с историческими источниками. «Труды» Московского историко-архивного института, 1974, т. 30, вып. 1; Ю. П. Шарапов. Ленин как читатель. М. 1976.

[2] Л. Е. Шепелев. Ленинский «Проект Декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах». «Вспомогательные исторические дисциплины». Вып. IV. Л. 1972; Е. А. Луцкий. Ленинская инструкция крестьянам (источниковедческий анализ письма В. И. Ленина «Ответ на запросы крестьян»). Там же. Вып. V. Л. 1973; В. В. Горбунов. К истории написания В. И. Лениным книги «Государство и революция». «Вопросы истории КПСС», 1973, № 2; его же. К истории написания книги В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад». «Вопросы истории КПСС», 1974, № 4; В. И. Старцев. Работа В. И. Ленина над книгой «Государство и революция». «Вспомогательные исторические дисциплины». Вып VI. Л. 1974; А. В Красникова. Брошюра В. И. Ленина «Успехи и трудности Советской власти». Там же; В. Зевин. О последних статьях и письмах В. И. Ленина. «Коммунист», 1974, № 5; А. М. Совокин. К истории публикации работ В. И. Ленина перед Октябрем. «Вопросы истории КПСС», 1974, № 12; Н. Ф. Славин. Статья В. И. Ленина «О компромиссах». «Исторический опыт Великого Октября». М. 1975; Т. В. Батаева. Вопросы классовой борьбы пролетариата в рукописях В. И. Ленина «О диктатуре пролетариата». «Вопросы истории», 1975, № 10.

[3] И. А. Миронова. Приемы работы В. И. Ленина над источниками по истории пореформенной России. М. 1971; И. А. Миронова, А. И. Юхт. К истории работы В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма». «История и историки». М. 1972; Б. Н. Казанцев. Источники и приемы анализа и критики В. И. Лениным царского фабричного законодательства. «Вопросы истории», 1975, № 4, и др.

[4] Анализ основных направлений исторической Ленинианы см. М. В. Нечкина, Е. Н. Городецкий. Историографические исследования в СССР. «Развитие советской исторической науки. 1970—1974». М. 1975, стр. 87—88.

источниковедения истории СССР, особенно советского периода, по изучению источниковой базы исследований Ленина, дать анализ ленинских методов работы с источниками. Это важно не только для исторической науки, но и для всех общественных наук, поскольку вооружает специалистов знанием богатейшего арсенала ленинских методов научного исследования в тесной связи с марксистско-ленинской методологией, материалистической концепцией истории.

Теоретические проблемы завоевывают все большее место в источниковедческих исследованиях. Соотношение методологии, теории и методики, место источниковедения в системе историческихх наук, виды источников, определение источника, вопросы классификации, интерпретации, достоверности, авторства и датировки, классовый, партийный подход к анализу источника, соотношение источника с исторической действительностью и историческим исследованием, объекта и субъекта познания в исторической науке, непосредственного и опосредованного отражения исторической действительности в источнике — таковы основные теоретические проблемы, которым посвящены работы историков и философов, опубликованные в первой половине 70-х годов [5].

Новейшие исследования позволили преодолеть представления о «независимости» техники, методики исследования от методологии, «автономии» анализа источников, конкретного источниковедения от методологии. Несомненно, в сумме тех приемов, с помощью которых ученые обрабатывают исходные данные, имеются и такие, которые одинаково применяются представителями и буржуазной и марксистской историографии. Например, выявление и изучение клаузул в актах в определенной степени ведется сходно, с одной стороны, А. С. Лаппо-Данилевским, с другой — советскими учеными. В изучении летописей (сопоставление текстов разных летописных памятников, этих последних с данными нелетописных источников и т. д.) шахматовская методика лежит во многом в основании текстологических разысканий советских авторов. Тем не менее методика изучения источников в советской науке, если рассматривать ее в целом, кардинально, качественно отличается от методики А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского и других буржуазных ученых дооктябрьского периода. Это сказывается прежде всего в классовом, историческом анализе источников, партийности подхода к их изучению, к его идейной целенаправленности.

Задача такого анализа — выявить классовое содержание источника, классово-сословные позиции его автора (составителя), эволюцию данного источника, показать сущность классовых взаимоотношений, взаимосвязей изучаемой эпохи. В этом смысле методики работы с источниками (их отбор, анализ, интерпретация) не могут быть, естественно, одними и теми же у историков, исходящих из неодинаковой методологии. Красноречиво в этом плане сравнение методики, применявшейся при обработке данных земско-статистических сборников, с одной стороны, либеральными народниками (В. Воронцов и др.) с их «средними цифрами», по существу, фальсифицировавшими данные о положении различных групп крестьян в пореформенной русской деревне, с другой— Лениным, который с помощью научной обработки статистических данных убедительно показал неодинаковое положение этих групп. Таких примеров можно привести много, и они неопровержимо свидетельствуют, что при наличии сходных «технических» приемов работы с источниками, всегда применявшихся и применяемых (с большим или меньшим успехом) в исследованиях (в этом смысле зародыши некоторых

[5] Л. В. Черепнин. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. «Источниковедение отечественной истории». Вып. I. М. 1973; Г. М. Иванов. Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск. 1973; О. М. Медушевская. Теоретические проблемы источниковедения. Автореф. докт. дисс. М. 1975.

методических приемов можно выявить уже у Нестора и его старших и младших современников), в целом методика тесно связана с методологией, первая прямо зависит от второй, вытекает из нее.

Интенсивно развивалось одно из важных направлений теоретических исследований — классификация источников. Появились первые монографии, разрабатывающие основные принципы классификации письменных источников [6]. В основу обобщений положены объективные свойства больших групп источников, сформировавшиеся под воздействием условий общественного развития и отражающие историческую действительность. Г. М. Иванов в монографии о методологических аспектах изучения исторического источника [7] обосновывает марксистско-ленинское понимание соотношения объекта и субъекта познания в исторической науке, устанавливает единство непосредственного и опосредованного отражения исторических явлений в изучаемых источниках, указывает на необходимость выявления социальной природы, классового содержания источника. Исторический источник — продукт взаимодействия объекта и субъекта, единство непосредственного и опосредованного отражения исторической действительности, сложная система ее отражения, каждый элемент которой важен для полного научного познания прошлого.

Высказаны интересные соображения об отражении в исторических источниках психического склада их создателей (особенно личности, восприятия, памяти, мышления, воображения, эмоциональной сферы). Решение этого вопроса тесно связано с выяснением авторства, степени достоверности сообщаемых в источнике данных, мотивов их составления и т. д. (например, влияние стрессового состояния автора на освещение тех или иных событий в его сочинении) [8].

Очень интересна постановка В. Л. Яниным проблемы интеграции в изучении источников. Автор правомерно выдвигает задачу синтезирования данных всех видов исторических источников, которые возникают в процессе взаимодействия «дочерних дисциплин истории»[9]. Эта и другие теоретические проблемы источниковедения были поставлены и обсуждены во время работы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения в Таллине (1972 г.) [10]. Изучались также вопросы прочтения и уяснения текста источников, текстологического исследования, истолкования (герменевтики) источников, эвристики (выявления) и др. [11].

В тесной связи с разработкой общих теоретических вопросов источниковедения осуществлялось изучение различных категорий, групп и отдельных важнейших источников по истории СССР. Прежде всего следует отметить пристальное внимание к декретам Советской власти. Это было связано с изданием 8 томов публикации «Декреты Советской власти». Наибольшее число исследований посвящено анализу

---

[6] К. И. Рудельсон. Современные документные классификации. М. 1973; Л. Н. Пушкарев. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М 1975.

[7] Г. М. Иванов. Указ соч.

[8] И. Г. Белявский, А. П. Пронштейн. Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках. «Известия» Северо-Кавказского научного центра высшей школы, серия общественных наук, Ростов н/Д. 1974.

[9] В. Л. Янин. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. «История СССР», 1973, № 3.

[10] В. В. Журавлев, А. А. Курносов. Симпозиум по проблемам источниковедения в Таллине. «История СССР», 1973, № 4; Л. М. Брагина, Ю. Я. Рыбаков. Актуальные проблемы источниковедения. Симпозиум в Таллине. «Вестник» АН СССР, 1973, № 4; Р. В. Овчинников. Обсуждение проблем современного источниковедения. «Советские архивы», 1973, № 1.

[11] А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов н/Д. 1971; его же. Методика исторического источниковедения. Изд. 2 е, доп. и испр. Ростов н/Д. 1976.

отдельных декретов [12]. Было показано, как шла разработка декретов Совнаркома, как складывался порядок их подготовки и издания, вырабатывались общие организационные формы, в соответствии с которыми осуществлялась законодательная деятельность Советского правительства [13]. Декреты Советской власти — важнейший источник по истории советского общества, который глубоко и всесторонне раскрывает огромную политическую и организационную работу Ленина по воплощению в жизнь созданного им плана построения социализма в нашей стране. Результаты, достигнутые в области изучения декретов Советской власти, позволяют перейти к созданию монографических трудов, посвященных анализу этого комплекса источников.

Первостепенным и основополагающим источником по истории Советского государства являются документальные материалы Совнаркома за 1917—1922 гг., когда в нем председательствовал Ленин. Они включают документы большого СНК, Совета Обороны и Совета Труда и Обороны, малого СНК. В ряде статей ставилась задача восстановить общее содержание докладов Ленина на заседаниях СНК, Совета рабочей и крестьянской обороны, СТО на основе протокольных записей и других документов, а также показать значение протокольного фонда Совнаркома как источника по истории первого этапа деятельности Советского государства и Ленина как его главы и руководителя [14]. Значение этого источника особенно велико для изучения вопросов политики Советского государства, разработка которых требовала сохранения в тайне или ограничения публикации принятых решений (внешняя политика и торговля, концессии, военные вопросы и т. д.). Изучение протоколов СНК в этом аспекте позволило полнее воссоздать подлинную историю советской концессионной политики, показать, что уже в первые месяцы Советской власти наше правительство во главе с В. И. Лениным приступило к выработке принципов экономических отношений с капиталистическими государствами, раскрыть решающую роль Ленина в разработке принципов концессионной политики [15]. Ныне стоит задача исследовать весь комплекс материалов, связанных с деятельностью СНК, Совета Обороны и СТО.

Потребности развития исторической науки стимулировали углубленное изучение конкретных видов источников по социальной структуре советского общества, истории рабочего класса и индустрии, советского крестьянства и сельского хозяйства, советской интеллигенции и культуры.

Наиболее интенсивно велась разработка материалов, собранных советскими статистиками. Одним из основных источников по истории рабочего класса СССР в период революционного переустройства страны является профессиональная перепись 1918 года. Однако публикация ее материалов страдает существенными недостатками. Многие ценные

---

[12] А. Л. Фрайман. Декрет Совета Народных Комиссаров о революционном трибунале печати. «Вспомогательные исторические дисциплины». Вып. IV; В. А. Шишкин. Декрет о национализации внешней торговли 22 апреля 1918 г. Там же. Вып. V; Б. С. Илизаров. О некоторых особенностях публикации декрета «О мире» в центральных петроградских газетах (27—28 октября 1917 г.). «Археографический ежегодник за 1972 г.». М. 1974; Е. М. Зенц. Из истории подготовки декрета «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины». «Археографический ежегодник за 1973 г.». М. 1974.

[13] М. П. Ирошников. Становление советского декрета. «Вспомогательные исторические дисциплины». Вып. VI.

[14] Э. Б. Генкина. О докладах В. И. Ленина в Совнаркоме, Совете Обороны и Совете Труда и Обороны (1917—1922 гг.). «История СССР», 1973, № 4; ее же. О значении протоколов Совнаркома как исторического источника. «Исторический опыт Великого Октября»; А. С. Покровский. Протоколы заседаний СНК РСФСР как исторический источник («период Смольного»). «Археографический ежегодник за 1972 г.».

[15] В. А. Шишкин. Протоколы СНК РСФСР 1918—1920 гг. как источник по истории советской концессионной политики. «Исторические записки», т. 88.

сведения из первичных бланков переписи — личной карты рабочего, не вошли в публикацию. В частности, необработанными оказались данные о профессиональном составе рабочих, их стаже, потомственности, прежней профессии, месте рождения, сезонности, типе поселения, заработках, что практически исключает возможность выявления роли различных факторов в характеристике социального облика рабочего класса. Новое прочтение первичных материалов переписи на базе специально разработанной методики обработки первичных бланков с помощью современной вычислительной техники расширило наши представления об органическом единстве, близости рабочих разных районов и отраслей между собой по основным экономическим, психологическим и политическим признакам, о социальной структуре пролетариата в момент решающих революционных преобразований [16].

Социальный состав населения СССР перед индустриализацией отражен в материалах Всесоюзной переписи 1926 года. Для использования данных этой переписи потребовалось решить ряд источниковедческих проблем, в том числе определить критерии разделения статистиками населения на сельское и городское [17]. Благодаря этому стало возможным привлечь данный источник для изучения структуры городского населения СССР в конце восстановительного периода.

Источником, достаточно полно раскрывающим производственную структуру и тенденции развития мелкокрестьянского хозяйства перед коллективизацией, являются крестьянские бюджеты 20-х годов. Ранее историки редко обращались к этому источнику, так как его данные расходились с итогами сельскохозяйственных переписей. В новейших исследованиях указаны причины этого явления [18]. В крестьянских бюджетах, представляющих только земледельческую часть крестьянства, состояние беднейших слоев деревни, естественно, не получило полного отражения. В результате методических просчетов при разработке первичных материалов доходность отраслей крестьянских хозяйств оказалась завышенной. С учетом этих коррективов крестьянские бюджеты теперь могут быть использованы для исследования внутренней структуры различных классовых групп крестьянства и состояния мелкокрестьянского хозяйства накануне массовой коллективизации.

Для всестороннего изучения истории развитого социалистического общества особое значение имеют материалы конкретно-социологических исследований [19]. Однако социологический источник не только раскрывает перед историками новые возможности, но и порождает определенные трудности, связанные с оценкой достоверности, стабильности, репрезентативности и сопоставимости локальных данных. В ряде трудов разрабатывалась система источниковедческой критики материалов конкретных социальных исследований как специфического вида исторического источника.

---

[16] А К. Соколов. Методика выборочной обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. «История СССР», 1971, № 4; его же. Состав рабочих Ярославской и Воронежской губерний (по данным первичных материалов профессиональной переписи 1918 г.). «Вестник» Московского университета, история, 1972, № 4; В З. Дробижев, А. К. Соколов, В. А. Устинов. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М. 1975.

[17] О. И. Васькина. Городское население СССР в канун социалистической индустриализации (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.). «Вестник» Московского университета, история, 1971, № 4.

[18] Ю. П. Бокарев. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов. «Вопросы истории», 1974, № 6; его же. Вопросы методики определения репрезентативности крестьянских бюджетов 20-х годов. «История СССР», 1974, № 4.

[19] Л. М. Дробижева. История и социология. М. 1971; ее же. Материалы конкретных социологических исследований как исторический источник. «Источниковедение отечественной истории». Вып. 1; А. Ф. Килунов. Применение конкретно-социологических исследований в исторической науке. «Вопросы истории», 1972, № 1, и др.

Определенные успехи были достигнуты в области изучения мемуаров, дневников и писем. Проанализированы и введены в научный оборот некоторые важные источники, до сих пор не привлекавшиеся историками. В ряде исследований анализируется методика сбора воспоминаний, использованная различными научными центрами [20]. Здесь обращает на себя внимание наметившееся сближение на базе общей источниковедческой методики приемов изучения мемуаров (воспоминаний-интервью или воспоминаний-анкет) и массово-статистических источников. Вместе с тем такой подход отвечает современным тенденциям развития источниковедения в направлении широкого применения новейших методов исследования.

Продолжалось изучение отдельных разновидностей или комплексов групп, типов источников по отечественной истории дооктябрьского периода. Следует сказать об исследованиях, посвященных таким источникам, как актовые, законодательные, летописные, памятники общественно-политической мысли, источники по социально-экономической истории эпохи позднего феодализма, истории классовой борьбы, революционного движения, по социально-политической истории. Имеются немалые достижения в изучении источников по социально-экономической истории России второй половины XIX — начала XX в., истории революционного движения XIX — начала XX века [21].

Разумеется, исследование отдельных видов совокупностей источников в их развитии следует продолжить и в дальнейшем, имея в виду, что наряду с более углубленным изучением таких памятников, которым уже посвящены многочисленные исследования (например, летописи, издание и изучение которых имеет уже 300-летние традиции [22], и другие источники), необходимо смелее и шире ставить и решать задачи по изучению массовых источников периода позднего феодализма и капитализма. Вовлечение в научный оборот большого комплекса массово-статистических и социологических источников открыло возможности для широкого использования математических методов в исторических исследованиях [23]. Это очень перспективное направление источниковедческих исследований. XXV съезд партии нацелил ученых на использование в полной мере новых возможностей для плодотворных изысканий, открывающихся на стыке естественных и общественных наук. В связи с этим, безусловно, будет расширяться применение математических методов анализа исторических источников. Накоплен значительный опыт в таких важнейших областях методики источниковедческих исследований массово-статистических источников, как выборочный метод, подготовка массовых документов к обработке на электронно-вычислительных машинах, разработка программ, связанных с определением зависимости между факторами в историко-социальных исследованиях. Эти методики могут применяться и при изучении других массово-статистических источников.

Для более успешного изучения массовых источников необходимо решить ряд общих проблем. До сих пор еще не удалось выработать общепризнанного определения понятия «массовые источники», не раз-

[20] А. А. Курносов. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания). «Археографический ежегодник за 1973 г.»; Д. С. Шедріна. Діяльність істпартів України по збиранню документів з історії партії та Жовтневої революції (1921—1924 рр.). «Український історичний журнал», 1974, № 2; В. Л. Соскин, Т. Н. Осташко. Из опыта собирания воспоминаний представителей советской интеллигенции Сибири. «Археографический ежегодник за 1973 год», и др.

[21] Более подробно см. С. О. Шмидт. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. «Развитие советской исторической науки. 1970—1974».

[22] В. И. Буганов. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М. 1975.

[23] См. «Математические методы в исторических исследованиях». М. 1972; «Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории». М. 1975.

работан принцип их классификации, нет четкой формулировки понятия «первоисточник» в применении к массовым источникам, понятие «статистический источник» сужается, под ним подразумеваются только статистические таблицы и графики, а также различного рода цифры, являющиеся, как правило, источником второго уровня. В исторических исследованиях пока еще совершенно не ставится вопрос о стабильности данных массовых источников. Если проблема репрезентативности заключается в том, можно ли выборочные данные распространить на большее число объектов, то проблема стабильности состоит в определении того, можно ли ограниченные по времени данные распространить на более широкий хронологический промежуток.

В трудах историков и философов последнего времени выдвигаются некоторые спорные проблемы, требующие дальнейшего изучения. Например, некоторые исследователи ставят вопрос о соотношении исторического факта и факта источниковедческого, считают возможным говорить о фактах исторических и неисторических, то есть фактах первого, второго и т. д. «ранга», важных и неважных, о наличии некоей источниковедческой модели — своего рода «мысленной конструкции», промежуточного звена между источниками и теорией, о разделении функций историка и источниковеда по отношению к источнику, и др. Многое остается неясным в терминологии источниковедения (начиная с вопроса об отнесении его к «вспомогательным», или «спеціальным», историческим дисциплинам и кончая определением этой отрасли знания как одной из этих дисциплин, наиболее вероятно важной, «главной», или же просто «вспомогательной» в ряду других, ей подобных, или же, наконец, как «сверхнауки», «суммы наук», включающей в себя все другие «вспомогательные» дисциплины); предстоит многое сделать для уточнения, унификации понятийного аппарата источниковедения. Важно было бы и в этом разделе источниковедения поощрять подготовку монографических и коллективных исследований.

Ощущается также недостаток обобщающих работ по источниковедению отечественной истории. Исключением, пожалуй, являются учебные пособия, имеющие, несомненно, значение не только в области преподавания, но и в деле развития источниковедческих исследований[24]. Учебное пособие М. Н. Черноморского вышло вторым изданием, что является отражением усиления внимания к развитию источниковедения истории советского общества.

Тенденции, логика развития конкретно-источниковедческих исследований, принесших весьма плодотворные результаты, с неизбежностью подводят к необходимости обобщения того, что уже сделано, то есть создания коллективного труда по источниковедению истории СССР; он может состоять, по-видимому, из нескольких томов (наподобие «Очерков истории исторической науки»); его подготовка может быть результатом коллективных усилий ученых Института истории СССР АН СССР и других научных учреждений страны.

На XXV съезде КПСС подчеркивалось, что в борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам, что необходимо продолжать борьбу с буржуазными и реформистскими фальсификаторами истории СССР. За последние годы советские историки создали ряд критических работ, направленных против современной буржуазной историографии СССР. При этом большинство из них полемизирует с советологами по концептуальным вопросам, почти не затрагивая ту источниковую базу, на которой они строят свои антиисторические выводы.

Историографическая и источниковая база современной буржуазной историографии истории СССР в известной мере расширяется.

---

[24] «Источниковедение истории СССР». М. 1973; М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР. Советский период. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1976.

Если 15—20 лет тому назад ее в основном составляли труды белоэмигрантских авторов, то теперь немало работ по истории СССР, вышедших на Западе, нередко оснащено ссылками на труды советских авторов, советские документальные публикации и особенно труды Ленина. Но советологи перестали бы быть таковыми, если бы они обращались к этим изданиям исходя из научных интересов. Обращение, в частности, к произведениям Ленина диктуется прежде всего стремлением замаскировать политическую тенденциозность советологии, представить ее в респектабельно-научном виде. Что же касается конкретного использования ленинских работ буржуазными авторами, то при внимательном рассмотрении нередко обнаруживается грубая фальсификация [25]. При этом применяются самые разнообразные методы, начиная от искаженного цитирования и кончая тенденциозным толкованием той или иной цитаты. То же следует сказать и об использовании советологами других источниковых материалов по истории советского общества, изданных в нашей стране [26]. Тенденциозность и односторонность — вот характерная черта в обращении с ними. Нам представляется в связи с этим, что советские историки, полемизирующие с современной буржуазной историографией, должны направить свое внимание на показ ее научной несостоятельности и с точки зрения антинаучных методов и приемов анализа источников.

Повышение уровня исследований по отечественной истории немыслимо без развертывания публикаторской работы, которая определяется главными задачами, стоящими перед исторической наукой. Со всей очевидностью обнаруживается ныне сближение археографии и архивоведения с источниковедением. В исследовательского типа публикациях текстологическая и археографическая работа непосредственно смыкается с собственно источниковедческим исследованием. Вопросы теории и методики архивоведения также во многом совпадают с проблематикой теории источниковедения. Практически смыкается с источниковедением по приемам исследования, по задачам и архивоведческая работа (экспертиза ценности документов, классификация архивных документов, история архивного дела) [27].

В 1971—1975 гг. проведена значительная работа по подготовке изданий исторических источников по важнейшим проблемам истории советского общества. Огромную ценность представляют: новое, 10-томное издание «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», снабженное справочным томом с целой системой указателей, стенографические отчеты и протоколы партийных съездов и конференций, тома переписки Секретариата ЦК с местными партийными организациями. За последние годы опубликованы тома, освещающие период с января по май 1919 года. Изданы серии документов и материалов об установлении Советской власти на местах, декретов Советской власти, об образовании СССР, индустриализации СССР (освещаются 1933—1941 гг.) и коллективизации сельского хозяйства, культурном строительстве, о связях народов СССР с народами стран социалистического содружества, по истории Великой Отечественной войны [28].

---

[25] Подробнее см. Ю. И. Игрицкий, Г. З. Иоффе. Против буржуазной фальсификации трудов В. И. Ленина. «Вопросы истории КПСС», 1973, № 9.

[26] В. А. Порицкий. Против фальсификации аграрной программы большевиков и ленинского декрета «О земле». «Вестник» Московского университета, история, 1971, № 2; его же. Ленинский Декрет о земле и его буржуазные критики. М. 1975; Г. М. Иванов. Указ. соч.; Н. Д. Рогалина. Классовая дифференциация крестьянства в советской доколхозной деревне в современной буржуазной англо-американской историографии. «Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории». М. 1974.

[27] С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 341.

[28] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Сборник документов. Тт. 6—7. М. 1971—1972 гг.; «Декреты Советской власти». Тт. V—VII. М. 1971—1975 гг.; «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.». М. 1971;

Осуществление Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, вызвало заметное расширение публикации документов по проблемам внешней политики Советского Союза [29].

Широкое издание документов, связанных с решением национального вопроса и развитием национальных отношений в условиях социализма, было стимулировано празднованием 50-летия образования СССР [30]. Сборники документов дают представление об основных направлениях проведения ленинской национальной политики, о значении образования СССР для строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

XXV съезд КПСС нацелил общественные науки на глубокое и всестороннее изучение теории и практики развитого социалистического общества. Решение этой задачи в немалой степени зависит от ускоренного формирования источниковой базы изучения истории развитого социализма. Для создания летописи строительства коммунистического общества также необходимо расширение публикаторской деятельности.

Важное значение имеет работа по изданию исторических источников досоветского периода, которая продолжалась в нескольких направлениях. Прежде всего это очередные тома таких серийных публикаций, как «Полное собрание русских летописей» [31], «Письма и бумаги Петра Великого»[32], «Восстание декабристов»[33], «Внешняя политика России XIX и начала XX в.» [34], документы по истории революционного движения в России начала XX в. и др. Началось издание серии актовых источников по истории России XVI — начала XVII в. [35], идет подготовка многотомной публикации правовых и нарративных источников по истории народов СССР, хранящихся в нашей стране и за рубежом [36].

«Индустриализация СССР. 1938—1941 гг.». М. 1973; «В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы». «Литературное наследство». Т. 80. М. 1971; «Из истории кино». Материалы и документы. Вып. 8. М. 1971; «Советский театр». Документы и материалы. 1917—1967 Т. 2. Л. 1972; «Театр народов СССР. 1917—1921 гг.». Л. 1972; «Калмыцкий театр (1927—1967)». Материалы и документы. Элиста. 1972; «Борьба за Советскую власть в Северной Осетии». Сборник документов. Орджоникидзе. 1972; «Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии». Сборник документов. Элиста. 1973; «Ассоциация художников революционной России. АХРР». Сборник воспоминаний, статей, документов. М. 1973; «Документы Великой Отечественной войны». «Коммунист», 1975, № 8.

[29] «Документы внешней политики СССР». Тт. XVI—XX. М. 1970—1976; «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938—август 1939 г.)». Документы и материалы. М. 1971; «Тегеран, Ялта, Потсдам». Сборник документов. Изд. 3-е. М. 1971; «Советско-афганские отношения 1919—1969 гг.». Документы и материалы. М. 1971; «Советско-чехословацкие отношения. 1945—1960 гг.». Документы и материалы. М. 1972; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Т. VII. 1939—1943 гг. М. 1973; «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. I. М. 1973, и др.

[30] «Образование Союза Советских Социалистических Республик». М. 1972; «Советское содружество народов (объединительное движение и образование СССР). 1917—1922 гг.». М. 1972; «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР». Изд. 2-е, доп. Киев. 1972; «В братском единении народов СССР (Государственное строительство Советского Казахстана). 1920—1937 гг.». Алма-Ата. 1972; «Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии. 1925—1937 гг.». Фрунзе. 1973, и др.

[31] ПСРЛ. Т. 32. М. 1975 (белорусско-литовские летописи).

[32] «Письма и бумаги Петра Великого». Т. XII, ч. 1. М. 1975.

[33] «Восстание декабристов». Т. XIII. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М. 1975.

[34] «Внешняя политика России XIX и начала XX в.». Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1. Тт. 7—8. М. 1970—1972; сер. 2. Т. 1 (9)—2(10). 1974—1976.

[35] «Акты Русского государства 1505—1526 гг.». М. 1975.

[36] «Корпус древнейших источников по истории народов СССР». М. 1973; «Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны». «История СССР», 1974, № 2; В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбаков. Корпус древнейших источников по истории народов СССР. «Вопросы истории», 1974, № 7.

Помимо этих продолжающихся изданий, можно назвать ряд публикаций отдельных разновидностей источников — Успенского сборника XII—XIII вв. [37], известий иностранцев о России XV в. [38], разрядных книг XVI—XVII вв. [39], актовых источников по социально-экономической истории России XVII в. [40], источников по истории крестьянских войн XVII — XVIII вв. [41], нефтяной промышленности России начала XX в. [42], журналов «Особого совещания» (за 1915 г.) [43]. Кроме того, различные источники публиковались в журналах («Вопросы истории» и др.), сборниках («Археографический ежегодник», «Труды» Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома АН СССР, «Записки» Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и др.). В целом за рассматриваемое время в научный оборот введено большое количество источников, что создает дополнительные возможности для углубления научного исследования различных проблем отечественной истории.

Таким образом, ведется и, несомненно, будет продолжаться большая работа по изданию разнообразных по содержанию и форме источников, характеризующих историю народов нашей страны с древнейших времен до Октябрьской революции. Но и в этой области имеются нерешенные задачи. Так, помимо продолжения подготовки очередных томов «Корпуса древнейших источников», актов, разрядных книг и некоторых других источников по истории России до начала XVII в., необходима подготовка к изданию не опубликованных до сих пор источников за это же время, например, неизданных писцовых, обыскных и других подобных им книг, посольских книг и документов XVI — начала XVII века. Известно, что изданы они далеко не полностью, а те, что увидели свет в свое время, в значительной степени нуждаются в переиздании ввиду низкого археографического уровня публикаций XIX—начала XX века. Уместно также осуществить изучение археографических приемов издания источников в течение XVIII—XX вв., их унификацию применительно к памятникам определенных эпох, разновидностей и т. д. Так, летописные тексты в списках до конца XV в. нужно издавать по одним, более сложным правилам; по спискам же XVI — XVII вв. и более позднего времени — по другим, упрощенным [44]. То же можно сказать о ряде других источников. Вероятно, следует предусмотреть подготовку обобщающих исследований по археографии применительно к источниковедению отечественной истории.

По-прежнему важной задачей остается подготовка описаний рукописей, например, включающих летописные тексты. Большая работа, проделанная в этой области А. Н. Насоновым, М. Н. Тихомировым, В. И. Малышевым и др., должна быть продолжена. Известно, что списки подобных рукописей (в частности, с текстами летописей, хронографов, в том числе в составе рукописных сборников смешанного

---

[37] «Успенский сборник XII—XIII вв.». М. 1971.

[38] «Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в.». Л. 1971, и др.

[39] «Разрядная книга 1559—1604 гг.». М. 1974; «Разрядные книги 1598—1638 гг.». М. 1974; «Разрядная книга 1550—1636 гг.». Вып. 1. М. 1975.

[40] «Материалы по истории Европейского Севера СССР». «Северный археографический сборник». Вып. I—III. Вологда. 1970—1973; П. А. Колесников. Северная Русь. Архивные источники по истории крестьянского и сельского хозяйства XVII в. Чч. 1—2. Вологда. 1971—1973, и др.

[41] «Крестьянская война 1773—1775 гг.». Документы из собрания Государственного исторического музея. М. 1973; «Иностранные известия о восстании Степана Разина». Л. 1975. «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии». Уфа. 1975, и др.

[42] «Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917». Документы и материалы. Л. 1973.

[43] «Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г.». М. 1975.

[44] См. В. И. Буганов. Об издании русских летописей. «Археографический ежегодник за 1971 г.». М. 1972.

содержания) разбросаны по многим центральным и местным архивам, музеям, библиотекам нашей страны, находятся у частных владельцев; все это требует дальнейшей работы по поиску, учету, описанию рукописей, являющихся ценнейшим национальным достоянием советского народа. Создание сводного каталога рукописей, содержащих летописные и хронологические тексты,— одна из задач отечественного источниковедения. Ее выполнение подведет прочную базу под планирование дальнейшей публикации ПСРЛ.

В последние годы стали появляться первые работы, обобщающие накопленный историками опыт в области источниковедения истории советского общества [45]. Имеется немало работ по истории изучения отдельных разновидностей источников (летописей, некоторых грамот и других актов, законодательных памятников, публицистики и т. д.), источниковедческой методике отдельных ученых XVIII—XX вв. [46], историографии источниковедения в определенные периоды его развития и др. Немаловажное значение имеют труды выдающихся советских ученых, рассказывающих о своем опыте работы с историческими источниками (Н. М. Дружинин и др.) [47]. Весь этот богатый историографический материал по истории отечественного источниковедения требует обобщения. Историография источниковедения важна для усовершенствования источниковедческой методики, определения перспектив разработки теории и практики источниковедения.

Выполнение всех этих задач потребует в наступившей и будущих пятилетках концентрации усилий большого коллектива специалистов, работающих во многих научных центрах СССР, в первую очередь — Институте истории СССР АН СССР, его Ленинградском отделении, институтах академий наук союзных республик и их филиалов, на соответствующих кафедрах университетов, пединститутов, а также работников архивов, музеев, библиотек. В объединении научных сил, координации работы большую роль будут играть различные издания по источниковедению и специальным историческим дисциплинам — такие сборники, как «Источниковедение истории советского общества», «Источниковедение отечественной истории», «Летописи и хроники», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Археографический ежегодник», «Труды» Отдела древнерусской литературы, а также региональные сборники по археографии и источниковедению, статьи и разделы по источниковедению в журналах «Вопросы истории», «История СССР», «Советские архивы» и др.

Важное значение в предстоящей работе по-прежнему будет принадлежать конференциям по общим и конкретным проблемам источниковедения и специальных исторических дисциплин. Они могут быть посвящены и отдельным дисциплинам или даже видам источников, теоретическим проблемам (методология, теория и методика, методы анализа источников в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, историческая действительность — исторический источник — историческое исследование и др.). Возможны совещания не только всесоюзного, но и регионального характера (например, по источниковедению истории отдельных республик, регионов — Европейской России, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и Казахстана, Сибири, Дальнего Востока и др.).

---

[45] О. М. Медушевская. Новая советская литература по источниковедению. «Вопросы истории», 1973, № 9; В. С. Лельчук. Статистические источники по истории индустриализации СССР и их использование в литературе 20—30-х гг. «Источниковедение отечественной истории». Вып. 1; В. В. Журавлев. Некоторые вопросы конкретного источниковедения истории советского общества в литературе 50—70-х годов (историографический обзор). «Источниковедение отечественной истории». М. 1976.

[46] М. В. Нечкина. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. 1974.

[47] Н. М. Дружинин. К вопросу о подборе и обработке исторических источников. «Источниковедение отечественной истории». Вып. 1, и др.

Историки, выполняя указания партии, добились в период между XXIV и XXV съездами определенных успехов. Источниковедческие исследования, подготовленные за эти годы, составляют весомый вклад в советскую историческую науку. Возрос интерес к проблемам теории и методики источниковедения, глубже стали изучаться марксистско-ленинская методология и методика работы с источниками, проблемы соотношения между методологией и методикой, классификации источников; расширилась тематика источниковедческих исследований как в хронологическом, так и в проблемном отношении; подвергнуты анализу самые различные группы, виды и разновидности источников, и прежде всего эпохи социализма. Дальнейшее развертывание источниковедческих исследований отвечает задачам, поставленным XXV съездом КПСС перед обществоведами.

НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА НА УРАЛЕ

С. И. Сметанин

Характерная для России форма мануфактуры с крепостным трудом получила наиболее законченное развитие на Урале. Поэтому и особенности формирования капитализма в промышленности крепостной России проявлялись на Урале наиболее глубоко и всесторонне. Однако именно тот период, когда в горнозаводской промышленности интенсивно разрушались феодально-крепостнические и складывались капиталистические отношения, когда противоречия феодально-крепостнической системы достигли наибольшей остроты (последние десятилетия перед ликвидацией крепостного права), почти не охвачен монографическими исследованиями. В работах по истории производства освещаются XVII, XVIII и некоторые события начала XIX века [1]. В фундаментальном труде С. Г. Струмилина проблемам первой половины XIX в. посвящены лишь две из 15 глав второго раздела [2]. Статьи же, в основном дискуссионные, не могут раскрыть всю глубину проблем этого переходного периода.

Непосредственно к вопросам промышленного переворота и нарастания капиталистических явлений в горнозаводской промышленности Урала обращались С. Г. Струмилин, В. К. Яцунский, Ф. С. Горовой, В. Я. Кривоногов и др. В качестве основного (и практически единственного) критерия промышленного переворота в их трудах выдвигается развитие техники и технологии, в особенности внедрение более прогрессивного способа производства железа — пудлингования и рост применения паровых двигателей [3]. Как доказательство нарастания капиталистических явлений на металлургических предприятиях рассматривается увеличение использования наемного труда [4]. Именно этим двум процессам в истории горнозаводского Урала предреформенных десятилетий и уделено в историографии наибольшее внимание.

Однако исследователи еще не обращались к экономическому анализу производства — не рассматривали состав и динамику производственных затрат, изменения в соотношении цен и себестоимости продукции, прибыли заводчиков. Между тем именно такой анализ позволит

---

[1] П. Г. Любомиров. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности России (XVII, XVIII и нач XIX в.). Л. 1937; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII — XIX вв. Т. 1, М.-Л. 1949, и др.

[2] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. М. 1967.

[3] С. Г. Струмилин. Указ. соч., гл. 19; В. К. Яцунский. Первые шаги промышленного переворота на Урале. «Социально-экономическая история России XVIII — XIX вв.». М. 1973; В. Я. Кривоногов. Внедрение фабричной техники в горнозаводской промышленности Урала в XIX в. «Вопросы народного хозяйства СССР». М. 1962.

[4] С. Г. Струмилин. Указ. соч., гл. 18; Ф. С. Горовой. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь. 1961; В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период. «Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время». Свердловск. 1964, и др.

с научной достоверностью выявить экономическую эффективность внедрения новой техники и технологии, применения наемного труда, определить соотношение феодального и капиталистического в социально-экономической природе производства. Правда, в некоторых работах прослеживалось, как менялись отдельные статьи производственных затрат при внедрении пудлингования, но не выявлялись изменения в себестоимости готового продукта [5]. В настоящей статье предпринята попытка, не останавливаясь на технической стороне промышленного переворота и методах эксплуатации труда, дать экономический анализ изменений в горнозаводской промышленности накануне ликвидации крепостного права, выявить экономическое содержание начала промышленного переворота на Урале.

Источниками для экономического анализа производства являются отчетные документы горных заводов, составленные по правилам бухгалтерского учета. В курсах источниковедения данный род источников не упоминается, исследователи их не использовали. Остальные документы обычно не содержат сведений об экономике производства. В разного рода ведомостях о горных заводах, регулярно составлявшихся государственными органами, не упоминается о составе производственных затрат, о размере капитала, а тем более о прибыли заводовладельцев. Единственное известное нам исключение из этого правила — материалы специальной правительственной комиссии 50-х годов XIX в. изучены В. К. Яцунским [6]. Однако комиссия получила от заводчиков не особенно надежные и не полностью сопоставимые сведения. Как отмечал В. К. Яцунский, заводчики включали в состав основного капитала предприятий не только «господские дома», «оранжереи», но подчас и стоимость земельных владений и крепостных душ. Разнообразными способами вычисляли заводоуправления и размер оборотного капитала. В хозяйственных описаниях и статистических работах современников сведения об экономике производства обычно отсутствуют. Лишь в труде Х. Мозеля имеются экономические данные по некоторым заводам, но они весьма разнородны, несопоставимы, а в некоторых случаях даже абсурдны [7]. Случайные экономические материалы, опубликованные в обобщающих источниках, непригодны для экономического анализа уже по той причине, что обработка первичных данных (а следовательно, их интерпретация) производилась, конечно, не в соответствии с принципами научной политэкономии.

Ценность заводских материалов для исследователя определяется тем, что эти первичные документы отражают все стороны хозяйственной жизни предприятий, причем в систематизированной форме, оптимальной для экономического анализа,— в денежном выражении. К. Маркс отмечал, что бухгалтерский учет — «средство контроля и мысленного обобщения» процесса производства товаров, что в бухгалтерии «денежное выражение капитала выступает лишь как цена элементов производства» [8]. Надежность отчетных документов определяется тем, что они сами были инструментом управления производством, «средством контроля». Из отчетности горных заводов Урала крепостного периода наиболее важными являются следующие основные виды документов: годовые отчеты заводских контор и правлений заводских округов, где в систематизированном виде даются все материальные и денежные производственные расходы, фиксируются переходящие остатки

[5] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 336—337; В. Я. Кривоногов. Из истории Камско-Воткинского завода. «Из истории заводов и фабрик Урала». Вып. 1. Свердловск. 1960, стр. 56.

[6] В. К. Яцунский. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии в России в 50-х годах XIX в. «Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв.».

[7] Х. Мозель. Пермская губерния Ч. 2. «Материалы для географии и статистики России». Т. 18. СПБ. 1862, стр. 228—229, 274, 313.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 24, стр. 153, 70.

и доходы; ценовые ведомости, в которых рассчитаны «заводские цены» изделий, то есть производственные затраты на единицу продукции; караванные ведомости и счета караванов, которые содержат подробные расчеты расходов на доставку продукции к местам сбыта; ведомости о продаже металлов.

Однако нужно учитывать, что итоговые данные отчетов и ценовых ведомостей далеко не всегда соответствуют категориям марксистской политэкономии. Например, в состав производственных затрат включаются налоги, которые в действительности являлись частью прибыли, а «владельческий доход» или оброк с заводских крестьян оказываются в одних счетах с элементами оборотного капитала. В годовой отчет завода иногда попадает часть доходов и расходов по имению заводовладельца — по той части имения, которая подчинена заводской конторе. Все это требует внесения поправок в расчеты заводских бухгалтеров, исключения из итоговых сумм одних статей и введения других.

Для определения органического состава капитала исследователю необходимо выделить затраты на оплату труда. Но при этом следует учитывать, что денежная плата крепостным рабочим составляла лишь часть этих затрат. Сюда же нужно включать и стоимость бесплатно выдаваемого провианта и казенные подати с земскими платежами, которые завод платил за крепостных (при наемном труде рабочие платили бы их сами), содержание больницы, школы и т. п. Так, по отчету Очерского завода за 1860 г. из 323 186 руб. годовых расходов 173 306 руб. (53,7%) составили затраты на содержание рабочей силы. Из этой суммы только 45,4% было выдано в качестве денежной заработной платы, 5,2% составил бесплатный провиант, 38,5% — казенные подати и земские повинности, а 10,9% вошли в «расходы по управлению» (пенсии, содержание училища и больницы и т. п.) [9].

Еще один пример того, как крепостнические элементы организации производства отражались в отчетных документах,— «владельческий доход». В 50-х годах XIX в. администрация заводов Строгановых стала включать под этим названием в состав «заводской цены» изделий ту феодальную ренту, которую получил бы владелец с крепостных рабочих, если бы они не работали на заводе. Такой неполученный доход по расчетам администрации равнялся от 5 до 7 руб. с занятого в производстве крепостного. Основная часть этих начислений приходилась на самые трудоемкие операции по заготовке угля, дров, руды. Например, на Кыновском заводе в 1859 г. они составили 20% расчетной «заводской цены» железной руды, на Добрянском заводе в 1860 г.— 45% «заводской цены» угля и 60% — дощатых дров [10]. Естественно, что следует признать неосновательными расчеты администрации получать две формы прибавочного продукта с одного эксплуатируемого и, следовательно, сократить себестоимость продукции до уровня действительных затрат. Таким образом, сами трудности использования отчетных документов отражают двойственную природу крепостной горнозаводской промышленности.

Если к началу 40-х годов XIX в. выпуск черных металлов на частных заводах Урала лишь на 20% превышал уровень начала столетия, то в 40-е и особенно в 50-е годы того же века кривая производства круто поднимается, чтобы превзойти вдвое этот исходный уровень (в первом десятилетии XIX в. среднегодовая продукция частных заводов составляла 4240 тыс. пуд., в 30-х годах — 5060 тыс., в 1851—1858 гг.—

[9] ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 2214.
[10] Там же, дд. 2108, 2214, 2292.

7550 тыс., в 1859—1860 гг.—9023 тыс. пуд.) [11]. У Демидовых только за 50-е годы XIX в. производство черных металлов возросло вдвое. На Билимбаевских заводах Строгановых рост за 40-е годы XIX века составил лишь 15%, за 50-е годы — 50%, а по сравнению с уровнем начала столетия к 1860 г. выпуск металла увеличился в 4,5 раза. Чермозские заводы к 1860 г. повысили производство на 94% по сравнению с началом столетия, причем почти весь прирост приходился на последние 20 лет [12].

Этот скачок на первый взгляд подтверждает, что в 40-е — 50-е годы XIX в. в горнозаводской промышленности Урала происходит промышленный переворот. Как известно, обязательное экономическое проявление его — резкое падение стоимости и цены продукции, что обеспечивает расширение сбыта и бурный рост производства. Именно в снижении производственных затрат на единицу продукции весь смысл перехода от мануфактуры к фабрике для капиталиста. Но в 40-е — 50-е годы XIX в. цены на железо не понижались. Если в начале XIX в. пуд полосового железа стоил на Нижегородской ярмарке в среднем 1 руб. 20 коп., а с конца 30-х до середины 50-х годов XIX в.— 1 руб. 5 коп.— 1 руб. 10 коп., то в 1858—1860 гг. его цена поднялась даже до 1 руб. 35 коп. [13]. На некоторые сорта железа (например, на листовое кровельное) она повысилась в значительно большей степени. Такое одновременное увеличение производства и цен может означать только одно — резкое увеличение спроса, опережающее развитие спроса над предложением. Действительно, внутренний рынок сбыта железа в России в эти годы расширялся ускоренно в связи со значительным ростом обрабатывающей промышленности, рождением новых предприятий. Не промышленный переворот, понизив цены на металл, вызвал резкое увеличение его выплавки, а развитие капитализма в других отраслях повлекло за собой повышение цен и, как следствие,— резкое увеличение производства. Более того, себестоимость железа в это время растет в той же пропорции, что и цена его, а это экономически не соответствует процессу переворота (см. таблицу 1).

Началом промышленного переворота на горных заводах Урала принято считать переход от кричного способа производства железа к пудлингованию. Факты, выявленные исследователями, неопровержимо свидетельствуют, что этот переход в 40-е — 50-е годы XIX в. действительно совершался. Известно, что в Англии внедрение пудлингования явилось главным актом промышленного переворота в металлургии. Но нужно

---

[11] И. Герман. Описание заводов, под ведомством екатеринбургского горного начальства состоящих. Екатеринбург. 1808; «Обозрение горного и соляного промысла в России за 1835 г.». «Журнал министерства внутренних дел», 1836, № 9; «Извлечение из отчета министра финансов за 1836 г.». «Горный журнал», 1837, ч. IV; К. В. Чевкин, А. Д. Озерский. Обзор горной производительности России. «Сборник статистических сведений о России». Кн. I. СПБ. 1851, приложение; А. И. Макшеев. Пермская губерния. «Военно-статистическое обозрение Российской империи». Т. 14, ч. I. СПБ. 1852, стр. 142, ведомость № 17; Ю. А. Гагемейстер. О состоянии железного промысла в России. «Экономический указатель», 1857, вып. 8, стр. 184; А. П. Кеппен. Горная и соляная промышленность. «Историко-статистический обзор промышленности России». Т. I. СПБ. 1883; ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 3, дд. 563, 576, 693, 843, 947, 987, 1033; В К. Яцунский. Материалы по истории уральской металлургии в первой половине XIX в. «Исторический архив». Т. IX. М. 1953; И. Ф. Ушаков. К вопросу о развитии черной металлургии Урала в первой четверти XIX в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 3, стр. 70.

[12] Кроме источников, указанных выше, см.: по Нижнетагильским заводам: ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1338, лл. 12 об.— 13; д. 1614, лл. 5—15; по Билимбаевским заводам: ЦГАДА, ф. 1273, оп. 2, д. 1281, лл. 1—4; по Чермозским заводам: Т. А. Чернявская. Статистика производства металлургических заводов Лазаревых. «Вопросы истории Урала». Сборник 8. Свердловск. 1969.

[13] ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, д. 203, л. 132; ф. 1278, оп. 1, д. 228, лл. 26 об.—27; д. 944, л 46; д. 1079, лл 1 об.—4; д. 1086, лл. 71—72; д. 1154, лл. 22—25; д. 2551, л. 2 об.; С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 352.

Таблица 1

Себестоимость пуда полосового железа *
(в копейках)

	1830-е годы	1840-е годы	1851—1857 гг	1858—1860 гг.
Средняя по нескольким частным округам	54,2	65	65,5	98
Нижнетагильский округ Демидовых	51	74	77	80
Билимбаевский округ Строгановых	50,5	64	-	96,5
Чермозский округ Лазаревых	45	-	62	112
Казенные заводы	56	57	62	87

* По заводам Демидовых: ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 893, лл. 50—58; д. 1803, лл. 22—23; по заводам Строгановых: ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, дд. 1075, 1084, 1287, 2098, 2107, 2108, 2204, 2214, 2292, по заводам Лазаревых: Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 280, оп. 1, д. 417, лл. 183—185, 340—355, 406—414; д. 833, лл. 181—183; по казенным заводам: ГАПО, ф. 280, оп. 1, д 730, л 32 об; «Горный журнал», 1845, № 3, стр. 411—412; «Штаты казенных заводов Урала, 1847 г.», отд. 2, ПСЗ. Т. XXII. СПБ. 1848, № 21203; С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 336, 349; по прочим заводам: ЦГАДА, ф 1263, оп. 10, д 1270, лл. 11—14 об., д. 1566, д 1631, лл. 25—38 об.; ф. 1288, оп. 1, д. 204, л. 51; Х. Мозель. Указ. соч., Ч. 2, стр. 162—331.

учитывать, что там он означал также отказ от дефицитного древесного угля в пользу каменного, что обеспечивало значительное сокращение производственных затрат; в Англии процесс начался заменой и в доменной операции древесного угля каменноугольным коксом. Уральские же заводы в то время каменным углем не пользовались, к тому же в условиях Урала с «владельческим правом» заводчиков такой переход и не обеспечивал резкого сокращения производственных затрат.

Чтобы уточнить причины роста производственных затрат заводов Урала, необходимо проанализировать изменения структуры этих затрат. Для выявления экономии от перехода к пудлингованию иногда сопоставляют цеховые расходы на пуд железа при кричном производстве и собственно операции пудлингования. Но это неправомерно. Кричный способ давал готовое к продаже полосовое железо, болванку для дальнейшей обработки, а также некоторые сорта на продажу. Пудлингование же давало лишь пудлинговые колобки или куски. Чтобы превратить их в полосовое железо, болванку или сорта, их снова нагревали и обрабатывали — иногда в тех же крично-молотовых фабриках. При этой операции на единицу продукции дополнительно расходовалась заработная плата, горючее, а часть металла уходила в «угар». Поэтому правильней сравнивать затраты на получение одного и того же сорта железа.

Как известно, вначале пудлинговое железо вообще обходилось дороже кричного [14]; С. Г. Струмилин подчеркивал, что переход к пудлингованию обеспечивал увеличение количества продукции («массовое производство») даже при возрастании себестоимости, потому что развивался рыночный спрос.

В дальнейшем полосовое пудлинговое железо, как видно из таблицы 2, обходится дешевле кричного. Экономия достигается за счет сокращения затрат на топливо и заработную плату цеховым рабочим. Однако при переделе в сорта пудлинговое железо (по крайней мере в некоторых случаях) оказывается по-прежнему дороже кричного. Расход на топливо и зарплату и при выделке сортового железа остается ниже, нежели при кричном способе, но увеличиваются другие статьи расходов. Технология обработки пудлингового железа на старых заводах Урала

[14] С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 336 В. Я. Кривоногов. Из истории Камско-Воткинского завода, стр. 56.

Таблица 2

Затраты на 100 пуд. железа *

Завод и год	Сорт	Цеховые затраты руб. коп.	В том числе: чугун руб. коп.	уголь, дрова руб. коп	прочие материалы, руб. коп	заработная плата, руб. коп.	Общая сумма затрат**, руб. коп.
Чермозский, 1853	полосовое кричное	52.00	37.67	4.20	3.70	6.43	63 67
	полосовое пудлинговое . .	40.85	33.45	1.17	3.65	2.58	53.60
Н. Тагильский 1853	полосовое кричное	35 00		28 05		6 95	
	полосовое пудлинговое . .	32 10		29 77		2.33	
	сортовое кричное	35 60		28 08		7.52	
	сортовое пудлинговое . .	84 25		74·15		10.10	
Добрянский 1860	сортовое кричное	78 88	60 30	5 24	5·43	7 91	97.30
	сортовое пудлинговое . .	98 98	80 55	5 86	7·05	5.52	121.67

* ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 883, лл. 181—183; ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1614, лл. 6—14; ф. 1278, оп. 2, д. 2108, лл. 7—50.

** Разницу между цеховыми затратами и общей суммой затрат составляют расходы на содержание вспомогательных «фабрик», администрации и прочие накладные расходы.

была значительно сложнее кричного. Даже для получения болванки нужно было это железо последовательно ковать, варить в газосварочной печи, пропускать через валки [15], а при выделке сортов число операций умножалось. В условиях организации производства в горных округах того времени в процессе обработки железо надо было несколько раз перевозить с завода на завод (например, у Демидовых) [16]. Некоторые сорта (резное и шинное) из пудлингового железа не получались [17].

Усложнение обработки пудлингового железа по сравнению с кричным было следствием незавершенности перехода заводов на новую технику. Были построены пудлинговые фабрики, позволившие получать большую массу железа, но заводские округа в целом, и особенно передельные цеха, пока еще были рассчитаны на обработку кричного железа.

Итак, переход к пудлингованию в большинстве случаев сокращал расход на заработную плату рабочим железоделательных цехов. Правда, пока это не всегда достигалось при производстве сортового железа. Несколько иная картина изменений этого показателя прослеживается по железоделательному производству в целом (включая кричные и пудлинговые цеха) в среднем по нескольким округам. Так, если в 30-е годы XIX в. оплата труда цеховых рабочих в составе затрат на 100 пудов полосового железа равнялась 3 руб. 44 коп., то в 40-е годы XIX в.— 5 руб. 22 коп., а в 1860 г.— 6 руб. 40 копейкам. Однако доля этой платы в составе всех затрат сократилась с 9,6% в 40-х годах XIX в. до 6,5% в 1860 году [18]. Частичный переход к пудлингованию не сократил

[15] Тучемский. Описание Лысьвинского завода в техническом и хозяйственном отношении. «Горный журнал», 1855, ч. III, кн. 7.

[16] ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8, д. 1614, лл. 6—14.

[17] Т. А. Чернявская. Производственно-техническое состояние заводов Лазаревых в крепостной период. «Ученые записки» Уральского университета, Свердловск. 1967, № 42, серия историческая, вып. 2, стр. 186.

[18] Заводы Голицыных: ЦГАДА, ф. 1263, оп. 10, дд. 1488, 1517, 1566, 1631, 1646, 1660; заводы Строгановых: ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 946, лл.337—444, 528—530; дд. 1084, 2098, лл. 196—199; д. 2108, лл. 7—51; д. 2204, лл. 206—210; д. 2214, лл. 123—125; д. 2292, лл. 55 об.— 56; заводы Лазаревых: ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 417, лл. 183—185, 230—232, 340—355, 406—414; д. 883, лл. 181—183; Нижнетагильские заводы Демидовых. ЦГАДА, ф. 1267, оп. 8., д. 1614, лл. 6—14; В. К. Яцунский. Капиталы и доходы с предприятий черной металлургии в России в 50-х годах XIX в. стр. 185; за-

расходов на оплату труда рабочих железоделательных цехов, но удельный вес этой статьи затрат уменьшился, то есть эти расходы не увеличились в такой степени, как другие.

По отдельным округам общее направление изменений аналогично. По Чермозскому округу Лазаревых расход на заработную плату рабочим железоделательных цехов в расчете на 100 пуд. железа увеличился с 4 руб. 20 коп. (10,1% суммы затрат) в 30-е годы XIX в. до 4 руб. 97 коп. (8,4%) в 50-е годы XIX в., по Билимбаевскому округу Строгановых — с 4 руб. 46 коп. (8,5%) в 30-е годы XIX в. до 6 руб. 34 коп. (6,55%) в 1860 году. Между тем в Чермозском округе применение пудлингования уже заканчивалось [19].

Привлекает внимание и другое обстоятельство: расходы на оплату труда в составе затрат на 100 пудов полосового железа сократились с 6 руб. 20 коп. сер. (22,9%) в 1800—1810 гг. до 3 руб. 44 коп. сер. (8,8%) в 1831—1840 гг., то есть и абсолютно и относительно. Между тем революционных сдвигов в технике и технологии за это время не происходило. Производительность труда в железоделательных цехах, по нашим расчетам, и за первую половину XIX в. повысилась на 15% (с 23,6 до 20,1 человеко-дня на 100 пуд. железа). В 50-х годах XIX в. она возросла, конечно, значительней — на 33% по железоделательным цехам вообще и на 66% при переходе к пудлингованию (с 19,7 до 13,2 и 6,7 человеко-дней соответственно) [20]. Следовательно, переход к пудлингованию значительно сократил затраты труда в собственно железоделательных цехах, но это не обеспечило заметного уменьшения оплаты труда в расчете на единицу готовой продукции.

Вторая статья сокращения расходов при переходе к пудлингованию — затраты на топливо. Действительно, на Билимбаевских заводах тратилось угля на производство 100 пудов железа (включая и пудлинговое): в 20-е годы XIX в.— 17,4 короба, в 30-е годы — 18,5 кор., в 40-е годы —19,5 кор., в 1850 г.—15,7 кор., в 1860 г.—8,4 короба. На Нижнетагильских заводах расход угля снижается с 14,9 кор. в 20-е годы XIX в. до 12 кор. в 50-е годы; на Чермозских — с 14,6 кор. в 20-е годы и 12,1 кор. в 30-е годы до 10,3 кор. в 50-е годы XIX века [21]. В отдельных округах такое сокращение обеспечивает некоторый экономический эффект: в железоделательном производстве падают затраты на топливо в расчете на единицу продукции. Так, на Билимбаевских заводах эта статья в расчете на 100 пуд. железа сокращается с 5 руб. 85 коп. (11,25% всех затрат) в 30-е годы до 5 руб. 30 коп. (5,5%) в 1860 г.; на Чермозских — с 4 руб. 50 коп. (11,4%) в 30-е годы до 3 руб. 66 коп. (6,3%) в 50-е годы XIX века [22]. Удельный вес этих зат-

---

воды Всеволожских: В. Татаринов. Описание заводов и рудников Н. Всеволожского. «Горный журнал», 1862, ч. II, № 5, стр. 357—360, 363—367; Сергинско-Уфалейские заводы: И. П. Котляревский. По поводу введения вольного труда на заводах. «Горный журнал», 1863, ч. 1, стр. 545—548; казенные: ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 2729, лл. 349—351; «Штаты казенных заводов Урала, 1847 г.», отд. 2, стр. 170—171, 175—176, 188—189.

[19] Т. А. Чернявская. Производственно-техническое состояние заводов Лазаревых в крепостной период, стр. 183—186.

[20] Там же, стр. 185, 188; И. Герман. Указ. соч.; П. Е. Томилов. Описание заводов хребта Уральского. «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.». Свердловск. 1956; Х. Мозель. Указ. соч. Ч. 2. стр. 543—573; «Штаты казенных заводов Урала, 1847 г.», отд. 2, стр. 170—171, 175—176, 188—189; П. П. Аносов. Собрание сочинений. М. 1954, стр. 56—59; Иосса. Отчеты о действии казенных заводов в 1855 г. «Горный журнал», 1857, ч. 1, стр. 55—60, 399—400; И. П. Котляревский. Указ. соч., стр. 545; Тучемский. Указ. соч., стр. 100—150; И. Удинцев. Ирбитский завод. «Пермские губернские ведомости», 1862, № 27; ГАПО, ф. 37, оп. 5, д. 126, л. 10 об.; ф. 280, оп. 1, д. 626, л. 28; ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 1295, л. 229; ф. 1267, оп. 8. д. 1614, лл. 6—8.

[21] См. источники, указанные в сноске 18.

[22] См. там же.

рат, таким образом, уменьшается вдвое, а абсолютная величина — на 10—20%.

Снижение расходов на топливо в железоделательной операции тормозится ростом себестоимости топлива. Затраты на заготовки угля, руды и других припасов в последние десятилетия перед ликвидацией крепостного права резко возрастают и абсолютно и относительно. Расходы на уголь и руду с 30-х годов XIX в. по 1860 г. увеличиваются приблизительно вдвое, то есть в большей степени, чем выросла себестоимость железа. Если в 30-е годы XIX в. затраты на заготовку угля, руды и других припасов составляли в среднем около 36% от стоимости чугуна, то в 50-е годы XIX в.— 57%, то есть больше половины всех затрат на чугун.

Таблица 3

Затраты на заготовку угля и руды *

	30-е гг. руб. коп.	40-е гг. руб. коп.	50-е гг. руб. коп.	В том числе 1858—1860 годы руб коп.
На 100 пудов железной руды				
В среднем по нескольким округам	2.00	1.65	3.27	3 96
По Билимбаевскому	4.15	2.40	2.90	3 18
По Чермозскому	2.71	-	2.09	-
По Гороблагодатскому	1.25	1.28	2.47	2.82
на 1 короб угля				
В среднем по нескольким округам	39	57	79	93
По Билимбаевскому	28	33	56	61
По Нижнетагильскому	68	76	71	86
По Чермозскому	26.4	-	42	-
По Гороблагодатскому	-	62	88.5	1.32

* Билимбаевский округ: ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 946, лл. 229—231; д. 1084, лл. 6 об.— 7 об.; д. 1282, лл. 185—188; д. 1294, лл. 10—11; д. 1314; д. 1952, лл. 11—12, 96; д. 1961, лл. 20—26, 82—84; д. 2098, лл. 15—16; д. 2107, лл. 64—68; д. 2108, лл. 1—5; д. 2204, лл. 20—21, 205; д. 2292, лл. 13—15, 48—51; д. 2293, лл. 21—23, 45—48; д. 2339, лл. 84—88, 100—101. Чермозский округ: ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 417, лл. 177—179, 207—219, 338—339, 405; д. 764, л. 61; д. 883, лл. 158—162. Нижнетагильский округ: ЦГАДА; ф. 1267, оп. 8, д. 1614, лл. 5—5 об.; д. 1803, л. 1; д. 1857, л. 82 об.; В. К. Яцунский. «Капиталы и доходы предприятий черной металлургии в России в 50-х годах XIX в., стр. 183—184; Архангело-Пашийский округ: ЦГАДА, ф. 1263, оп. 10, д. 1566, 1631; д. 1715, лл. 2—6; д. 1763; Гороблагодатский округ: «Штаты казенных заводов Урала, 1847 г.», отд. 2; С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 349; «Описание Гороблагодатских заводов». «Горный журнал», 1839, ч. 1, кн. 3, стр. 372—387; ч. II, кн. 6, стр. 450; прочие округа; Х. Мозель. Указ. соч. Ч. 2; Тучемский. Указ. соч., стр. 40—57; И. П. Котляревский. Указ. соч., стр. 543—544; И. Савинов. Статистический очерк Вятского края. «Вестник Русского географического общества», 1860, ч. 29, стр. 12; Я. Ханыков. Обзор рудного производства частных Оренбургских заводов 1838 г. «Материалы для статистики Российской империи». СПБ. 1841, стр. 92; В. Татаринов. Указ. соч., стр. 350—352.

Повышение затрат на заготовки, очевидно, было в какой-то степени связано с массовым переходом от крепостного к наемному труду на вспомогательных работах, осуществлявшимся в 50-е годы XIX века. Фактическая сторона этого процесса достаточно освещена в литературе [23]. Непосредственной причиной его послужило увеличение потребности в рабочей силе в связи с расширением производства, которое, в свою очередь, было вызвано возрастанием спроса на металл и ростом цен. Потребность в рабочей силе не только расширяла масштабы найма, но и приводила к повышению оплаты труда «обязательных» рабочих [24]. Чтобы добиться увеличения производительности труда, вспомогатель-

[23] См. Ф. С. Горовой. Указ. соч.; В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнодобывающей промышленности.

[24] М. В. Путилова. О переходе предприятий Екатеринбургского горного округа на систему найма рабочей силы. «Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время», стр. 241—242.

ных рабочих переводят на сдельную или даже на «вольную» оплату. Обычным становится подрядный способ заготовок, когда те же заводские крестьяне, оставаясь крепостными, действуют как наемные. Переход от крепостного труда к найму совсем не означал смену контингентов работающих. Заготовками занимались по-прежнему «сельские работники». Менялись только формы их эксплуатации, приближаясь в той или иной степени к найму. Особенно широко практиковался перевод крепостных на оброк с последующим наймом их для выполнения заводских работ, чаще всего через подряды. Безвозмездный или почти безвозмездный барщинный труд теперь уже не применяется.

Естественно, заготовки с помощью подрядов и найма стоили дороже, чем «по окладу». Так, в 1818 г. на Златоустовском заводе 100 пуд. руды «по окладу» обходились в 83 коп., а при вольной поставке — 1 руб. 12 коп. серебром. Короб угля, приготовленного на этом заводе по окладу, стоил 19 коп., а «вольным» способом — 65 коп. серебром [25].

В 1850 г. на Билимбаевских заводах было получено «господским коштом» 384,9 тыс. пуд. руды, а «вольной поставкой» — 442,5 тыс. пуд.; 100 пуд. руды «господской» обошлись в 2 руб. 99 коп., а «вольной» — в 2 руб. 78,6 копейки. В 1860 г. «господским коштом» было заготовлено 288,3 тыс. пуд. руды, а подрядами — 645, 6 тыс. пуд. 100 пуд. руды соответственно стоили 2 руб. 84 коп. и 3 руб. 54,6 копейки. Кыновскому заводу в 1859 г. руда «вольной поставки» обошлась в 4 руб. 32 коп., а своей заготовки — в 3 рубля 57 копеек [26]. Однако администрация этого завода при полном переходе к наемному труду после ликвидации крепостного права нашла, что реальная плата на вспомогательных работах не увеличилась вообще [27]. На Сергинско-Уфалейских заводах после реформы плата наемным лицам за короб угля с доставкой оказалась лишь на 7% больше, чем при обязательном труде, а за пуд руды — на 6% [28]. В конце 50-х годов XIX в. на Пожевских, Шайтанских и некоторых казенных заводах принудительный и наемный труд на заготовках оплачивался одинаково [29].

В среднем, по отчетным документам, в 50-е годы XIX в. наемный труд на заготовках обходился лишь на 20—25% дороже крепостного. Разница, таким образом, оказывалась не столь значительной. При этом реальная разница «обязательной» и вольной оплаты была еще меньше. В себестоимость заготовленных принудительным трудом угля и руды администрация не включала часть накладных расходов (они обычно раскладывались лишь на чугун и железо), а иногда и такие затраты, как подушные платежи за работников и бесплатный провиант. При вольной же оплате эти затраты действительно отсутствовали. Таким образом, расходы на заготовки увеличивались не столько потому, что наемным работникам платили больше, сколько в связи с тем, что при увеличивающейся потребности в рабочей силе повышалась оплата труда всех вспомогательных рабочих. Это и понятно: не могли крепостные одного владельца, выполняя одну работу, находиться в радикально различных условиях.

Отмеченное увеличение затрат на заготовки отражало фактор прогресса, ибо рост найма рабочей силы и сближение уровней оплаты наемного и крепостного труда, безусловно, явления капиталистические. Но это относительное и абсолютное увеличение затрат повышало, ко-

---

[25] П. П. Аносов. Указ. соч., стр. 25—29.

[26] ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 1952, лл. 11—12, 96; д. 1961, лл. 20—26, 82—84; д. 2292, лл. 13—15, 48—51.

[27] Ф. С. Горовой. Указ. соч., стр. 250.

[28] И. П. Котляревский. Указ. соч., стр. 543—544.

[29] Х. Мозель. Указ. соч. Ч. 2, стр. 236, 281; В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнодобывающей промышленности, стр. 152—154.

нечно, себестоимость продукции и поглощало остатки той экономии, которую давал переход к пудлингованию.

Удорожание сырья и топлива вызывало в первую очередь поднятие цен на чугун. Так, себестоимость пуда штыкового чугуна Билимбаевских заводов выросла с 24 коп. сер. в 30-е годы XIX в. до 39 коп. в 1860 г.; Архангело-пашийских — с 16 коп. до 22 коп.; Чермозских — с 15 до 48 коп., а казенных Гороблагодатских — с 15 до 38 копеек [30]. Увеличивался и удельный вес цены чугуна в составе себестоимости железа. Если в 30-е — 40-е годы XIX в. затраты на чугун в среднем составляли 47 — 49% себестоимости выплавленного из него железа, то в 1860 г.— 61%. На Билимбаевских заводах стоимость чугуна среди затрат на 100 пуд. железа выросла с 30 до 59 руб., на Чермозских —с 21 до 37 рублей [31]. Это увеличение крупнейшей статьи расходов, естественно, перекрывало небольшую экономию на топливе и оплате труда, которую могло обеспечить пудлингование.

Итак, в последние десятилетия перед ликвидацией крепостного права горнозаводской Урал вступил в полосу технической и социально-экономической перестройки, которая и составляла содержание начавшегося промышленного переворота. Нарастание капиталистических явлений в стране, в частности строительство новых предприятий, резко повысило спрос на металл на внутреннем рынке. Это потребовало таких изменений в горнозаводской технике, которые позволили бы увеличить производство металла. На заводах внедряется пудлингование. Но остальные операции — заготовка топлива и сырья, доменный процесс — остаются на прежнем техническом уровне, что тормозило рост производства железа, повышало его стоимость.

Несовместимость технической реконструкции с крепостническими традициями заставляла изменять методы эксплуатации труда, приближая их по возможности к капиталистическим, особенно на наиболее трудоемких вспомогательных работах по заготовке топлива и сырья. Но в условиях, когда трудовые резервы почти исчерпывались прежним контингентом крепостного населения, в качестве наемных рабочих обычно выступали те же крепостные. Возникало множество промежуточных градаций (подряды, сочетание найма с оброком, «вольная» плата при «своем содержании» и т. п.), при которых исчезало четкое различие между крепостным и наемным трудом, уровень оплаты крепостного труда приближался к уровню оплаты наемного.

Изменение методов эксплуатации труда, как и техническое переустройство, носило капиталистический характер. Но экономическое стимулирование труда при сохранении основ феодально-крепостнической организации хозяйства увеличивало производственные затраты, перекрывая экономию от внедрения новой техники. Увеличение затрат явилось проявлением кризиса феодально-крепостнической организации хозяйства, и этот последний заставлял прибегать к наемному труду.

Переход к пудлингованию и некоторые другие преобразования в технике горнозаводского производства, очевидно, можно считать началом промышленного переворота, но только в сочетании с социально-экономическими изменениями, с массовым применением наемного труда на заготовительных работах. Однако в условиях крепостнической организации производства эти элементы промышленного переворота не могли обеспечить соответствующего ему экономического эффекта — резкого снижения стоимости и цены продукции.

---

[30] ЦГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 946, лл. 232—233; д. 1281. лл. 1 об.— 2; д. 1961, лл 84—86; ф. 1263, оп. 10, д. 1566, л. 1; д. 1631, лл. 23—37; ГАПО, ф. 280, оп. 1, д 417, лл. 180—183, 220—230; «Краткий отчет о действии Гороблагодатских заводов». «Горный журнал», 1845, № 3, стр. 411—412; С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 349; Х. Мозель. Указ. соч. Ч. 2, стр. 266, 269, 293 и др.

[31] См. источники в сноске 18.

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XVI—XVII ВЕКОВ

Ю. Б. Рябошапко

«Вечный мир», подписанный 18 мая 1595 г. в д. Тявзине [1], явился важной вехой в истории русско-шведских отношений. Этим договором Россия и Швеция оформили результаты Ливонской войны. Согласно договору, Россия была вынуждена согласиться на передачу Швеции прав на владение Эстляндией, занятой шведскими войсками, а также подтвердить систему «прибалтийского барьера» в торговле русских купцов с западноевропейскими. В свою очередь, шведское правительство согласилось возвратить России древнюю русскую крепость Корелу с обширным уездом [2]. Однако практически выгода от заключения Тявзинского договора была для России большей, ибо усилиями русских дипломатов (и в первую очередь дьяков П. Дмитриева и Г. Клобукова) в мирном договоре было оговорено право России на организацию транзитных поставок «узорочных товаров» для русской казны. Военно-экономический эффект «прибалтийского барьера» оказался значительно слабее ожидавшегося шведскими политиками, поскольку правительство Бориса Годунова сумело в короткий срок увеличить объем поставок необходимых государству видов сырья и товаров из Англии, Голландии и других стран через Архангельск.

Россия пошла на заключение Тявзинского договора потому, что он обеспечивал ей шведский нейтралитет в весьма неблагоприятной для нее международной обстановке [3]. Но после распада польско-шведской унии и последовавшего за этим сближения Речи Посполитой с Россией Тявзинский мирный договор перестал устраивать правительство Бориса Годунова. Распад унии позволял надеяться на возвращение Эстляндии, и в особенности Нарвы, издревле являвшейся западными морскими воротами России. Кроме того, возвращение Нарвы означало бы ликвидацию «прибалтийского барьера» на пути балтийской торговли России с Западом. Вот почему, желая разрешить вопрос о получении широкого выхода в Балтику, правительство Годунова стремилось обеспечить себе свободу действий в этом районе. Оставляя Тявзинский договор нератифицированным, оно могло в любой момент возобновить борьбу за Эстляндию. Между тем правящие круги Речи Посполитой, приняв решение о включении Эстляндии в состав Польши, повели ожесточен-

---

[1] Деревня Тявзино (ныне Извоз) расположена близ Ивангорода. См.: А. И. Попов. О местонахождении Тявзина (где был заключен Тявзинский мир 1595 г.?). «Известия» Всесоюзного географического общества. Т. 102, вып. 2. М. 1970, стр. 174—175.

[2] Корела была возвращена России только в 1597 г. («Sverges traktater med främmande magter. Utg. af O. S. Rydberg och C. Hallendorff» (далее — ST). Femte delens förra hälft (1572—1632). Stockholm. 1903, s. 90—91 (not. 1).

[3] Вторая половина 90-х годов XVI в. была отмечена сильной вспышкой экспансионистских устремлений на восток господствующего класса Речи Посполитой (см.: Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М. 1973, стр. 61—62).

ную борьбу со Швецией[4]. В данной ситуации шведское правительство (и лично герцог Карл Зюдерманландский, рвавшийся к шведской короне) было крайне заинтересовано в ратификации мирного договора с Россией, позволявшего нейтрализовать потенциального союзника Речи Посполитой в борьбе за Эстляндию. Это обстоятельство заставляло правящие круги Швеции предпринимать многочисленные попытки добиться согласия России на подтверждение «вечного мира».

Тявзинский мирный договор не раз в той или иной степени подвергался изучению в отечественной и зарубежной историографии[5]. Однако специальной работы, посвященной борьбе правящих кругов Швеции за его ратификацию, до сих пор нет. Между тем без изучения хода этой борьбы нельзя правильно оценить ни самый договор, ни его последствия для развития отношений между Россией, Швецией, Данией, Ганзой, Речью Посполитой, а также в какой-то мере и империей в конце XVI — начале XVII века. Больше того, без этого вообще нельзя достаточно объективно разобраться в международных отношениях европейских государств на рубеже XVI и XVII столетий, ибо практически не было на Европейском континенте того времени государства, совершенно не связанного ни в политике, ни в торговле с Россией, Швецией и Речью Посполитой: обойти этот «треугольник» вряд ли было возможно. Особое же значение имеет данный вопрос для изучения судьбы Карелии. Кроме того, есть смысл хотя бы в общих чертах проследить, какими методами пользовались шведские правительственные круги для достижения желанной ратификации.

Вскоре после заключения мирного договора герцог Карл активно взялся за подготовку нового тура диалога с Россией. Уже в 20-х числах июня 1595 г. шведский риксрод наметил программу всеобщего сейма в Сёдерчёпинге. Одним из вопросов, которые предполагалось обсудить, было «рассуждение и произведение в действо» Тявзинского договора[6]. Правящие круги Швеции заторопились с ратификацией «вечного мира» потому, что вражда между герцогом Карлом и Сигизмундом III грозила крупной междоусобицей. В такой обстановке правительство Годунова могло попытаться пересмотреть вопрос об Эстляндии. Поэтому герцог Карл стал спешно готовить новые торгово-политические переговоры с Москвой[7]. По-видимому, уже в конце июля — первых числах августа 1595 г.[8] он отдал приказ Я. Классону Хорну из г. Йоэнсуу и К. Юханссону Курку приступить к переговорам

---

[4] Там же, стр. 121—123.

[5] J. Werwing. Konung Sigismunds och Konung Carl den IX: des Historier. Förra del. Stockholm. 1746, s. 231—232; О. Далин. История Шведского государства. Ч. III, т. II, кн. 1. Пер. с нем. СПБ. 1807, стр. 433—434; Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648). Т. II. СПБ. 1894; H. Almquist. Sverge och Ryssland 1595—1611. Uppsala, 1907; W. Tavaststjerna. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Sotavuodet 1590—1595 ja Täysinän rauha. «Historiallisia tutkimuksia». Julkaissut «Suomen historiallinen seura». XI. [Helsinki]. 1929; P. Nyström. Mercatura Ruthenica. «Scandia», 1937, December, bd X, h. 2, s. 260; S. U. Palme. Swerige och Danmark. Uppsala. 1942, s. 106 ff.; A. Attman. Den ryska marnaden i 1500-talets baltiska politik (1558—1595). Lund. 1944; idem. Freden i Stolbova 1617. «Scandia», bd. XIX, h. 1. Lund. 1948—1949, s. 41; idem. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500—1950. Göteborg. 1973; И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.-Л. 1964; Ю. Б. Рябошапко. Тявзинский мирный договор 1595 г. и правящие круги Швеции. «Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии». Ч. 1. Таллин. 1973; его же. Тявзинские переговоры 1594—1595 гг. «Социально-политическая история СССР». Сб. статей аспирантов и соискателей ЛОИИ АН СССР. М.-Л. 1974. (Ротапринт); его же. Вопросы торговли в Тявзинском договоре 1595 г. в связи с внутренней политикой правящих кругов Швеции. «Скандинавский сборник», XX. Таллин. 1975; Б. Н. Флоря. Указ. соч.

[6] О. Далин. Указ. соч., стр. 440.

[7] W. Tavaststjerna. Op. cit., s. 427.

[8] Инструкция, которой герцог Карл снабдил миссию, датирована 20 июля 1595 года (ibid.).

с русскими по принципиальным пунктам организации балтийской торговли, а также по другим вопросам. Однако уже 9 августа риксрод подобрал для выполнения этой задачи совсем других людей: А. Столарма, Т. Стрика и королевского секретаря А. Пальмбауна. Кроме Столарма, никто из нового состава миссии не участвовал в тявзинских переговорах 1594—1595 годов. На первой же встрече шведским представителям надлежало поторопить своих русских коллег с решением вопроса об освобождении шведских военнопленных [9]. Но, по-видимому, главная цель миссии состояла в том, чтобы добиться согласия на обмен посольствами для проведения церемонии целования креста в подтверждение «вечного мира» 1595 года [10]. Инструкция содержала также указания о принципах организации морской торговли в Нарве, Ревеле и Выборге и о размерах таможенных пошлин [11].

Предложения герцога Карла были переданы Столармом и Стриком (которые в начале 1596 г. уже вели межевые изыскания в Эстляндии) русским представителям. Те отвечали, что царь дал им лишь указание узнать, что хотели передать шведские межевые судьи, а также сообщить ему об этом письменно, в связи с чем они не могут обсуждать эти вопросы [12].

Согласно ст. 12 (разбивка на статьи П. Г. Буткова.— *Ю. Р.*) Тявзинского мирного договора, утвердить этот акт должны были главы государств [13]. Первое время герцог Карл рассчитывал, что Сигизмунд III, хотя он и находился в Польше, может сделать это от имени Швеции. Но после того, как на заседании риксрода в Сёдерчёпинге герцог был признан регентом, он решил взять на себя церемонию ратификации Тявзинского мирного договора. 10 октября 1595 г. Карл предложил царю обменяться полномочными представителями для проведения церемонии крестоцелования. Царь Федор Иванович не ответил на послание герцога, а бояре сообщили, что государь не желает вести беседы с герцогом по поднятому им вопросу [14]. Но, несмотря на отказ, Карл возобновил свое предложение в письме от 12 мая 1596 г., которое его камер-юнкер Л. Таубе отвез в Москву [15]. Вернувшись 17 декабря 1596 г. в Швецию, он наконец привез царский ответ. В нем, в частности, говорилось, что царь пошлет своих полномочных послов только тогда, когда король Сигизмунд прибудет в свое наследное госу-

---

[9] Ibid. Шведы, в свою очередь, не очень торопились с возвращением пленных русских и татар и даже чинили препятствия к их возвращению в Россию, требуя выкупа (ЦГАДА, ф. 96, оп. 1, «Столбцы», 1596 г., № 4, л. 3).

[10] W. Tavaststjerna. Op. cit., s. 427. При заключении Тявзинского мирного договора обе стороны договорились, что целование креста должны выполнять сами государи. Это предложение было внесено шведскими представителями в связи с тем, что в тот момент Сигизмунда III в Швеции не было (Ibid., s. 427, not. 3).

[11] Ibid, s. 428.

[12] W. Tavaststjerna. Op. cit., s. 428. О Столарме, участвовавшем в тявзинских переговорах 1594—1595 гг., см.: P. Nordmann. Arvid Eriksson Stålarm (Biografisk studie). «Skrifter, utg. af Svenska Litteratursällskapet i Finland» [bd.] 73. Förhandlingar och uppsatser. 19, 1905 (tr. 1906), s. 57—90.

[13] «Журнал Министерства внутренних дел» (далее — ЖМВД), 1840, № 9, стр. 353; ST, d. V, h. 1, s. 86.

[14] H. Almquist. Op. cit., s. 24; W. Tavaststjerna. Op. cit., s. 431. Думается, что отказ правительства Годунова герцогу Карлу в праве на ратификацию Тявзинского договора был проявлением отнюдь не косности или чванства. Это был дальновидный шаг русского правительства: затяжка с ратификацией оставляла за Россией (разумеется, в определенных пределах) свободу действий, что в условиях приближения развала польско-шведской унии открывало перспективы для пересмотра невыгодных России статей мирного договора

[15] H. Almquist. Op. cit., s. 25—26; W. Tavaststjerna. Op. cit., ss. 431—432. Поскольку каких-либо сведений о других грамотах Карла на имя царя Федора Ивановича за май 1596 г. нет, можно утверждать, что именно в грамоте от 12 мая излагалась настоятельная просьба прислать русских послов для прекращения пограничных споров и «для постановления и заключения мирного договора с уверением, что равно и с шведской стороны то же учинено будет» (ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, № 5. Цит. по описи).

дарство. Разумеется, Карл не мог быть обрадован таким ответом, который затрагивал его честь. В ответном послании царю от 1 января 1597 г. герцог вновь подчеркнул необходимость подтвердить Тявзинский договор «письмом и целованием креста правителями», «поскольку мир заключен от имени всех будущих королей и всего Шведского государства, а не только от имени его королевского величества» [16].

В октябре 1597 г., когда, по-видимому, готовилась передача России Корелы с уездом, герцог Карл, пользуясь случаем, вновь пытается поднять вопрос о ратификации Тявзинского мира, но уже не в прямой форме, а под предлогом необходимости ускорить завершение демаркации границы между Россией и Швецией [17]. Очевидно, послание герцога от 17 декабря осталось без ответа, поскольку 10 марта 1598 г. выборгский ландсхёвдинг А. Столарм в письме к ивангородскому воеводе Л. Сабурову увещевал последнего в необходимости строгого соблюдения договора 1595 г., «имянем королевским заключенного», советуя «не чинить того, чего администратор герцог Карл нечаянно (sic!) иногда востребует» [18]. Можно предположить, что в какой-то момент Сигизмунду III важно было продемонстрировать свою заинтересованность в соблюдении Россией Тявзинского договора, что и вызвало появление письма Столарма. Однако период этот длился недолго. Когда в 1598 г. Сигизмунд III посетил Швецию, он так и не смог здесь приступить к выяснению отношений между Швецией и Россией. Возвратившись в Польшу, король опять-таки не торопился ратифицировать Тявзинский мир [19]. По-видимому, с течением времени Сигизмунд III получил возможность проявить свое истинное отношение к ратификации «вечного мира», теперь уже намеренно уклоняясь от нее, чтобы таким образом связать руки герцогу Карлу и тем самым принудить его быть заинтересованным в сохранении хотя бы видимости хороших отношений со своим дважды коронованным и ненавистным племянником.

Герцог, в свою очередь, стал предпринимать контрмеры, направленные на то, чтобы создать благоприятную обстановку для ратификации Россией Тявзинского договора. 14 июня 1598 г. он отправил из Стокгольма поздравительную грамоту в связи с избранием на российский престол Бориса Годунова, не забывая при этом просить «о непоколебимом содержании мира и о совершении разграничения». 8 января 1599 г. в грамоте, посланной из Никепинга, он просит царя Бориса закончить разграничение (по Тявзинскому миру.— *Ю. Р.*) и ответить на эту грамоту [20]. После бегства короля Сигизмунда в Польшу герцог Карл становится еще более любезным. Извещая о случившемся Бориса Годунова в грамоте от 10 января 1599 г., он уверяет царя в своей дружбе и любви, прося о завершении разграни-

[16] См. подробнее: W. Tavastsjerna. Op. cit., s. 432. Прибытие Сигизмунда III в Швецию было выдвинуто русским правительством в качестве условия ратификации Тявзинского договора не случайно. Правительству Годунова было хорошо известно и о вражде между герцогом Карлом и королем вообще и о ее очередной вспышке после заключения Тявзинского договора 1595 года. Заключив «вечный мир», герцог Карл уже не боялся ухудшения отношений с партнером по унии. Желая спровоцировать в неурожайном 1596 г. голодный бунт во владениях своего дяди, Сигизмунд III организовал экономическую диверсию, запретив привозить хлеб даже из Ревеля, не говоря уже о Гданьске и других приморских городах. Это «мероприятие» стало причиной голодной смерти многих шведов (О. Далин. Указ. соч., стр. 436—437). В сложившейся ситуации требование приезда Сигизмунда III в Швецию было заведомо невыполнимым. Данное условие позволяло русскому правительству воздерживаться от ратификации Тявзинского договора, в то же время оставляя за собой возможность при необходимости вернуться к этому вопросу в удобный для России момент.

[17] ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, №№ 6, 7.

[18] Там же, № 8 (цит. по описи).

[19] W. Tavastsjerna. Op. cit., s. 432.

[20] ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, №№ 9, 10.

чения. В начале грамоты он выражает сожаление, что не может получить от царя писем, поскольку русские гонцы задержаны «своевольными финляндцами, кои скоро наказаны будут» [21].

К осени 1599 г. войска герцога Карла заняли Финляндию; вскоре их можно было ожидать в Эстляндии [22]. В этой обстановке правительству Швеции крайне важно было улучшить отношения с Россией, от позиции которой в значительной степени зависела судьба Эстляндии. Поэтому 28 сентября 1599 г. в грамоте, направленной царю из Выборга, герцог Карл просит совершить разграничение в Лапландии в знак утверждения мира и «доброй дружбы» [23]. Одновременно шведские дипломаты активизировали свою деятельность в Германии и Скандинавии в поисках союзников. В декабре 1599 г. Сигизмунду III сообщили, что Годунов заключил союз с герцогом Карлом, предприняв решительные меры по укреплению границы и увеличению своей армии, из чего король заключил, что царь намеревается начать войну против Речи Посполитой [24].

Тем временем осенью 1598 г. в Семиградье началось восстание против австрийского владычества. Вслед за этим польские отряды А. Батория в нарушение королевского запрета перешли Карпаты. В начале 1599 г. А. Баторий был провозглашен семиградским князем. Это был прямой вызов Империи. Помимо императора Рудольфа II, вокняжение А. Батория затронуло интересы соседнего государя — валашского воеводы Михая Храброго, находившегося в дружественных отношениях с теперь уже бывшим князем Семиградья эрцгерцогом Максимилианом. Новый семиградский князь А. Баторий поддерживал тесные связи с гетманом и коронным канцлером Я. Замойским и польским ставленником в Молдавии И. Могилой — врагами валашского воеводы. И. Могила добивался от Замойского изгнания Михая из Валахии, желая отдать это воеводство в руки своего брата Симеона. В этой ситуации Михай обратился за помощью к России и получил разрешение взять к себе на службу запорожских казаков, что он и сделал, наняв 12 тысяч [25]. В октябре 1599 г. произошло столкновение между войсками Михая Храброго и А. Батория, в котором последний погиб. К началу ноября валашские войска овладели Семиградьем [26]. Перед Речью Посполитой встала угроза войны на два фронта: против герцога Карла и Михая Храброго одновременно. Когда же весной 1600 г. войска герцога Карла вторглись в Эстляндию, у Сигизмунда III не оказалось средств, чтобы отразить натиск шведов [27]. Поняв, что без вмешательства правящих кругов Речи Посполитой он сам не отстоит свое последнее шведское владение, Сигизмунд III дал в феврале 1600 г. согласие сейму инкорпорировать шведскую Эстляндию в состав Речи Посполитой в соответствии с обязательствами, взятыми им при коронации на польский трон [28]. Между тем значительная часть Эстляндии была уже занята шведскими войсками. И когда в конце марта 1600 г. акт об инкорпорации был обнародован, польско-шведский конфликт стал неминуемым [29].

Россия пошла на сближение со Швецией уже во второй половине 1599 г., а со второй половины 1600 г. этот процесс развивался еще

[21] Там же, № 11.
[22] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 132.
[23] ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, № 16.
[24] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 132—134.
[25] Там же, стр. 83—85. Б. Н. Флоря считает эту цифру явно преувеличенной.
[26] Там же, стр. 110.
[27] Там же, стр. 115—118, 132, 135.
[28] Там же, стр. 122—123. См. также: H. Almquist. Den politiska krisen och konungavalet i Polen år 1587. В сборнике: «Göteborgs högskolas årsskrift», bd. XX. Göteborg. 1914 (tr. 1916), s. 152—160.
[29] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 123.

интенсивнее, ибо после отказа Габсбургов от соглашения с русским правительством Борис Годунов стал рассматривать Швецию не только как одного из союзников против Речи Посполитой, но и как главного партнера в антипольской борьбе [30]. Однако вскоре русскому правительству стало ясно, что союз со Швецией не откроет России дорогу в Прибалтику. Вернувшиеся в конце марта 1600 г. из Стокгольма В. Сукин и П. Дмитриев сообщили, что договор об антипольском союзе заключить не удалось. Не говоря уже о слишком дорогой цене, которую надо было заплатить Швеции за возвращение Нарвы, надеяться на обещания герцога не приходилось, поскольку в письменном ответе шведской стороны сделка, предложенная герцогом, не фигурировала [31], зато, помимо этого письменно не подтвержденного условия, шведская сторона снова потребовала ратификации Тявзинского договора. Какую цель преследовало шведское правительство на сей раз, добиваясь ратификации «вечного мира», выясняется из инструкций герцога Карла своим военачальникам перед вторжением в Эстляндию. В них подчеркивалась необходимость восстановить в данном районе условия торговли, зафиксированные в Тявзинском мире, которые, по-видимому, в значительной степени не соблюдались. Очевидно, по инициативе того же герцога Карла шведские власти под предлогом борьбы против нарушений русской стороной статей Тявзинского договора о торговле повели энергичную борьбу как против организации транзитных поставок русской казне [32] (предусмотренных ст. 19-й договора [33]), так и вообще против только начавших практиковаться плаваний русских купцов «за море» [34], хотя торговые путешествия русских гостей этим договором не были запрещены.

Весной 1600 г. правительства России, Швеции и Речи Посполитой энергично искали союзников для продолжения борьбы за Эстляндию. Польскому посланцу Б. Бердовскому был оказан в Москве очень теплый прием. Зато шведскую миссию встретили холодно [35]. Июнь и июль шведские представители просидели в Нарве без всяких результатов. Герцог Карл, прибывший 8 августа 1600 г. в Ревель для завершения подготовки к военным действиям, попытался оказать нажим на русское правительство. В письме своим послам от 12 августа герцог сообщил, что распорядился выслать русских купцов, торговавших в Ревеле и Нарве, запретив им приезжать в эти порты до тех пор, пока царь не подтвердит Тявзинский мир крестным целованием. Одновременно герцог собрал войска на финской границе, а его доверенные люди стали распространять по Прибалтике слухи, что если царь не ратифицирует Тявзинский договор, то герцог Карл не только помирится с Сигизмундом III, но и заключит с ним антирусский союз [36]. Однако вопреки ожиданиям герцога русское правительство не только не пошло на уступки, но и ответило на запрещение русской торговли в Эстляндии рядом контрмер. На товары ревельских купцов в Пскове был нало-

[30] Там же, стр. 124.

[31] В ходе стокгольмских переговоров (26 ноября — 21 декабря 1599 г.) герцог Карл предложил русской стороне купить Нарву, но за это Россия должна была вступить в войну против Речи Посполитой (см.: H. Almquist. Sverge..., s. 52—54; Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 124).

[32] H. Almquist. Sverge.., s. 51—52; Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 124—125. О попытке шведских властей захватить суда, зафрахтованные в Любеке посланником А. И Власьевым для доставки большой партии товаров для русской казны, см.: H. Almquist. Sverge.., s. 59; Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 125—126.

[33] ЖМВД, 1840, № 9, стр. 359—360; ST, d. V, h. 1, s. 89.

[34] Летом 1600 г. в Ревеле был задержан гость Т. Выходец, возвращавшийся из Любека и обвиненный в нарушении Тявзинского договора (H. Almquist. Sverge.., s. 67—68); Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 126). В дальнейшем, направляясь в Любек, русские купцы были вынуждены объезжать владения Швеции (Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 127).

[35] См.: Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 138.

[36] См.: H. Almquist. Sverge.., s. 57—59; Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 138—139.

жен арест[37]; в марте 1601 г. правительство Бориса Годунова предоставило жалованную грамоту рижским купцам[38], ивангородский воевода демонстративно ответил отказом на просьбу гонца пропустить его в Москву с посланием герцога[39]. Тем самым русское правительство еще раз показало правящим кругам Швеции, что всякие попытки грубого принуждения России к ратификации мирного договора будут и впредь получать решительный отпор.

В сентябре—ноябре 1600 г. шведские войска, преодолевая сопротивление польских отрядов, взяли Пярну, Пылтсамаа, Вильянди и другие города[40]. Однако, опасаясь русско-польского сближения как следствия завоеваний Швеции в Прибалтике, герцог Карл внес коррективы во внешнюю политику Швеции[41]. В новом варианте инструкции своему посольству в Россию, подписанном 8 декабря 1600 г., герцог опять выдвинул в качестве главной задачи ратификацию «вечного мира», причем именно того текста, который был выработан в ходе тявзинских переговоров 1594—1595 годов. И лишь получив на это согласие русской стороны, шведские дипломаты должны были перейти к обсуждению других вопросов. Для герцога было крайне важно одновременно с ратификацией Тявзинского договора заставить правительство России признать права Швеции на все территории, захваченные ею в Прибалтике. Если бы русская сторона поставила вопрос о возвращении Нарвы, герцог Карл рекомендовал бы своим послам предложить царю отправить для разрешения данного вопроса специальное посольство, но после ратификации Тявзинского договора. Тем самым герцог хотел создать у правительства Бориса Годунова иллюзорную надежду на то, что ратификация откроет России путь к получению широкого выхода в Балтику. О том, насколько важное значение шведские политики придавали подтверждению «вечного мира», свидетельствует специальный пункт инструкции о том, что после ратификации Тявзинского договора стокгольмские дипломаты должны предложить русской стороне антипольский союз[42]. Шведское правительство надеялось, что, заинтересовав Россию возможностью воссоединения белорусских земель, оно тем самым предотвратит польско-русское сближение, свяжет Россию союзом со Швецией и в то же время не допустит русских в Прибалтику[43].

Однако уже на начальном этапе переговоров[44] царь ни разу не упомянул о ратификации Тявзинского договора, дав понять, что в качестве компенсации за русско-шведский союз Россия намеревается возвратить Северо-Восточную Эстляндию с городами Тарту и Нарвой[45]. На следующих встречах в соответствии с полученными инструкциями шведские послы продолжали повторять просьбы о ратификации Тявзинского мира, в то же время уклоняясь от определенных ответов на русские предложения. Они заявляли, что подобным переговорам должно предшествовать подтверждение договора 1595 года[46].

Убедившись в том, что шведская сторона не склонна считаться с русскими интересами, правительство Бориса Годунова 20 февраля

[37] ЦГАДА, ф. 96, оп 2, №№ 19, 21.

[38] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 139. Текст жалованной грамоты рижским купцам см.: «Русско-ливонские акты». СПБ. 1869, № 339.

[39] H. Almquist. Sverge.., s. 59.

[40] См.: B. C. Barkman. Kungl. Svea livgardes historia, bd. II, s. 446 ff.; Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 153.

[41] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 155. О том, какими сведениями о состоянии русско-польских отношений располагал герцог Карл осенью 1600 г., см. H. Almquist. Sverge.., s. 60.

[42] H. Almquist. Sverge.., s. 62.

[43] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 155.

[44] Переговоры начались 15 февраля 1601 г. с приема шведских послов царем (Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 155).

[45] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 156.

[46] См.: H. Almquist. Sverge.., s. 62—66.

1601 г. прервало переговоры со шведами, возобновив на следующий день контакты с польско-литовскими представителями. На первом же заседании была достигнута принципиальная договоренность о 20-летнем перемирии с Речью Посполитой, текст которого через год, 1 марта 1602 г., был скреплен царским крестоцелованием. Этот договор был несомненным успехом русской дипломатии [47]. 18 марта 1601 г. возобновились русско-шведские переговоры, в центре которых стояла судьба Эстляндии. Однако из-за крайней неуступчивости шведов переговоры вскоре прекратились. 24 марта стокгольмских послов пригласили на прощальный прием, и в переговорах вновь наступил перерыв [48]. Заключение перемирия 1601 г. между Россией и Речью Посполитой вызвало охлаждение шведского двора к России. В грамоте от 22 апреля 1601 г. Борису Годунову герцог Карл жалуется, что царь нарушил обещание не заключать мира с поляками, что он не только не намерен подтвердить «вечный мир» со Швецией, но в России задержаны его, Карла, послы, которых он и просит отпустить [49].

К весне 1601 г. почти вся территория Прибалтики, за исключением Риги, Курляндии и нескольких замков, оказалась под шведским владычеством. В этой ситуации герцог Карл продолжал добиваться ратификации Тявзинского договора, рассматривая этот акт как обязательное условие русско-шведского союза [50]. В инструкции герцога послам, отправленным в Россию, в частности, предусматривалось, что, если им удастся добиться ратификации Тявзинского договора, они могут отказаться от требования распространить действие его статей на территории, завоеванные Швецией в Ливонии [51]. Инструкции, полученные шведскими послами примерно в середине мая, не носили конструктивного характера. Единственное конкретное предложение — передать Нарву России при условии ратификации Тявзинского договора — русская сторона принять не могла, особенно после того, как закончилась война Речи Посполитой с Валахией (1598 г.), на результаты которой у правительства России были совсем иные взгляды, чем у шведских политиков [52]. На заседаниях 21 и 23 мая русские послы заявили, что «теперь» царь не будет ратифицировать Тявзинский договор. А поскольку шведская сторона не хочет передать России какие-либо города или селения в Лифляндии, «то он возьмет их силой». На прощальном приеме 24 мая шведов предупредили, что не позже августа должно прибыть новое шведское посольство с окончательным решением по эстляндскому вопросу [53].

Поняв бесперспективность дальнейших переговоров со шведами, русское правительство 6 августа отправило посольство для ратификации перемирия с Речью Посполитой. Однако, не надеясь на возможность союза с нею и в то же время предполагая, что все же придется воевать со Швецией, правительство России решило поискать союзника в лице Дании [54]. В соответствии с договоренностью между правительствами обеих стран в мае 1601 г. русские послы И. Ржевский и П. Дмитриев должны были отправиться морем из Ивангорода в Копенгаген. Но когда в начале июня русское правительство обратилось к герцогу Карлу с просьбой о выдаче проезжей грамоты для них [55],

---

[47] См. подробнее: Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 158—159, 161.
[48] См.: H. Almquist. Sverge.., s. 67—68.
[49] ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, № 23.
[50] B. C. Barkman. Op. cit., s. 455 ff.; Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 162.
[51] См.: H. Almquist. Sverge.., s. 69—70.
[52] Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 163
[53] H. Almquist. Sverge.., s. 70—71.
[54] См.: Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 164—170.
[55] Там же, стр. 172—173. Содержание грамоты русского правительства см.: H. Almquist. Sverge.., s. 71.

тот 25 числа с издевкой отвечал, что царь должен ратифицировать договор 1595 г. для того, чтобы иметь возможность ссылаться на установления последнего[56]. Тогда же правитель Швеции распорядился, чтобы наместники Нарвы и Выборга приняли чрезвычайные меры к обороне и усилили охрану границы с Россией[57]. Таким образом, в стремлении во что бы то ни стало добиться от русского правительства ратификации Тявзинского мира герцог Карл шел даже на нарушение статей этого договора, принятого русской стороной де-факто.

В условиях русско-польского сближения герцог Карл ищет другие формы борьбы за ратификацию Россией «вечного мира». 13 октября он шлет еще одну грамоту царю, вновь жалуясь, что с его послами не вступили в договор, что «вечный мир» не подтвержден, а шведские послы без ответа на его, герцога, грамоту высланы, и в заключение спрашивает, кем хочет быть царь — его приятелем или неприятелем[58]. В грамоте от 16 декабря 1601 г. герцог Карл пытается добиться ратификации Тявзинского мира путем некоторого смягчения тона. Герцог спрашивает, собирается ли Борис Годунов подтвердить «вечный мир», напоминая, что последний должен быть утвержден крестным целованием[59].

В начале 1602 г. герцог, уже ставший шведским королем Карлом IX, продолжил борьбу за ратификацию Тявзинского договора. Он пишет: «Если не желаешь иметь с нами вечного мира, то поступай, как знаешь. Бедствия будут тяготеть на том, кто первый нарушит мир». Под нарочито грубой формой послания король пытался скрыть страх перед возможностью возобновления войны с Россией. Не ограничившись этим, он предпринял летом 1602 г. ряд мер против расширения русской торговли в Нарве[60], заметно прогрессировавшей со времени заключения «вечного мира» 1595 года[61]. Правительство Бориса Годунова ответило экономическими контрмерами. 26 мая 1603 г. оно предоставило Любеку и Штральзунду права на постройку торговых дворов в Ивангороде и других русских городах, подкрепив 7 июня эту привилегию правом беспошлинной торговли ганзейских купцов по всей территории Русского государства[62].

По-видимому, столь решительной борьбе русского правительства против «прибалтийского барьера» в немалой степени способствовало то, что статьи о торговле Тявзинского договора были холодно встречены в странах Западной Европы. Одна из первых попыток реализации этих статей — закрытие нарвского порта для иностранцев — вызвала резкое недовольство купечества ряда западноевропейских государств, особенно Ганзы и Дании[63]. Поэтому Ганзейский союз (с 1595 г.)[64] и Дания (с 1601 г.)[65] стали выступать за отмену дис-

---

[56] В описи ЦГАДА эта грамота датирована 28 июня 1601 г. (ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, № 24).

[57] H. Almquist. Sverge.., s. 71.

[58] ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, № 25.

[59] Там же, № 26.

[60] См.: Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 66.

[61] См. A. Attman. Den ryska mårknaden.., s. 92, 438 ff.; idem. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500—1650, p. 79—82, 127.

[62] Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 62—63.

[63] W. Tavaststjerna. Op. cit., s. 425. Несмотря на неприязнь соседних государств к статьям Тявзинского договора о торговле, герцог Карл вскоре выдвинул перед риксродом свою программу организации внешней торговли Швеции, согласно которой купцы большинства шведских городов должны были заниматься перекупкой товаров, привезенных стокгольмскими купцами из Ревеля, Выборга и Нарвы. Тем самым герцог выступил против расширения контактов с русским купечеством даже собственно шведских купцов. Но король Сигизмунд III отверг этот проект (О. Далин. Указ. соч., стр. 433—434).

[64] Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 57—59; Б. Н. Флоря. Указ. соч., стр. 183—184.

[65] Ю. Н. Щербачев. Датский архив. Материалы к истории древней России, хранящиеся в Копенгагене (1326—1690 гг.). «Чтения Общества истории и древностей

криминационных статей «вечного мира» 1595 года. Это обстоятельство явилось важным подспорьем в борьбе правительства Бориса Годунова за смягчение режима «прибалтийского барьера». Разрешив постройку в Ивангороде ганзейского торгового двора, царь тем самым снял запрет на прямые торговые операции ганзейских купцов с русскими в Ивангороде, предусмотренный ст. 2-й Тявзинского договора. Формально-юридически здесь и не было нарушения договора 1595 г., ибо, во-первых, ни одна из сторон в то время еще не ратифицировала данный акт, во-вторых, ст. 19-я договора разрешала транзитную доставку через владения Швеции товаров для русской казны [66]. Наконец, в-третьих, ряд прибалтийских городов, находившихся под шведским владычеством (Рига, Тарту и Ревель), входил в состав Ганзейского союза [67]. Но по своей сути этот царский указ означал фактическую денонсацию ст. 2-й Тявзинского мирного договора.

Карл IX не замедлил обратиться к русскому правительству с представлением. В письме от 27 июля 1603 г. он упрекает царя в попытках утвердиться в Нарве и за близкие отношения с Речью Посполитой, уличая его в подвозке полякам продовольствия и всего необходимого и обвиняя в нарушении крестного целования [68]. Таким образом, Карл IX, когда это устраивало его, рассматривал Тявзинский договор как действующий, хотя этот документ и не был ратифицирован ни одной из сторон, так что формально-юридически правительству России вряд ли можно было предъявлять какие-либо претензии на сей счет. С другой стороны, в момент заключения «вечного мира» 1595 г. Швеция и Речь Посполитая находились в личной унии, и Сигизмунд III, естественно, не мог заключать договора, неприемлемого для Речи Посполитой.

23 мая 1604 г. Карл IX послал новую грамоту царю, в которой запрашивал, намерен ли российский двор подтвердить Тявзинский мир и наказать лиц, недавно совершивших нападение на шведских гонцов, подчеркнув, что если он останется без удовлетворения, то должен будет ожидать войны [69]. Случившееся явилось поводом для очередного дипломатического нажима, бывшего, по-видимому, кульминационным пунктом борьбы за подтверждение Тявзинского договора. Шведы не собирались воспользоваться этим для немедленного начала войны, но в то же время пытались извлечь максимальную выгоду из создавшегося положения. Карл IX, сознательно нагнетая напряженность, вновь пытался принудить Россию ратифицировать «вечный мир» 1595 года. Затем в русско-шведских отношениях на некоторое время воцаряется затишье.

Резкое ухудшение внутриполитической ситуации в России в начале XVII в. было тотчас использовано Карлом IX. В инструкции шведским послам от февраля 1605 г. он предписывает предложить царю помощь против Речи Посполитой при условии, что Россия должна за это отдать Швеции Ивангород, Кексгольм (Корелу), Яму и Копорье. Стапельными пунктами должны были оставаться только Выборг и Ревель;

российских». 1883. Кн. 1, №№ 542, 544, 547; Г. В. Форстен. Сношения России с Данией в царствование Христиана IV. «Журнал Министерства народного просвещения», 1892, № 4, стр. 292, 295—297; его же. Балтийский вопрос... Т. II, S. U. Palme. Op. cit., s. 110 ff. 6 апреля 1603 г. на встрече во Флакебеке датские дипломаты добились у шведов права на беспрепятственный заход в Нарву датских судов и на ведение торговых операций с русскими купцами в этом порту (W. Tavaststjerna. Op. cit., s. 425, not. I. См. подробнее: S. T, d. V, h I, s. 111, 113, 131; Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 53, 91.

[66] ЖМВД, 1840, № 9, стр. 346; ST, d. V, h. 1, s. 81—82.

[67] См. подробнее: «История Эстонской ССР». Т. 1. Таллин. 1961, стр. 209.

[68] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 66. Ст. 17-я Тявзинского договора обязывала царя не оказывать никакой помощи врагу Швеции (ЖМВД, 1840, № 9, стр. 357—358; ST, d. V, h. 1, s. 88).

[69] Об этом инциденте см. подробнее: ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, № 29.

города Русского государства следовало лишить этого права [70]. Главная, стратегическая цель этой инструкции состояла в том, чтобы вернуть Россию к границам и положению в торговле времен окончания Ливонской войны. Конкретная же, тактическая цель, которую преследовал шведский король — добиться подтверждения ст. 2-й договора 1595 г., которая и начинается с признания Выборга и Ревеля свободными для купцов всех государств [71]. Таким образом, Карл IX пытался в ходе возобновленных переговоров добиться хотя бы частичной ратификации «вечного мира» правительством Бориса Годунова.

Требование отторжения от России всех ливонских городов было программой-максимум. Реально же шведским послам следовало постепенно уступать и настаивать лишь на передаче Швеции Корелы с уездом [72]. И хотя передача этой крепости Швеции не позволила бы блокировать балтийскую торговлю России, обладание корельским плацдармом давало бы Швеции реальную возможность подготовиться к дальнейшей экспансии на восток и на северо-восток. Дело в том, что Карл IX мечтал о захвате не только Корельского уезда и Ижорской земли, но и всего русского севера, в том числе Беломорской Карелии, Кольского полуострова и Подвинья. Захват Колы, Сумского острога, Печенгского монастыря и выход шведов к русским берегам Балтийского и Белого морей отрезал бы Русское государство от морских путей, тем самым поставив его в зависимость от Швеции [73]. Однако этим захватническим планам не суждено было осуществиться.

В разгар польской интервенции против России, еще не ведая, что царь Борис Годунов умер, но зная, что Лжедмитрий I добивается престола, Карл IX попеременно обращается к обоим, обещая поддерживать того, кто ратифицирует Тявзинский мир. Царю Борису он предлагал немедля отправить от своего имени полномочных представителей в Систербек для переговоров со шведскими комиссарами [74]. Согласно инструкции от 31 июля 1606 г., данной Карлом IX своим послам на переговоры с Россией о ратификации «вечного мира» 1595 г., шведы должны были жаловаться на отказ царей подтвердить Тявзинский мирный договор и на помощь, оказанную ими Речи Посполитой. Из инструкции видно, что теперь Карл IX соглашался на ратификацию «вечного мира», если Нотебург (Орешек), Кексгольм (Корела), Яма, Копорье, Ивангород и Кола будут отданы Швеции [75]. Здесь налицо попытка реализовать идеи «Великой восточной программы» Юхана III [76]. В случае отказа стокгольмские послы должны были уступить сначала Яму, затем Копорье и Ивангород. Если же и тогда русские дипломаты не примут шведских условий, то королевским представителям предписывалось настаивать на уступке Колы. Получение Колы стало для шведов важнее, чем захват Ивангорода, потому, что в этот момент правя-

---

[70] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 67.
[71] ЖМВД, 1840, № 9, стр. 345—346; ST, d. V, h. 1, s 81—83.
[72] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 68.
[73] «Всемирная история». Т. IV. М. 1953, стр. 529.
[74] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 68.
[75] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 70.
[76] Основоположник «восточных программ» правящих кругов Швеции Эрик XIV выступил с так называемым великим торгово-политическим планом: овладев обоими берегами Финского залива, направить торговлю России со странами Западной Европы через шведские стапельные пункты, чтобы поставить ее под контроль Швеции (A. Attman. Freden.., s. 38). Юхан III лишь «модернизировал» эту идею в соответствии с аппетитами шведской аристократии и купечества шведских владений в Прибалтике, возраставшими по мере роста могущества Швеции. Основным же тезисом всех «восточных программ» неизменно оставалась традиционная политика «прибалтийского барьера» (см.: И. П. Шаскольский. Указ. соч., стр. 18, 24—27, 35—37). Верным стражем «прибалтийского барьера» было ревельское немецкое купечество (см. Ю. Б. Рябошапко. Вопросы торговли.., стр. 61—66).

щие круги Швеции, очевидно, не желая противоборства в Прибалтике с Речью Посполитой, решили молчаливо поделить с нею сферы влияния: полякам — русский запад, а шведам — северо-запад с выходом к Варангер-фьорду и, что было куда важнее, к Архангельску, дабы полностью парализовать торговлю России с Западом. При каждой уступке шведские комиссары должны были корить русских дипломатов за нарушения Тявзинского мира, нередко имевшие место [77].

Резкое ухудшение шведско-польских отношений, а также, по-видимому, непредвиденно малый объем внешнеторговых операций с русскими купцами через Нарву, Ревель и Выборг вынудили Карла IX внести значительные коррективы в свою внешнеполитическую программу с тем, чтобы нормализовать отношения с Россией. Желая добиться от нее подтверждения хотя бы ст. 2-й Тявзинского договора [78], шведский король инструкцией от 27 августа 1606 г. предписывает своим послам пойти на значительные уступки России: разрешить беспошлинную торговлю в стапельных пунктах Швеции в Восточной Прибалтике (в Выборге и Ревеле) и обычную торговлю в Нарве [79]. Однако русское правительство не пошло на принципиальные уступки шведской стороне, ибо не прошло и пяти месяцев со времени написания упомянутой инструкции, как Карл IX круто изменил свой внешнеполитический курс: вместо установления прямых русско-шведских экономических контактов он в угоду прежде всего ревельскому купечеству организовал поистине таможенное избиение русских купцов, дерзнувших приезжать в Нарву [80].

27 августа 1607 г. Карл IX просит царя Василия Шуйского принять шведских послов. Не исключено, что правящие круги Швеции вновь намеревались добиться от русского правительства ратификации договора 1595 года [81]. Очевидно, прекрасно понимая всю шаткость положения Василия Шуйского, Карл IX прилагал немало усилий к тому, чтобы оторвать Россию от противников Швеции. Прибыв в Пребров, Карл IX пишет 1 марта 1608 г. Василию Шуйскому, что папа, цесарь и испанский король намереваются «помочь утеснить его, царя, Российское царство себе покорить, и российскую греческого исповедания веру уничтожить» [82]. Не ограничившись этим, Карл IX шлет 22 мая из Нордчёпинга еще одну грамоту царю. В ней он уже более детально сообщает Василию Шуйскому о планах интервенции против России: папа римский и короли Испании и Речи Посполитой намереваются восстановить Ливонский орден с целью «утеснения России и истребления греческой веры». Грамота заканчивается просьбой скорее прислать русских послов в Нарву и обещанием направить в Россию шведское вспомогательное войско [83]. А неделю спустя в грамоте, отправленной 29 мая 1608 г. из Никёпинга, шведский король, вновь предупреждая Василия Шуйского об опасности польской интервенции, предлагает отправить с обеих сторон послов в Нарву «для соглашения о полезных и нужных делах» [84]. Поскольку обычно под выражением «о добрых делах» в те времена подразумевались переговоры [85], можно

---

[77] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 70.
[78] ЖМВД. 1840, № 9, стр. 345—346; ST, d. V, h. 1, s. 81—83.
[79] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос... Т. II, стр. 71.
[80] Там же, стр. 74—75.
[81] ЦГАДА, ф. 96, оп. 2, № 30.
[82] Там же, № 31 (цит. по описи).
[83] Там же, № 32 (цит. по описи).
[84] Там же, № 33 (цит. по описи).
[85] См., например, статейный список тявзинских переговоров 1594—1595 гг. (ЦГАДА, ф. 96, оп. 1, кн. 7). В описи архива Посольского приказа 1614 г. документы с предложениями переговоров обозначались так: «О дружбе, и о любви, и о миру» («Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.». М. 1960. Оп. 1614 г., лл. 151—152).

предположить, что, пользуясь тяжелым внешне- и внутриполитическим положением России, Карл IX намеревался предпринять очередную попытку добиться ратификации «вечного мира» 1595 года.

Только в 1609 г., когда Россия и Швеция объединились против Речи Посполитой, послы Василия Шуйского и Карла IX заверили друг друга во время переговоров в Выборге, что Тявзинский мир должен быть вечным и незыблемым [86].

Следовательно, в борьбе Швеции за ратификацию Тявзинского договора прослеживаются три этапа: первый (1595—1601 гг.) — от момента подписания «вечного мира» до заключения русско-польского перемирия 1601 г.; второй (1601—1605 гг.) — от заключения данного перемирия до смерти Бориса Годунова; третий (1606—1609 гг.) — от восшествия на престол Василия Шуйского до ратификации Тявзинского договора. На первом этапе борьба за ратификацию «вечного мира» была для Швеции средством нейтрализации России в шведско-польском конфликте. На втором этапе, когда уже было заключено русско-польское перемирие на 20 лет, Швеция добивалась не только строгого нейтралитета России в шведско-польских отношениях, но и соблюдения ею статей о торговле договора 1595 г., в которых была зафиксирована система «прибалтийского барьера» на пути русской торговли. На третьем этапе шведское правительство рассматривало ратификацию договора как своеобразную прелюдию «тихой» экспансии на территорию России.

На первых двух этапах Швеция ничего не добилась, чему в немалой степени способствовала дальновидная политика правительства Бориса Годунова, искусно воспользовавшегося шведско-польскими противоречиями. И если Карлу IX удалось отыграться в третьем туре борьбы, то исключительно благодаря крайне неблагоприятному для России стечению обстоятельств: «смута» плюс польская интервенция. Но, несмотря на это, шведские власти так и не сумели «пустить корни» на северо-западе России. Таким образом, конечная цель правящих кругов Швеции — добившись ратификации Тявзинского договора, подготовить почву для низведения России до положения второразрядного государства с последующим поглощением части ее с тем, чтобы отрезать Россию от стран Запада,— не была достигнута.

Уклоняясь от ратификации Тявзинского договора, Россия сумела использовать этот фактор для стабилизации своих отношений со всеми без исключения противниками Швеции (Речь Посполитая, Дания, Ганза и др.). Это обстоятельство сковывало внешнюю политику Шведского государства, правительство которого на рубеже XVI—XVII вв. было вынуждено всякий раз учитывать позицию России при изменении своего внешнеполитического курса. Могущество и международный престиж Русского государства выросли настолько, что не считаться с этим фактом шведские политики уже не могли. Упорство, с которым правящие круги Швеции в течение 15 лет добивались ратификации Тявзинского мирного договора, объясняется тем, что после этого акта Россия выбыла бы из внешнеполитической борьбы, которую вела Швеция за господство на Европейском континенте. Мир с Русским государством давал Швеции нейтралитет великой державы на весь период борьбы с Речью Посполитой за Прибалтику.

Ратификация Тявзинского мирного договора была важным политическим козырем правительства Бориса Годунова и его преемников, мастерски использовавших ее в сложной дипломатической игре конца XVI— начала XVII века. Опираясь на казусы, прецеденты законности в международном праве, русская сторона могла добиваться от Шве-

---

[86] W. Tavaststjerna. Op. cit., s. 432. См. подробнее: ST, d. V, h. 1, s. 91, 165, 170, 176—179, 181—192, 195—199.

ции значительных уступок в области как внешней политики, так и торговли. Оттягивая акт ратификации и имея для этого основания (Сигизмунд III вскоре после заключения договора 1595 г. фактически перестал быть королем Швеции), русское правительство надолго привязало Швецию к своей внешней политике. В результате России удалось более 10 лет не допускать укрепления влияния Швеции в Карелии, издавна являвшейся плацдармом для шведской экспансии на восток.

В годы польско-шведской интервенции правительство Карла IX грубо попрало важнейшие статьи Тявзинского договора, захватив ряд исконно русских земель, в первую очередь корельский плацдарм, что автоматически означало возвращение Швеции на путь агрессии против России с последующим распространением захватов на восток и, что было гораздо важнее для Швеции, на северо-восток. Тем самым предполагалось в дальнейшем отрезать Русское государство от Белого и Баренцева морей и таким образом реализовать пресловутую «Великую восточную программу» Юхана III.

Тявзинский мирный договор сохранял свое значение до Столбовского договора 1617 г., восстановившего мирные отношения между Россией и Швецией после провала польско-шведской интервенции [87].

---

[87] См.: И. П. Шаскольский. Указ. соч., стр. 25 и далее.

ПОЛВЕКА ЖУРНАЛА СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ

Ю. П. Аверкиева, А. И. Першиц

«Советская этнография» — старейший этнографический журнал страны — и поныне остается центральным периодическим изданием этнографов СССР, на страницах которого десятилетие за десятилетием отражаются достижения одной из отраслей марксистской исторической науки. Но журнал не только летопись развития отечественной этнографии, ему в значительной мере принадлежит и роль ее организатора. Вот почему проделанный им за полвека путь дает возможность видеть, как основные этапы становления советской этнографической школы, так и важнейшие комплексы разрабатывавшихся и разрабатываемых ею научных проблем.

Представленный в публикациях 1920-х годов начальный период формирования этнографической науки в нашей стране был периодом возобновления работы старых и появления новых научных учреждений, развертывания экспедиционных работ и оживления собирательской деятельности. Но в теоретическом отношении взгляды этнографов представляли собой тогда эклектическое смешение идейных установок дореволюционной науки; ощущалось влияние не только эволюционизма, но и господствовавшего в те годы в западноевропейской этнографии позитивизма. В некоторых кругах этнографов на местах проявлялись националистические тенденции. В борьбе с этим наследием прошлого, в острых дискуссиях о предмете и методе науки проходил процесс формирования марксистской этнографии. Журнал, выходивший в те годы под названием «Этнография», сыграл немалую роль в преодолении идейно-теоретической пестроты взглядов, утверждении принципов марксизма и уточнении задач этой отрасли общественных наук в условиях начавшегося строительства социализма.

В 1931 г. журнал получил новое название — «Советская этнография». Это свидетельствовало об определенных достижениях советской этнографической школы. Программной в этом смысле была статья первого главного редактора журнала Н. М. Маторина, в которой подчеркивалась необходимость дальнейшей коренной перестройки «этнографического исследования на основе марксистско-ленинского метода и в тесной увязке с социалистическим строительством среди многочисленных народов СССР» [1]. И действительно, публикации 30-х годов отразили существенные изменения в понимании метода, предмета и задач этнографии. Советская этнографическая наука овладела марксистско-ленинским принципом историзма и из науки, в прошлом близко стоявшей к географии населения, превратилась в подлинно историческую науку. Правда, в довоенные годы это было достигнуто путем сужения предмета этнографии до изучения преимущественно доклассовых и раннеклассовых обществ, а равно их пережитков в более развитых общест-

[1] Н. М. Маторин. Современный этап и задачи советской этнографии. «Советская этнография», 1931, № 1, стр. 1; см. также «15 лет советской этнографии и ее дальнейшие задачи». «Советская этнография», 1933, № 1.

вах. Но этнографы рассматривали эти вопросы на материалах народов нашей страны и стремились приблизить свои исследования к задачам социалистического строительства. Так, разрабатывая проблемы общественного строя отстававших в прошлом в своем развитии народов национальных окраин, советские ученые выявляли социальную и культурную роль сохранявшихся у них архаических пережитков и тем самым помогали этим народам в перестройке жизни на социалистических основах. Участвуя в этой работе, «Советская этнография» отразила на своих страницах плодотворную деятельность Комитета народов Севера, Института по изучению народов СССР, а с 1937 г.— Института этнографии, сыграла большую научно-организационную роль в координации исследований, возникавших на местах этнографических учреждений, способствовала разоблачению теорий, идеализировавших остатки позднеродового и патриархально-феодального укладов в жизни отдельных народов нашей страны.

К этому же времени относятся первые журнальные публикации старшего поколения советских этнографов, свободных от влияния позитивистских и иных направлений в этнографии и овладевших марксистской методологией,— А. М. Золотарева, М. О. Косвена, Н. М. Маторина, Д. А. Ольдерогге, Л. П. Потапова, С. А. Токарева, С. П. Толстова и ряда других.

Качественно новый уровень отечественной этнографии сделал возможным ее подъем в первые послевоенные десятилетия. Особенности этого этапа могут быть понятны только в связи со спецификой и потребностями послевоенного времени. Возникло содружество социалистических стран, в результате роста национально-освободительного движения появились десятки новых независимых государств, расширились международные связи, усилилось стремление народов к сотрудничеству и взаимопониманию. Успехи строительства развитого социализма в СССР открыли широкие перспективы для дальнейших преобразований во всех областях экономики, культуры и быта. В мире, как никогда, активизировались этнические и культурно-бытовые процессы. Возрос интерес каждого народа к этническим судьбам и культурным ценностям, как собственным, так и своих соседей, которыми теперь благодаря развитию новейших технических средств стали все народы Земли.

Не удивительно, что в этих условиях журнал открыл первые послевоенные номера установочными статьями своего главного редактора С. П. Толстова, определившими решительный поворот науки к изучению культурно-бытовых особенностей различных народов мира в их историческом развитии, проблем происхождения и культурно-бытового взаимодействия этих народов, истории их расселения и передвижения. Вместе с тем была поставлена задача активизировать исследование современных процессов, прежде всего сложения социалистической культуры народов СССР во всем богатстве и многообразии ее национальных форм [2]. Уже в первом послевоенном десятилетии «Советская этнография» стала систематически помещать статьи, посвященные социалистическим преобразованиям в культуре и быте народов нашей страны, а в следующем десятилетии открыла новый раздел «Народы мира. Информационные материалы», в научно-популярной форме рассказывавший преимущественно о народах, завоевавших независимость.

Приблизительно с середины 60-х годов начался современный этап в работе журнала. Построение в нашей стране развитого социалистического общества, нарастание в условиях научно-технической революции темпов всех социально-культурных процессов, дальнейшее развертывание идеологической борьбы между марксистской и буржуазной нау-

[2] С. П. Толстов. Этнография и современность. «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 3; его же. Советская школа в этнографии. «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 28.

кой,— все это подняло значение обществоведческих исследований вообще и проводимых этнографами этнокультурных исследований в частности. Первостепенную роль приобрело решение поставленных Коммунистической партией и Советским правительством задач разработки фундаментальных проблем науки в их непосредственной связи с практикой коммунистического строительства в СССР и борьбой прогрессивных сил во всем мире. На страницах журнала началось исследование таких фундаментальных проблем, как общая теория этноса и этнических процессов, этническая специфика культуры и т. п. В связи с этим вполне закономерно сформулированное в журнале понимание этнографии как науки, изучающей этническую специфику жизни современных народов и, более того, имеющей одной из своих задач определение дальнейших тенденций в развитии этнических общностей [3]. Такое понимание, разумеется, предполагает исследование и межэтнических процессов, интернационализации национальных культур, сближения наций и народностей СССР, становления новой исторической общности людей — советского народа—и складывания советского образа жизни. Это важнейшее в свете решений XXV съезда КПСС направление этнографической работы в нашей стране уже нашло свое отражение в ряде публикаций журнала.

Таким образом, вместе с этнографической наукой журнал, отражая и направляя ее развитие, прошел путь от начальных вех в методологической перестройке до сложения зрелой марксистской школы, занимающей ныне передовые позиции в мировой этнографии. Первостепенное значение в этом плане имеет освоение научного наследия основоположников марксизма-ленинизма и программных документов Коммунистической партии. Материалы съездов КПСС и такие даты, как 150-летие со дня рождения К. Маркса и Ф. Энгельса, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 30-летие, 40-летие и 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 50-летие образования СССР и другие, неизменно помогали журналу подытоживать результаты этнографической работы и определять ее важнейшие теоретические и практические задачи. Пропаганда этнографических знаний со страниц журнала имеет большое значение для воспитания трудящихся нашей страны в духе советского патриотизма, интернационализма и непримиримости к любым проявлениям буржуазной идеологии. Журнал способствует проведению в жизнь социальной и интернациональной политики КПСС, направленной на упрочение морально-политического единства советского народа.

Полувековая деятельность журнала может быть показана на примере получивших разработку на его страницах направлений этнографических исследований. Понятно, что в рамках одной статьи нельзя обстоятельно рассмотреть все эти направления на всех этапах их развития. Поэтому остановимся на важнейших из них, уделив преимущественное внимание трем послевоенным десятилетиям [4].

Современные культурно-бытовые и этнические процессы. Призыв к этнографическому изучению социалистического преобразования культуры и быта у народов СССР прозвучал на страницах журнала уже в начале 30-х годов; тогда же было опубликовано несколько статей о строительстве новой жизни у народов советского Севера и Востока. Но широкое отражение этой тематики началось только со второй половины 40-х годов, в публикациях, сначала посвященных культурно-бытовым процессам в среде колхозного крестьянства. Исследовательский уро-

[3] Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан. О соотношении истории, этнографии и социологии. «Советская этнография», 1969, № 3, стр. 15.

[4] Более развернутый обзор и библиографию основных статей см.: А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. 50 лет журнала «Советская этнография». «Советская этнография», 1976, № 4.

вень первых работ был невысок: в большинстве случаев давалось простое описание современного быта колхозников в сравнении с дореволюционным бытом крестьян, причем преобладали монографические описания всех сторон жизни одного колхоза — от экономики до профессиональной культуры. Необходимо было уточнить предмет и задачи подобного рода исследований, и решающую роль в этом сыграла организованная журналом в начале 50-х годов дискуссия об этнографическом изучении колхозного крестьянства, в которой приняли участие ведущие специалисты Института этнографии АН СССР и местных этнографических учреждений. Обсуждение помогло переключить внимание этнографов с фиксации фактов на исследование их динамики и выявление, с одной стороны, положительных линий развития, с другой — вредных, несовместимых с новыми условиями жизни пережитков прошлого.

Не меньшую роль сыграл журнал в развертывании и углублении начавшегося несколькими годами позднее изучения культуры и быта рабочего класса народов СССР. Здесь перед этнографами стояли особенно большие трудности. В прошлом ни отечественная, ни зарубежная наука не видела в рабочем классе — этом самом передовом и непрерывно растущем отряде современного общества — объекта этнографического исследования. Обратившись к нему впервые, советские этнографы не располагали сколько-нибудь разработанной методикой, и не удивительно, что первые попытки имели не столько научный, сколько публицистический характер. Напечатанные журналом теоретические статьи помогли наметить контуры многих этнографических проблем изучения рабочего быта — его особенностей у различных народов СССР и, в частности, тех из них, у которых рабочий класс стал складываться только после Великой Октябрьской социалистической революции, у разных групп рабочего класса — промышленных рабочих, рабочих совхозов, у населения промышленных поселков, еще только переходящих от крестьянского к рабочему быту, и т. д.

Начиная с 60-х годов публикации журнала отражают заметные успехи в изучении современных культурно-бытовых процессов у народов СССР. Увеличиваются масштабы исследований, охватывающих теперь все народы союзных и автономных республик и областей, а также множество малых народов нашей страны. Начинается углубленный анализ отдельных элементов культуры или сторон быта — трансформации жилища, одежды, пищи, семейной и общественной жизни, традиционных форм духовной культуры. Во многих публикациях прогнозируются культурно-бытовые процессы, содержатся конкретные предложения по их оптимизации. В то же время комплексное изучение как крестьянства, так и рабочего класса, а затем также и интеллигенции народов СССР позволяет, не ограничиваясь больше исследованием изменений в культуре и быте, перейти к изучению несравненно более широких этнических процессов у народов нашей страны.

Хотя отдельные публикации по этническим процессам в тех или иных регионах страны стали появляться уже в 50-х годах, широкая разработка этого круга проблем началась только в следующем десятилетии, после того как журнал привлек внимание исследователей к этому наиболее актуальному направлению этнографической науки. С тех пор на страницах журнала появились десятки статей о современном этническом развитии русских, украинцев, белорусов, народов Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. Однако еще большее значение имеют опубликованные журналом теоретические статьи об основных направлениях этих процессов, их типологии и конкретных механизмах. Очень много в этом отношении дало также привлечение наряду с прежними методами непосредственного наблюдения современных количественных методов исследования, анкетного опроса и т. д. с последующей машинной обработкой материа-

лов; в необходимых случаях организуется и разработка новых математических приемов сопоставления количественных показателей. В самые последние годы обобщение большого регионального материала и успехи в теории и методике исследования позволили приступить к публикации этнографических и этносоциологических работ об этнических процессах в сфере семьи, духовной культуры, языка, психологии. Начата разработка наиболее общего и актуального аспекта изучения современных культурно-бытовых и этнических процессов у народов СССР—советского образа жизни.

Уже в первом послевоенном десятилетии на страницах журнала стали освещаться современные культурно-бытовые и этнические процессы в зарубежных странах. Больше всего внимания уделялось борющимся против колониального ига или недавно обретшим независимость народам Азии, Африки, Латинской Америки и Океании—их общей этнокультурной характеристике, культурному достоянию, оценке в нем архаических пережитков, этническим ситуациям и процессам в сложных по своему национальному составу государствах и регионах. Ряд статей посвящен дискриминации коренного населения в таких странах, как США, Австралия, ЮАР, Израиль. Постепенно, не без методических трудностей в определении предмета и задач исследования, развернулась публикация статей о современных процессах в развитых капиталистических странах, в чем опять-таки существенную помощь оказали помещенные в журнале теоретические статьи. Особое внимание в этой группе публикаций привлекают те, которые посвящены специфике положения иммигрантских и других не абсорбированных групп населения и особенностям развития буржуазных наций в однонациональных и многонациональных буржуазных государствах.

Заметное, хотя пока еще недостаточное, место уделено в журнале работам о современных культурно-бытовых и этнических процессах у народов зарубежных социалистических стран.

Этническая история и история культуры. Ленинский принцип историзма требует, чтобы изучение современных процессов опиралось на знание всего того, что им предшествовало, и естественно, что журнал уделяет большое внимание этнической и культурной истории народов мира.

Как известно, разработка проблем этногенеза советскими этнографами в довоенные и первые послевоенные годы испытала на себе влияние учения о языке Н. Я. Марра и его последователей, полностью отрицавших роль переселений и заимствований в этнической истории народов. Однако это влияние не следует преувеличивать: так, в 1949 г. в одной из помещенных журналом программных для исследования проблем этногенеза статей правильно отмечалось, что этнические общности изменяются в процессе как развития производства, так и постоянного взаимодействия между ними самими. Все же преодоление крайностей марровского автохтонизма при сохранении положительной стороны его учения — преимущественного внимания к внутренним закономерностям развития этнических общностей — способствовало дальнейшему развертыванию и подъему этногенетических исследований. Среди опубликованных журналом статей и сообщений по вопросам этногенеза, разумеется, преобладают те, которые посвящены народам нашей страны — от Крайнего Севера до Средней Азии и от Прибалтики до Дальнего Востока. Как правило, они основаны на оригинальных полевых, архивных и музейных материалах и на комплексном использовании традиционной для отечественной науки «анучинской триады», то есть этнографических, антропологических и археологических источников, широко дополняемых также лингвистическими, историко-географическими и другими. В то же время с каждым годом появляется все больше публикаций по этнической истории зарубежных народов, в которых исполь-

зуются результаты советских экспедиционных работ за рубежом или же анализируются с марксистских позиций данные, полученные учеными других стран.

Много места уделяется проблемам методики этногенетических исследований. В частности, специальные статьи посвящены различным источникам этнической истории, таким, как антропологические, фольклорные и лингвистические данные.

С вопросами этнической истории на страницах журнала тесно смыкается историко-культурная тематика. Разработка ее важна не только для решения проблем этногенеза. Она необходима для воссоздания подлинно марксистской истории народов, неотъемлемой составной частью которой является история всех компонентов их материальной и духовной культуры, всех особенностей и институтов их социальной организации.

Уделяя преимущественное внимание истории культуры народов СССР, журнал поместил в послевоенные десятилетия большое число статей о традиционных орудиях производства, транспортных средствах, поселениях, жилище, пище, домашней утвари, одежде и украшениях. Наиболее интересен в этом плане ряд обобщающих публикаций, связанных с подготовкой серии историко-этнографических атласов и отражающих историческое и географическое распределение элементов материальной культуры в различных регионах нашей страны. Некоторые вопросы, как, например, о соотношении эколого-экономических и традиционно-этнических факторов в развитии сельскохозяйственной техники, вызвали развернувшуюся на страницах журнала оживленную и плодотворную дискуссию.

Обширна серия статей по вопросам истории общественных и семейных отношений, то есть социальной культуры. Сюда относятся в первую очередь работы по общественному строю тех народов, изучение истории которых требует особенно широкого привлечения этнографических данных, позволяющих проанализировать сохранившиеся у них архаические формы и институты, а также работы, посвященные самим этим институтам. Особое внимание в этой связи привлекли такие древние, но преобразованные в феодальную эпоху формы, как туркменские аламаны, кавказское аталычество, гостеприимство, куначество, патронат. Большая группа статей, основанных преимущественно на полевых экспедиционных материалах, касается истории семьи и традиционного семейного быта народов СССР, в особенности обычаев и обрядов детского, брачно-свадебного и погребально-поминального циклов. Уже в 50-х годах журнал вновь обращает внимание исследователей на такой важный источник исторической реконструкции общественных и семейных отношений, как обычное право.

Публикациями журнала охвачены почти все компоненты духовной культуры многочисленных народов нашей страны, их традиционного художественного творчества — устного, драматического, музыкального, танцевального, изобразительного, народных игр и празднеств. В меньшей степени привлечено внимание к истории народных знаний, однако сейчас сделан крупный шаг к организации исследований в одной из их важных отраслей — народной медицине. Много дало изучение народных верований. Публикационная деятельность по этой тематике особенно активизировалась с 50-х годов, когда поставленные партией и правительством задачи развертывания научно-атеистической пропаганды потребовали углубленного исследования вероисповедных комплексов и их пережитков, сохранившихся у отсталых слоев населения.

Богатые собрания отечественных музеев, письменные источники и все учащающиеся поездки советских ученых за рубеж позволили развернуть значительную работу также и по изучению истории культуры других народов мира. Этому же способствуют и становящиеся все более

многообразными научные контакты. Отметим наиболее заметные из отразившихся в журнале достижений в рассматриваемой области. Это — теоретико-методические исследования, посвященные проблемам составления общеевропейского историко-этнографического атласа; это значительный ряд работ о самобытной культуре народов неевропейских стран, на развитии которых тяжело отразилась европейская колонизация,— культуре, многое из которой вошло в сокровищницу общечеловеческой цивилизации; это, наконец, явившиеся весомым вкладом в мировую науку этнолингвистические публикации о дешифровке систем письменности о. Пасхи, древних майя, древних Филиппин.

Общая теория культуры и этноса. Публикуя материалы о развитии компонентов культуры и этнических общностей в прошлом и настоящем, журнал, естественно, не мог не привлечь внимания исследователей к общим теоретическим вопросам. Разработка ленинского положения о классовости культуры, роль народных масс в создании культурных ценностей, сравнительная ценность культурного достояния народов мира, преемственность культурных традиций, соотношение в культурном развитии традиции и инновации, общее и особенное в самом основном объекте этнографического изучения — этносах,— таков далеко не полный перечень проблем, обсуждавшихся на страницах журнала.

Уже в довоенные годы было выдвинуто, а в послевоенные десятилетия получило глубокую разработку учение советской этнографической школы о хозяйственно-культурных типах (ХКТ) и историко-этнографических областях (ИЭО). Основные публикации на эту тему помещены в «Советской этнографии». В них показано качественное различие между этими двумя категориями. ХКТ независимо складываются у разобщенных, но живущих в сходных эколого-экономических условиях народов; ИЭО образуются в результате тесных контактов между народами, часто принадлежащими к разным ХКТ, но длительно между собой соседящими. И хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области исследуются в их историческом развитии. Таким образом, учение о ХКТ и ИЭО, направленное против диффузионистских концепций «культурных кругов» и «культурных ареалов», проникнуто марксистской методологией.

Вместе с тем концепция историко-этнографических областей — этих своего рода надэтнических историко-культурных образований — являлась шагом к начавшейся с 60-х годов на страницах журнала синхронной и диахронной типологизации этнических общностей. Важную роль в этом отношении сыграла также работа над изданной Институтом этнографии АН СССР многотомной серией «Народы мира», выявившая необходимость соотнесения основных этнических категорий. В 1967 г. журнал открыл обсуждение всего круга вопросов, связанных с понятием «этнос», оказавшееся во многих отношениях результативным. Прежде всего оно помогло уточнить само понятие этноса, отделить среди его традиционно понимаемых признаков собственно признаки от условий их возникновения. Оно помогло также соотнести этнос с другими — социально-экономическими, сословно-классовыми, политическими, лингвистическими, культурными, конфессиональными — общностями. Специальная дискуссия на тему «Этнос и эндогамия» показала неправомерность как отождествления этносов с биологическими (популяционными) общностями, так и игнорирования определенных исторически сложившихся и социально опосредованных связей между ними. В то же время выделение таких комплексных категорий, как этно-политические или этно-конфессиональные общности, дало возможность избавиться от схематизма при характеристике диалектически сложной этнической картины мира.

Не меньшее значение имела публикация журналом первого опыта всеобъемлющей типологизации этнических общностей. Она, вероятно,

еще потребует уточнений, но положенное в ее основу подразделение всех исторических типов этносов на этно-социальные организмы (ЭСО) и этникосы уже получило широкое признание в советской этнографии. Некоторые впервые выделенные или дефинированные категории еще остаются предметом чисто терминологических споров (например, «соплеменность» или «семья племен», «этническая» или «этнографическая» группа), однако сам факт их выявления получил широкое признание.

В ходе разработки на страницах журнала общей теории этноса впервые уделено большое место анализу этнического самосознания как итогового и вместе с тем наиболее характерного признака этноса, подчас сохраняющегося и после утраты им культурной и языковой специфики. В связи с этим привлечено внимание также к проблемам изучения этнической психологии, этнического (национального) характера.

На стыке наук. Будучи специализированной отраслью истории, изучающей специфическое и общее в народах мира, этнография в некоторых отношениях шире ее, поскольку включает ряд дисциплин, расположенных на стыке с другими общественными, а также естественными науками. Так, в истории первобытного общества она сотрудничает с археологией и антропологией, в этнической географии она соприкасается с географией, в фольклористике она переплетается с литературоведением. Этнография тесно связана с антропологией вообще, этнической антропологией в особенности, а также с этнолингвистикой, этнопсихологией и т. д. Поэтому неудивительно, что на страницах журнала уделяется много внимания всем этим смежным наукам и пограничным дисциплинам.

Одно из первых мест принадлежит здесь истории первобытного общества, что объясняется не только научно-познавательным, но и огромным мировоззренческим значением ее основной проблематики, в особенности вопросов антропо- и социогенеза, возникновения семьи, частной собственности, классов и государства, происхождения религии. В свое время разработка этих проблем сыграла немалую роль в создании основоположниками научного коммунизма общей концепции исторического процесса, и вот уже почти столетие не прекращаются попытки буржуазных ученых опровергнуть эту концепцию с помощью новых данных науки. Наиболее распространенный прием — сознательное смешение принципиальных положений учения о первобытном коллективизме с отдельными второстепенными выводами, основанными на этнографических данных прошлого века и уточненными или пересмотренными современной этнографией. В противоположность этому советские исследователи, изучая и обобщая вновь полученные факты, показывают, что их объективная интерпретация никак не колеблет марксистского учения о первой социально-экономической формации.

Ряд серьезных, поныне не утративших своего значения исследований по этой тематике был опубликован журналом уже в 30-х годах, но основная работа развернулась в последние десятилетия, когда «Советская этнография» организовала обсуждение таких узловых проблем, как периодизация истории первобытного общества, возможности использования приматологических данных для изучения начальных этапов социогенеза, соотношение рода и различных форм общины, материнского и отцовского рода, времени зарождения религии и ряд других. Заметное влияние на развитие марксистской трактовки истории первобытного общества оказали опубликованные журналом работы о развитии форм семьи, локализации брака, эволюции систем родства. Особое внимание было уделено различным аспектам процессов классообразования — их конкретным механизмам, общему и специфическому в проявлении их закономерностей у представителей различных хозяйственно-культурных типов. Начато освещение теоретических вопросов развития первобытной экономики, до недавнего времени монополизировавшееся и извращав-

шееся западной так называемой экономической антропологией. Из других новых и уже отразившихся в журнале направлений нельзя не отметить первый опыт типологизации процессов взаимодействия классовых и доклассовых обществ.

Этническая география изучает этнический состав населения Земли, размещение и численность народов и их групп в их исторической и пространственной динамике. В ряду ее основных проблем, в организации изучения которых есть заслуга и журнала, едва ли не первое место принадлежит классификации народов мира, проводимой в нашей науке не по чисто лингвистическому, а по этно-лингвистическому принципу. Это означает, что хотя основой группировки народов служит язык, во всех тех случаях, когда он не дает четких критериев, во внимание принимаются другие этнические признаки. Из связанных с этим проблем на страницах журнала углубленной разработке подверглись принципы определения этнических территорий и установления этнических границ и методы этнического картографирования, в том числе нанесение на карту областей со смешанным этническим составом и совмещение показа этнического состава и плотности населения.

Многие публикации, актуальные для этнической характеристики населения нашей страны и всего земного шара, посвящены вопросам этнической статистики и демографии. В основу их легли последние переписи населения СССР и все более расширяющиеся переписные и оценочные данные по другим народам мира, а также разнообразная демографическая статистика. Особенность значительного числа таких публикаций — их определяемый тесной связью с этнографией историзм, рассмотрение этнической картины мира в ее динамике. В работах последних лет ставятся и новые актуальные проблемы взаимосвязи этнографии и географии, в частности взаимодействия этнических общностей с географической средой.

Антропология — особая биологическая наука, но так как ее предметом является происхождение и эволюция физической организации человека, она не может не смыкаться с общественными науками. В частности, один из основных разделов антропологии — антропогенез — в то же время предстает и разделом истории первобытного общества, а другой основной раздел — этническая антропология — принадлежит к числу важнейших частей этнической истории. В журнале печатались специальные статьи об антропологических данных как историческом источнике и систематически освещается широкий круг вопросов, так или иначе связанных с проблемами антропогенеза и этнической антропологии. Среди них немало проблемных работ о локализации прародины человечества, первичных очагах расообразования, определении самой категории «раса», расовых классификациях и, что особенно важно, соотнесении расовых и различного рода социальных общностей. Журнал своевременно привлек внимание к начавшим развиваться в последние десятилетия серологическим, дерматоглифическим и одонтологическим методам исследований в области этнической антропологии. Еще больше опубликовано ценных конкретных работ по этнической антропологии народов СССР и многих зарубежных стран.

Выше уже говорилось об этно-лингвистических публикациях журнала по дешифровке письменности ряда древних народов. Сотрудничество этнографии и лингвистики в этой области диктуется тем, что изучение культуры народов, лишь вступивших на рубеж цивилизации и сохраняющих многочисленные архаические пережитки, невозможно без использования этнографических данных и методов. То же относится и к изучению языков отставших в своем развитии народов, также нашедшем отражение в журнале. В последнее время активизировалась этно-лингвистическая работа в области ономастики, в особенности не получившей в прошлом надлежащего развития антропонимики.

Регулярно публикуются в журнале и фольклористические исследования, необходимые как для воссоздания картины традиционно-бытовой духовной культуры народов мира, так и в качестве ценного источника этнической истории. В частности, именно в «Советской этнографии» помещено большинство итоговых и программных статей по проблемам советской фольклористики.

История науки и критика буржуазных концепций. Еще одна линия публикаторской деятельности журнала — это историография, причем не только собственно этнографии, но и истории первобытного общества, антропологии и фольклористики. Начало ее было положено в 30-х годах изучением теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма. Уже тогда, а затем в послевоенное время было много сделано для исследования взглядов Маркса и Энгельса на первобытное общество и развития этих взглядов в соответствии с накоплением этнографических материалов и подлинно научными достижениями эволюционистской этнографии второй половины XIX в., в первую очередь таких ее представителей, как Л. Г. Морган и И. Я. Бахофен. Ряд содержательных публикаций посвящен основополагающему для развития советской этнографии учению Ленина по национальному вопросу и национальной политике, об общественно-экономических укладах, культурной преемственности. Привлечено внимание к научному наследию Г. В. Плеханова и других русских марксистов.

Оживление историографической мысли дало толчок исследованиям и публикациям по истории отечественной этнографии и смежных дисциплин. В журнале был создан специальный отдел «Из истории науки». Развернувшееся в послевоенное время изучение научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, М. М. Ковалевского, Н. И. Зибера, Д. Н. Анучина, В. К. Арсеньева, К. М. Бэра, Ш. Б. Ногмова, Ч. Валиханова и других этнографов и антропологов или же мыслителей и ученых, оставивших заметный след в развитии этих наук, позволило выявить прогрессивные традиции отечественной науки, ее методы и достижения, ее вклад в мировую науку. Этот вклад, до того времени сравнительно мало учитывавшийся не только зарубежными, но и советскими учеными, продолжает исследоваться на страницах журнала. Успешная работа в области историографии позволила организовать также и обобщающие публикации, посвященные периодизации истории русской и украинской этнографии.

Одновременно проходило изучение истории зарубежной науки, в особенности характерных для буржуазной этнографии и антропологии XX в. ряда реакционных направлений и школ. До Великой Отечественной войны острая идеологическая борьба между марксистским и антимарксистским направлениями развертывалась главным образом по линии разоблачения расистских концепций, авторы которых пытались почерпнуть свои доводы не только в антропологических, но и в этнографических данных. Эта линия в полной мере сохранила свою актуальность и в послевоенное время, когда в этнографии США получило значительное распространение так называемое этно-психологическое, фактически этно-расистское направление. В ряде своих публикаций журнал показал антинаучный и реакционный характер современных «теорий» неравноценности рас и народов, призванных обосновать особую «историческую миссию» Запада, неоколониализм, расовую или этническую дискриминацию и сегрегацию. Серьезное внимание уделено работам английских этнографов-функционалистов, использовавшимся для совершенствования методов так называемого непрямого управления народами Африки и Азии. В последние годы особую актуальность приобрела также широко представленная в журнале критика новейших, нередко выступающих под внешней оболочкой историзма, антирасизма и даже «улучшенного» марксизма, течений в буржуазной науке, в особен-

ности неоэволюционизма и культурного релятивизма. Продолжается борьба против попыток возродить на новой базе концепции извечности основных социальных институтов антагонистического общества, религиозного мировоззрения и т. п. В то же время на страницах журнала объективно оцениваются наблюдающиеся в среде прогрессивных ученых Запада тенденции овладения марксистской методологией или же их фактический переход на историко-материалистические позиции в результате непредвзятого истолкования научных фактов.

Организация науки. Журнал всегда стремился к тому, чтобы не только отражать на своих страницах достижения науки, но и быть застрельщиком в развитии наиболее актуальных направлений научных исследований, в разработке актуальных проблем этнографии и смежных областей знания. Этой цели служат и публикуемые им программные статьи, и развертывание научных дискуссий, и большая критико-библиографическая работа, и систематическое освещение в отделе хроники (а с 1967 г.— в новом отделе «Научная жизнь») деятельности этнографических учреждений и важнейших внутрисоюзных и международных конгрессов, конференций и симпозиумов. Этому же в большой степени способствуют публикуемые журналом методические статьи, программы и разработки, помогающие развертыванию и совершенствованию этнографической работы, ее координации и унификации в масштабах всей страны. Таковы, в частности, статьи, посвященные методике полевой работы, применению в этнографии современных количественных методов, подготовке региональных историко-этнографических атласов и т. п.

В соответствии с ленинскими принципами национальной политики в организации советской науки журнал уделяет особое внимание развитию этнографической работы в союзных и автономных республиках и областях нашей страны. С каждым десятилетием в «Советской этнографии» печатается все больше исследований, подготовленных в национальных научных центрах, в том числе и таких, где еще недавно не было ни одного этнографа. Не менее важно другое: в качестве центрального периодического органа журнал знакомит национальные отряды ученых страны с работами, проводимыми в штабе советской науки — Академии наук СССР — и других этнографических центрах и учреждениях. Так, только в 60-х годах «Советская этнография» поместила информацию об этнографической, фольклористической и антропологической работе на Украине, в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Киргизии, Азербайджане, Армении, Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии, Коми АССР, Карелии, Кабардино-Балкарии, Бурятии, а также во многих городах РСФСР и других союзных республик. Немало внимания уделяется также рецензированию выходящих в республиках и автономных областях монографий, тематических и серийных сборников, украинского журнала «Народна творчість та етнографія». «Советская этнография» занимается изучением научного наследия зачинателей этнографических исследований у различных народов СССР. Так, ряд статей посвящен немало сделавшим для развития отечественной этнографии украинским просветителям Т. Г. Шевченко и И. Франко, казахскому — Ч. Валиханову, осетинскому — К. Хетагурову, кабардинскому — Ш. Б. Ногмову и многим другим.

Другая заслуживающая быть особо отмеченной линия работы журнала — это его роль в установлении и укреплении контактов между прогрессивными учеными мира. «Советская этнография» не только информирует о важнейших международных встречах этнографов, антропологов и фольклористов, но и активно содействует успешному проведению таких встреч. В частности, большое внимание уделяется главным мировым форумам этнографов и специалистов в области смежных наук — международным конгрессам антропологических и этнографиче-

ских наук, подготовке и результатам которых журнал всегда посвящает специальные статьи. То же в значительной степени относится и к другим крупным международным форумам, в работе которых участвуют советские этнографы: тихоокеанским конгрессам, конгрессам востоковедов, финно-угроведов, монголоведов, I конгрессу по европейской этнологии, социологическим конгрессам, а также проводимым совместно с учеными социалистических, развивающихся и капиталистических стран полевым исследованиям.

В 1940-х — 1970-х годах журналом было опубликовано немало статей зарубежных ученых. Отметим лишь, что большинство их принадлежит этнографам стран социализма, но немало и таких, которые присланы видными прогрессивными учеными развивающихся и капиталистических стран. Очень полезны публикуемые в журнале обзорные статьи о современном состоянии этнографической и антропологической работы в различных странах. Знакомя своих читателей с новейшими достижениями советской этнографии и внося вклад в упрочение международных научных контактов, журнал тем самым способствует распространению марксистской методологии среди прогрессивных этнографов мира.

Одна из лучших традиций научной жизни в нашей стране состоит в том, чтобы в юбилейные дни не только подытоживать успехи, но и думать о том, что не сделано или могло быть сделано более успешно. Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «в современную эпоху ответственность советского ученого перед обществом неизмеримо возросла. С ростом масштабности и сложности проблем, которые мы ставим перед собой в своем развитии, неуклонно растет и роль сознательного начала в обществе — роль партии как руководящей, направляющей силы в строительстве коммунизма, а также и роль науки, которая призвана творчески разрабатывать проблемы, решением которых заняты партия, государство, народ» [5].

Несмотря на то, что в «Советской этнографии» с каждым годом публикуется все больше работ по фундаментальным теоретическим проблемам и прежде всего профилирующим проблемам общей теории этноса, журналом еще не изжито и мелкотемье. В некоторых номерах значительная часть статей и сообщений посвящена частным, а иногда лишь отдаленно относящимся к предмету этнографии вопросам. Предпринятое в последние годы уточнение не только объекта, но и предметной зоны этнографических исследований [6] обязывает центральный печатный орган советских этнографов к более строгому тематическому отбору публикаций.

Недостаточно регулярно печатаются обобщающие статьи об итогах и задачах важнейших исследований по различным, в особенности региональным, разделам этнографии. Так, не опубликовано ни одной обзорной статьи по проблемам этнографического кавказоведения или сибиреведения, европеистики или американистики. Еще более важно полнее учесть, какие «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности, естественных и общественных» [7]. Журналу предстоит активнее привлекать внимание специалистов к таким пограничным дисциплинам, как этнозоология и этноботаника, политическая и юридическая этнография.

Не все дискуссии были организованы на надлежащем уровне. Некоторые из них либо остаются незавершенными, растягиваются на

---

[5] Л. И. Брежнев. Гордость отечественной науки. «Коммунист», 1975, № 15, стр. 7.

[6] См. Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М. 1973; его же. Этнография на современном этапе. «Коммунист», 1974, № 16.

[7] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 72.

много лет, либо, напротив, представлены одной-единственной публикацией.

В 1967 г. журнал открыл важный научно-популярный отдел «Поиски, факты, гипотезы». Как правило, в нем печатаются содержательные и интересные статьи, но некоторые из них, по-видимому, излишне беллетризованы. К сожалению, меньше внимания оказывается другому важному научно-популярному отделу — «Народы мира. Информационные материалы», в котором с 1972 г. не было помещено ни одной статьи.

В отделе «Критика и библиография» все еще мало критических обзоров тематически однородных работ; не часто публикуются обзоры работ на языках народов СССР. Рецензии на отечественные издания подчас содержат не столько критический анализ, сколько развернутую информацию; многие рецензии на зарубежные работы посвящены не профилирующим, а второстепенным исследованиям.

Журнал «Советская этнография» пришел к своему 50-летию с заметными успехами в развитии и организации марксистской этнографической науки, в разработке фундаментальных теоретических проблем и решении задач их практического приложения. Но, как говорил Л. И. Брежнев в речи, посвященной 250-летию АН СССР, «в условиях, когда резко увеличилась роль науки и на нее расходуются все более значительные средства, как никогда важным становится повышение эффективности работы научных учреждений, устранение имеющихся в этом деле недостатков» [8]. В этих условиях ведущий печатный орган советской этнографической науки в еще большей мере должен использовать все резервы и возможности для дальнейшего совершенствования своей работы.

[8] «Коммунист», 1975, № 15, стр. 8.

ДВИЖЕНИЕ ЗА НАРОДНЫЙ ФРОНТ В ПОЛЬШЕ

В. П. Чугаев

Международное коммунистическое движение, неуклонно руководствуясь в своей практической деятельности теорией марксизма-ленинизма, накопило богатый опыт политических союзов. Еще в межвоенный период значимость ленинских идей об объединении демократических сил ярко проявилась во Франции, Испании, Чили и ряде других стран, где был создан единый народный фронт борьбы против фашизма и угрозы войны. Значительный интерес представляет опыт польских коммунистов, возглавлявших в 30-е годы антифашистский народный фронт.

История формирования и основные проблемы народного фронта в Польше анализируются как в советской, так и в польской историографии [1]. Вместе с тем эта тема вновь и вновь привлекает внимание исследователей и своей значимостью, и возможностью глубже взглянуть на многие аспекты этой многогранной проблемы в свете ставших известными за последнее время новых фактов и документов, и, наконец, необходимостью продолжать разработку некоторых положений, не получивших еще надлежащего освещения в литературе. В настоящей статье предпринята попытка осветить деятельность Коммунистической партии Польши (КПП) по созданию единого рабочего и народного фронта против наступления фашизма и роста военной опасности в середине 30-х годов.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции принесла польскому народу национальное освобождение и государственную независимость. Однако в результате сложившегося в то время международного и внутриполитического положения власть в стране захватила буржуазно-помещичья верхушка. После государственного переворота, совершенного Ю. Пилсудским в мае 1926 г., к власти пришла одна

---

[1] См.: «История Польши». Т. III. М. 1958; «Из истории польского рабочего движения». М. 1962; А. Н. Мацко. Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против фашизма (1933—1939 гг.). Минск. 1963; его же. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918—1939 гг.). Минск. 1972; О. М Швыдак. Интернациональное единство трудящихся Западной Украины и Польши в революционно-освободительной борьбе (1929—1939 гг.). Киев. 1972 (на укр. яз.). Многие вопросы темы получили освещение в очерках и статьях. А. П. Сема. Борьба КПП за единый народный фронт, против фашизма (1934—1935). «Новая и новейшая история», 1962, № 6; М. М. Богуславский. VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в Польше (1934—1935 гг.). «Советское славяноведение», 1966, № 2; В. Ф. Кадацкий, А. Х. Клеванский, И. В. Михутина, М. М. Сумарокова. Компартии Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии на пути к новой политической ориентации и VII конгресс Коминтерна. «Советское славяноведение», 1975, № 4, и др. В польской литературе этой теме посвящен ряд монографий и статей: J. Żarnowski. Polska Partia Socjalistyczna w latach 1935—1936. «Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939». T. III. Warszawa. 1960; ejusd. Polska Partia Socjalistyczna w latach 1935—1939. Warszawa. 1965; J. Kowalczyk. Rok 1935. Przyczynek do historii jednolitego frontu w Polsce. Warszawa. 1965; T. Kalicka. Z zagadnień jednolitego frontu KPP i PPS w latach 1933—1934. Warszawa. 1967; «Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964». T. I. Warszawa. 1967; J. Kowalski. Trudne lata. Problemy rozwoju polskiego ruchu robotniczego. 1929—1935. Warszawa. 1966; ejusd. Komunistyczna Partia Polski. 1935—1938. Warszawa. 1975.

из наиболее реакционных, авантюристических и агрессивных клик, прикрывавшаяся лозунгом санации — «оздоровления» общественной жизни. Следует учитывать, что КПП квалифицировала санацию как фашистскую диктатуру. По оценке современных польских историков, диктаторскому режиму санации не были свойственны все характерные для фашизма особенности, тем не менее ему были присущи черты, либо сближавшие его с фашизмом, «либо подготовлявшие почву для фашизма» [2]. Межвоенные годы были периодом острой борьбы трудящихся масс против гнета буржуазии и помещиков, за свое социальное освобождение, за демократические свободы и мир, за социализм.

С особой силой выявились глубокие экономические и классовые противоречия в Польше в начале 30-х годов. К этому времени в мире сложилась новая обстановка. Капиталистическую систему охватил глубокий экономический кризис. Наиболее реакционные круги буржуазии во многих странах делали ставку на фашизм, который нес с собой наступление капитала на трудящиеся массы и вел подготовку к развязыванию захватнических войн. Советский Союз к этому времени «окончательно укрепился на социалистическом пути» [3]. Усилилось его влияние в международных делах. Все это означало «новый крупнейший сдвиг в соотношении классовых сил в мировом масштабе в пользу социализма, в ущерб капитализму» [4]. В Польше, которая была одним из наиболее слабых звеньев в цепи капиталистической системы, последствия мирового экономического кризиса проявились с особой силой. Промышленное производство сократилось почти в два раза [5]. Невиданных размеров достигла безработица. По данным КПП, число безработных с семьями в тот период превышало 3 млн. человек. К тому же почти 40% работавших были заняты неполную рабочую неделю [6]. Капиталисты всемерно усиливали интенсивность труда, снижали заработную плату. В условиях кризиса шло быстрое разорение деревни, где имелись сотни тысяч «лишних» рабочих рук. Все это обостряло внутренние противоречия в стране.

После прихода к власти в Германии фашистов резко активизировалась реакция в Польше. Уже в феврале 1933 г. польское правительство внесло в сейм законопроекты, затрагивавшие политические права и ущемлявшие материальные интересы широких слоев населения. Санация стала на путь изменения конституции страны. Пилсудчики усилили политический террор, они учредили в 1934 г. концентрационный лагерь в Березе Картузской. Тысячи коммунистов, участников забастовочной борьбы и революционных выступлений были брошены в тюрьмы. По данным Польской секции МОПР, число политзаключенных в 1933 г. достигало 12 тыс. человек [7], в 1934 г.— 14 тыс., а в 1935 г.— 16 тыс. человек [8]. Но массовый террор и реакционные законы не достигали желаемой для санации цели. ЦК КПП так оценивал внутреннее положение в Польше в начале 1933 г.: «Политическая обстановка в стране обостряется. Ненависть широких масс к фашистской диктатуре Пилсудского проявляется на каждом шагу в городе и в деревне» [9].

30-е годы ознаменовались в Польше мощным подъемом забастовоч-

---

[2] «Polski ruch robotniczy. Zarys historii». Warszawa. 1972, s. 198.

[3] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8. Т. 5, стр. 129.

[4] «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны». Сборник документов. М. 1975, стр. 397.

[5] «Мировое хозяйство. Ежегодник. 1938—1939». М. 1939, стр. 280.

[6] Centralne Archiwum przy Komitecie Centralnym Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej (CA KC PZPR), sygn. 158/I—6, t. 1, k. 21.

[7] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 539, оп. 3, д. 973, л. 19.

[8] H. Wajn. Więźniowie polityczni w Polsce w latach 1918—1939. «Z pola walki», 1965, № 4, s. 9.

[9] CA KC PZPR, sygn. 158/IV-2, t. 10, k. 22.

ного движения. По официальным данным, в 1930—1937 гг. состоялось более 8 тыс. стачек, которые продолжались 18,4 млн. забастовочных человеко-дней, в них принимали участие 2850 тыс. рабочих[10]. Из года в год росло количество предприятий и отраслей производства, охваченных стачками. При этом происходило перемещение базы забастовочной борьбы, на что указывалось на VI съезде КПП (октябрь 1932 г.), «из мелкой и средней в крупную промышленность»[11]. Усиливалась тенденция к групповым стачкам, когда одновременно выступали рабочие многих фабрик и заводов. В них участвовало в 1930 г. около 30%, в 1932 г.— 60%, а в последующие годы — до 75% бастовавших. Получили распространение оккупационные стачки, сопровождавшиеся захватом предприятий бастующими. В 1931—1937 гг. в стране произошло 2826 оккупационных забастовок[12]. Уровень политических выступлений в Польше, по оценке ИККИ, был «выше, чем в других капиталистических странах»[13]. С забастовочной борьбой рабочих сливались массовые выступления безработных, крестьянское движение, национально-освободительное движение в Западной Украине и Западной Белоруссии.

В новой обстановке, сложившейся в мире к середине 30-х годов, перед коммунистическим движением возникла настоятельная необходимость определить пути и выработать методы объединения революционных и прогрессивных сил, способных противостоять фашизму, который превратился в международную опасность. Политическая ориентация коммунистического движения вырабатывалась путем коллективных усилий братских партий под руководством Коминтерна. «Коминтерн был средоточием всего самого творческого и прогрессивного в освободительном движении своего времени. Он воплощал в себе высшие достижения марксистско-ленинской мысли и лучшие черты боевой, пролетарской партийности. Он впитывал из опыта братских партий все самое ценное и общезначимое, обеспечивая распространение этого лучшего на все коммунистическое движение»[14].

Вместе со всем коммунистическим движением искала новые формы и методы руководства революционной борьбой применительно к конкретным внутриполитическим условиям своей страны и сложившемуся международному положению Коммунистическая партия Польши. К середине 30-х годов она значительно окрепла в идейном и организационном отношениях. Из небольшой вначале организации она выросла в партию, оказывавшую влияние на широкие трудящиеся массы. В КПП состояло в 1930 г. 6800 членов, в 1932 г.— 12 тыс., а в 1935 г.— 17 тыс. коммунистов[15]. К партии тесно примыкал и действовал под ее руководством Коммунистический союз молодежи Польши, численность которого достигала в 1935 г. 15 тыс. человек[16]. Генеральный секретарь ЦК КПП Ю. Ленский в докладе на VI съезде партии отмечал быстрый рост ее влияния среди рабочих, крестьян и интеллигенции[17]. Коммунистическое движение в Польше воспитало и выдвинуло из своей среды многих самоотверженных борцов за интересы рабочего класса[18]. Руководствуясь тео-

[10] «Statystyka pracy. Kwartalnik», 1938, № 2, s. 93.
[11] CA KC PZPR, sygn. 158/1—6, t. 1, k. 42.
[12] «Statystyka pracy. Kwartalnik», 1938, № 2, s. 93, 96.
[13] «XII пленум ИККИ». Стенографический отчет. Т. I. М. 1933, стр. 50.
[14] Б. Н. Пономарев. Георгий Димитров в борьбе против фашизма в период второй мировой войны. «Рабочий класс и современный мир», 1972, № 2, стр. 21.
[15] См. материалы V и VI съездов КПП: CA KC PZPR, sygn. 158/1—6, t. 12, k. 1; sygn. 158/1—6, t. II, k. 4; «Od VI do VII kongresu Międzynarodówki Komunistycznej». «Nowe drogi», 1975, № 8, s. 65.
[16] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 533, оп. 10, д. 2353, л. 244.
[17] CA KC PZPR, sygn. 158/1—6, t. 1, k. 5.
[18] О руководящих кадрах КПП и деятельности отдельных коммунистов см.: E. Świetlikowa. Centralne instancje partyjne KPP w latach 1918—1938. «Z pola walki», 1969, № 4; «Komuniści. Wspomnienia o Komunistycznej Partii Polski». Warszawa. 1969.

рией марксизма-ленинизма и используя богатый опыт международного коммунистического движения, КПП вырабатывала свою программу и тактику действий, отвечающую интересам рабочего класса, трудящихся масс Польши.

Важным условием достижения успехов в революционной борьбе оставалось единство рядов рабочего класса. «Без единства рабочего класса,— учил В. И. Ленин,— невозможен успех его борьбы»[19]. Однако рабочее движение в Польше в межвоенный период не было едино. Наиболее сознательная и боевая часть рабочего класса шла за коммунистами, другая его часть следовала за реформистскими партиями — Польской социалистической партией (ППС), Бундом, немецкой и украинской социал-демократическими партиями, и, наконец, третья его часть стояла в стороне от политической борьбы и занимала пассивную позицию. В течение многих лет КПП боролась за создание и укрепление единого рабочего фронта «снизу». Но до 1933 г. ЦК КПП, оценивая социалистические и социал-демократические партии как «социал-фашистские», не считал возможным обращаться к их руководству с предложениями о совместных действиях.

В условиях возросшей опасности фашизма первый шаг в сторону создания единого пролетарского фронта в Польше КПП предприняла в марте 1933 года. Этому предшествовало обращение ИККИ, опубликованное 5 марта 1933 г., с призывом к единству действий коммунистов и социалистов в борьбе против фашизма. В нем подчеркивалось, что только «единый фронт рабочего класса против буржуазии отбил бы наступление капитала и «фашизма»[20]. Выполняя решения ИККИ, ЦК КПП 7 марта 1933 г. направил открытое письмо руководящим органам ППС, Бунда, немецкой и украинской социал-демократических партий, в котором, указывая на огромную опасность фашизма, подчеркивал, что международная обстановка «со всей силой выдвигает перед рабочими всех стран, перед всеми рабочими Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии необходимость создания единого фронта борьбы против фашистского наступления буржуазии»[21].

КПП предлагала конкретный план организации единого пролетарского фронта в Польше. В связи с этим следует обратить внимание на важные разъяснения, содержащиеся в переписке между Политбюро и Секретариатом ЦК КПП[22]. Политбюро ЦК в письме Секретариату от 11 марта 1933 г. указывало: «Прежде всего о воззвании Коминтерна. Это воззвание, несомненно, является полным изменением нашей прежней тактики и практики единого фронта. Изменение это обусловлено в первую очередь изменением обстановки». В ответ на это Секретариат сообщал в Политбюро ЦК КПП: «Новое изменение тактики по вопросу единого фронта считаем целесообразным с точки зрения особенностей положения, которое сложилось в Европе после прихода Гитлера к власти. На заседании Секретариата немедленно приняли меры по безотлагательному выполнению ваших директив»[23].

Однако попытки коммунистов побудить руководство ППС и других реформистских партий к организации единого рабочего фронта не дали в то время положительных результатов. Заседавший в начале апреля

[19] В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 205.

[20] «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937)». М. 1961, стр. 73.

[21] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны». Материалы и документы. М. 1955, стр. 165, 166.

[22] В условиях глубокого подполья ЦК КПП делил свои силы на две части: Секретариат ЦК руководил работой партии непосредственно в Польше, а Политбюро ЦК, направлявшее работу Секретариата, находилось за границей (см.: M. Pfeiffer. Korespondencja między Biurem Politycznym a Sekretariatem KC KPP («Listy z Domu i do Domu»). «Z pola walki», 1958, № 2, s. 253—256).

[23] CA KC PZPR, sygn. 158/IV—2, t. 12, k. 6; sygn. 158/V—3, t. 29, k. 42

1933 г. Центральный совет ППС официально отклонил предложения коммунистов. Такую же позицию заняли Бунд и другие социал-демократические партии Польши. ЦК КПП не исключал, что ППС и другие партии могут не поддержать инициативу коммунистов о создании единого пролетарского фронта и потому одновременно, 7 марта 1933 г., опубликовал обращение к трудящимся Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, в котором приводился полный текст открытого письма и содержался призыв к массам создавать единый фронт снизу для борьбы против фашизма [24]. Политбюро ЦК КПП поручило Секретариату развернуть работу так, чтобы окружные комитеты КПП обращались к местным комитетам социалистических партий с предложениями об организации единого фронта действий [25].

Однако местные партийные организации КПП не были достаточно подготовлены к такому повороту в своей деятельности, они не развернули еще тогда широкой кампании в массах вокруг письма ЦК Компартии Польши и отказа социал-демократических вождей от заключения единого фронта [26]. Процесс политического поворота в КПП был не простым делом. Трудности обусловливались тем, что КПП все еще связывала борьбу рабочего класса против капитала и фашизма с задачей непосредственной подготовки социалистической революции в Польше, для которой в то время не было достаточных предпосылок, и недооценивала значение общедемократических требований. Повороту КПП к новой политике мешало и то, что коммунисты продолжали относиться к социал-демократии как к «социал-фашизму», направляя против нее свою борьбу, вместо того чтобы завоевывать ее на сторону антифашистского фронта. Такая позиция, несомненно, была данью старым методам деятельности, она не соответствовала изменившейся обстановке. В результате переход на новые позиции, как констатировал позже Ю. Ленский, в КПП продолжался целый год [27].

В конце 1933 — начале 1934 г. в мире произошли важные политические события: повсеместно развернулось широкое движение в защиту Г. Димитрова, активно выступили против наступления фашизма рабочие массы Австрии, и, наконец, трудящиеся Франции во главе с компартией дали мощный отпор фашизму. Эти события оказали огромное влияние на движение за единый рабочий фронт в Польше. Толчок, указывал Ю. Ленский, «дала, несомненно, Компартия Франции», подняв рабочих различных политических направлений на движение за единство действий. С февраля 1934 г., отмечал он, КПП начала «систематическое применение тактики единого фронта по-новому» [28].

Конечно, КПП, как и другим компартиям в то время, нелегко было сразу найти верные решения встающих перед ней проблем. Для этого требовалось глубокое изучение и обобщение происходящих событий, творческое применение марксистско-ленинской теории к новым условиям революционного движения. Эту важную и огромной трудности работу выполнил тогда Коминтерн. В июне — августе 1934 г. в комиссиях по подготовке VII конгресса Коминтерна проходило всестороннее обсуждение основных проблем международного рабочего движения, в котором участвовали и представители КПП. В выступлениях Г. Димитрова, Д. З. Мануильского, О. Куусинена и других видных деятелей меж-

---

[24] «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР». Документы и материалы. Т. II. Минск. 1972, стр. 220—223.

[25] CA KC PZPR, sygn. 158/IV—2, t. 12, k 8.

[26] См. «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом». Материалы. М. 1935, стр. 291.

[27] «Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт». М. 1935, стр. 10.

[28] Там же, стр. 5, 7.

дународного коммунистического движения были высказаны важные положения о неизбежности в капиталистических странах антифашистского общедемократического этапа революционного движения, о едином рабочем фронте и другие идеи, которые позже сложились в концепцию народного фронта [29]. Новые идеи и выводы, которые были сформулированы в ходе обсуждения в подготовительных комиссиях, получили затем воплощение в ряде решений Исполкома Коминтерна. Они имели чрезвычайно важное значение для последующей деятельности КПП.

В сентябре 1934 г. в Варшаве была нелегально издана брошюра Ю. Ленского «Правда о едином фронте», в которой в свете выводов ИККИ был дан анализ нового положения в международном рабочем движении и показаны истоки мощного стремления масс к единому пролетарскому фронту, против наступления фашизма. Ю. Ленский писал: «Единый фронт поднимет роль пролетариата как руководителя миллионных масс крестьянства, угнетенных народов и обнищавшей мелкой буржуазии в их борьбе против монополистического капитализма, фашизма, империализма» [30]. Вслед за этим в теоретическом органе КПП — журнале «Nowy przegląd» были опубликованы статьи Ю. Ленского «Растут силы единого фронта пролетариата» (октябрь 1934 г.), «За широкий антифашистский фронт» (ноябрь 1934 г.), «КПП накануне VII конгресса Коминтерна» (январь 1935 г.), «Решает борьба» (май 1935 г.), «На пути к антифашистскому народному фронту» (июнь 1935 г.) и др. Эти статьи, отличавшиеся теоретической глубиной и конкретными практическими рекомендациями, сыграли важную роль в идейно-теоретическом развитии КПП и ее переходе к новой тактике.

В сложных условиях нелегальной деятельности КПП постепенно продвигалась по пути формирования взглядов и практической организации единого рабочего и широкого антифашистского фронта. Местные организации КПП искали пути сближения с социал-демократическими рабочими. Во многих партийных округах была налажена товарищеская связь с левыми силами в ППС и других оппозиционных партиях. В итоге к началу 1935 г. окружные комитеты КПП заключили соглашения со многими местными партийными и профсоюзными организациями ППС в большинстве промышленных центров страны, включая Варшаву, Лодзь, Верхнюю Силезию и др. Коммунисты стремились укрепить единство действий не только на основе своей платформы, но и в борьбе за каждое требование, выдвинутое ППС, если оно отвечало интересам рабочих масс. Более гибкая, чем раньше, тактика позволила КПП добиться ряда совместных выступлений с другими организациями, пользовавшимися влиянием в среде трудящихся.

Началом формирования народного фронта в Польше стала первомайская кампания 1935 года. Уже в ходе ее подготовки ЦК КПП нацеливал партийные организации на то, что характер первомайской акции «должен иметь исключительно политическое значение» и вылиться во всенародный протест против только что принятой сеймом новой, открыто фашистской, конституции. Празднование 1 Мая 1935 г. в Польше показало значительные успехи борьбы коммунистов за единство рабочего класса. ЦК КПП отмечал высокий уровень политической активности пролетариата, подчеркивал, что «лозунги народного фронта в борьбе против фашизма овладевали широкими массами» [31].

В мае и июне 1935 г. КПП дважды обращалась к руководству социалистических партий, предлагая повести совместную борьбу против

---

[29] См.: «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», стр. 27—45; «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М. 1969, стр. 375—380.

[30] J. Leński. O front Ludowy w Polsce. 1934—1937. Warszawa. 1956, s. 34.

[31] CA KC PZPR, sygn. 158/IV—2, t. 21, k. 40; sygn. 158/V—3, t. 44, k. 3.

новой конституции и ограничения гражданских прав населения[32], однако не получила ответа. Правые лидеры этих партий срывали единство действий трудящихся. Тогда ЦК КПП принял в июне 1935 г. декларацию «Требованием момента является создание антифашистского народного фронта, фронта борьбы за свободу, хлеб, труд и мир». Декларация ЦК была опубликована массовым тиражом и доведена до первичных партийных организаций. Смысл ее состоял в том, чтобы «помочь местным партийным организациям дойти с единой платформой до самых отдаленных предприятий, до всех массовых организаций»[33]. В ней говорилось, что ЦК КПП «готов прийти к соглашению с любой организацией, объединяющей трудящиеся массы, желающей бороться за демократические свободы, против посягательств капитала, помещиков и фашизма, поджигателей и организаторов новой мировой войны»[34].

Для формирования единого народного фронта в Польше существенную роль имело укрепление левых сил внутри ППС. Особенно сильным их влияние было в Краковской, Лодзинской, Львовской и ряде других организаций ППС. Укреплялись контакты левых социалистов с коммунистическими организациями. Все это способствовало оформлению между КПП и ППС «пакта о неагрессии», то есть соглашения о том, чтобы воздерживаться от взаимных нападок в печати и на собраниях. Вместе с тем правые лидеры ППС всячески срывали переговоры с КПП и совместные действия[35].

Конец июня 1935 г. ознаменовался подъемом мощной волны политических выступлений рабочего класса с протестом против новой конституции и антидемократического избирательного закона. Состоялись забастовки рабочих промышленных районов Белостока и Познани, Верхней Силезии, Бориславского и Кросненского нефтяных бассейнов, рабочих Варшавы, Лодзи, Львова и других городов страны, в которых участвовало около 200 тыс. человек[36]. Как отмечал Ю. Ленский, произошел «глубокий сдвиг в сторону массовой политической борьбы пролетариата, направленной против фашистского режима»[37].

Выдающееся значение для дальнейшей борьбы КПП и всего международного коммунистического движения за единый рабочий и народный фронт имел VII конгресс Коминтерна, проходивший в Москве с 25 июля по 20 августа 1935 года. В работе конгресса принимала участие делегация КПП в составе 24 человек. Выступления на конгрессе Ю. Ленского, Б. Бронковского и других делегатов подтвердили глубокое понимание ими назревших задач коммунистического движения и специфических особенностей политического руководства революционной борьбой в Польше[38]. Центральное место в работе конгресса занимала проблема борьбы против фашизма и угрозы войны. Она была чрезвычайно важной и для Польши. С ростом фашистской реакции во всем мире, говорил на конгрессе Б. Бронковский, «польский фашизм вступает на путь реализации тотальной системы и пытается завершить дело фашизации, вводя новую фашистскую конституцию и новый избирательный закон... У народных масс отнимают остатки политических прав и социальных завоеваний»[39].

---

[32] «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski. 1935—1938». Warszawa. 1968, s. 20—21, 28—31.

[33] CA KC PZPR, sygn. 158/IV—2, t. 23, k. 11.

[34] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. III. Warszawa. 1956, s. 608.

[35] J. Żarnowski. Polska Partia Socjalistyczna w latach 1935—1936. «Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939». T. III. Warszawa. 1960.

[36] J. Kieszczyński. Kronika ruchu zawodowego w Polsce. 1908—1939. Warszawa. 1972, s. 346—347.

[37] J. Leński. Op. cit., s. 138.

[38] См. «Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт», стр. 3—93, а также «Od VI do VII kongresu Międzynarodówki Komunistycznej» («Nowe drogi», 1975, № 8, s. 65—72).

[39] «Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт», стр. 45.

VII конгресс Коминтерна поставил вопрос о необходимости борьбы коммунистов против угрозы войны. С огромной тревогой говорили делегаты конгресса о германском фашизме. В выступлениях представителей КПП было показано, что польское буржуазное правительство идет в фарватере внешней политики фашистской Германии и сотрудничает с нею в сколачивании антисоветского блока. Но трудящиеся Польши, указывал Ю. Ленский, «начинают понимать, что поддерживаемая пилсудчиной политика экспансии германских империалистов на Восток проводилась бы кровью польских трудящихся при вассальной зависимости Польши от гитлеровской Германии... Польские народные массы начинают сознавать, что единственным последовательным сторонником независимости Польши является СССР»[40]. Вывод конгресса гласил: «Центральным лозунгом коммунистических партий должен быть лозунг: борьба за мир»[41]. Это ознаменовало собой начало того поворота, который в дальнейшем совершило международное коммунистическое движение, взяв в свои руки дело борьбы за мир.

Конгресс определил четкую линию действий в борьбе против фашизма и роста опасности войны. В своих решениях он исходил из того, что главная роль в этой борьбе принадлежит рабочему классу — наиболее передовому и прогрессивному классу современности. Конгресс ориентировал коммунистические партии применять тактику единства действий рабочих по-новому: добиваться соглашения о совместных действиях различных отрядов рабочего класса независимо от их политических направлений, не выдвигая при этом никаких условий, за исключением одного, приемлемого для всех рабочих,— чтобы «единство действий было направлено против фашизма, против наступления капитала, против угрозы войны, против классового врага»[42].

Для победы над фашизмом недостаточно было сил одного только рабочего класса, а следовало всемерно укреплять его союз с другими слоями населения. VII конгресс Коминтерна развил ленинское учение о союзе рабочего класса с непролетарскими массами, выдвинув идею народного фронта. Делегация КПП активно поддержала это положение. В своих выступлениях делегаты конгресса указывали, что Польша, где наряду с самоотверженной борьбой пролетариата развивается мощное крестьянское движение и национально-освободительное движение в Западной Украине и Западной Белоруссии, особенно остро стоит вопрос объединения всех революционных и демократических сил в едином фронте борьбы против фашизма. Обосновывая необходимость народного фронта, Ю. Ленский категорически отверг левацкие рассуждения о том, что якобы падение фашистской диктатуры само по себе привело бы сразу к диктатуре пролетариата. «В Польше,— говорил он,— где фашистская диктатура ликвидирует все остатки буржуазной демократии, где коммунистическая партия загнана в подполье, где социалистические партии пользуются преобладающим влиянием в рабочем классе и крестьянская партия ведет за собой огромную массу трудящегося крестьянства, еще менее, чем в таких странах, как Франция, вероятен и возможен непосредственный переход к диктатуре пролетариата. В Польше после падения фашистской диктатуры возможны различные варианты переходных правительств вплоть до правительства народного фронта с участием крестьянской партии»[43].

Народный фронт в понимании руководства КПП вырастал из защиты широкими массами демократических прав и свобод от фашистской

---

[40] Там же, стр. 27.

[41] «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», стр. 386.

[42] Г. Димитров. Избранные произведения. Т. I. М. 1957, стр. 394.

[43] «Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт», стр. 24.

угрозы. Для КПП платформа народного фронта была подчинена основной задаче — мобилизации широких масс трудящихся на борьбу против правительства угнетателей народа, за низвержение режима санации. Борясь за диктатуру пролетариата, за подлинную демократию трудящихся, коммунисты готовы были, по словам Ю. Ленского, «поддержать демократические мероприятия каждого антифашистского правительства, которое осуществляло бы платформу народного фронта»[44]. Коммунистическое движение нашло в народном фронте форму объединения нового типа, в которой рабочий класс, сплачивая вокруг себя все революционные и демократические силы, выступал бы гегемоном борьбы за антифашистские общедемократические цели. Вместе с тем при всем разнообразии форм народного фронта осуществление его программы должно было привести к развитию и укреплению демократических свобод, к ограничению господства монополий, открывало новые подходы к борьбе за социализм.

Руководствуясь решениями VII конгресса Коминтерна, КПП прочно стала на позиции политической концепции, основные идеи которой заключались в следующем: главный враг рабочего класса и освободительного движения — империализм, олицетворением самых реакционных сил которого стал в то время фашизм; центральная задача коммунистического движения — сосредоточить все усилия на борьбе против фашизма и подготовляемой им войны; генеральная линия для решения этой задачи — создание единого фронта рабочего движения и образование единого общенародного фронта, объединение их со всеми антифашистскими силами, с решающей силой, способной на мировой арене противостоять фашизму и империалистической войне,— Советским Союзом. Руководствуясь этими задачами и реально учитывая международную и внутриполитическую обстановку в Польше, КПП осуществила политический поворот в руководстве революционной борьбой рабочего класса, трудящихся масс в своей стране.

В августе 1935 г., в дни работы VII конгресса Коминтерна, в Москве состоялся III пленум ЦК КПП. Материалы пленума не были опубликованы, но о содержании его работы дает представление переписка Политбюро и Секретариата ЦК КПП. В «Письме домой» от 25 августа 1935 г. сообщалось о пленуме ЦК КПП, на котором «обсуждались вопросы послеконгрессовой кампании и практические выводы из заседаний конгресса». Главным пунктом кампании, говорилось далее, должна стать «концепция VII конгресса о едином рабочем фронте и народном фронте». При этом подчеркивалась необходимость добиться понимания в партии того, что «этот тактический поворот «всерьез и надолго» и он требует дальнейших, основательных изменений в методах повседневной деятельности»[45]. В последующих директивах ЦК КПП на места линия новой политической ориентации получила дальнейшее развитие и конкретизацию. В «Письме домой» от 14 сентября 1935 г. подчеркивалось, что материалы VII конгресса Коминтерна должны быть во всех партийных комитетах и организациях, их необходимо довести до сознания широких масс. Рекомендовалось сконцентрировать внимание на обсуждении вопросов единого рабочего и народного фронта, на положении в профсоюзах, на методах работы среди крестьянства. «Каждый должен понять,— говорилось в письме,— что речь идет о новой тактической ориентации всего Интернационала»[46]. В ноябре 1935 г. было принято постановление ЦК партии «Задачи КПП в свете решений VII конгресса Коминтерна», которое стало директивой для проведения всех политических кампаний партии. Так КПП шаг за шагом конкретизировала свои задачи в борьбе

[44] Там же, стр. 22.
[45] CA KC PZPR, sygn. 158/IV—2, t. 25, k. 20.
[46] Ibid., k. 40.

за единый рабочий и народный фронт в стране, против «правительства голода, террора и войны, за хлеб, труд и свободу»[47].

Во второй половине 1935 г. внутриполитическая обстановка в Польше начала резко обостряться. Санация на основе антидемократического избирательного закона развернула подготовку к выборам в сейм. В ходе этой кампании усилилась борьба между силами реакции и демократии. Коммунисты стали самыми активными поборниками единства действий трудящихся. Они предлагали другим оппозиционным режиму санации партиям объединиться и использовать предвыборную кампанию для организации всеобщей политической стачки. Руководители ППС и других оппозиционных партий постановили бойкотировать выборы, призывая в этот день «остаться дома». Лозунг бойкота получил поддержку в массах. При сложившихся обстоятельствах ЦК КПП решил, что основная линия требует «не отрываться от масс, учитывать их настроение» и потому бойкотировать выборы. Вместе с тем КПП выступала за проведение совместной акции активного бойкота, а не за простое неучастие в выборах, за расширение и углубление политической агитации в массах, мобилизацию их на решительную борьбу против санации[48].

Несмотря на то, что правые руководители ППС, как и других партий, не дали своего согласия на это, большинство местных организаций этих партий, а также профсоюзов поддержали предложения коммунистов. Окружные комитеты КПП заключали с ними соглашения о совместных действиях на основе общей платформы. На многих предприятиях по инициативе коммунистов были созданы «единые комитеты бойкота». Кампания бойкота выборов приобретала подлинно всенародный характер. Даже по официальным данным, выборы в сейм 8 сентября 1935 г. в Польше бойкотировало 53,6% избирателей[49]. Из тех, кого силой загнали к избирательным урнам, более 1,5 млн. человек опустили недействительные бюллетени. Таким образом, почти $^3/_4$ взрослого населения страны высказались против внутренней и внешней политики правительства санации. «Результаты выборов в санационный сейм,— говорилось в заявлении ЦК КПП,— свидетельствуют о поражении правящей шайки угнетателей народа и военных авантюристов»[50]. Провал режима санации на выборах в сейм с небывалой остротой поставил вопрос о консолидации сил демократической оппозиции. «Кто является врагом фашистской диктатуры,— писал в тот период Ю. Ленский,— тот должен выступать за сплочение всех антифашистских сил. Мало забойкотировать ненавистное правительство. Нужно еще его свалить»[51]. ЦК КПП выступил в сентябре 1935 г. со специальным заявлением: «Все силы народа на борьбу против правительства санационной клики!»[52].

Вторая половина 1935 г. ознаменовалась крупными забастовками в стране. В борьбу все сильнее втягивались профсоюзные массы. Профсоюзная левая, которая находилась под влиянием КПП, в сентябре 1935 г. приняла решение о самороспуске и вступлении в реформистские и другие профсоюзы с тем, чтобы там завоевать массы на сторону платформы единого антифашистского народного фронта. Ряды объединенных профсоюзов начали быстро расти. В 1935 г. в классовых профсоюзах Польши состояло 214 тыс. членов, а в начале 1937 г.— уже свыше 420 тыс. человек[53].

---

[47] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. III, s. 528—542; J. Leński. Op. cit., s. 137.

[48] «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski. 1935—1938», s. 41—47; CA KC PZPR, sygn. 158/IV—2, t. 24, k. 21.

[49] «Nowy przegląd», 1935, № 7, s. 678.

[50] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. III, s. 612.

[51] J. Leński. Op. cit., s. 178.

[52] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны», стр. 208—210.

[53] Ю. Ленский. Опыт борьбы за народный фронт в Польше. «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, стр. 44.

В конце 1935 г. центральное место в политической борьбе заняла мощная кампания за амнистию политзаключенных. Выдвинутый коммунистами призыв к борьбе за освобождение политзаключенных становился все более популярным. Повсеместно возникали комитеты борьбы за освобождение политзаключенных, в состав которых, помимо коммунистов, входили члены социалистических и крестьянской партий, различных общественных и культурно-просветительных организаций. Широкий размах приобрела борьба за амнистию в Западной Украине, особенно во Львове, где, по оценке ЦК КПП, «эта кампания развивалась образцово». Здесь был создан единый организационный комитет, который возглавил кампанию. 14 декабря 1935 г. по улицам Львова прошел поход семей политзаключенных. В тот же вечер состоялось собрание рабочих и общественности города, в котором участвовало около 5 тыс. человек. У всех было единое настроение: «Если они не освободят, то сами откроем ворота тюрем и выпустим на свободу наших товарищей»[54]. Собравшиеся единодушно приняли резолюцию с требованием освобождения всех политзаключенных. Под давлением массового народного движения правительство вынуждено было пойти на уступки и объявить амнистию. Из тюрем было освобождено свыше 3,5 тыс. политзаключенных. Для других срок заключения был сокращен[55]. «Борьба за амнистию,— отмечал ЦК КПП,— явилась яркой демонстрацией классового пролетарского единства и рабоче-крестьянского союза. Она подтвердила, что никакая сила не сможет сдержать стремление масс к единству в борьбе, к созданию единого фронта и антифашистского народного фронта»[56].

Для формирования народного фронта в Польше важное значение имели решения IV пленума ЦК КПП. Заседания пленума ЦК проходили в Москве 17, 19 и 20 февраля 1936 года. В докладе Ю. Ленского и выступлениях участников пленума, в принятых резолюциях подчеркивалось значение решений VII конгресса Коминтерна для выработки нового стратегического курса КПП на общедемократическую революцию антифашистского типа как этап на пути к социалистической революции в Польше. Резолюция пленума «За последовательное проведение линии VII конгресса Коммунистического Интернационала» определяла и конкретизировала главные задачи КПП в борьбе за укрепление своих рядов и улучшение организационной работы партии, за усиление партийного влияния в массах и формирование антифашистского народного фронта в Польше. ЦК КПП принял манифест «На борьбу против санационных угнетателей и предателей народа, против поджигателей войны!»[57]. Манифест отражал укрепление связи пролетарской борьбы с общенациональными интересами всего польского народа, с делом защиты независимости Польши, перед лицом угрозы со стороны фашистской Германии[58].

Широко развернулось революционное движение в Польше под знаменем народного фронта в 1936 году. В начале марта в Лодзи вспыхнули массовые забастовки текстильщиков; в ходе их был создан единый центральный забастовочный комитет, $^2/_3$ которого составляли коммунисты и социалисты. В выступлениях участвовало свыше 140 тыс. человек. Рабочие добились удовлетворения своих основных требований[59]. Во второй половине марта развернулись мощные революционные выступления рабочих Кракова. В знак протеста против жестокой расправы по-

---

[54] CA KC PZPR, sygn. 158/IV—2, t. 27, k. 27; sygn. 165/V, t. 28, k. 61.

[55] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 539, оп. 3, д. 1000, л. 14.

[56] «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski. 1935—1938», s. 101.

[57] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. III, s. 543, 569.

[58] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны», стр. 219.

[59] Более подробно об этом см. А. Литвин. Лодзинская стачка 1936 года. М. 1959.

лиции над бастующими рабочими фабрики «Семперит» по инициативе коммунистов и членов ППС 23 марта была объявлена однодневная всеобщая забастовка. В центре города состоялся массовый митинг, а затем по улицам прошла демонстрация с участием более 20 тыс. трудящихся. Полиция открыла огонь по демонстрантам. Было убито восемь человек и несколько десятков ранено. В ответ на кровавую расправу рабочие начали сооружать баррикады и оказали решительное сопротивление властям. В день похорон жертв полицейского террора на улицы города вышло 120 тыс. демонстрантов, к ним присоединились крестьяне из окружающих сел. Краковские события продемонстрировали силу рабочего класса Польши, которая проявилась «в соединении стачки с массовой демонстрацией»[60], они внесли новую струю в борьбу за создание народного антифашистского фронта. В знак солидарности с трудящимися Кракова объявили забастовки рабочие многих предприятий Варшавы, Ченстоховы, Львова и других городов страны. 2 апреля 1936 г. по всей стране прошла всеобщая одночасовая забастовка протеста, подготовленная совместно коммунистами и социалистами. Это движение, по оценке ЦК КПП, носило «сугубо политический характер»[61].

Обстановка в стране продолжала обостряться. Одна за другой следовали забастовки рабочих, демонстрации широких масс трудящихся под знаменем народного фронта. В середине апреля 1936 г. развернулись революционные события во Львове. В городе проходили выступления безработных под лозунгами: «Работы и хлеба!», «Долой фашизм!». В одной из стычек полиции с демонстрантами был убит рабочий В. Козак. Это вызвало новую волну ненависти трудящихся к санации. По призыву местной организации Компартии Западной Украины (КПЗУ) 16 апреля город охватила всеобщая забастовка. На похороны убитого собралось около 50 тыс. человек[62]. Городские власти попытались помешать рабочим колоннам пройти по улицам Львова. Полиция открыла стрельбу по мирной демонстрации. Но рабочие, сметая один за другим полицейские заслоны, упорно шли вперед. На улицах разгорались ожесточенные схватки. Среди рабочих имелись убитые и раненые, но на место павших становились их товарищи. Они вновь подхватывали изрешеченный пулями гроб, поднимали красные знамена и с возгласами «Да здравствует пролетарская революция!», «Да здравствует советский Львов!» продвигались вперед[63]. Лишь к вечеру около 2 тыс. рабочих дошли до кладбища и над могилой погибшего товарища поклялись неустанно вести борьбу против фашистской реакции. В то же время в городе продолжались баррикадные бои с полицией. Очевидец львовских событий бывший санационный премьер-министр К. Бартель со страхом говорил: «Если в людей стреляют, а они не разбегаются и идут, не боясь смерти, то это уже не просто волнения. Это пахнет революцией»[64]. 16 апреля 1936 г. во Львове в ходе стычек с полицией было убито 46 и ранено свыше 300 человек. За участие в политической демонстрации было арестовано около 1500 человек. ЦК КПЗУ отмечал, что выступление в этот день было организовано «всем львовским рабочим классом, всеми рабочими партиями, всеми профессиональными союзами»[65]. Это было подлинно антифашистское выступление, проходившее под знаком единого народного фронта.

Рабочий класс Польши активно поддерживал призывы КПП к солидарности и отвечал на них новыми выступлениями по всей стране.

[60] Ю. Ленский. За мощный фронт свободы и мира. «Коммунистический Интернационал», 1936, № 9, стр. 60.

[61] Там же, стр. 59.

[62] CA KC PZPR, sygn. 165/V, t. 25, k. 48.

[63] Ibid., k. 45.

[64] «Kurjer Codzienny», 24.IV.1936.

[65] Партийный архив Института истории партии при ЦК КПУ, ф. 233, оп. 1, д. 236, л. 62.

Под знаменем единого рабочего и народного фронта в первомайских демонстрациях 1936 г. приняло участие в Варшаве — 100 тыс. человек, в Лодзи — 80 тыс., в Катовицах — 60 тыс., в Люблине — 50 тыс., многотысячные демонстрации состоялись в Кракове, Львове, Познани и других городах, а также в сельской местности[66]. В течение 1936—1937 гг. в Польше произошло 4130 забастовок, в которых участвовало более 1228 тыс. человек[67]. Пролетариат Польши выступал в авангарде революционной борьбы трудящихся масс страны. Душой и организаторами этой борьбы были коммунисты.

Всестороннюю оценку бурных революционных событий в стране дал V пленум ЦК КПП, состоявшийся в феврале 1937 года. Он определил задачи партии по сплочению трудящихся масс в широком демократическом народном фронте борьбы с реакционным режимом санации. Особое внимание пленум уделил защите безопасности и независимости Польши, записав в своем решении: «Борьба за мир, за присоединение Польши к союзу миролюбивых государств, создаваемому Францией, Чехословакией и Советским Союзом, является сегодня действенным средством защиты независимости Польши перед ее единственным врагом — гитлеровской Германией»[68]. Пленум выдвинул лозунг «Нет врага в лагере левицы!», что свидетельствовало о том, что польские коммунисты сделали новый крупный шаг вперед на пути решения задач общедемократического характера, создания подлинно широкого народного фронта борьбы против фашизма.

Мощная волна революционного движения вызвала полевение интеллигенции Польши. Важное значение имел Антифашистский конгресс работников культуры, в работе которого участвовали видные писатели, художники, публицисты, ученые страны. Среди них были Л. Кручковский, В. Броневский, В. Василевская, Г. Гурская, Я. Галан, А. Гаврилюк и другие. Конгресс проходил 16—17 мая 1936 г. во Львове. Были заслушаны доклады «Культура, война и фашизм» и «Литература и общественные проблемы». Конгресс принял резолюцию, в которой осудил фашизм и выразил «свою полную солидарность с народным фронтом», подчеркнув, что «борьба с империалистической войной, за мир является первейшей, основной обязанностью всех прогрессивных работников культуры»[69]. Конгресс работников культуры вызвал самые широкие отклики прогрессивной общественности страны и продемонстрировал сплочение ее демократических сил в борьбе против фашизма.

Руководствуясь решениями VII конгресса Коминтерна, КПП усиливала работу по укреплению союза рабочего класса с непролетарскими слоями населения. Под влиянием усилившегося рабочего движения в Польше поднималась в середине 30-х годов новая волна революционных выступлений крестьян. Крупным событием явилась их манифестация 29 июня 1936 г. в с. Новосельцах Пшеворского повята. По призыву Стронництва людового сюда собралось из окружающих сел около 120—150 тыс. человек. Но вопреки намерениям организаторов манифестация вылилась в мощное антифашистское выступление. Колонны крестьян, проходившие перед трибуной, на которой находился глава санационной клики Рыдз-Смиглы, провозглашали лозунги: «Долой фашизм!», «Да здравствует союз крестьян и рабочих!», «Требуем работы, хлеба, образования!». В том же году развернулась борьба батраков и крестьян на Волыни и в Полесье, в которой участвовало более 300 тыс. крестьян. «Впервые за последние годы,— отмечал Ю. Ленский,— массовое поли-

[66] «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937)», стр. 357.

[67] «Statystyka Pracy. Kwartalnik», 1937, № 2, s. 119—120; 1938, № 3, s. 202—203.

[68] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. III, s. 571.

[69] «Антифашистский конгресс работников культуры во Львове в 1936 году». Документы и материалы. Львов. 1956, стр. 26, 27.

тическое движение охватило польскую деревню»[70]. Одновременно широко развернулось национально-освободительное движение в Западной Украине и Западной Белоруссии. Дальнейшее нарастание волны крестьянских выступлений в Польше вылилось летом 1937 г. во всеобщую забастовку[71], которая продолжалась 10 дней и охватила Краковское, Львовское, Варшавское, Келецкое, Лодзинское, Познанское, Люблинское, Белостокское и частично Волынское и Полесское воеводства. В ней участвовало около 10 млн. крестьян. В ходе забастовки крестьяне прекратили подвоз продуктов в города, организовывали митинги и демонстрации. Активное участие в забастовке принимали коммунисты. Правительство санации жестоко расправилось с бастующими крестьянами: было арестовано около 4 тыс. человек. Тем не менее крестьянская забастовка явилась мощной демонстрацией трудящихся масс деревни против существующего режима. Она убедительно показала, какая огромная революционная энергия накопилась в польской деревне.

В борьбе трудящихся Польши важное место занимало антивоенное движение. Оно развивалось как часть борьбы народов против угрозы новой империалистической войны. Массовками и собраниями отмечали в Польше 1 августа — Международный антивоенный день. Летом 1936 г. в Польше развернулась широкая кампания в поддержку Всемирного конгресса мира, созыв которого намечался на сентябрь того же года в Брюсселе. Эта кампания превратилась в массовое движение против угрозы войны и антинародной внешней политики фашизма, охватив широкие слои рабочего класса, крестьянства, прогрессивной интеллигенции. Под руководством коммунистов в городах и селах создавались комитеты защиты мира, которые проводили агитационную работу в массах. Собраниями, митингами и демонстрациями в защиту мира было охвачено в Польше до 400 тыс. человек. Если же учесть тех, кто был охвачен широкой анкетной кампанией, сбором подписей в защиту мира и другими формами работы, то общее число людей, вовлеченных в движение сторонников мира в Польше, достигало в то время около 1 млн. человек[72]. Движение в защиту мира проходило под лозунгом народного антифашистского фронта.

С лета 1936 г. во всем мире развернулось мощное движение солидарности и помощи народу республиканской Испании. Реакционное буржуазное правительство Польши стало на сторону фашистских мятежников, но для рабочих и крестьян страны защита республиканской Испании была делом своей свободы и мира. ЦК КПП выдвинул лозунг: «Дело Испании — это дело Польши!»[73]. Повсеместно в Варшаве, Домбровском и Силезском бассейнах, во Львове и других городах рабочие конференции единого фронта высказывали свою солидарность с испанским народом. Успешно проходил сбор средств в помощь детям и семьям трудящихся Испании. Народный фронт помощи республиканской Испании укреплял солидарность трудящихся Польши с международным движением борьбы против фашизма.

Ярким проявлением чувств пролетарского интернационализма было участие польских добровольцев-антифашистов в боевых действиях в защиту Испанской республики в рядах бригады имени Я. Домбровского. В обращении к польскому народу они писали: «Мы, сыны польского народа — людовцы, коммунисты, социалисты, католики и беспартийные, рабочие и крестьяне, прибывшие сюда из Польши и из разных мест польской эмиграции, следуя традициям польских демократов, боровшихся в

[70] Ю. Ленский. Опыт борьбы за народный фронт в Польше. «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, стр. 43.

[71] «Strajk chłopski w 1937 roku. Dokumenty archiwalne». Tt. I—II. Warszawa. 1960.

[72] Ю. Ленский. Опыт борьбы за народный фронт в Польше. «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, стр. 43.

[73] «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski. 1935—1938», s. 176—180.

период национального рабства, связывавших дело независимости Польши с революционно-демократическими движениями в Европе и вступивших в ряды этого движения, объединившись, мы подняли на землях Испанской республики наше знамя, на котором начертано «За вашу и нашу свободу!», с верой, что, борясь плечом к плечу с испанским народом за свободу и независимость, мы боремся против варварских фашистских орд, разжигающих войну и угрожающих независимости польского народа»[74]. Польские добровольцы, как и участники интернациональных бригад из других стран, героически сражались против фашизма.

Многочисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что в середине 30-х годов в Польше в единое революционное русло сливались могучий поток рабочего движения, выступления крестьянских масс и прогрессивно настроенной интеллигенции, национально-освободительная борьба трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии. Здесь под руководством коммунистов формировался народный фронт борьбы против наступления фашизма и нараставшей опасности возникновения новой мировой войны. По своему составу он объединял членов оппозиционных санации партий, профсоюзов и общественных организаций, в него вовлекались люди различных национальностей и социального положения. Массовая борьба трудящихся под знаменем народного фронта стала серьезной преградой на пути реакции. Народный фронт в Польше был частью международного движения борцов против империализма и угрозы войны, за демократию и мир.

В силу многих причин движение за единый рабочий и народный фронт не привело в 30-е годы к свержению реакционного режима санации в Польше. Но годы самоотверженной борьбы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции под знаменем народного фронта не прошли бесплодно, они дали чрезвычайно богатый политический опыт по консолидации сил польского народа на отпор фашизму и агрессивным силам империализма. Опыт формирования единого народного фронта был широко использован польскими коммунистами в период второй мировой войны при создании антифашистского демократического фронта. Борьба польского народа против гитлеровских оккупантов слилась с Великой Отечественной войной советского народа, что в конечном итоге привело к победе над фашизмом. В новой исторической обстановке послевоенного периода, используя накопленный опыт, коммунисты сплотили силы польского народа и обеспечили проведение глубоких социально-экономических, политических и культурных преобразований в Польской Народной Республике.

[74] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны», стр. 264.

ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ В НАЧАЛЕ XV ВЕКА

А. А. Бокщанин

В последнее время в советской востоковедческой литературе уделяется много внимания проблеме взаимоотношений Китая с сопредельными странами и народами в древности и средневековье [1]. Работы советских авторов вносят существенный вклад в освещение теории и практики внешних сношений китайского правительства с иноземцами. Между тем указанная общая проблема имеет еще один важный, но пока еще малоизученный аспект: китайская политика в отношении различных племен и народов, которые в течение длительного периода существования Китайской империи попадали под ее непосредственную власть, то есть, с точки зрения императорского правительства, превращались в «иноплеменных подданных».

Как известно, колыбелью китайской цивилизации был бассейн среднего и нижнего течения реки Хуанхэ. Отсюда китайская государственность и культура в течение многих веков постепенно распространялись вширь в разных направлениях, преимущественно на юг. Границы империи и ареала преобладания китайской культуры со временем претерпевали многие изменения. В связи с этим некитайские племена и народы, населявшие обширные районы Центральной и Восточной Азии, могли оказываться под властью императорского Китая. Одни из них в той или иной степени сохраняли свои национальные черты, другие постепенно ассимилировались. Расширение пределов империи сопровождалось процессом внутренней колонизации китайцами территорий, ранее занятых некитайским населением. В этих условиях китайским властям неизбежно приходилось сталкиваться с проблемой управления инонациональными, не населенными или не в достаточной степени заселенными

---

[1] Не ставя целью привести полный перечень работ по данной тематике, отметим для примера такие исследования, как: «Китай и соседи в древности и средневековье». М. 1970; В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах. М. 1969; А. А. Бокщанин. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М. 1968; И. С. Ермаченко. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М. 1974; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758 гг.). М. 1964; Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII век). М. 1974; В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну. Т. I. М. 1968; т. 2. М. 1973; Л. И. Думан. Традиции во внешней политике Китая. «Роль традиций в истории и культуре Китая». М. 1972; Ю. Л. Кроль. О концепции «Китай — варвары». «Китай: общество и государство». М. 1973, а также доклады и сообщения Л. И. Думана, В. С. Кузнецова, Г. П. Супруненко, М. Сушанло и Н. Мадеюева, К. Ш. Хафизовой, И. И. Хвана, опубликованные в материалах ежегодного симпозиума: «Научная конференция «Общество и государство в Китае» (М. 1970; М. 1971; М. 1972; М. 1973; М. 1974, М. 1975).

ханьцами (китайцами) районами. Иными словами, требовалась выработка определенных принципов национальной политики.

Формирование такой политики было тесным образом связано с отмеченной выше проблемой отношений Китая с внешним миром. Вполне естественно, что во многих случаях, особенно на ранней стадии развития китайской государственности, весьма трудно проследить четкие грани между подходом к «внешним» и «внутренним» иноземцам. Нивелирующее влияние в этом плане оказывала широко распространенная в идеологии древнего и средневекового Китая догма, согласно которой все некитайские народы рассматривались как дикие, некультурные и необузданные варвары и одновременно как потенциальные подданные единственного на земле полноправного владыки — китайского монарха. Тем не менее процесс выделения национальной политики в особую сферу внутренних дел неизменно шел, диктуемый практическими потребностями.

Этот процесс в целом пока еще мало изучен. В советской литературе он получил частичное освещение лишь применительно к самому позднему, подводящему к истории нового времени рубежу, то есть периоду господства в стране династии Цин, а точнее — XVII—началу XIX века [2]. Однако это была маньчжурская династия, укрепившаяся в Китае после долгого сопротивления китайского народа. Поэтому национальной политике императорского двора в данный период (и более всего в конце XVII — начале XVIII в.) был свойствен ряд особых черт. Что же касается более раннего времени, то в какой-то мере пробел в исследованиях восполнен монографией Р. Ф. Итса, посвященной южнокитайскому региону и охватывающей III в. до н. э.— XVI в. н. э. [3]. Но основное внимание в работе уделено этнической истории обитавших здесь народов, а не политике китайского правительства на национальных окраинах страны.

Поэтому в данной статье, отнюдь не претендуя на всестороннее освещение поставленного выше вопроса, мы попытаемся рассмотреть наиболее характерные черты политики императорского двора в отношении своих некитайских подданных в начале XV века. Этот период, ограниченный в целом первой четвертью названного столетия, избран не случайно. До этого времени значительные пространства нынешней территории Южного и Юго-Западного Китая фактически не принадлежали ему, хотя формально и включались в административную систему империи в VII—XIV веках [4]. Лишь в начале XV в. здесь окончательно утверждается китайское господство и складывается во многом новая политическая ситуация [5]. С указанного момента императорское правительство вплотную сталкивается с проблемой «освоения» данных районов. Кроме того, в конце XIV — начале XV в. происходит определенная стабилизация китайских рубежей на севере и северо-западе империи. После длительного господства иноземных завоевателей (XII — середина XIV в.) северные ее районы вновь интенсивно осваиваются китайскими властями. И здесь опять-таки встает необходимость регулировать отношения с оставшимся там инонациональным населением.

В документах начала XV в. (императорских указах и инструкциях двора генералам и местным властям) сохранились некоторые высказывания, дающие представление о тех основных принципах, которыми китайское правительство намеревалось руководствоваться в своих отноше-

[2] Л. И. Думан. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.-Л. 1936; И. С. Ермаченко. Указ. соч.; В. С. Кузнецов. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М. 1973; Г. В. Мелихов. Указ. соч.

[3] Р. Ф. Итс. Этническая история юга Восточной Азии. Л. 1972.

[4] Там же, стр. 268.

[5] Там же, стр. 244, 259.

ниях с некитайским населением страны [6]. В наиболее общем виде эти принципы отразились, например, в инструкции императора Чжу Ди (1402—1424 гг.) от 12 марта 1403 г. по поводу действий китайской администрации в Юньнани. Ее текст, в частности, гласил: «Путь к удержанию иноплеменников [7] в повиновении заключается в том, чтобы они знали о своей подчиненности [8] императорскому двору и не утрачивали способности оставаться в рамках подданных» [9]. Подобная «способность» поддерживалась тем, что военные наместники китайского двора в отдаленных от центра провинциях получали полномочия и приказания «держать инородцев в страхе и покорности» [10].

Однако наряду с этим можно проследить стремление правительства не злоупотреблять чисто военными методами удержания в покорности некитайского населения. В этом отношении весьма характерна следующая инструкция двора от 4 мая 1409 г.: «Издревле велось у нас убивать врагов-иноплеменников. Однако непременно ставить задачей убивать их — это не путь к умиротворению далеких краев. Хоть они упорны и жестоки и с трудом обращаются к цивилизации, однако натура у них не звериная и их можно приручить...» [11]. Такой подход был продиктован отнюдь не гуманными или же филантропическими соображениями. Просто к описываемому времени китайское правительство на опыте убедилось, что методы неприкрытого подавления не всегда приносят ожидаемые плоды и что только с их помощью справиться с освободительными стремлениями иноплеменного населения весьма трудно. Прямым подтверждением этого может служить инструкция двора от 11 октября 1402 г. генералу Хань Гуану, направляемому в Гуандун и Гуанси для «умиротворения» края. В ней говорилось: «Иноплеменники... легко поднимают бунты. За ними трудно усмотреть. Чем больше их убивают, тем труднее ими управлять» [12].

«Мягкий» подход отнюдь не означал полного отказа от применения жестких и крутых мер в отношении некитайского населения. В той же инструкции 1402 г. говорится: «Вам надлежит, прибыв на место, усмирять их (иноплеменников.— *А. Б.*). Опирайтесь на тех из них, кто добродетельно исполняет свой долг, тех же, кто не предан единственно долгу — убивайте» [13]. Военная сила и методы прямого подавления широко практиковались в национальной политике Китая в начале XV века. Следовательно, речь шла о намерениях сочетать подобные меры с более гибкими средствами «приручения» некитайского населения. Но и такой

---

[6] Основным источником для написания данной статьи послужила «Мин Тай-цзун ши лу» («Хроника правления Тай-цзуна из династии Мин»), составленная в 1430 г. и охватывающая события с 1399 по 1424 год. Этот источник, так же как и аналогичные хроники правления других императоров из династии Мин (1368—1644 гг.), является одним из наиболее полных и ценных пособий для изучения политической истории Китая в XIV—XVII веках. Были также использованы разделы о «местном управлении» («ту сы»), то есть некитайских народах на юго-западе страны, из династийной истории «Мин ши», составленной в 1678—1739 годах.

[7] В собирательном плане китайские источники не разделяют некитайские народы на «иноземцев» и «иноплеменных подданных», обозначая их терминами «и» (как в данном случае), а также «мань», «маньи» и прочими. Поэтому, если национальная принадлежность в тексте конкретно не указывается, то эти собирательные термины можно переводить и как «иноземцы» и как «иноплеменные подданные» в зависимости от того, идет ли речь о народах, живших в пределах империи или вне ее.

[8] Для обозначения подчинения инонационального населения в китайских источниках чаще всего употребляются термины «гуй хуа», «гуй сян» (как в данном случае), «гуй фу», «лай гуй» и другие, которые точнее всего можно перевести как «обратиться к цивилизации», но которые несут в себе конкретный смысл «покориться» или же «подчиниться».

[9] «Мин Тай-цзун ши лу». Сянган. 1964—1966, цз. 17, стр. 311.

[10] Там же, цз. 15, стр. 277; цз. 103, стр. 1340.

[11] Там же, цз. 90, стр. 1189—1190.

[12] Там же, цз. 12-второй, стр. 216.

[13] Там же.

подход сам по себе заслуживает внимания. Культивируемое в Китае веками отношение ко всем иноземцам, будь то «внутренние» или «внешние», как к варварам, сопоставление их природы со звериной порождали у некоторых китайских политиков мнение, что с этими людьми не может быть иных отношений, кроме враждебности и подавления силой. Например, в ноябре 1406 г. Чжу Ди говорил придворным: «Иноплеменники добывают средства к существованию грабежами и убийствами. Разве подозревают они о существовании этикета и долга? Поэтому мудрецы считали, что этими людьми не следует управлять» [14]. Однако император не соглашался полностью с упомянутым мнением «мудрецов». Смысл всего высказывания сводился к тому, что управлять некитайским населением можно и нужно, но опять-таки применяя гибкую тактику.

Осуществление подобных принципов зависело от конкретной ситуации в тех или иных районах империи. В национальной политике китайского правительства начала XV в. можно условно выделить два основных направления: на северных и северо-западных рубежах, где в пределах империи проживало определенное количество чжурчжэней (протоманьчжур), корейцев, монголов (дадань), западных монголов-ойратов (вацзэ), уйгур, и в юго-западных провинциях, где значительные пространства были заселены племенами и народами чжуан, мяо, ицзу, яо, ли и прочими народностями.

Различия в подходе китайского правительства к этим двум направлениям обусловливались, во-первых, военно-стратегическими целями. На северо-западных рубежах были сосредоточены основные военные силы империи — как оборонительные, так и наступательные. Юго-западные провинции играли гораздо меньшую роль в этом плане. Например, Гу Чэн — военный наместник двора в Гуйчжоу — в своем докладе императору о ситуации на окраинах страны в октябре 1403 г. писал: «Я полагаю, что когда в Юньнани и Лянгуане, лежащих на далеких рубежах, иноплеменные разбойники время от времени поднимают воровские мятежи, то это подобно яду от пчелиных укусов и не стоит обращать на это внимания... Только лишь новые поколения северных иноземцев, чьи номады сильны и воинственны, таят в душе коварные намерения и исподволь подкарауливают подходящий момент для нападения на наши границы. Строя государственные планы дальнего прицела, следует глубоко побеспокоиться о северных иноземцах...» [15]. Хотя здесь заметно нарочитое пренебрежение к освободительной борьбе народов Юго-Западного Китая (постулат о безопасности во вверенных Гу Чжэну районах должен был укрепить его репутацию при дворе), господствующие умонастроения китайских политиков отразились в докладе довольно четко. Во-вторых, к описываемому времени границы империи Мин на севере охватывали лишь часть Южной Маньчжурии, а на северо-западе шли к югу от монгольских степей. Поэтому под контролем китайских властей еще не жило сколько-нибудь значительное число чжурчжэней, монголов и других народов, а национальный вопрос еще недостаточно отделился от внешнеполитических проблем. Наоборот, на юго-западе страны некитайские народности составляли значительную часть населения. В XV в. здесь продолжался процесс внутренней колонизации, и национальный вопрос стоял очень остро.

Для северо-западного региона (или же направления национальной политики) была характерна подчиненность основных целей военно-стратегическим расчетам. Китайские власти охотно принимали монголов, чжурчжэней, уйгур и представителей прочих народностей, желавших поселиться на территории империи. Это диктовалось двояким стремле-

[14] Там же, цз. 60, стр. 875.
[15] Там же, цз. 23, стр. 422.

нием: с одной стороны, ослабить сопредельные племена, а с другой — получить новых солдат для пограничной службы, ибо все «пришедшие и присоединившиеся» зачислялись в войска. Таким путем китайское правительство пыталось использовать феодальную раздробленность монгольских, чжурчжэньских и других племен и создать определенную буферную зону на границах империи [16]. Наличие инонациональных воинских контингентов на северо-западных границах (в особенности монгольских конных отрядов) многократно зафиксировано в «Мин Тай-цзун ши лу». В частности, императорский указ от 31 октября 1403 г. говорит о многочисленности монгольских воинов, служащих империи [17].

Обычно оказывавшиеся в пределах досягаемости китайских местных властей или же добровольно пожелавшие поселиться в империи монгольские, чжурчжэньские, уйгурские и прочие феодалы и племенные вожди должны были сделать специальное представление двору. Для этого либо они сами или их подчиненные направлялись в столицу, либо местные китайские власти докладывали в центр об их желании. Посланцев «милостиво» принимали при дворе. Затем следовал приказ о присвоении этим феодалам и вождям китайских званий. Это, в свою очередь, сопровождалось вручением (или передачей) соответствующей китайской парадной одежды и регалий, а иногда еще и дарами. Получавшие звания «назначались» императором командирами отрядов, состоявших из их сородичей и подчиненных. Число людей, зависимых от «приходящих и присоединявшихся» феодалов и вождей, могло, как свидетельствуют источники, колебаться от десятка до нескольких тысяч человек. Они получали право жить на указанной территории. Формируемые таким путем из инонационального населения воинские подразделения вливались в состав местных китайских военно-административных единиц — вэев [18].

Описанная процедура титулования не отнимала у представителей инонациональной знати права быть полновластными хозяевами среди «приводимых» ими подчиненных. Китайское правительство предпочитало не посягать на своеобразную внутреннюю автономию клановых, племенных и других объединений некитайского населения, попадавшего на территорию империи. Зависимости иноплеменных «глав» придавался характерный для периода феодализма личностный характер: император выступал сюзереном, принимающим их на службу. В этом свете важно подчеркнуть, что монгольским, чжурчжэньским и прочим командирам, служившим в китайских войсках, в отличие от китайских офицеров и военных чиновников разрешалось подносить императору «дань» и получать ответные дары от двора.

Во всей этой структуре прослеживается прямое сходство с принятой в рассматриваемое время в Китае практикой отношений с зарубежными племенами и народами на северо-западе. Китайское правительство всемерно поощряло и провоцировало прибытие оттуда посланцев с подарками, именовавшимися данью императору. В ответ на это двор посылал свои дары и назначал тех, от чьего имени приходили посланцы, командирами местных, зарубежных вэев. При этом китайцев мало интересова-

[16] Г. В. Мелихов. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402—1413 гг.). «Китай и соседи в древности и средневековье», стр. 258.

[17] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 24, стр. 442.

[18] Вэй — китайское воинское соединение, юридически состоявшее из 5600 солдат и командиров. Вэи размещались на определенной территории и носили названия по месту своего расположения. Командование вэя пользовалось здесь определенными административными полномочиями. Поэтому вэй был не только воинским соединением, но отчасти и военно-административной единицей. Этот факт подтверждается и тем, что личный состав вэев практически никогда не соответствовал указанной юридической цифре, намного отклоняясь от нее в ту или другую сторону (см.: Н. П. Свистунова. Организация пограничной службы на севере Китая в эпоху Мин. «Китай и соседи в древности и средневековье», стр. 218, 222, 226, 228).

ло как местоположение этих вэев, так и реальный статус назначаемого «главы» в местной социальной иерархии. Последние автоматически причислялись китайской стороной к числу вассалов императора и получали положенные начальнику вэя чины и регалии. Естественно, что такие зарубежные вэи практически ни в какой степени не были подчинены имперским властям [19]. Это осознавалось и в самом Китае. Недаром, чтобы не путать отмеченные единицы с настоящими, китайскими вэями, эти зарубежные образования именовались «цзими вэй», то есть «вэй, связывающий (силы иноземцев)» [20]. Такая тактика внешних отношений преследовала определенные цели. Во-первых, в ней отражались соответствующе упомянутой теории «связывания иноземцев» (цзими) принципы типа «разделяй и властвуй». Во-вторых, здесь содержались элементы задабривания иноземной знати, «привлечения ее к Китаю добрым отношением». Наконец, в-третьих, система номинально подвластных императору зарубежных владений при случае могла служить (и служила) оправданием агрессивных акций в зарубежных краях.

Очевидное сходство в обращении китайского двора со своими «внутренними и внешними вассалами» приобретает в этом свете глубокий смысл. Отрыв отдельных групп от своих единоплеменников и использование «пришедших» в китайских войсках служило усилению междоусобной розни среди сопредельных народов; «милостивое» отношение двора к «присоединившимся» (чины и регалии, дары, невмешательство в прерогативы местной верхушки) — поощрению перехода под власть империи, «привлечению сердец» к Китаю; кажущаяся унификация в обхождении с «внутренними» подданными, как с «внешними» — облегчению реального подчинения последних.

Однако наряду с этим, при всем внешнем сходстве в отношениях с «иноплеменными подданными» и иноземцами на северо-западе, здесь можно проследить и некоторые различия. Несмотря на сохранение известной внутренней автономии среди инонациональных подданных в пределах империи, идеалом китайских политиков было достичь с ними полного «единения», то есть в конечном итоге ассимилировать их. В одной из инструкций, посланных из столицы главнокомандующему войсками в Ганьсу Сун Шэну, говорилось: «Единение с пришедшими и присоединившимися является особой заботой императорского двора. Отсутствие единения ведет к стыду и огорчениям, а также к несоблюдению сдавшимися и присоединившимися к нашим пределам пути покорности» [21]. Такое единение понималось, естественно, как постепенное приобщение инонациональных подданных к китайским нормам и обычаям, ибо перенятие китайцами чужих нравов и образа жизни издавна приравнивалось к аморальным поступкам.

Конкретные шаги, предпринимаемые китайскими властями для этого, в описываемое время еще не были систематическими, но тем не менее их можно обнаружить. В октябре 1403 г. император дал распоряжение «даровать» китайские фамилии служившим в китайских войсках монгольским воинам [22]. Впоследствии присвоение китайских фамилий инонациональным подданным производилось и за определенные заслуги и без особого повода [23]. Данная мера, несомненно, была направлена к большему «единению» с некитайцами. В том же русле шло распростра-

---

[19] Подробнее см.: Г. В. Мелихов. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402—1413 гг.), стр. 251—274.

[20] Политика «связывания сил иноземцев» была разработана в Китае еще в древности. Она заключалась, с одной стороны, в разжигании распрей и вражды среди зарубежных племен и народов, а с другой — в задабривании иноземной знати: подарках, династийных браках, клятвенных обязательствах и так далее.

[21] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 43, стр. 681.

[22] Там же, цз. 23, стр. 427—428.

[23] Там же, цз. 44, стр. 692, цз. 107, стр. 1380—1381.

нение на них порядка наследования сыновьями младших и средних офицеров должностей и званий своих отцов [24]. Этот порядок был принят в описываемое время в китайской армии. Заслуживает внимания упоминание в источнике о попытках сажать солдат некитайского происхождения на землю, то есть распространить на них порядок содержания войск, поддерживаемый в то время в Китае [25].

В 1407 г. в источниках зафиксирован единственный в описываемый период случай создания на северо-западе страны гражданской административной единицы из инонационального населения — чжангуаньсы («управления старшего чиновника»). Оно было учреждено в Яньтуне в провинции Шаньси. В него вошло 47 укрепленных оборонительными сооружениями поселков с населением в 1100 дворов (домохозяйств). Начальником управления — «старшим чиновником» — был назначен местный командир одного из упомянутых укрепленных поселков. Весьма важно подчеркнуть, что вошедшие в управление дворы должны были нести налоги и повинности в пользу китайского вэя Укай [26]. Подобные «управления старшего чиновника» культивировались китайским правительством на юго-западе империи. Они не были характерны в рассматриваемое время для северо-западного направления национальной политики. Поэтому данный факт представляет интерес, ибо свидетельствует об известной общности конечных целей этой политики в обоих регионах. В свете достижения «единения» с инонациональным населением любопытно также привлечение контингентов монгольской конницы к походам китайских войск в Монголию [27]. Демонстрируя свое расположение к «пришедшим и присоединившимся», императорский двор предписывал местным властям внимательно относиться к нуждам некитайского населения. В связи с этим последнему мог выдаваться из казны скот, продовольственная помощь и ссуды [28].

В то же время китайские власти не переставали испытывать недоверие к инонациональному населению на северо-западе страны. Опасения и подозрения отразились во многих документах, направлявшихся в начале XV в. из столицы местному высшему военному начальству. Один из указов командованию в Ганьсу, например, гласил: «Местные монгольские правительственные (то есть служащие Китаю.— *А. Б.*) войска — все подстрекаются людскими речами на смуту. Боюсь, что они дезертируют или восстанут» [29]. Другой аналогичный указ предостерегал: «Военные люди из местных монголов в Ганьсу в глубине души питают мятежные намерения» [30]. Эти опасения имели основания, ибо, несмотря на попытки китайского правительства «привлечь сердца» инонациональных подданных к Китаю, реальная обстановка, в которую попадали «пришедшие и присоединившиеся», побуждала их подниматься на освободительную борьбу. В качестве мер предосторожности против волнений инонациональных отрядов китайское правительство прибегало к переселению их на другие, не обжитые ими места и к размещению рядом с ними китайских воинских соединений для большего контроля и устрашения [31]. Но подобные действия лишь усиливали недовольство некитайского населения. Например, поводом к восстанию в апреле 1410 г. мон-

---

[24] Там же, цз. 77, стр. 1041.

[25] Там же, цз. 130, стр. 1610. В Китае в конце XIV—XV вв. была распространена система военных поселений (туньтянь), подразумевавшая привлечение солдат к обработке земли и снабжение их сельскохозяйственным инвентарем, чтобы они могли «и пахать, и сражаться».

[26] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 66, стр. 933.

[27] Там же, цз. 107, стр. 1380—81, 1386—87, 1391

[28] Там же, цз. 43, стр. 681; цз. 44, стр. 695; цз. 129, стр. 1598—1599.

[29] Там же, цз. 119, стр. 1504—1505.

[30] Там же, цз 130, стр. 1610.

[31] Там же.

гольских отрядов, служивших в вэях Лянчжоу и Юнчан в Шэньси, явилось намерение властей переселить их в другие районы [32].

Освободительное движение некитайского населения на северо-западе страны наиболее отчетливо прослеживается в 1410—1413 годах. Можно предположить, что причиной этого, кроме притеснений со стороны местных китайских властей, послужило начало в 1409—1410 гг. серии крупных походов китайских войск в Монголию и связанное с этим пробуждение национальных чувств у находившихся в пределах империи монголов. Так или иначе вслед за отмеченным восстанием в Шэньси, подавление которого затянулось до конца года, последовали новые выступления. В августе 1411 г. отмечено движение монголов в Нинся, длившееся до марта следующего года [33]. В марте 1412 г. начался мятеж под начальством Коточи в Ганьсу, продолжавшийся до лета этого года [34]. Наряду с ним в апреле 1412 г. зафиксирован еще один очаг восстания некитайского населения в Ганьсу [35]. В августе того же года вспыхнуло новое восстание монголов в Нинся, а в сентябре вторично взбунтовались инонациональные войска в вэях Лянчжоу и Юнчан [36]. Подавление различных очагов этого последнего из перечисленных движений стоило китайцам немалых усилий и затянулось до лета 1413 года [37]. В июне 1410 г. и мае 1412 г. происходили восстания мусульманского (уйгурского) населения в районе расположения вэя Сучжоу в Ганьсу [38].

Характерно, что все описанные движения подавлялись силой оружия без каких-либо попыток вступать с восставшими в переговоры. Такие попытки неизменно предпринимались в случае восстаний китайского населения. Даже при неповиновении некитайского населения на юго-западе страны императорское правительство не всегда и не сразу прибегало к военной силе. На северо-западе, напротив, в инструкциях двора указывалось, что при малейшем противодействии следует сразу же усмирять непокорных при помощи войск. Предписывалось даже «уничтожать на месте» всех некитайцев, которые так или иначе оказывают содействие восставшим [39]. Таким образом, освободительное движение некитайских народов на северо-западных рубежах империи подавлялось более жестоко, чем восстания китайского населения внутри страны и даже чем в других национальных районах.

В юго-западных районах империи, населенных различными некитайскими народами, минское правительство преследовало не военно-стратегические цели, а решало задачу расширения и упрочения своей административной системы управления. Это требовало немалых усилий и применения несколько иных, чем на северо-западе, методов национальной политики. Как уже отмечалось, значительные районы Южного и Юго-Западного Китая к началу XV в. фактически оставались полностью вне контроля китайских властей. В первую очередь это относится к горным районам современных китайских провинций — Гуйчжоу и западной части Хунани. Попытки предшествующих властителей Китая из династий Сун и Юань (монгольской) установить здесь свое господство не имели успеха. Неудачной была и аналогичная попытка основателя династии Мин Чжу Юань-чжана, предпринятая в конце XIV века [40]. Помимо того, много «диких», как определяют китайские источники, а на деле не под-

---

[32] Там же, цз. 102, стр. 1324.
[33] Там же, цз. 117, стр. 1492; цз. 124, стр. 1559.
[34] Там же, цз. 125, стр. 1567; цз. 128, стр. 1593.
[35] Там же, цз. 126, стр. 1575.
[36] Там же, цз. 130, стр. 1612; цз. 131, стр. 1619.
[37] Там же, цз. 131, стр. 1621; цз. 134, стр. 1635; цз. 135, стр. 1650—1651; цз. 135, стр. 1657—1658; цз. 140, стр. 1682.
[38] Там же, цз. 104, стр. 1352—1354; цз. 127, стр. 1534.
[39] Там же, цз. 119, стр. 1504—1505; цз. 103, стр. 1342—1343.
[40] Р. Ф. Итс. Указ. соч., стр. 268, 276.

чиненных китайским властям районов оставалось в провинциях Сычуань, Юньнань, Гуанси и на о. Хайнань.

Намереваясь активно освоить упомянутые районы, китайское правительство в начале XV в. прибегало к тактике сочетания военного вмешательства и угроз с «привлечением сердец» инонационального населения мирным путем. При этом инструкции из столицы предписывали отдавать предпочтение последнему. Например, в октябре 1403 г. двор рекомендовал военному наместнику в Юньнани Му Шэну: «Если возможно, берите за образец привлечение сердец иноплеменников к цивилизации, а не непременно посылайте войска» [41]. Причины приверженности к такой гибкой политике, как уже отмечалось, заключались в понимании несовершенства методов исключительно военного подавления для закрепления своего господства в осваиваемых районах. К тому же, действия войск в труднодоступных и отдаленных от центра империи местах зачастую, как показывал предшествующий опыт, были малоэффективны. «Сначала они (инонациональные подданные.— *А. Б.*) все обращаются к цивилизации, а затем — снова становятся разбойниками; правительственным войскам трудно их искоренить» [42],— писал в конце 1403 г. один из чинов военного ведомства в своем докладе двору о положении в Гуанси. Помимо того, император рекомендовал Му Шэну придерживаться мирной тактики лишь по возможности, отнюдь не сковывая его полномочий переходить в случае необходимости к прямому подавлению.

В чем же конкретно выражалось «привлечение» некитайского населения юго-западных окраин «к цивилизации»? Местные китайские власти, как гражданские, так и военные, силой, угрозами или же по взаимной договоренности заставляли ранее самостоятельные поселения и прочие инонациональные объединения признавать свое подданство императору. Обычно к обнаруженным «диким иноплеменникам» посылался манифест от имени китайской администрации, где предлагалось принять такое подданство и содержались завуалированные угрозы на случай неподчинения. Затем в случае надобности пускались в ход войска, а при «согласии» включался механизм, уже знакомый по северо-западному региону: в столицу направлялся либо представитель подчинившихся, либо посылался доклад местных китайских властей об их желании «придти и присоединиться». В ответ следовало высочайшее утверждение, и «местные главы» получали китайские чины, титулы и регалии. При этом в юго-западном регионе гораздо чаще прослеживается последний вариант — именно доклад китайских властей о присоединении новых инонациональных подданных, а не поездки их посланцев ко двору. Число подчиняемых могло колебаться от нескольких десятков до нескольких десятков тысяч человек. Подобная картина наблюдается в начале XV в. в отношении самых разнообразных народов в различных провинциях юго-запада страны [43].

Во многих случаях одновременно с направлением «привлекающих» манифестов стягивались войска для подавления возможного сопротивления [44]. В свою очередь, применение армии не исключало дальнейших попыток «привлечения иноплеменников» манифестами. В этом случае в обмен на покорность давалось обещание приостановить военные действия и отвести войска [45]. Иначе говоря, при всем отмеченном предпочтении мирного «умиротворения» некитайского населения, последнее практически осуществлялось с позиции силы и органически сочеталось

[41] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 23, стр. 425.
[42] Там же, цз. 25, стр. 460.
[43] Там же, цз. 43, стр. 688; цз. 44, стр. 701; цз. 52, стр. 777; цз. 55, стр. 816—818; цз. 73, стр. 1015—1016; цз. 101, стр. 1318; цз. 122, стр. 1540, цз. 139, стр. 1676, цз. 141, стр. 1692.
[44] Там же, цз. 141, стр. 1693.
[45] Там же, цз. 51, стр. 767.

с методами прямого давления. Центральное правительство поощряло старания местных властей по «привлечению» инонационального населения «к цивилизации», о чем свидетельствуют распоряжения практиковать рассылку «привлекающих» манифестов [46]. За успехи в приобретении новых подданных китайские чиновники и военные получали награды и поощрения.

Что же касается административного устройства «присоединившихся» в юго-западном регионе, то оно не было единообразно. В некоторых случаях их могли просто вливать в состав китайских уездов, практически почти уравнивая в обязанностях с местным китайским населением [47]. Но чаще инонациональные подданные получали своеобразную автономию. На первых порах императорское правительство было готово довольствоваться общим, пусть даже формальным выражением подчинения с их стороны. Это четко отразилось в словах императора, произнесенных в конце 1406 г.: «Путь управления иноплеменниками таков: как только они подчиняются, то можно оставлять их в покое» [48]. Такой подход был до известной степени продиктован реальной обстановкой в указанном регионе. Китайская колонизация южных и юго-западных провинций страны, хотя и шла уже многие столетия, но все же не была столь глубока и широка, чтобы послужить достаточным основанием для быстрого и повсеместного внедрения чисто китайских порядков. Даже к началу XVI в. китайская переселенческая колонизация здесь еще не была достаточной [49]. Поэтому, административно осваивая данные провинции, китайцы нуждались в определенном союзе с социальной верхушкой местных племен и народов. Отражением этого и явилось сохранение некоторых ее прерогатив, к чему и сводилась упомянутая автономия.

При учете отмеченной обстановки становится более понятна та осторожность, которую центральное правительство настойчиво советовало соблюдать местным китайским властям в отношениях с «пришедшими и присоединившимися». Например, одна из инструкций императора по этому поводу гласила: «Поскольку иноплеменники обращаются к культуре, следует действенным образом поддерживать их в этом. При малейшем посягательстве на их интересы они перестанут быть искренними по отношению к императорскому двору. Следует немедленно направить распоряжение... оберегать их. Еще следует предусмотрительно дать приказание местным властям, что их долг — до конца идти по пути сердечности и мирных отношений с ними» [50]. Американский исследователь Ч. О. Хакер называет такую тактику «затягивающе-вежливой» [51].

Конкретное выражение упомянутая автономия находила в применении известной системы «ту сы» («местных управлений»). Ее сущность весьма точно отражена в китайских источниках, где говорится: «Со времени Хунъу (конец XIV в.— *А. Б.*) для управления теми юго-западными иноплеменниками, которые приходили в подчинение, использовались их собственные прежние чиновники» [52]. Уточнения требует лишь следующее: под чиновниками здесь подразумевается племенная и феодальная верхушка некитайских народов, получавшая, как отмечалось выше, чины и регалии от императорского двора. Учитывая суть данной системы, исследователи приходят к справедливому выводу, что она консервировала социальные отношения у некитайских народов [53].

---

[46] Там же, цз. 41, стр. 673.
[47] Там же, цз. 55, стр. 816—817; цз. 122, стр. 1540.
[48] Там же, цз. 60, стр. 875.
[49] W. Eberhard. Social Mobility in Traditional China. Leiden. 1962, p 20.
[50] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 38, стр. 647—648.
[51] Ch. O. Hucker. The Traditional Chinese State in Ming Times. Tucson. 1961, p. 21.
[52] «Мин ши»,— «Эршиу ши». Т. 9. Шанхай. 1935, цз. 310, стр. 7867 (4).
[53] Р. Ф. Итс. Указ. соч., стр. 277; Ch. O. Hucker. Op. cit., pp. 21—22.

Метод оставления во главе покоряемого инонационального населения местных вождей и князьков при условии их подчинения императорской власти прослеживается, согласно китайским источникам, еще с конца II — начала I в. до н. э.[54]. Однако именно в рассматриваемый период, а точнее, в конце XIV — начале XV в., система «ту сы» приобретает черты особого и разработанного направления внутренней политики. Создается целая градация «местных управлений». Наиболее низкой единицей было уже упоминавшееся «управление старшего чиновника» («чжангуаньсы»). Возглавлявший его «местный управитель» получал полный шестой чиновный китайский ранг[55]. Следующей, более высокой ступенью служили «управления умиротворения» (аньфусы), возглавлявшиеся людьми, получившими пятый вспомогательный чиновный ранг. Еще выше стояли «управления полного умиротворения» (сюаньфусы), во главе которых должны были находиться чиновники четвертого вспомогательного ранга. На вершине этой пирамиды стояли «управления полного успокоения» (сюаньвэйсы), руководимые чиновниками третьего вспомогательного ранга. Кроме того, в «Мин ши» называется еще один разряд подобных управлений — «управления привлечения и возмездия» (чжаотаосы)[56]. Практическое применение их на материале источников начала XV в. не прослеживается и ранг возглавлявших их чиновников не называется. Но судя по тому, что при соблюдении в «Мин ши» отмеченной градации эти управления поставлены источником выше «управления умиротворения», но ниже «управления полного умиротворения», они должны были возглавляться чиновником полного пятого ранга.

При всей кажущейся стройности обрисованной системы ее применение на практике не было столь определенно. Образование той или иной из перечисленных административных единиц не имело четких критериев и диктовалось конкретными обстоятельствами. Единообразного порядка подчинения вышеозначенных единиц также не существовало. Как наглядно прослеживается по источникам, «управления старшего чиновника» могли, например, подчиняться либо военному командованию провинции[57], либо «управлениям полного успокоения»[58], либо расквартированному поблизости военному гарнизону[59]. При этом вид подчинения мог изменяться в зависимости от распоряжений китайских властей[60]. Само существование таких «управлений» не было стабильно. Правительственная администрация могла произвольно менять статус отдельных единиц, например, преобразовывать «управления полного успокоения» в «управления старшего чиновника» и так далее[61]. Помимо того, китайские власти были вольны вообще упразднять подобные автономные образования, подчиняя инонациональное население контролю обычной китайской администрации[62]. Исчезали автономные «управления» и по собственной воле: население иногда просто разбегалось[63]. Наконец, образование перечисленных выше единиц на территориях расселения некитайских народов сочеталось с учреждением здесь обычных форм имперского административного деления — уездов, округов, областей и так далее. Причем во главе их могли ставиться не только китай-

---

[54] «Мин ши», цз. 310, стр. 7867 (4).

[55] В традиционной китайской табели о рангах было 9 градаций (начиная с первого как с высшего ранга). Но каждый ранг имел две ступени — «полный» (более высокий) и «вспомогательный» (то есть неполный). Таким образом, пирамида рангов практически была восемнадцатиступенчатой.

[56] «Мин ши», цз. 310, стр. 7867 (4).

[57] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 44, стр. 689; цз. 60, стр. 874; цз. 75, стр. 1033.

[58] Там же, цз. 44, стр. 689; цз. 67, стр. 938.

[59] Там же, цз. 63, стр. 907.

[60] Там же, цз. 78, стр. 1053.

[61] Там же, цз. 52, стр. 792—793.

[62] Там же, цз. 145, стр. 1717; цз. 147, стр. 1729.

[63] Там же, цз. 64, стр. 912; цз. 66, стр. 932; цз. 175, стр. 1920—1921.

ские, но и «местные» чиновники, облеченные соответствующей должностью [64].

Весьма интересен вопрос, насколько далеко распространялась, или, наоборот, насколько ограничивалась самостоятельность «местной» администрации в рамках обрисованной системы автономии. Как уже отмечалось, китайцы сохраняли определенные прерогативы социальной верхушки некитайского населения. Отсюда не исключено, что в некоторых случаях их могло удовлетворять чисто формальное признание верховной власти императора местными вождями. Получение китайских чинов и регалий в этих обстоятельствах никак не ограничивало их власти над соплеменниками. Признание такого положения содержится в китайских официальных источниках. Например, о некитайских народах в Сычуани записано: «Сообщают, что они сами имеют своих тиранов и, хотя принимают титулы и звания от императорского двора, но на деле сами являются правителями тех земель» [65]. В пользу определенной свободы рук «местной администрации» говорит и такой факт, как арест и ограбление одним из таких «чиновников» императорского посланца, проезжавшего через его территорию [66].

Подчеркивая особое положение «местных чиновников», императорский двор практиковал поддержание с ними «даннических отношений», то есть «разрешал» им присылать в столицу «дань из местных товаров» и посылал ответные дары. Распространение этого принятого во внешнеполитических отношениях империи порядка на инонациональных подданных также свидетельствует о том, что их ставили в особое от прочих положение, продолжая считать до некоторой степени «иноземцами». Как и в случае с зарубежными странами, для отдельных групп некитайских чиновников устанавливались определенные нормы отдаривания за доставляемую «дань» [67]. Назначались и сроки присылки ими «дани», часто совпадавшие с периодичностью, требуемой китайцами от иностранцев,— раз в 3 года [68]. В начале XV в. двор устраивал пышные приемы «посольств» от «местных чиновников» в составе нескольких десятков и даже сотен человек [69]. В то же время, не желая чтобы «дань» служила обузой для инонациональных вождей, Чжу Ди высказывался за то, что «в посольском деле не стоит быть слишком требовательным» [70]. Такое подчеркнутое приближение некитайских подданных к иностранцам, несомненно, способствовало закреплению особых прав местной социальной верхушки.

Вместе с тем во многих конкретных случаях выражение покорности инонационального населения китайскому двору могло сопровождаться вполне ощутимыми ограничениями власти прежних вождей. В этом плане весьма симптоматичен такой шаг, как предписание от 5 ноября 1404 г. поставить при всех «иноплеменных главах» в Юньнани китайских «помощников», которые были бы «искушены в делах» управления [71]. Официально это мотивировалось незнанием такими главами китайского языка и норм делопроизводства. Но значение данного шага от этого не меняется: таким путем местные племенные объединения включались в орбиту китайского административного аппарата. Вполне вероятно предположить, что нечто подобное могло практиковаться не только в пределах одной Юньнани. Сами китайцы были не склонны расценивать учреждаемые ими автономные административные единицы как пустую

---

[64] Там же, цз. 30, стр. 551; цз. 31, стр. 560; цз. 52, стр. 777; цз. 76, стр. 1039.
[65] «Мин ши», цз. 311, стр. 7870 (1).
[66] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 114, стр. 1454.
[67] Там же, цз. 19, стр. 346—347.
[68] Там же, цз. 54, стр. 806; цз. 177, стр. 1933—1934
[69] Там же, цз. 87, стр. 1156, 1158, цз. 16, стр. 296, 297.
[70] Там же, цз. 86, стр. 1137.
[71] Там же, цз. 35, стр. 610.

формальность, ничего не менявшую в жизни инонационального населения. Упомянутая административная система рассматривалась сама по себе как фактор, сдерживающий и ограничивающий некитайские народы империи. В «Мин ши», например, по этому поводу записано: «Учреждали... различные военные и гражданские чины начальников управлений полного успокоения и сами такие управления, чтобы связывать силы (цзими) иноплеменников» [72]. Там, где обстоятельства позволяли это, китайская администрация не упускала случая усилить свой контроль в автономных единицах.

Характерно также отношение китайского правительства к той фактической самостоятельности «местных тиранов», которая отмечена, в частности, в приведенной выше цитате о положении в Сычуани. Констатируя такую самостоятельность, источник продолжает: «Поэтому вплоть до конца правления династии Мин часто приходилось утруждаться карательными походами против них» [73]. Иначе говоря, имперские власти отнюдь не были склонны довольствоваться таким положением и стремились активно бороться с проявлениями реального неподчинения под маской признания покорности. В рассматриваемом аспекте ограниченности прав некитайской администрации в рамках автономии показательны и такие факты, как прецедент безнаказанного избиения до смерти палками «местного чиновника» китайским офицером или же превращение другим военным иноплеменных подданных в своих рабов [74].

Наконец, немалое значение в решении затронутой проблемы имеет вопрос о налогообложении «приходящих и присоединившихся». Выше уже говорилось о предоставлении ими «дани» двору. Помимо престижного момента, этот порядок мог нести и определенные экономические функции [75]. Не исключено, что в некоторых случаях китайское правительство ограничивалось лишь поставляемыми «в дань» местными товарами. Но наряду с этим уже с 1403 г. в источниках встречаются сведения о включении некитайского населения в налоговые списки-реестры, что прослеживается затем на примере многих народов юго-западных провинций Китая [76]. Одновременно начинают фиксироваться данные о недоимках в основных и дополнительных налогах с некитайского населения этого региона [77]. В Гуйчжоу после подчинения этой территории в 1414 г. стали создаваться специальные налоговые управления, «шуйкэсы» [78]. Таким образом, «дань» отнюдь не везде и не всегда заменяла тяжелое ярмо китайского налогообложения, которое несли «присоединявшиеся» народы. Правда, желая приспособить систему налогов к специфическим местным условиям, китайские власти практиковали здесь изъятие основного налога не только зерновыми, как это было обычно в собственно Китае, но и другими местными продуктами: золотом, серебром, киноварью, чаем, лошадьми, продуктами моря и так далее [79]. Но это не меняло сути. При всей возможной приспособляемости налогообложение национальных окраин в пользу китайской казны было существенным ограничением их автономии и оказывало значительное влияние на положение некитайских народов и племен в юго-западных провинциях страны.

---

[72] «Мин ши», цз. 316, стр. 7888 (4).

[73] Там же, цз. 311, стр. 7870 (1).

[74] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 47, стр. 720; цз. 87, стр. 1158.

[75] Например, установленная в 1403 г. с управления полного умиротворения Пуань «дань» должна была состоять из 3000 даней (около 310 т) зерна («Мин Тай-цзун ши лу», цз. 16, стр. 298).

[76] Там же, цз. 20, стр. 364; цз. 55, стр. 816—817; цз. 81, стр. 1089; цз. 149, стр. 1743; цз. 150, стр. 1745; цз. 161, стр. 1825; цз. 182, стр. 1963.

[77] Там же, цз. 17, стр. 311.

[78] Там же, цз. 154, стр. 1776.

[79] Там же, цз. 17, стр. 311; цз. 56, стр. 829; цз. 116, стр. 1479; цз. 125, стр. 1568; цз. 155, стр. 1788.

Исходя из вышеизложенного, вряд ли можно согласиться с мнением, что китайская система управления инонациональным населением полностью оставляла без вмешательства извне существовавшие у них порядки [80]. Как явствует из источников, в начале XV в. описанная автономия в одних случаях могла иметь реальный смысл, а в других — быть сильно ограниченной. Такое различие зависело от конкретных обстоятельств: соотношения сил, географического положения (труднодоступности местности), местных традиций, традиций освободительного движения, стратегических расчетов китайцев и так далее. В частности, многое могло зависеть от характера подчинения автономных административных единиц. Если они отдавались в распоряжение аналогичных, но более высоких по китайской иерархии автономных образований или же подчинялись непосредственно императору, то автономия могла сохраняться в большей степени. Если же попадали под контроль военного командования провинции или ближайшего военного гарнизона, то условия для самостоятельных действий значительно суживались. Даже оставляя (в немалой степени вынужденно) определенную свободу местной социальной верхушке, императорское правительство не переставало стремиться к тому, чтобы его власть в окраинных национальных районах страны была вполне реальной. Задача «приручить иноплеменников» не снималась, хотя для достижения этой цели китайское правительство было вынуждено прибегать к различной тактике.

Наглядным свидетельством того, что императорское правительство не желало ограничиваться описанной системой автономии и стремилось к дальнейшей китаизации национальных районов, является образование в 1413—1414 гг. новой китайской провинции Гуйчжоу на территории, издавна заселенной народом мяо. Этот шаг можно считать кульминационным в национальной политике в описываемое время. Здесь отразились многие характерные для нее черты и методы. Попытка покорения Гуйчжоу в конце XIV в. была, как отмечалось, неудачной. Более того, на рубеже следующего столетия из-под китайской власти освободились те районы Гуйчжоу, которые ранее считались включенными в состав империи. Но уже весной 1403 г. правительство Чжу Ди вновь подчиняет их, учредив здесь 14 управлений старшего чиновника [81]. В дальнейшем междоусобная борьба племен мяо была использована для вооруженного вмешательства и захвата всей их страны. В 1413 г. сюда вторглась китайская армия в 50 тыс. человек [82]. Уже 3 марта этого года Гуйчжоу получила «вспомогательный» статус провинции империи, а через год, в марте 1414 г., этот статус был окончательно утвержден [83]. Здесь были созданы обычные для Китая органы провинциальной власти — общеадминистративные, военные и судебные, проведено новое территориальное районирование. В последнем случае наблюдалось сочетание традиционных китайских административных единиц и отмеченных выше автономных образований.

Первоначально Гуйчжоу разделили на 8 областей (фу) и 4 округа (чжоу), сохранив в их подчинении 75 управлений старшего чиновника. Характерно, что все эти единицы были подведомственны имперскому ведомству налогов, то есть приобщены к китайской системе налогообложения. Кроме этих «гражданских» территориальных делений, в новой провинции были организованы 18 воинских вэев, подчинявшихся центральному военному ведомству. Оно же распоряжалось еще 7 управлениями старшего чиновника в Гуйчжоу, имевшими военизированный характер (то есть их население было приписано к военному сословию). В дальнейшем чиновные учреждения и посты, а также административное

[80] Ch. O. Hucker. Op. cit.; pp. 21—22.
[81] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 16, стр. 298.
[82] «Мин ши», цз. 316, стр. 7888 (4).
[83] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 137, стр. 1661; цз. 149, стр. 1735.

деление в Гуйчжоу неоднократно менялись. В целом правительство пыталось придерживаться порядка, чтобы в каждой области было по 6 округов и по 4 управления старшего чиновника. Но, как сообщает источник, эти единицы «то разделяли, то соединяли и реформировали поразному» [84]. К управлению местными делами на уровне ниже областного могли привлекаться и «местные чиновники» [85]. Это облегчалось тем, что к описываемому времени у мяо уже достаточно четко выделилась социальная верхушка, приобретшая определенные административные функции [86]. «Местные чиновники» сохраняли «право» посылать «дань» императору. Но контроль за их назначениями на должность и преемственностью их функций был передан в руки столичного ведомства чинов. Высшее командование над всеми «местными войсками», то есть отрядами, состоявшими из воинов-мяо, поручалось центральному Военному ведомству [87].

Таким образом, в системе организации управления и районирования новообразованной провинции были использованы некоторые черты автономии, оставлявшиеся за местной некитайской социальной верхушкой. Но они тесно переплетались с ординарными китайскими порядками и осуществлялись при сохранении высшего контроля в руках китайской администрации. Отсюда можно заключить, что отмеченная автономия играла вспомогательную роль и использовалась императорскими властями как орудие для закрепления своего господства. Покорение Гуйчжоу и организация здесь провинции были осуществлены с помощью прямого военного давления. Это лишний раз говорит о том, что китайское правительство в начале XV в. при всей рекомендуемой им осторожности в подходе к инонациональному населению и стремлении «привлекать сердца добрым отношением», отнюдь не ограничивалось подобными методами и при возможности прибегало к грубой силе.

Образование провинции Гуйчжоу и связанное с этим еще бóльшее укрепление китайского господства на юго-западе империи завершает собой многовековую борьбу китайских властей за прочное овладение территориями, населенными местным некитайским населением [88]. Но это отнюдь не означает, что инонациональное владычество не встречало сопротивления. Вся первая четверть XV в., как до, так и после 1413—1414 гг., заполнена героической освободительной борьбой коренных жителей юго-западных провинций империи против установления китайского господства. Уже в январе 1403 г. правительство Чжу Ди было вынуждено признать, что «различные иноплеменники юго-запада с трудом покоряются и с легкостью поднимают мятежи» [89]. Это, естественно, не было новостью для китайцев. Указ, посланный военным властям в Сычуани в мае 1409 г., констатировал: «Такое положение, что иноплеменники бунтуют, тянется издавна» [90].

Рассматриваемый период в этом плане не являлся исключением. В комментариях китайских хронистов к одному из указов императора по поводу национальной политики дана следующая обобщенная характеристика описываемого момента: «В те времена иноплеменники восставали и не подчинялись, по временам приходя в ярость» [91]. Официальная китайская идеология относила упомянутую ярость за счет естественных дурных качеств всех «варваров». «В сердце у иноплеменников измена» [92],— писал военный из Гуанси в уже цитированном докладе двору

[84] «Мин ши», цз. 316, стр. 7888 (4).
[85] Там же.
[86] Р. Ф. Итс. Указ. соч., стр. 271.
[87] «Мин ши», цз. 316, стр. 7888 (4).
[88] Р. Ф. Итс. Указ. соч., стр. 244, 277
[89] «Мин Тай-цзун ши лу», цз. 15, стр. 277.
[90] Там же, цз. 90, стр. 1191.
[91] Там же, стр. 1190.
[92] Там же, цз. 25, стр. 460.

в конце 1403 года. На деле же такая «измена» имела вполне реальные основания. В этой связи следует вспомнить приведенные выше слова того же военного из Гуанси о том, что некитайские подданные сначала приобщаются к «цивилизации», а затем снова бунтуют. Здесь заключен глубокий смысл: первоначально, выражая номинальную покорность далекому императорскому двору, некитайское население еще не сталкивалось непосредственно с гнетом китайских властей. Позже, испытав на себе этот гнет, оно поднималось на борьбу. Возможно, конечно, и другое объяснение: пока китайские войска действовали или угрожали «присоединяемым», последние подчинялись, но после ухода войск и ослабления давления — вновь стремились обрести независимость.

Правительству Чжу Ди уже с первых месяцев своего существования пришлось столкнуться с освободительным движением некитайских народов в юго-западных провинциях. В сентябре 1402 г. началось движение среди инонационального населения в Гуанси. Повстанцы «оказывали сопротивление, убивали китайских чиновников и солдат». Для подавления применялись и дипломатические и военные средства. В декабре 1403 г., истребив около 1200 человек местного населения, китайцы овладели положением [93]. В мае 1405 г. из Гуанси поступил доклад о подавлении нового восстания, а буквально через несколько дней — о начале следующего [94]. Аналогичная картина наблюдалась здесь два года спустя: в феврале 1407 г. пришло донесение об усмирении «иноплеменных разбойников», а в марте началось новое движение [95]. Оно быстро разрасталось, так как в это время значительная часть китайских войск из Гуанси была переброшена во Вьетнам. В результате императорским властям пришлось срочно стягивать войска из Хугуана, Юньнани, Гуйчжоу и даже отозвать часть солдат из Вьетнама [96]. Восстание было подавлено к ноябрю 1407 года. Освободительное движение народов яо и мяо в Гуанси вновь вспыхнуло в октябре 1412 года. Его непосредственной причиной послужил рост налогового гнета. Китайским властям удалось справиться с ним где-то в конце того же года [97]. Восстания инонациональных подданных в Гуанси происходили также в 1415 и 1423 годах [98]. Вооруженные выступления некитайского населения Юньнани зафиксированы в 1405 и 1423 годах [99]. Установление китайского господства в Гуйчжоу сопровождалось вспышками сопротивления народа мяо в 1404 г., дважды в 1408 г. и еще раз в 1410 году [100]. Вооруженной борьбой отмечено и провозглашение Гуйчжоу провинцией в 1413—1414 годах. В декабре 1415 г. здесь началось новое восстание [101]. В 1413—1414 гг. шло освободительное движение народа мяо в Сычуани. Для его подавления туда были переброшены войска из Хугуана и Гуйчжоу [102]. В середине 1415 г. в Сычуани вспыхнуло восстание народа жун [103]. Волнения некитайского населения в Хугуане отмечены в 1405 г., 1410, дважды в 1414 и еще раз в 1420 году [104].

Все эти движения можно рассматривать как закономерную реакцию на усиление китайского гнета в национальных районах на юго-за-

---

[93] Там же, цз. 11, стр. 191; цз. 15, стр. 274—275; цз. 25, стр. 457.
[94] Там же, цз. 41, стр. 671—672, 672—673.
[95] Там же, цз. 62, стр. 896; цз. 64, стр. 910.
[96] Там же, цз. 70, стр. 982; цз. 72, стр. 1011—1012.
[97] Там же, цз. 132, стр. 1624; цз. 135, стр. 1645.
[98] Там же, цз. 162, стр. 1837; цз. 256, стр. 2370; цз. 263, стр 2403.
[99] Там же, цз. 49, стр. 737—738; цз. 254, стр. 2362.
[100] Там же, цз. 80, стр. 1075; цз. 84, стр. 1120; цз. 151, стр. 1760.
[101] Там же, цз 170, стр. 1899.
[102] Там же, цз. 138, стр. 1671; цз. 142, стр. 1699, 1707; цз. 144, стр. 1710; цз 147, стр. 1727.
[103] Там же, цз. 166, стр 1859—1860.
[104] Там же, цз. 38, стр. 647; цз. 105, стр. 1360—1361; цз. 155, стр. 1789; цз. 157, стр. 1800; цз. 225, стр. 2212.

паде империи. Но в целом правительству Чжу Ди удалось справиться с сопротивлением подчиняемых народов. Дело здесь не только в перевесе сил и превосходстве китайской армии, но и в известной заинтересованности социальной верхушки некитайских народов в союзе с китайскими феодалами. Такой союз помогал местной знати закрепить свое господствующее положение и приобщиться к новым, характерным для китайцев, способам эксплуатации основной массы населения. Закреплению китайского влияния способствовала также племенная и национальная разобщенность народов, населявших юго-западные провинции. Источники свидетельствуют, что китайцы умело использовали в своих интересах подобную рознь.

При возникновении междоусобных конфликтов среди своих инонациональных подданных правительство Чжу Ди предпочитало воздерживаться от непосредственного вмешательства. Несмотря на просьбы враждующих сторон о помощи, императорский двор ограничивался лишь манифестами с рассуждениями о благости мира. Официально такая тактика объяснялась двором следующим образом: «Нападения южных иноплеменников друг на друга случаются издавна. Схватить одного-двух из них и наказать — не будет достаточно для преобразования их грубых нравов... А если торопиться с наказанием,.. то это лишь помешает обращению сердец людей из далеких краев к Китаю» [105]. Главное, на что местным китайским властям предписывалось обращать внимание при такого рода конфликтах,— это повиновение всех враждующих сторон императорской администрации. Например, на запрос Му Шэна относительно позиции во время междоусобиц в Юньнани в 1403 г. последовал ответ двора: «И нападающие и пострадавшие уже платят налоги в императорскую казну, что свидетельствует об отсутствии зла в их сердцах» [106]. Единственное, что пугало правительство,— это возможность перерастания мелких распрей в острые конфликты, грозившие свергнуть китайскую власть. Поэтому местным войскам предписывалось быть в постоянной готовности при междоусобных столкновениях инонационального населения [107].

Таковы основные направления и методы национальной политики императорского правительства Китая в первой четверти XV века. Они были весьма неоднородными. В зависимости от обстоятельств мог варьироваться ряд средств: от номинального провозглашения верховенства императора, предоставления своеобразной автономии и культурного проникновения до прямого воздействия силой и военного подавления. Но все эти методы преследовали одну общую цель—всемерное закрепление китайской власти и влияния на национальных окраинах империи.

---

[105] Там же, цз. 30, стр. 545.
[106] Там же, цз. 23, стр. 424—425.
[107] Там же, цз. 44, стр. 699—700.

ЯПОНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКСПАНСИИ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

С. С. Пасков

Буржуазно-либеральное направление современной японской историографии берет свое начало во второй половине XIX века. Представители этого направления, испытавшие влияние европейского позитивизма, выступили с критикой господствующих религиозных, японоцентристских концепций. Наряду с традиционным интересом к политической истории они впервые в Японии стали заниматься социально-экономическими проблемами и историей культуры. Поражение японского империализма во второй мировой войне, приведшее к известной демократизации общественной и научной жизни в Японии, способствовало, в частности, повышению интереса к проблемам внешнеполитической истории Японии, обусловленного стремлением осмыслить причины и последствия этого поражения. Вполне объяснимо поэтому внимание, которое уделялось при этом проблемам японской экспансии, особенно в Китае, начиная со времени становления японского империализма на рубеже XIX—XX вв. и до образования дальневосточного очага второй мировой войны в 30-х годах [1].

За последние два десятилетия либеральное направление заняло в японской историографии ведущее положение по количеству работ, кругу рассматриваемых проблем и широте распространения своих концепций. Его представители в отличие от консервативных историков отказались от безоговорочного оправдания внешней политики Японии. Анализ главных теоретико-методологических концепций этих авторов, положенных ими в основу трактовки политики Японии на Дальнем Востоке в конце XIX — первой трети XX в., и составляет главную цель данной статьи.

Наиболее фундаментальные работы историков либерального направления были написаны в рамках получившей особенное развитие

---

[1] Марксистско-ленинская концепция дальневосточной политики Японии в этот период разработана в ряде трудов советских историков. См.: В. Аварин. Империализм в Маньчжурии. М. 1931; его же. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М. 1947; Е. М. Жуков. История Японии. М. 1939; А. Л. Сидоров. Русско-японская война (1904—1905 гг.). М. 1946; Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М.—Л. 1947; А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. М. 1947; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)». М. 1951; Х. Эйдус. Очерки новой и новейшей истории Японии. М. 1955; А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М. 1956; «Очерки новейшей истории Японии». М. 1957; «Очерки новой истории Японии». М. 1958; Л. Н. Кутаков. Портсмутский мирный договор. М. 1961; И. Я. Бедняк. Япония в период перехода к империализму. М. 1962; «История дипломатии». Т. 2. М. 1963; т. 3. М. 1965; С. С. Григорцевич. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск. 1965; М. И. Сладковский. Китай и Япония. М. 1971; «Японский милитаризм». М. 1972; «Международные отношения на Дальнем Востоке». В 2-х кн. М. 1973.

после второй мировой войны буржуазной политологии. В это время создаются организации, объединяющие японских политологов. Наиболее известными среди них являются Японская ассоциация политических наук (ЯАПН) и Японское общество науки международной политики (ЯОНМП). Первая входит в Международную ассоциацию политических наук, созданную в 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО. Цели ЯАПН, согласно ее уставу, заключаются в том, чтобы «стимулировать исследования и совместные усилия исследователей» в области политической науки, истории политических учений, политической истории, истории дипломатии, науки о международной политике, науки об административном управлении [2]. Хотя в тематике исследований ЯАПН, судя по содержанию ее печатного органа — ежегодника «Сэйдзигаку» («Политические науки»), преимущественное место занимают внутриполитические проблемы, существенное внимание уделяется и вопросам внешнеполитической истории [3]. Внимание членов ЯОНМП, объединяющего вузовских историков, юристов-международников и сотрудников японского МИДа, всецело сосредоточено на исследовании внешнеполитической истории. Научная деятельность в области гуманитарных наук финансируется, как правило, министерством культуры и просвещения; что же касается ЯОНМП, то оно в значительной степени связано с МИДом, что дает его членам определенные преимущества: в частности в отличие от других историков они имеют доступ к архивам министерства. С 1957 г. в МИДе ежемесячно, кроме июля и августа, проводятся научные конференции по истории японской дипломатии, на которых, как правило, заслушивается и обсуждается по одному докладу. Значительная часть докладов публикуется затем в виде статей. Печатный орган ЯОНМП — квартальник «Кокусай сэйдзи» («Международная политика»). Большинство его выпусков представляет собой тематические сборники статей, посвященные отношениям Японии с отдельными странами [4], дипломатической истории войн [5], проблемам японской дипломатии в отдельные династические периоды [6].

Печатная продукция членов указанных обществ не ограничивается их периодическими изданиями: они публикуют свои работы в «Ученых записках» и сборниках статей университетов, многочисленных исторических журналах, а также в виде коллективных и индивидуальных монографий и обобщающих трудов. При этом они широко используют разнообразные источники — от архивных документов до мемуаров и прессы. В их трудах много фактического материала, разумеется, соответствующим образом препарированного и интерпретированного в духе плюралистской методологии, эклектически соединяющей элементы материалистического и идеалистического понимания истории.

В теоретико-методологическом отношении принципиальных расхождений между членами ЯАПН и ЯОНМП нет. В целом на базе ор-

---

[2] «Политические науки, 1969». Токио. 1970, стр. 272 (на япон. яз).

[3] «Послевоенная мировая политика и США». «Политические науки, 1954». Токио. 1955 (на япон. яз.); «Открытие современного мира». «Политические науки, 1961». Токио. 1962 (на япон. яз.). «Политический процесс ослабления международной напряженности». «Политические науки, 1969».

[4] «Исследования по истории японской дипломатии. Развитие японо-китайских отношений». Токио. 1961 (на япон. яз.); «Развитие японо-американских отношений». Токио. 1961 (на япон. яз.); «Развитие японо-русских и японо-советских отношений». Токио. 1966 (на япон. яз.).

[5] «Исследования по истории японской дипломатии, японо-цинская и японо-русская война». Токио. 1962 (на япон. яз.); «Исследования по истории японской дипломатии. Первая мировая война» Токио. 1963 (на япон. яз.).

[6] «Исследования по истории японской дипломатии. Период Мэйдзи». Токио. 1957 (на япон. яз.); «Исследования по истории японской дипломатии. Период Тайсё». Токио, 1958 (на япон. яз.). «Исследования по истории японской дипломатии. Период Сёва». Токио. 1960 (на япон. яз.).

ганизаций, объединяющих исследователей внешнеполитической истории, сложилась определенная школа, ведущая довольно широкое изучение международных отношений и внешней политики Японии за последнее столетие. Представители этой школы с буржуазно-либеральных позиций критикуют агрессивную политику японского империализма, стараясь оправдать дипломатическое ведомство Японии, учесть опыт прошлого при разработке практических рекомендаций для японского МИДа. Именно в таких прагматических целях они трактуют историю как процесс, изучение которого открывает путь к познанию современности, пытаются доказать, будто дипломатические круги Японии всегда стремились к мирным средствам внешней политики, и тем самым обосновать преемственность в политике японского МИДа. Поэтому история и современность связаны в их понимании определенными линиями развития и представляют собой целостную разветвленную схему.

Миядзака Хироси конкретизирует эту схему следующим образом: после русско-японской войны международные отношения на Дальнем Востоке развивались в двух основных направлениях: одно вело к первой и второй мировым войнам, другое — к «21 требованию», маньчжурскому инциденту, японо-китайской войне. От второй мировой войны, замкнувшей обе линии, протягивается нить к современным японо-китайским отношениям. Только с учетом этих линий можно, по мнению Миядзаки, понять истинный смысл нынешних японо-китайских отношений, правильно оценить сложившуюся реальную ситуацию [7]. Иначе говоря, в одном направлении развивались отношения между Японией и остальными империалистическими державами, в другом — между Японией и Китаем, чем и определяется, по Миядзака, характер сегодняшних японо-китайских отношений. Для более эффективного проведения японской политики и необходимо, с его точки зрения, учесть опыт истории.

Заметим, что познание истории отнюдь не тождественно познанию современности [8]. Это последнее включает в себя историческую специфику современности — момент, упускаемый японскими либеральными историками: они либо механически переносят на современность тенденции развития внешней политики Японии в прошлом [9], либо ищут в истории прецеденты и модели для использования их в практике современной японской дипломатии. Подобные прецеденты нередко оказываются у буржуазных авторов индивидуально неповторимыми явлениями прошлого. Единственным мотивом изучения истории служат в данном случае конъюнктурно-политические интересы, а содержание истории как науки выхолащивается.

Такой субъективистский подход отчетливо обнаруживается в статье Кобаяси Тацуо [10]. Автор отмечает, что в Японии внешнеполитические проблемы часто использовались оппозицией для того, чтобы вынудить кабинет уйти в отставку [11]. В связи с этим в парламенте обсуждался вопрос о создании «надпартийного» органа, включающего руководителей правящей и оппозиционных партий и предназначенного для согласования решений по важнейшим проблемам внешней политики [12]. Ав-

---

[7] Миядзака Хироси. Создание «компании ЮМЖД». «Исследования по истории японской дипломатии. Развитие японо-китайских отношений», стр. 30.

[8] См. В. В. Иванов. История и современность в трудах В. И. Ленина. «История и историки. Историографический ежегодник, 1970». М. 1972, стр. 13; его же. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М. 1973, стр. 62.

[9] Учияма Масакума. Становление ортодоксальной дипломатии Касумигасэки. «Проблемы истории японской дипломатии». Т. 2. Токио. 1965, стр. 12 (на япон. яз.).

[10] Кобаяси Тацуо. Создание Чрезвычайной комиссии по иностранным делам. «Проблемы истории японской дипломатии». Т. 2, стр 53.

[11] Там же.

[12] «Асахи симбун», 7. III., 29. XI. 1964.

тор объясняет свой интерес к истории возникновения такого органа в форме комиссии по иностранным делам [13] тем, что это единственный пример «надпартийной дипломатии» в истории Японии, обходя, однако, молчанием тот факт, что подобного рода «надпартийная дипломатия», в сущности, выражает интересы буржуазии.

Классовые позиции либерально-буржуазных историков отчетливо проявляются в трактовке проблем империализма. Исследователи из ЯОНМП не отрицают, что в начале XX в. японский капитализм «достиг монополистической стадии» [14], но при этом фактически затушевывают экономическую сущность империализма, отрывают ее от империалистической политики — «политики финансового грабежа, колониальных разбоев, национального угнетения, политической реакции, всяческого обострения капиталистической эксплуатации» [15].

Заметим, что японские историки-марксисты еще в 20-х годах наряду с исследованием характера «Мэйдзи исин» [16] обратились к анализу хода развития японского капитализма, становления и характера империализма как ключевой проблемы истории Японии конца XIX — начала XX в. в целом и ее международной политики. Видную роль в этом сыграл Норо Эйтаро, который одним из первых разоблачил внешнюю политику японского империализма и показал, что Япония стала на преступный путь агрессивных войн уже в конце XIX в., в частности во время японо-китайской войны 1894—1895 годов [17]. Марксистские работы, вышедшие после второй мировой войны, несмотря на расхождения в оценке ряда событий, базируются на положении об определяющей роли экономики империализма в его агрессивной внешней политике [18]. Синобу Сэйдзабуро, автор первого крупного труда по политической истории Японии на рубеже нового и новейшего времени, посвящает в нем анализу становления японского империализма и развития империалистических противоречий главу, носящую, по сути дела, монографический характер [19]. Это служит автору основой для рассмотрения вопросов политической истории, в том числе агрессивной внешней политики Японии.

Говоря о взаимоотношениях дипломатии и монополий, либеральные историки подменяют проблему сращивания монополий с государственным аппаратом описанием частных и случайных личных связей отдельных дипломатов с главами некоторых монополий. Учияма, например, пишет о родственных отношениях Като Такааки и Сидэхара Кидзюро, неоднократно занимавших пост министра иностранных дел, с основателем концерна «Мицубиси» Ивасаки Ятаро, умалчивая при этом о подлинных масштабах влияния монополий на внешнюю политику стра-

[13] Неконституционный орган, созданный в 1916 г. военно-бюрократическим кабинетом Тэраучи Масатакэ для координации внешнеполитической деятельности и состоявший из ведущих министров и лидеров буржуазно-помещичьих партий.

[14] Например: Танака Наокичи. Общий очерк японо-американских дипломатических отношений. «Развитие японо-американских отношений», стр. 10.

[15] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 286.

[16] См. П. П. Топеха. К вопросу о характере «Мэйдзи исин». «Историко-филологические исследования». М. 1967; Н. Ф. Лещенко. Прогрессивные японские историки о характере Мэйдзи-исин. «Современная историография стран зарубежного Востока». М. 1975.

[17] Норо Эйтаро. История развития японского капитализма. Токио. 1930 (на япон. яз.). Оппонент Норо — Иномата Цунао, объясняя экспансионистскую политику японской буржуазии поисками источников сырья и рынков сбыта, трактовал японо-китайскую войну конца XIX в. одновременно и как империалистическую и как «капиталистическую народную войну», якобы преследовавшую цель ликвидации неравноправных договоров (см. Иномата Цунао. Японский монополистический капитализм. Токио. 1931 (на япон. яз.).

[18] См., например Хаттори Корэфуса. Новая история японской дипломатии. Токио. 1947 (на япон. яз.); Синобу Сэйдзабуро. История политики Тайсё. В 4-х тт. Токио. 1951—1952 (на япон. яз.); Маэдзима Сёдзо. Исторический анализ правления политических партий в Японии. Киото. 1954 (на япон. яз.).

[19] Синобу Сэйдзабуро. Указ. соч. Т. I, гл. I.

ны [20]. Японские историки же, стоящие на марксистско-ленинских позициях, исходят из того, что монополистическая буржуазия несет прямую ответственность за экспансионистскую политику и агрессивные войны, которые Япония вела с конца XIX в. до конца второй мировой войны [21].

Многие либеральные историки в той или иной степени готовы признать захватнический характер японской внешней политики. Томосима Кэндзабуро, например, считает, что японо-китайские отношения от русско-японской войны до войны на Тихом океане — это история японской агрессии в Китае [22]. По словам Фудзии Сёдзо, империалистическая дипломатия Японии под прикрытием красивых фраз о международном сотрудничестве и «политике невмешательства в дела Китая» стремилась обеспечить себе преимущественные позиции и специальные права в этой стране [23]. Данную точку зрения фактически разделяют и другие либеральные авторы [24]. Но, признавая эти факты, они уходят от раскрытия их существа и значения. В позитивистском смысле толкуют они причинно-следственную связь событий, не прослеживая их социально-экономических корней и истоков. Характерно, например, что становление японского империализма они, как правило, относят к периоду после русско-японской войны. Такой подход, с одной стороны, не дает возможности выявить корни внешней политики Японии, а с другой — отрывает ее агрессивную политику от всего хода социально-экономического развития страны, побуждая искать причины этой политики в иной области. Имаи Сёдзи старается доказать «необходимость» и «вынужденность» внешнеполитических акций Японии, ссылаясь прежде всего на международное положение, а не на условия внутреннего развития [25]. За пределами Японии пытается искать причины агрессивности японского империализма и Фудзии Сёдзо, объясняющий ее лишь географическим положением Маньчжурии и Монголии, тем, что эти объекты японской экспансии были богаты природными ресурсами [26]. Задачи внешней политики Японии выводятся автором из неких «государственных интересов», а не из интересов господствующих классов, и, таким образом, эти последние интересы выдаются, по сути дела, за общенациональные. В соответствии с этим за критерий периодизации истории внешней политики берется не общественно-экономическая эволюция страны, а перипетии ее политической истории [27].

Японские буржуазные историки не дают объективного истолкования империалистических противоречий. Миядзака Хироси ограничивается их констатацией [28]. Танака Наокичи связывает возникновение японо-американских противоречий исключительно с мерами, предпринятыми США для ограничения японской эмиграции в США в 1906 г., и страхом президента Т. Рузвельта перед усилением Японии, проявившимся

---

[20] Учияма Масакума. Указ. соч., стр. 13.

[21] Например: Маэдзима Сёдзо. Указ. соч., стр. 303; Тояма Сигэки, Имаи Сэйичи, Фудзивара Акира. История Сёва. Токио. 1955 (на япон. яз.).

[22] Томосима Кэндзабуро. Японо-китайские отношения и международное положение. «Исследования по истории японской дипломатии. Развитие японо-китайских отношений», стр. 1.

[23] Фудзии Сёдзо. Сунь Ят-сен и проблема Маньчжурии и Монголии. «Проблемы истории японской дипломатии». Т. I. Токио. 1964, стр. 30 (на япон. яз.).

[24] Хосоя Чихиро. Японо-американские отношения в связи с интервенцией в Сибири. «Развитие японо-американских отношений», стр. 73; Сайто Такаси. Парижская мирная конференция и Япония. «Исследования по истории японской дипломатии. Период Тайсё», стр. 107.

[25] Имаи Сёдзи. Японские требования на переговорах о заключении японо-английского союза. «Исследования по истории японской дипломатии. Период Мэйдзи» (на япон. яз.); его же. Японо-русская война и развитие политики в Китае. «Исследования по истории японской дипломатии. Развитие японо-китайских отношений», стр. 17 (на япон. яз.).

[26] Фудзии Сёдзо. Указ. соч., стр. 22.

[27] См. Танака Наокичи. Указ. соч., стр. 1.

[28] Миядзака Хироси. Указ. соч., стр. 29.

в ходе Портсмутской конференции[29]. Кобаяси Тацуо, Сайто Такаси, Сато Сэйдзабуро подчеркивают роль политики Японии в обострении международных противоречий на Дальнем Востоке, но уходят от объяснения корней и основного содержания этой политики[30]. Некоторые из либеральных историков, например, Сайто, идут дальше, они готовы объяснить японо-американские противоречия различием в политике США и Японии в Китае[31]. При этом японские историки упрекают США в том, что они стремились к мировому господству, и в то же время фактически оправдывают политику японского империализма, его агрессивный характер. На самом же деле сущность империалистической политики Японии и США была одной и той же.

Отмеченная тенденция характерна для историков из ЯОНМП. Признавая решающее значение японо-американских противоречий в возникновении войны на Тихом океане[32], они в то же время всеми силами стремятся преуменьшить роль японского империализма, замаскировать его претензии на мировое господство и тем самым обелить агрессивную политику Японии. В этих целях используются различные мифы, почерпнутые из дипломатических архивов. Учияма Масакума, например, уверяет, что некоторые видные руководители японской дипломатии, в частности Хара Такаси, настаивали на политике «невмешательства во внутренние дела Китая»[33]. Другие авторы пишут об «угрозе», которой якобы подвергалась Япония из-за рубежа. Иначе говоря, делаются попытки оправдать агрессивную политику Японии «внешней угрозой» — сначала со стороны США и Англии, затем — со стороны России, либо представить ее как фатально неизбежный ответ «на вызов» Китая[34]. Другой прием оправдания экспансионистского курса империалистической Японии состоит в стремлении доказать, будто в своей тихоокеанской политике она всего лишь подражала другим капиталистическим державам, уже навязавшим неравноправные договоры странам Азии. Этот не новый для буржуазной историографии прием применяет, например, Усуи Кацуми[35]. То же характерно и для Исида Сигэо, который старается убедить читателя, будто присутствие японских войск на чужих территориях обеспечивало «спокойствие» в этих районах. Но, как это вообще свойственно представителям либеральной историографии, преподносящей апологетику империалистической политики Японии в замаскированном виде, Исида тут же оговаривается, что сам он вовсе «не поддерживает японский милитаризм»[36].

Еще более характерно для этого направления стремление переложить ответственность за агрессивную политику Японии исключительно на военщину[37], которой (в частности Генеральному штабу) инкриминируются не только военные преступления, но и экспансионистские проекты, хотя в их конкретной разработке принимали участие и дипломатические круги. Это весьма удобно для нынешних японских реванши-

---

[29] Танака Наокичи. Указ. соч., стр. 8.

[30] Кобаяси Тацуо. Указ. соч., стр. 55; Сайто Такаси Указ. соч, стр. 107; Сато Сэйдзабуро. Процесс становления Вашингтонской системы — исторический анализ ослабления напряженности: между сотрудничеством и самостоятельностью — Япония. «Политические науки, 1969», стр. 119—120.

[31] Сайто Такаси. Указ соч., стр. 108.

[32] Хосоя Чихиро. Указ. соч, стр. 89.

[33] Учияма Масакума. Указ. соч., стр. 14.

[34] Сомура Ясунобу. Синьхайская революция и Япония. «Исследования по истории японской дипломатии. Развитие японо-китайских отношений», стр. 43, 45; Сато Сэйдзабуро. Указ. соч., стр. 100, 144; Танака Наокичи. Указ. соч., стр. 6.

[35] Усуи Кацуми. Война в Европе и японская политика в Маньчжурии. «Исследования по истории японской дипломатии. Первая мировая война», стр. 16—17.

[36] Исида Сигэо. Проблема 21 требования и противодействие держав. «Исследования по истории японской дипломатии. Период Тайсё», стр. 47—48.

[37] Миядзака Хироси. Указ. соч., стр. 38; Хосоя Чихиро. Исторические исследования интервенции в Сибири. Токио. 1955 (на япон. яз.).

стов либерального толка хотя бы по той причине, что генштаб после второй мировой войны был ликвидирован, а министерство иностранных дел сохранилось в нетронутом виде, вплоть до кадровых дипломатов. Правда, нельзя сказать, что попытка обелить МИД путем критики генштаба характерна абсолютно для всех либеральных историков. Но только некоторые из них подходят к этому вопросу более объективно. Фудзии Сёдзо показывает, что ответственность за экспансию несут «буржуазные слои», и, как отмечалось выше, подвергает критике японскую дипломатию за вмешательство в дела Китая [38], осуждая при этом не самый факт экспансии, а, по сути дела, лишь ее грубые методы.

Либеральные историки пытаются доказать, что МИД стремился к «мирным средствам» внешней политики и, в частности, к «дипломатии сотрудничества» Японии с западными державами. Учияма Масакума прямо связывает эти попытки с сегодняшней ориентацией японского МИДа. «Дипломатию сотрудничества» с Англией и США он рассматривает как одну из составных частей «ортодоксальной дипломатии». Вторая часть этой последней — «мирная» дипломатия Сидэхары (20-е годы) [39], противопоставляемая «активной», «милитаристской» дипломатии Танаки и базирующаяся на «международном сотрудничестве» [40] (разумеется, в указанном выше смысле). Желание отмежеваться от дипломатии Танаки с ее ярко выраженными агрессивными методами и показать, будто на протяжении всей своей истории МИД Японии стремился к «мирной» экспансии,—это своего рода генеральная идея либеральных историков. Ее сторонники маскируют общность империалистических целей, выдвигавшихся различными группировками японских господствующих классов, и изображают различные методы одной и той же политики как принципиальные расхождения во внешнеполитических воззрениях.

Как правило, эти историки связывают возможность проведения «дипломатии сотрудничества» с «объективными историческими условиями». Учияма и Танака, например, выводят эту возможность из относительной стабилизации капитализма в 20-х годах [41]. Собственно, других примеров «сотрудничества» империалистических держав в конце XIX — первой трети XX в. либеральные историки найти не могут, хотя настойчиво подчеркивают «миролюбивые» стремления отдельных видных представителей японской дипломатии, их попытки оградить ее от «вмешательства» военщины. К числу таких деятелей относят Комура Дзютаро, Абэ Моритаро (начальника политического департамента МИД, убитого экстремистами за выступления против плана интервенции в Китай в годы Синьхайской революции), Като Такааки, Хара Такаси, Сидэхара Кидзюро [42]. Но общеизвестно, что с именем Комура связана русско-японская война, а с именем Хара — интервенция на Советском Дальнем Востоке. Буржуазные историки избегают анализа классовых позиций этих и других государственных деятелей и рассматривают их внешнеполитические идеи вне связи с политикой правящих кругов и интересами господствующих классов Японии.

Некоторые либеральные авторы признают временный характер «сотрудничества», относя его только к годам частичной стабилизации

---

[38] Фудзии Сёдзо. Указ. соч., стр. 30.

[39] Большинство японских историков-марксистов считает, что «мирная» дипломатия Сидэхары имела, в сущности, агрессивный характер. Эта точка зрения отчетливо выражена, например, в упомянутом труде Тояма Сигэки, Имаи Сэйичи и Фудзивара Акира.

[40] Учияма Масакума. Указ. соч., стр. 3, 14.

[41] Там же, стр. 14; Танака Наокичи. Указ. соч., стр. 10.

[42] Учияма Масакума. Указ. соч.; Курихара Такэси. Убийство начальника политического департамента МИД Абэ и проблема отношений с Китаем (Маньчжурией и Монголией). «Кокусайхо гайко дзасси», 1956, № 5 (на япон. яз.).

капитализма [43]. Сато Сэйдзабуро считает «дипломатию сотрудничества» единственно возможной и необходимой после первой мировой войны, исходя из экономической и финансовой зависимости Японии от США и Англии и новой расстановки международных сил [44]. В этих аргументах есть, конечно, свой резон. Однако острота империалистических противоречий на Дальнем Востоке, особенно японо-американских, неуклонное стремление правящих классов Японии занять преобладающие позиции в бассейне Тихого океана исключали возможность сколько-нибудь продолжительного «международного сотрудничества». Поэтому попытка буржуазно-либеральных историков представить «дипломатию сотрудничества» как господствующую тенденцию в политике японского МИДа несостоятельна. Курс на «сотрудничество» в действительности брал верх лишь в тех случаях, когда на первый план выдвигались общие классовые интересы международной буржуазии. Примером служит активное участие Японии, США и других империалистических государств в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке, что само по себе не ликвидировало, однако, противоречий между этими государствами.

Либеральные историки стараются обосновать тезис о стремлении Японии к «сотрудничеству» и тем, что его альтернативой, с их точки зрения, была международная изоляция японской дипломатии [45]. Одной из причин последней Сато Сэйдзабуро считает экономические кризисы, выход из которых видится ему во внешней агрессии. По его мнению, возможность конфликтов усиливалась благодаря несхожести социальных традиций, систем и уровня развития соседних государств [46]. Подобная точка зрения опять-таки направлена на оправдание агрессивной политики японского империализма.

Члены ЯОНМП неравнозначно оценивают факторы, влияющие на определение внешнеполитического курса страны. Ряд авторов идет на признание неравномерности капиталистического развития (в эпоху империализма), показывает его влияние на внешнюю политику [47]. Томосима и Сомура связывают стремление империалистических держав к экспансии на Дальнем Востоке именно с капиталистическими интересами, потребностями развития капитализма в конкретно-исторических условиях [48]. Но даже эти реалистические признания нужны буржуазным авторам только для выгораживания империалистической политики Японии. Сомура, в частности, из отмеченных верных посылок делает такой же вывод, как и его коллега Сато, утверждая, будто империалистическая агрессия объясняется поисками выхода из экономической депрессии [49]. Некоторые либеральные историки признают связь внутренней и внешней политики, не доводя, однако, это признание до мысли, что характер внешней политики в конечном счете определяется внутренней политикой страны. Номура Коичи подчеркивает необходимость изучения внутриполитических событий для правильного понимания внешней политики [50]. Томосима Кэндзабуро считает, что революционное движе-

---

[43] Томосима Кэндзабуро. Указ. соч., стр. 9; Сато Сэйдзабуро. Указ. соч., стр. 111—112.

[44] Сато Сэйдзабуро. Указ. соч., стр 112—113.

[45] Сомура Ясунобу. Указ. соч., стр. 54; Сато Сэйдзабуро. Указ. соч., стр. 136.

[46] Сато Сэйдзабуро. Указ. соч., стр. 99.

[47] Томосима Кэндзабуро. Указ. соч., стр. 2.

[48] Там же, стр. 7; Сомура Ясунобу. Указ. соч., стр. 45.

[49] Сомура Ясунобу. Изменения в представлениях о материковой политике — последователи Фукудзава Юкичи и деятели материковой группы. «Политическое руководство Японией в новое время. Исследования политических деятелей». Т. 2. Токио. 1965, разд. 4 (на япон. яз.).

[50] Номура Коичи. Проблемы трех восточных провинций накануне маньчжурского инцидента. «Исследования по истории японской дипломатии. Развитие японо-китайских отношений», стр. 71.

ние в стране вынуждает правящие круги искать соглашений с соперниками в борьбе за империалистические интересы, то есть ослабляет экспансию данной страны. С другой стороны, он пишет о сдерживающем влиянии национально-освободительного движения в Китае на японскую агрессию [51].

По мнению Хада Икухико, материковое направление экспансии японского империализма определили войны — японо-китайская 1894—1895 гг. и русско-японская [52]. Конечно, победы Японии в этих войнах явились стимулом для дальнейшей экспансии, однако истоки ее коренятся гораздо глубже, тем более что конкретные направления империалистической экспансии Японии были выработаны еще до японо-китайской войны. Сомура утверждает, что внешнеполитический курс Японии определялся «представлениями о материке», сложившимися у различных группировок ее руководящих деятелей. Именно на этой основе появились разногласия в правящих кругах по вопросам внешней политики [53]. Иначе говоря, политический курс, по мнению Сомуры, вырабатывается на основе субъективных воззрений и представлений отдельных личностей. Сомура больше других либеральных историков уделяет внимание психологическим аспектам в истории. Он ссылается на некие «психологические периоды» в истории Японии, сказывавшиеся не только в ее внешней политике, но и в экономике, культуре и других областях. Так, после русско-японской войны страна, по словам Сомура, вступила в «период утраты уверенности», связанный с «недоброжелательным отношением иностранцев» к откровенно экспансионистским действиям Японии на азиатском материке. Отсюда у японцев возникло «чувство изоляции и упадка», наложившее, по мнению автора, отпечаток и на японскую дипломатию [54]. Психологический комплекс правящих кругов выдается здесь за психологическую характеристику всего народа. На такой «основе» Сомура далее предпринимает попытку оправдать вмешательство японского империализма в дела Китая в годы Синьхайской революции тем, что в этот период Япония оказалась в «невыгодном положении», а ее правительство осталось в «одиночестве» и «враждебном окружении» [55].

Сато Сэйдзабуро относит к числу факторов, влияющих на внешнюю политику, расовые, культурные, языковые различия. Он полагает, что при некотором недоверии между странами эти различия делают взаимопонимание «нестабильным», углубляют непонимание между государствами [56]. Автор умалчивает, однако, о том, от чего зависит это «недоверие» и «непонимание», каким факторам принадлежит решающая роль. Не различия в уровне культурного развития и не языковые барьеры приводят на деле к «конфликтным ситуациям», а борьба империалистических держав за преобладание в мире, определяемая в конечном счете экономическими интересами монополистической буржуазии. Сайто Такаси пишет об использовании «отсталыми империалистическими странами» (к ним он относит и Японию) «особых возможностей» во внешней политике, создаваемых такими крупными международными событиями, как, например, первая мировая война — для захвата Японией германских владений на Дальнем Востоке [57]. Это мнение, в сущности, разделяют и другие либеральные историки [58]. С по-

[51] Томосима Кэндзабуро. Указ. соч., стр 2, 9.

[52] Хада Икухико. Изменение японо-американской тихоокеанской стратегии после эпохи Мэйдзи. «Проблемы истории японской дипломатии». Т. 3. Токио. 1968, стр. 97 (на япон. яз.).

[53] Сомура Ясунобу. Изменения в представлениях о материковой политике, стр. 263.

[54] Сомура Ясунобу. Синьхайская революция и Япония, стр. 44.

[55] Там же, стр. 46.

[56] Сато Сэйдзабуро. Указ. соч., стр. 121.

[57] Сайто Такаси. Указ соч., стр. 105

[58] См. Томосима Кэндзабуро. Указ. соч., стр. 7.

мощью ссылок на международную обстановку они стараются завуалировать агрессивный характер внешней политики японского империализма.

Принципиально иные позиции занимают японские историки, в целом разделяющие марксистско-ленинскую историческую концепцию. Авторы упомянутой «Истории Сёва» Тояма Сигэки, Имаи Сэйичи и Фудзивара Акира исследовали в своем труде ответственность монархии, монополистического капитала, помещиков за развязывание войн, которые Япония вела в новейшее время. Они сосредоточивают внимание на изучении борьбы господствующих классов, которые привели страну ко второй мировой войне, и прогрессивных сил, пытавшихся воспрепятствовать фашизации страны. Синобу Сэйдзабуро считает необходимым учитывать влияние не только либерального движения, но и народных масс, пролетариата на внешнеполитические шаги правительства [59]. Такой подход открывает возможность более глубокого и объективного исследования внешней политики и последовательной критики экспансионистских акций японского империализма.

К рассмотренной школе буржуазно-либеральной историографии тесно примыкает течение, представители которого, как правило, стремятся учесть противоречивые источники и факты, констатируют наличие различных точек зрения по спорным проблемам, зачастую воздерживаясь от собственных четких оценок. Историков этого течения, которое может быть охарактеризовано как объективистское, отличает более широкий подход к изучению истории международных отношений и внешней политики Японии в контексте истории страны в целом. Митани Таичиро видит особенность новой истории Японии (после буржуазной «революции Мэйдзи» (1867—1868 гг.) в «модернизации» страны «на основе сознательных усилий» господствующих классов в отличие от европейских держав и США, где, по его словам, «модернизация» осуществлялась с помощью «бессознательных усилий», то есть стихийно, в силу объективного хода истории. Автор стремится доказать, будто главной силой «модернизации» Японии была «политическая элита», сыгравшая решающую роль в прогрессе страны [60]. Ради этой цели Митани преувеличивает влияние политики на экономическое развитие страны.

Более определенно высказывается о характере той же эпохи и проблеме империализма в Японии Окубо Тосиаки. Однако в соответствии с целью — писать политическую историю — он уделяет сравнительно небольшое внимание условиям перехода к империалистической стадии в Японии. Он разделяет мнение большинства японских буржуазных историков, что становление империализма в Японии началось после русско-японской войны. Монополистический капитал, по его мнению, окончательно утвердился в Японии благодаря влиянию первой мировой войны [61]. Окубо исходит из того, что главным признаком империализма является экспорт капитала, возможности для которого, как он считает, были созданы в значительной степени победой Японии в русско-японской войне [62]. Тем самым Окубо выводит развитие империализма не из внутренних закономерностей капиталистической эволюции, а из произвольно выбранных сторон международного развития. Признание роли экспорта капитала необходимо ему опять-таки для оправдания активной экспансии Японии на Дальнем Востоке [63]. Сходную по-

[59] Синобу Сэйдзабуро. Основные проблемы истории дипломатии в период Тайсё. «Исследования по истории японской дипломатии. Период Тайсё».

[60] Митани Таичиро. Предисловие к кн.: «Политическое руководство Японией в новое время». Т. 2, стр. 1.

[61] Окубо Тосиаки. История Японии Т 3 Новое время. Токио. 1964, стр. 3, 10 (на япон. яз.).

[62] Там же, стр. 5.

[63] Там же, стр. 13—14.

зицию занимает Ока Ёситакэ[64]. Близкой к ним точки зрения придерживается и Масуми Дзюнносукэ, выводящий японскую экспансионистскую политику из буржуазных реформ в Японии конца 60-х — начала 70-х годов XIX века[65]. Однако Масуми, прослеживая процесс «усиления» государства, не учитывает качественные изменения в социально-экономической структуре Японии, происшедшие в последней трети XIX века.

Объективистов отличает склонность к экономическому детерминизму. Ока, например, объясняет конкретные внешнеполитические шаги той или иной экономической ситуацией[66], Митани — степенью развития капитализма в определенных исторических условиях[67]. Последний видит также определенную связь между внешней и внутренней политикой, необходимость «приспособления» первой ко второй, подчеркивает, что внешнеполитический курс формируется в тесной связи с внутренним положением[68]. Но, признавая экономическую обусловленность отдельных конкретных событий, эти историки тем не менее отводят решающую роль в историческом процессе политическим факторам, считают политические перемены критерием для определения границ исторических эпох, отрицая значение такого критерия, как смена общественно-экономических формаций[69].

Японские буржуазно-либеральные историки воздерживаются от классовой характеристики буржуазно-помещичьих партий и их империалистической политики. И хотя в целом объективисты делают шаг вперед по сравнению с прагматиками, и те и другие остаются выразителями буржуазных идей в области исторической науки.

---

[64] Ока Ёситакэ. Тайсё — период перемен 1914—1924. «Новая история Японии». Т. 5. Токио. 1969, стр. 21 (на япон. яз.).

[65] Масуми Дзюнносукэ. История японских политических партий. В 4-х тт. Т. 3. Токио. 1967, стр. 129, 147 (на япон. яз.).

[66] Ока Ёситакэ. Указ соч., стр. 169—170.

[67] Митани Таичиро. Руководство дипломатией в годы перемен (1918—1921) — Хара Такаси и Танака Гиичи. «Политическое руководство Японией в новое время». Т. 2, стр. 360.

[68] Там же, стр. 296—297.

[69] Окубо Тосиаки. Указ. соч., стр. 1—2; Ока Ёситакэ. Указ. соч., стр. i — iii; Митани Таичиро. Руководство дипломатией в годы перемен, стр. 296.

ЛЕТОПИСЬ ТРУДОВЫХ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛЯБИНСКОГО ТРАКТОРНОГО..

Н. П. Шмакова

Царская Россия оставила в наследство Советскому государству крайне отсталую машиностроительную промышленность. В 1913 г. на машиностроение приходилось всего 7% объема продукции крупной промышленности страны [1]. Особенно низкой была техническая вооруженность сельского хозяйства. Г. К. Орджоникидзе говорил по этому поводу на XVII съезде партии: «Сельскохозяйственное машиностроение производило исключительно конный инвентарь... Оно было построено для того, чтобы обслуживать индивидуала, чтобы давать такую машину, такой плуг, который может потащить одна хорошая или плохая лошадка» [2]. А ведь еще во второй половине XIX в. талантливым русским механиком, крепостным крестьянином с. Никольского, Саратовской губ., Ф. А. Блиновым был построен и испытан первый гусеничный трактор с двумя паровыми машинами [3]. Наследник идей Блинова, его ученик Я. В. Мамин создал в 1897—1899 гг. первый в мире бескомпрессорный тракторный двигатель внутреннего сгорания высокого сжатия, работающий на тяжелом жидком топливе. Им же в 1915 г. был изготовлен первый отечественный колесный трактор [4]. В сельском хозяйстве России тракторы с экспериментальными целями стали применяться уже в конце 1900-х годов. В 1913 г. их было всего 165, в том числе 75 паровых и 90 керосиновых с двигателями внутреннего сгорания. В годы первой мировой войны в Россию было завезено несколько сот гусеничных машин для военных целей. Все они до 1921 г. и составляли тракторный парк страны.

В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти выдвинул в качестве важнейшей задачи создание условий для широкого применения техники в сельском хозяйстве. В речи на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. он говорил: «Чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование самого общенародного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства — земледельческого» [5]. Не случайно поэтому в марте того же года Ленин пригласил в Москву на беседу Я. В. Мамина. Вскоре после этой встречи на заводе «Возрождение» в Саратовской губ. началась работа по созданию первых советских тракторов. В 1919 г. был сделан опытный образец колесного трактора «Карлик» мощностью двигателя в 10—12 л. с. конструкции Мамина [6]. В октябре 1920 г. Ленин в записке народному комиссару земледелия РСФСР С. П. Середе предлагал в срочном порядке разработать план тракторной кампании, предусмотрев не только закупку тракторов за границей, но и организацию их отечественного производства [7]. А в конце

---

[1] Я. С. Розенфельд, К. И. Клименко. История машиностроения СССР. М. 1961, стр. 96.

[2] Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 2. М. 1957, стр. 533.

[3] Л. Давыдов. Россия — родина трактора. М. 1949, стр. 27. Американская фирма Холт начала выпуск первых гусеничных тракторов в 1912 году.

[4] «Тракторизация сельского хозяйства РСФСР». М. 1930, стр. 15. Я. В. Мамин многие годы был научным сотрудником Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 358.

[6] В. И. Дмитриев. В. И. Ленин и первые мероприятия Советской власти по механизации сельского хозяйства (1917—1918 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1965, № 1, стр. 47.

[7] «Ленинский сборник» XXXVI, стр. 135.

того же года Совет Народных Комиссаров РСФСР принял декрет «О едином тракторном хозяйстве республики» [8]. На основании декрета Наркомзем провел учет тракторов по стране. Их насчитывалось тогда 660 штук [9].

В восстановительный период некоторое количество тракторов производилось на Харьковском паровозостроительном заводе, на «Красном путиловце» в Ленинграде и на других предприятиях. Однако решить задачу массового производства машин можно было только путем создания специализированных заводов. XVI партийная конференция (апрель 1929 г.) в резолюции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» наметила строительство нескольких заводов по производству тракторов, в том числе на Урале [10]. Местом для него был избран Челябинск [11]. Там намечалось соорудить крупный завод тяжелых гусеничных тракторов [12]. Выбор Челябинска был не случайным. Угольные шахты Копейска обеспечивали будущему заводу дешевое топливо, ЧелябГРЭС — электроэнергию, сооружавшийся Магнитогорский металлургический комбинат — чугун и кокс. В окрестностях города было много строительного материала. Кроме того, Челябинск находился в одном из районов потребления будущей продукции завода. Бескрайние просторы Заволжья, Урала, Казахстана и Сибири могли быть поставлены на службу Родине только с помощью гусеничных тракторов. В них нуждались и нетронутые лесные массивы Урала и Сибири. Немаловажное значение имел тот факт, что Челябинск был расположен на Сибирской железнодорожной магистрали. Доставка оттуда тракторов в восточные районы страны обошлась бы в два раза дешевле, чем из Харькова, и в четыре раза дешевле, чем из Ленинграда [13]. При выборе места для будущего тракторного завода учитывали то, что Челябинск находился в рамках старейшего горнозаводского района страны — Урала, который мог оказать предприятию всестороннюю техническую помощь и снабжать высококвалифицированными кадрами.

В спорах решался вопрос о типе машины, предназначавшейся к производству. Некоторые предлагали утвердить традиционный колесный трактор, к выпуску которого готовились Сталинградский и Харьковский заводы. Другие возражали: развивающееся народное хозяйство, украинские, сибирские и казахстанские просторы, леса и степи требовали более мощных машин. Поэтому в первоначальной стадии проектирование завода велось в двух вариантах: в расчете на выпуск и колесных и гусеничных тракторов. Вопрос о типе будущего челябинского трактора обсуждался на специальном совещании в Новосибирске, где получило поддержку мнение основных потребителей — сибиряков, которые высказались за гусеничный трактор как более пригодный для восточных районов по мощности и по проходимости [14]. В результате к первоначальному выпуску был утвержден гусеничный трактор марки «Коллективист» в 30—40 л. с. с последующим увеличением мощности до 50—60 лошадиных сил. Ежегодно завод должен был давать до 40 тыс. гусеничных тракторов. При весе около 10 т гусеничный трактор должен был превосходить по мощности своих сталинградских собратьев в три раза, а путиловские «фордзоны» — в пять.

Проектирование Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) было поручено группе, созданной в 1929 г. при Государственном институте по проектированию металлургических заводов в Ленинграде (ГИПРОМЕЗ). В нее вошли инженеры К. П. Ловин, назначенный начальником строительства, И. В. Иванов, Н. А. Межевич, А. Ю. Божко, Г. Г. Одобошьян и другие. Несмотря на многочисленные трудности и отсутствие опыта проектирования подобных предприятий, эскизный проект был составлен в течение 50 дней. 23 февраля 1930 г. его утвердила очередная сессия технического совета ГИПРОМЕЗ [15],

---

[8] «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917—1937». Сборник документов. Т. IV, ч. 1. М. 1962, стр. 120.

[9] «Тракторизация сельского хозяйства РСФСР», стр. 14.

[10] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 4, стр. 202.

[11] «Съезды Советов...». Т. IV, ч. 1, стр. 120.

[12] «Сборник законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР», 1929, № 34, ст. 306.

[13] «ЧТЗ им. Сталина». Л. 1930, стр. 10.

[14] «Челябинский рабочий», 22.VI.1929; Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. 379, оп. 11, д. 296, л. 3.

[15] ГАЧО, ф. 379, оп. 3, д. 91, л. 1.

и он получил высокую оценку у американских специалистов тракторостроительных фирм «Катерпиллер» и «Альберт Кан». При ЧТЗ предусматривалось сооружение небольшого опытного завода — своеобразной лаборатории по освоению процессов производства и кузницы кадров квалифицированных рабочих для основного предприятия. ЧТЗ проектировался как крупнейшее в стране предприятие по производству гусеничных тракторов. Общая площадь его заводских зданий должна была составить 220 тыс. кв. метров. По производственной мощности ЧТЗ должен был превосходить в полтора раза Сталинградский и Харьковский заводы, вместе взятые. Чтобы создать такой гигант тракторостроения, только в процессе промышленного строительства предстояло выполнить 876 тыс. куб. м земляных работ, уложить 87 тыс. куб. м железобетона, 96 тыс. куб. м кирпича, установить 16 тыс. т металлических конструкций и т. д.[16]. Масштабы будущего производства многим казались невероятными: 40 тыс. машин в год, то есть через каждые 6—7 мин.— гусеничный трактор! Ни в Европе, ни в Америке не было подобного завода. Даже с конвейеров американской фирмы «Катерпиллер», тип трактора которой был взят за основу, сходило всего 5—6 тыс. таких машин в год!

При сооружении ЧТЗ было решено использовать новейшие достижения зарубежной науки и техники, для чего разработка генерального плана завода и проектов основных цехов переносилась в США. 7 января 1930 г. туда выехали начальник строительства К. П. Ловин и главный инженер И. В. Иванов. Они вели переговоры с американскими фирмами об оказании технической помощи. Однако большинство фирм отвергло наши предложения, считая невероятным сооружение подобного завода для поточно-массового производства гусеничных тракторов в СССР. Руководители фирмы «Катерпиллер» не отказывались помочь в проектировании завода, но выдвинули кабальные условия. Фирма потребовала в качестве вознаграждения за проект 3500 тыс. долл. и согласилась представить его только на английском языке и только в американских, а не в принятых на европейском континенте метрических мерах. По условиям фирмы наша страна не имела права экспортировать в течение 20 лет тракторы типа «Катерпиллер». Кроме того, компания отказалась предоставлять техническую информацию о новейших усовершенствованиях в машинах, которые будут сделаны после сдачи проекта [17].

6 марта 1930 г. Ловин писал в Челябинск своим заместителям В. В. Борисову и Б. П. Пронину: «Наша начатая с первых же дней по приезде в Нью-Йорк упорная и тяжелая работа протекает в исключительно неблагоприятных условиях... Теперь у меня остается очень мало надежд на благоприятный исход переговоров с «Катерпиллером». Время безвозвратно уходит, и, по-видимому, придется работать силами собственного бюро с помощью другой, второстепенной тракторной фирмы и отдельных американских специалистов. Это... займет значительно больше времени. Мы и так уже потеряли два месяца» [18]. Действительно, переговоры зашли в тупик. Тогда в Детройте, центре автотракторной промышленности США, нашими представителями было организовано специальное проектное бюро «Челябинск трактор плэнт». В его состав вошли 40 советских и 12 американских специалистов [19]. Советские проектировщики побывали на многих автотракторных заводах Америки, которые в то время уже работали вполсилы из-за начинавшегося экономического кризиса. Учитывая последние достижения в области тракторостроения, бюро внесло изменения в эскизный проект ЧТЗ. Вместо 20 цехов, намеченных первоначально, было решено сооружать три отдельных корпуса: механический, литейный и кузнечный [20]. По предложению специалистов фирмы «Альберт Кан» бюро рекомендовало применить цельнометаллические опорные колонны вместо железобетонных. К 1 июня проектировщики в Детройте закончили составление генерального плана завода. Были готовы рабочие чертежи фундаментов основных цехов, шла разработка технологического процесса.

Пока решались вопросы, связанные с проектированием ЧТЗ в научных организациях и планирующих органах, к востоку от Челябинска, на безлюдном месте, на территории предстоящей стройки глубокой осенью 1929 г. были забиты первые колышки.

---

[16] Челябинский областной партийный архив (ЧОПА), ф. 92, оп. 1, д. 79, л. 259.
[17] ГАЧО, ф. 379, оп. 3, д. 100, л. 67.
[18] «Летопись Челябинского тракторного (1929—1945 гг.)». М. 1972, стр. 22—23.
[19] ГАЧО, ф. 379, оп. 3, д. 100, л. 67.
[20] Там же, оп. 11, д. 305, л. 113.

Завод должен был вырасти на том месте, где 1 мая 1905 г. рабочие Челябинска провели свою первую маевку, организованную городским комитетом РСДРП. В конце 1929 г. было учреждено «Главное управление по постройке тракторного завода в городе Челябинске» («Челябтракторострой» — ЧТС)[21] с представительствами в Москве, Ленинграде и Свердловске. С их помощью осуществлялось снабжение ЧТС всем необходимым и наем рабочей силы. Придавая исключительно важное значение созданию отечественной тракторной промышленности, ВСНХ СССР занес ЧТС в числе других крупнейших новостроек в ударную группу. XVI съезд партии отметил в своей резолюции, что форсированное строительство Челябинского тракторного завода является задачей огромного политического значения[22].

Большевики Урала восприняли постановление о строительстве ЧТЗ как проявление огромного доверия к ним в решении важнейшей задачи — создания советского тракторостроения. Делегаты IX Уральской областной партийной конференции в 1929 г. заверили Центральный Комитет партии, что с честью выполнят это поручение: «Мы сделаем все возможное к дальнейшему развитию на Урале сельскохозяйственного машиностроения... Мы сделаем все возможное и необходимое к тому, чтобы ускорить на Урале постройку тракторного завода». В постановлении от 6 декабря 1929 г. Уралобком ВКП(б) предложил всем партийным, хозяйственным и профсоюзным организациям оказывать самую энергичную помощь строительству тракторного завода в Челябинске и развернуть в связи с этим широкую разъяснительную работу[23]. В июне 1929 г. газета «Челябинский рабочий» обратилась с призывом создать общества содействия постройке ЧТЗ. Первыми откликнулись коммунисты службы тяги Самарской железной дороги. Они решили помочь стройке квалифицированной рабочей силой, наладить бесперебойное продвижение грузов «Тракторострою». Подобные же ячейки возникли на Челябинских копях. Колхозники Челябинского округа запахивали особые полосы в фонд ЧТС. Шучанские крестьяне приняли решение об увеличении товарности сельскохозяйственной продукции для ЧТС на 10% сверх плана. В декабре 1929 г. было создано правление общества «Трактор»[24].

Внимание и помощь партийных, советских и комсомольских организаций к первенцу гусеничного тракторостроения позволили успешно начать подготовительные работы. В морозные декабрьские дни 1929 г. состоялась закладка первых бараков для прибывающих рабочих. К месту стройки прокладывались железнодорожные пути, была пущена временная понижающая подстанция, велась добыча камня и песка в местных карьерах. В начале 1930 г. закончилось строительство ремонтно-механического комбината, лесопильного завода, деревообделочной мастерской. Началось сооружение кирпичного завода и завода по изготовлению силикатно-бетонных камней. В феврале рабочие приступили к постройке опытного завода. Весной развернулись работы по планировке основной заводской площадки. Для этого требовалось вынуть 0,5 млн. куб. м земли. Все это производилось вручную, главным орудием труда была лопата. Землю вывозили на грабарках. 1930 год вошел в историю ЧТС как «век земли».

В июле из Детройта была получена телеграмма[25]: «Передаю окончательный генеральный план завода. Первое: главным корпусом является механический, включающий собственно механический, сборочный, вторую термическую, холодноштамповочную, склад запасных частей и готовых тракторов, главный магазин. Второе: размеры этого корпуса — длина 468, ширина 156. Третье: направление большой оси главного корпуса параллельно оси Омской на расстоянии 600 метров...» и т. д. План разбивки будущего завода был настолько точен, что произведенная по нему закладка фундаментов в дальнейшем не потребовала изменений. И вот наступил торжественный день — 10 августа 1930 г., день закладки фундаментов основных корпусов ЧТЗ. На площадке будущего завода состоялся многотысячный митинг. На него собрались тракторостроевцы, рабочие ЧелябГРЭС, Ферростроя, завода имени Колющенко, железнодорожного узла и других предприятий Челябинска. На грубо сколоченной деревянной трибуне под

[21] Там же, оп. 3, д. 62, л 1.
[22] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 4, стр. 439.
[23] «Бюллетень Уралобкома ВКП(б)», 1930, № 2—3, стр. 19—20.
[24] ЧОПА, ф. 75, оп. 1, д. 636, л. 258.
[25] «1933 год». Сборник очерков и статей. М. 1934, стр. 157—158.

знаменем Особой краснознаменной дальневосточной армии торжественно выстроился почетный караул бывших партизан. Выступающие на митинге выразили желание всех трудящихся построить тракторный в срок. Под звуки оркестра были заложены первые камни фундамента литейного цеха. Здесь же состоялся и один из первых субботников с участием 5 тыс. рабочих города.

На строительную площадку «Тракторостроя» по заданию ЦК партии были направлены лучшие технические кадры и наиболее квалифицированные рабочие. Во главе строительства партия поставила крупного хозяйственника и замечательного организатора Казимира Петровича Ловина. Член ВКП(б) с 1912 г., он прошел путь от ученика лудильной мастерской до инженера, руководил восстановлением электростанций в Ленинграде, работал начальником МОГЭС. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили его труд. Он был награжден орденом Ленина. Ветераны тракторного и сейчас с любовью вспоминают заместителя начальника ЧТС Леона Богдановича Сафразьяна, который работал на самых ответственных участках строительства. Рабочие любили его за прямоту и заботливое отношение к людям. Он отличался высокой требовательностью, настойчивостью, умением в самых трудных условиях организовать работу, зажечь в рабочем коллективе стремление к победе. По путевке Уральского обкома ВКП(б) прибыл на ЧТС и И. С. Белостоцкий, большевик с 1904 года. Он возглавил отдел снабжения стройки, а позднее работал начальником монтажного управления завода [26]. По направлению областного комитета партии трудились на стройке И. И. Волюженич — инспектор-нормировщик отдела труда, Г. А. Треубов — начальник инструментального цеха и др. После окончания Московского механического института принимал непосредственное участие в проектировании завода воспитанник Ленинского комсомола молодой талантливый инженер Сергей Лещенко. Вместе с группой советских специалистов он был послан в США. Под его руководством проводилась затем работа по монтажу оборудования завода. После пуска тракторного С. М. Лещенко работал начальником кузнечного цеха, а затем техническим директором завода [27]. В начале строительства на ЧТС было мобилизовано 28 крупных инженеров и техников, 8 из них прибыли по путевкам ЦК партии. В 1930 г. по путевкам партии и комсомола на строительстве работало 1200 человек [28].

«Челябтракторострой» властно тянул к себе людей. На стройку тракторного гиганта приезжали плотники из Костромы, землекопы из Пензы, каменщики из Вятки. Жители окрестных мест прибывали на строительство целыми семьями, со своими опрокидывающимися специальными тачками, на лошадях. Русские, башкиры, татары, казахи, киргизы — представители 17 национальностей стремились внести свой вклад в сооружение крупнейшего в мире предприятия. Основную массу рабочих, прибывших на тракторный, как и во всей стране, составляли крестьяне. Приезжали они на стройку, как правило, стихийно, самотеком. Так, в первый же год сюда пришло 17,5 тыс. рабочих [29]. Уже в тот период Советское правительство вносило элементы организованности в приток строителей. Оно закрепляло контингент рабочих за строительными организациями и вело плановую вербовку их, что, однако, было связано с большими трудностями. Часто в округах отсутствовали рабочие требуемой квалификации. Иногда на местах отказывались давать людей. Нередко в одних и тех же районах сталкивались вербовщики с разных строек[30]. Были трудности и иного порядка. В деревнях посланцам тракторного мешали кулацкие элементы. Они пытались угрожать односельчанам, которые ехали на стройку.

В начале 1931 г. ударники «Челябтракторостроя» обратились с письмом к колхозникам Уральской области: «Тракторы, которые будет выпускать наш завод, изме-

---

[26] И. С. Белостоцкий принимал активное участие в революционном движении. Он встречался с Лениным, учился в Ленинской школе в Лонжюмо. На Пражской конференции был кооптирован в состав ЦК РСДРП. И. С. Белостоцкий — кавалер двух орденов Ленина и ордена Отечественной войны II степени.

[27] С. М. Лещенко в 1934 г. работал управляющим треста «Автотрактородеталь». С 1936 по 1953 г. был директором крупнейших предприятий авиационной промышленности и в течение 10 лет занимал пост первого заместителя министра авиационной промышленности.

[28] ГАЧО, ф. 379, оп. 11, д. 194, л. 1; д. 305, л. 91.

[29] Там же, оп. 4, д. 24, л. 40.

[30] «Челябинский рабочий», 10.VI.1930.

нят вашу жизнь, облегчат труд, улучшат положение колхоза. Чтобы окончить постройку ЧТЗ в срок, необходима и ваша помощь»[31]. В ответ на это обращение колхозники Челябинского округа решили уже в сентябре — октябре того же года послать 2 тыс. своих лучших представителей. Посланцы сел брали обязательства работать по-ударному. Большую роль в привлечении колхозников на строительство сыграло улучшение работы аппарата оргнабора. В него стали вовлекаться рабочие — выходцы из деревни. Они доходчиво объясняли крестьянам постановления правительства, говорили о значении продукции тракторного гиганта для сельского хозяйства. Хорошим средством агитации было и посещение колхозниками строительства ЧТЗ. Величественная картина стройки поражала крестьян, а мощные стальные тракторы на опытном заводе были лучшим доказательством реальности грандиозных планов партии и народа. Так, посланцы Мишкинского, Шумихинского и других сельсоветов Челябинского округа, побывав на ЧТС, дали слово направить на «Тракторострой» своих представителей. К концу 1931 г. уже половина рабочих поступала на тракторный в порядке организованного отходничества. В 1932 г. по договору с колхозами на строительство приехало более 7 тыс. человек[32].

На помощь строителям пришел и город. Заводы Урала, Сибири, центральных районов страны посылали на ЧТС мастеров различных профессий. Одной из первых прибыла артель плотников С. Фролова, работавшая до того на «Уралмедьстрое». Строители Сталинградского тракторного прислали лучшую артель землекопов во главе с комсомольцем И. Семеровым. В числе первых прибыли на «Тракторострой» посланцы комсомола Челябинского железнодорожного узла, завода имени Колющенко, крестьян Шумихинского района (среди них — А. Епифанов, Н. Чемоданов, М. Башкирова и др.). Несколько позднее приехали комсомольцы по путевкам Уральского, Московского, Орловского и Тамбовского обкомов ВЛКСМ С. Галанов, Б. Свищ, М. Александрова, Е. Чуев, Н. Самохин и многие другие. Всего на «Тракторострой» было направлено более 3 тыс. комсомольцев[33].

Вместе с мужчинами на стройке трудились и женщины. В июле 1930 г. здесь было уже 17 женских бригад. В августе городской комитет партии и горсовет приняли решение о привлечении на заводы и новостройки Челябинска 10 тыс. домохозяек. В ответ общегородское собрание женщин, а затем и первая районная женская конференция заявили о своей решимости по-ударному включиться в социалистическое строительство. В 1931 г. женщины составляли на строительстве тракторного 19% общего числа рабочих, а в начале 1933 г.— 26%[34].

Во главе многотысячного коллектива строителей стояла партийная организация. Партийная ячейка на «Челябтракторострое» сформировалась в ноябре 1929 г., когда вместе с первыми рабочими на строительство прибыли пять коммунистов. Секретарем ячейки была А. А. Аксенова, работавшая плановиком в отделе труда. В сентябре 1930 г. состоялась партийная конференция строителей. На ней был избран партийный комитет во главе с А. И. Баранниковым (в прошлом секретарь ЦК комсомола Белоруссии). В январе 1931 г. партийную организацию возглавил В. Н. Кайгородов, присланный Уральским обкомом партии. Партийный коллектив рос быстро. «Стройке тракторного — ленинское пополнение!» — под таким лозунгом вела парторганизация работу по вовлечению лучших ударников-строителей в свои ряды. В январе 1930 г. на строительстве было 146 коммунистов, через год — 690, в 1932 г.— 2126, а ко времени пуска завода — более 3 тыс. человек[35]. Большинство коммунистов составляли рабочие. Так, в 1931 г. их было 90%, а производственный стаж рабочих не превышал трех-четырех лет. Несмотря на молодость партийной организации, она успешно решала сложные задачи на строительстве ЧТЗ.

Боевым помощником партии на стройке стал комсомол. Сооружение ЧТЗ можно по праву назвать ударной молодежной стройкой первой пятилетки. Половину ее рабочих составляли молодые строители. Весь свой комсомольский задор, всю свою кипу-

---

[31] «Челябинский рабочий», 6.II.1931.
[32] ГАЧО, ф 792, оп. 4, д. 24, л. 40; ф 379, оп 11, д 189, л 32.
[33] ЦГАОР СССР, ф. 374, оп. 1, д. 389, л. 12.
[34] ГАЧО, ф. 792, оп. 4, д. 24, л. 29.
[35] ЧОПА, ф. 92, оп. 1, д. 382, л. 10.

чую энергию они вкладывали в сооружение столь нужного стране предприятия. Первые комсомольцы появились среди строителей в ноябре 1929 года. Их было 27. Возникла комсомольская ячейка. Секретарем был избран Л. Устюжанин. В сентябре 1930 г. состоялась общепостроечная комсомольская конференция, и первым секретарем комитета ВЛКСМ «Челябтракторостроя» стал В. П. Степанов[36]. В январе 1932 г. комсомольская организация насчитывала в своих рядах уже 5 тыс. человек[37]. Авторитет ее среди строителей рос с каждым днем. Комсомольцы глубоко вникали в производственную работу, приобретали опыт, активно содействовали увеличению темпов стройки, занимались воспитанием молодежи. Блестящие страницы трудового героизма вписал передовой отряд молодых строителей в летопись ЧТЗ.

Большую роль в деятельности коллектива, в улучшении условий жизни строителей и организации их труда играли профсоюзы. Уже осенью 1929 г. на «Челябтракторострое» действовала профсоюзная организация, а в январе 1930 г. был создан рабочий комитет стройки. В конце 1931 г. 90% рабочих состояли в профсоюзе, а к пуску завода насчитывалось около 8 тыс. членов профсоюза[38].

Путь создания предприятий отечественного машиностроения, как и других отраслей промышленности, был нелегким. С большими трудностями встретились и строители ЧТЗ. Стройке не хватало кирпича, цемента, пиломатериалов. Обеспеченность кадрами в 1929—1930 гг. составляла всего 60% к плану. Нормальный ход работы тормозился отсутствием в первое время техники, жилья и медицинской помощи. Местная кооперация не приготовилась к обслуживанию рабочих. Обнаруживались неувязки в проектировании, часто не хватало чертежей и производственных смет по отдельным видам работ. Пытались помешать успешному ходу строительства и враждебные элементы, которые просачивались на стройку. На лесокомбинате кто-то вгонял в бревна железные костыли, поэтому выходили из строя механические пилы. Враги перекрывали водопроводные трубы — останавливались бетономешалки. В конце августа 1930 г. стройку облетела тревожная весть: вредители спутали планировку литейного цеха. Они выдернули колышки, а ямки от них замазали грязью. Чтобы сорвать или замедлить стройку, классовые враги использовали любые средства. В годовщину Великого Октября на строительстве сгорел первый дом, заложенный на территории социалистического городка. Вначале запылали два небольших камышитовых барака. Пока тушили этот пожар, вспыхнул дом на участке жилищного строительства. Мужественно боролись рабочие с огнем. Однако вредители приняли меры, чтобы помешать этому. Водопровод оказался закрытым, исчезли огнетушители. В ответ на вылазки враждебных элементов строители восстановили дом за две недели. Пробравшиеся на стройку кулаки вели агитацию за уход со строительства. Под ее влиянием в один из ответственных периодов ушла со стройки бригада бетонщиков Зыкина. Члены ее заявили: «Сезон кончился, мы на зиму не останемся, стройте тракторный сами!» Рабочие заклеймили дезертиров позором. «Нам дорог тракторный. Мы знаем, что именно этот завод сделает техническую революцию на полях наших колхозов»[39],— так выразила настроение основной массы честных тружеников бригада чернорабочих Казанцева.

Все эти трудности сказывались на ходе строительных работ. План 1930 г. был выполнен только на 55%. Особенно ухудшилось положение в конце года. ЧТЗ был вычеркнут из списка ударных строек, сократилось его финансирование. Поползли слухи о том, что строительство завода на Урале решено задержать до тех пор, пока не будет освоен Сталинградский тракторный. Стройка оказалась под угрозой срыва.

2 марта 1931 г. бюро Уралобкома ВКП(б) слушало доклад К. П. Ловина о состоянии работ на строительстве ЧТЗ. Областной комитет партии не только наметил конкретную программу перестройки всей работы на тракторном, но и принял меры по

---

[36] В. П. Степанов был секретарем комсомольской организации ЧТС, а затем и ЧТЗ. В 1935 г. по путевке ЦК ВЛКСМ он учился в Промышленной академии, после этого был на хозяйственной и партийной работе. В. П. Степанов — член КПСС с 1929 г., имеет правительственные награды. Сейчас он персональный пенсионер, почетный комсомолец ЧТЗ.

[37] ЧОПА, ф. 124, оп. 1, д. 1. л. 19.

[38] Там же, ф. 92, оп. 1, д. 302, л. 131.

[39] «Челябинский рабочий», 3.X.1931.

обеспечению ее механизмами и стройматериалами. А 30 апреля 1931 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О ходе строительства Челябинского тракторного завода» [40]. В нем определялось значение завода как важнейшей технической базы коллективизированного сельского хозяйства и отмечалось, что своевременное окончание постройки и пуск ЧТЗ являются одной из главных задач, стоящих перед народным хозяйством страны. ЦК партии вскрыл причины невыполнения строительных работ и потребовал сосредоточить основное внимание на сооружении главных корпусов завода. Были разработаны конкретные мероприятия по обеспечению ЧТС кадрами, стройматериалами. Решался вопрос о сырьевой базе завода, принимались меры по своевременной доставке грузов, особенно металлоконструкций. Контроль за выполнением этого постановления возлагался на члена ЦК ВКП(б) Н. М. Шверника. Выделялись дополнительные ассигнования на строительство городского водопровода и канализации. Каждые два месяца в ЦК партии заслушивались доклады о ходе строительства ЧТЗ. В постановлении ЦК ВКП(б) особо подчеркивалось, что работа всех партийных, советских и профсоюзных организаций Уральской области будет оцениваться по степени их активного содействия успешному окончанию строительства и пуска ЧТЗ.

Постановление ЦК партии стало конкретной боевой программой для строителей тракторного. Расширенный пленум парткома ЧТС, а затем и бюро партийного комитета в мае — июне 1931 г. выдвинули главный лозунг дня: «Лицом к промплощадке!». На строительстве основных объектов временно вводился 10-часовой рабочий день, устанавливалась двухсменная работа [41]. Партийный комитет направил на сооружение основных цехов завода с других участков 25 коммунистов и 100 комсомольцев. Начальником промышленного строительства был назначен один из лучших руководителей стройки Л. Б. Сафразьян. Комсомол послал на промплощадку своих боевых вожаков М. Карповича и Н. Самохина. Постановление ЦК ВКП(б) способствовало мощному размаху социалистического соревнования на стройке, повышению трудового энтузиазма, самоотверженности. Вот одно из характерных заявлений того времени: «Настоящим довожу до вашего сведения,— писал один из строителей в профсоюзную организацию,— что за преподнесенную мне премию — поездку на курорт за досрочное окончание бетонирования склада песка на 10 дней раньше срока я благодарю вас как за высокую оценку моей работы. Но, принимая во внимание постановление ЦК партии и учитывая важное значение в союзном масштабе пуска Челябинского тракторного гиганта и отсутствие рабочей силы, я от использования курорта отказываюсь, и все деньги, подлежащие израсходованию по командировке на курорт, я жертвую в фонд постройки современной авиации». Бетонщики бригады В. Подшивалова, работавшие на строительстве инструментального цеха, заявили: «Закрепляемся до конца строительства завода. Вводим строжайший режим экономии стройматериалов. Передаем в ряды ленинской партии лучших наших ударников — Жуйкова, Бронкина, Носкова, Исмагилова» [42].

Пионером социалистического соревнования выступила бригада плотников С. Фролова, которая еще в феврале 1930 г. перешла на ударные методы работы. Трудно приходилось вначале 25 безграмотным деревенским плотникам, многие из которых впервые попали на стройку. Скоро все они взялись за учебу и ликвидировали неграмотность. Бригада не знала прогулов и даже при сильных морозах перевыполняла норму. Лучшие ее рабочие стали коммунистами. Бетонщики, возглавляемые И. Монаховым, шли в авангарде бойцов за скоростные темпы строительства. Эта бригада в течение трех лет 14 раз завоевывала переходящее Красное знамя. Все 72 ее члена к концу стройки стали коммунистами и комсомольцами. Слава о ней гремела по Уралу, а многие ее начинания были известны всей стране. Оценивая заслуги передовиков соцсоревнования И. Монахова, А. Першина, Б. Фельдмана и других, IV конференция Челябинской окружной партийной организации отмечала, что их имена будут записаны в историю Челябинска как образцы беззаветной преданности делу рабочего класса [43]. И таких ударников было немало! Если в начале 1931 г. они составляли 57% к об-

---

[40] «Правда», 4.V.1931.
[41] ЧОПА, ф. 124, оп. 1, д. 24, лл. 65—68.
[42] «Летопись Челябинского тракторного», стр. 50.
[43] ЧОПА, ф. 92, оп. 1, д. 79, л. 267.

щему числу рабочих, то в октябре — уже 81% [44]. Накануне пуска завода почти 90% строителей находились в рядах ударников [45].

На «Челябтракторострое» развернулось широкое движение за овладение строительными профессиями. Необходимость этого диктовалась тем, что пополнение строительных кадров шло в основном за счет выходцев из деревни, и для многих из них стройка была первой производственной школой. Кроме того, почти половину строителей составляла молодежь, не имевшая специальности. В первую очередь нужно было ликвидировать неграмотность. В 1930 г. на строительстве ЧТЗ начал работу штаб по борьбе с неграмотностью. В декабре 1931 г. был проведен месячник борьбы по всеобучу. В течение месяца открылось 27 новых пунктов ликбеза, дополнительно пришло заниматься свыше 500 человек, 200 рабочих вступили в общество «Долой неграмотность!». В январе 1933 г. 95% строителей обучались на курсах ликбеза [46]. Работа по ликвидации неграмотности и повышению культурного уровня помогала и в овладении строительными профессиями. Обучение осуществлялось через сеть вечерних и дневных курсов. Работали школа ученичества массовых профессий, курсы Центрального института труда, профтехшколы и т. д. Нелегко давалась учеба строителям. Днем — ударная работа на стройке, субботники, боевые штурмы, а вечером — занятия. И хотя не хватало преподавательских кадров и отсутствовала хорошая учебная база, стройка получила большую армию квалифицированных строителей. В 1930 г. сеть школ и курсов подготовила 4125 человек, из них 1830 каменщиков, 665 штукатуров, 238 бетонщиков, 403 плотника и др. В 1931 г. закончили обучение 3794 строителя. В целом за период стройки овладели профессией свыше 11 тыс. человек [47].

Партийная, профсоюзная и комсомольская организации вели большую работу по преодолению трудностей и недостатков в организации труда, которые имели место на «Тракторострое». Начинали, как и на многих других новостройках тех лет, с реорганизации артелей в бригады. Вот как об этом рассказывал член одной из бригад: «Особенно ударная работа началась у нас с тех пор, как мы из артели превратились в бригаду. Значительно повысилась дисциплина, сократились прогулы. Появилась возможность заранее подготовить рабочие места, правильно расставить рабочую силу, организовать соревнование между сменами внутри бригады. Результаты не замедлили сказаться. На бетонировании литейного цеха бригада дала 306 замесов в смену, а потом — 509». За короткий срок на ЧТС вместо пензенских, вятских и костромских артелей появились семеровские, мухарямовские, яковлевские и другие бригады, называвшиеся по фамилиям их бригадиров. К 1 мая 1931 г. их насчитывалось на «Тракторострое» 217, то есть 75,5% к общему числу бывших артелей [48].

Наряду с производственными бригадами, которые становились основной формой организации труда на стройке, по инициативе передовых рабочих возникли так называемые индустриально-строительные бригады. Это было практическим претворением в жизнь решений XVI съезда партии о создании постоянных кадров строителей и о переходе на индустриальные методы работы на стройках. Формировались такие бригады из высококвалифицированных рабочих, после окончания строительства их можно было посылать на другие объекты. В результате сокращались затраты и время на обучение и вербовку рабочей силы. Первую индустриально-строительную бригаду организовали капраловцы, затем штукатуры бригады Леонова, плотники бригады Агеева и др. Индустриально-строительные бригады воспитывали нового рабочего. С их помощью создавался костяк постоянно действующих подрядных строительных и монтажных организаций.

С конца 1930 г. на «Тракторострое» широкое распространение получила контрактация, или самозакрепление, строителей. Рабочий давал письменное обязательство, что он не покинет стройку до пуска завода. В декабре 1930 г. уже половина строителей изъявила желание остаться на ЧТС до окончания строительства [49]. Многие из быв-

---

[44] ЦГАНХ СССР, ф. 7620, оп. 1, д. 504, л. 36.
[45] ГАЧО, ф. 379, оп. 4, д. 24, л. 20.
[46] «Наш трактор», 24.XII.1931; «Челябинский рабочий», 25.I.1933.
[47] ГАЧО, ф 379, оп. 3, д. 94, л. 23; оп. 4, д. 98, л. 238; оп. 5, д. 35, л. 8.
[48] «Наш трактор», 1.V 1931.
[49] З. Красильщик. В борьбе за Челябинский тракторный. Свердловск. М. 1931, стр. 58.

ших строителей и сейчас трудятся на ЧТЗ. Среди них И. Семеров, знаменитый бригадир бетонщиков, а теперь начальник Управления вспомогательных служб; слесарь-сборщик опытного завода М. Макагон возглавляет ныне участок технического контроля цеха сборки тракторов, работают на тракторном И. П. Запорожец, П. Д. Воробьев, А. В. Гончаров и многие другие, а всего более 1 тыс. человек.

Организаторская работа партии и героический труд строителей позволили перейти в 1931 г. к монтажу металлических конструкций. Первоначально предполагалось ввозить их из-за границы. Однако позднее было решено закупать за рубежом только металл, а изготовление конструкций поручить отечественным предприятиям, что давало экономию в 864 тыс. руб. золотом. Для нашей страны, создававшей социалистическую индустрию в капиталистическом окружении, это имело огромное значение. Но с доставкой импортного металла сразу же возникли трудности. Он поступал с опозданием, а потом долгое время находился в отечественных портах: не было вагонов. Так, в первом квартале 1931 г. в Мурманске задерживалась отправка более 200 вагонов с импортным металлом для ЧТЗ [50]. Чтобы доставить этот ценный груз, потребовалось вмешательство газеты «Известия» и первого секретаря ВЦСПС Н. М. Шверника. По инициативе челябинских комсомольцев были созданы буксирные бригады по доставке грузов, в порты посылались уполномоченные «Тракторостроя». Для заводских грузов открывалась «зеленая улица». Изготовление металлических конструкций было поручено заводам объединения «Стальмост». Рабочие Москвы, Донецка и Луганска боролись за своевременное выполнение заказов для ЧТЗ. На этих заводах действовали комсомольские контрольные посты, проходили специальные производственные конференции, посвященные отгрузке металлоконструкций «Челябтракторострою». На одной из таких конференций в Донецке выступили представители ЧТС. Они рассказали о трудовом героизме строителей, о значении тракторного гиганта и предъявили «социалистический счет» рабочим «Стальмоста». В ответ было принято решение по-ударному выполнять заявки челябинцев.

А на промышленной площадке уже шел монтаж прибывающих металлических конструкций, росли стены цехов. В сентябре 1931 г. по инициативе Н. Самохина комсомольцы промышленного строительства, а затем и всей стройки взяли шефство над сооружением механосборочного цеха. Самохин был сыном крестьянина-бедняка, 14 лет вступил он в ряды Ленинского комсомола. В октябре 1930 г. Николай прибыл на «Тракторострой» и привел с собой группу односельчан. Комсомол посылал его на самые трудные участки строительства. Во время прорыва на сооружении кирпичного завода Н. Самохин организовал комсомольский буксир. Бригада в два раза перевыполняла задания. За хорошие показатели в общепостроечной финансовой эстафете, которой руководил Н. Самохин, молодые строители получили переходящее Красное знамя и денежную премию. В мае 1931 г. он был направлен секретарем комсомольской организации на промышленное строительство, где в то время решалась судьба тракторного. Всю свою силу, энергию и даже молодую жизнь отдал Н. Самохин ЧТС [51].

В ноябре в механосборочном цехе до наступления зимы нужно было уложить 10 тыс. кв. м стен, убрать 3 тыс. куб. м земли. Штурм начала комсомольская бригада Пережогина, затем бригады Пономарева, Логинова, Чумбарева и др. Эти бригады отказались от выходных дней и стали работать по 10 час. в смену. Здесь же по инициативе комсомольцев были организованы так называемые «бетонные вечера». Многие рабочие из других смен часто оставались, чтобы посмотреть на работу энтузиастов, нередко, охваченные общим подъемом, сами брались за лопаты. Случалось так, что в «бетонные вечера» под звуки духового оркестра укладывали бетона больше, чем в обычные рабочие дни. На одних лишь субботниках комсомольцы возвели свыше 3 тыс. кв. м стен [52]. Люди делали буквально невозможное. Недосыпая, на морозе, при леденящем ветре ударники творили чудеса.

Одной из самых ярких страниц в истории стройки было соревнование комсомольских бригад на монтаже металлических конструкций. Наперекор суровым уральским морозам комсомольская бригада Воробьева ставила по 365 заклепок в смену вместо

[50] «Челябинский рабочий», 24.V.1931.

[51] Н. Самохин умер в 1932 г. прямо на строительных лесах ЧТС. Одна из улиц Челябинска носит его имя.

[52] М. Карцман. «Сталинец-60». М. 1934, стр. 11.

150 по норме, превысив все мировые достижения. С большим энтузиазмом трудились комсомольцы и на других участках. 45 комсомольско-молодежных ударных бригад выполняли производственную программу на 116—121%. Комсомольские штурмы на строительстве паросиловой установки дали возможность закончить работы за 2,5 месяца[53]. Героизм молодежи вызывал восхищение у иностранных специалистов. Так, представитель немецкой фирмы инженер Грэфф заявил перед отъездом на родину: «Я изумлен смекалкой и настойчивостью молодых рабочих. Они в несколько дней освоили процессы работы, на которые у нас, в Германии, затрачиваются целые месяцы»[54]. За самоотверженный труд на строительстве Челябинского тракторного завода комсомол стройки был награжден почетной грамотой Ударника пятилетки[55].

В 1931 г. было закончено строительство инструментального цеха, первенца ЧТЗ; работал опытный завод; полным ходом шло сооружение механосборочного, кузнечного и литейного корпусов; возводились жилые дома социалистического городка.

Большое внимание уделялось механизации строительных работ. К концу 1930 г. имелось уже 130, а в 1931 г.— 226 различных механизмов, заменявших ручной труд[56]. Среди них — траншеекопатели, экскаваторы, подъемные краны. В целом обеспеченность тракторостроителей техникой в 1932 г. составляла 70%[57]. По своей оснащенности механизмами «Челябтракторострой» не уступал другим крупнейшим новостройкам страны. Однако использование техники было недостаточным. Так, в начале 1931 г. простои механизмов часто составляли половину их рабочего времени. Это объяснялось главным образом нехваткой механизаторов. Такое положение было на многих новостройках. В конце января 1931 г. по инициативе ЦК ВКП(б) собралась I Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. На ней партия выдвинула лозунг «Большевики должны овладеть техникой!». Январский пленум Уральского областного комитета партии призвал: «Дело овладения новейшими техническими знаниями превратить в центральную задачу каждого члена партии, каждого комсомольца. Ударник должен быть технически грамотным»[58]. В марте 1931 г. на «Тракторострое» был создан специальный отдел механизации. Вопросы технической учебы неоднократно обсуждались на бюро парткома стройки.

Во главе похода за овладение техникой шли коммунисты. Старые члены партии Игнатов, Горбущенко, Шевалдин, Чеботарев и др. взяли шефство над молодежью. По почину прораба кузнечного цеха Зальцмана развернулось движение за сохранность машин, за лучшее использование механизмов. На стройке действовали многочисленные школы и кружки по овладению техникой. В августе 1931 г. состоялась партийная конференция по механизации, обобщившая положительный опыт борьбы за технические знания. Конференция выдвинула лозунг «Советский ударный паспорт — импортным механизмам!»[59]. Замечательным в этом отношении был рекорд бригады Ф. Капралова. Члены ее вместе с бетонщиками крупнейших новостроек страны вступили в соревнование за наивысшую производительность бетономешалки. Ударники-капраловцы в сентябре дали 811 замесов в смену вместо 240, указанных в заграничном паспорте[60]. В овладении современными механизмами на строительстве завода большая роль отводилась технической пропаганде. В бригадах проводились лекции и беседы о механизации. В специальном листке «За технику» рабочие могли найти ответы на интересующие их вопросы. Ударники механизации командировались на действующие предприятия для обмена опытом. За успехи, достигнутые в проведении месячника техпропаганды, «Челябтракторострой» был премирован на Всесоюзном конкурсе смотра технической учебы. В целом за период сооружения завода получили техническое образование 13 тыс. строителей. В результате массовой учебы уже в 1932 г.

---

[53] ГАЧО, ф. 379, оп. 4, д. 98, л. 256.
[54] «Челябинский рабочий», 28.X.1932.
[55] Там же.
[56] ЦГАНХ СССР, ф. 7620, оп. 1, д. 456, л. 62; ГАЧО, ф. 379, оп. 3, д. 91, л. 40.
[57] ЦГАНХ СССР, ф. 7620, оп. 1, д 694, л. 79.
[58] «Хозяйство Челябинска» Челябинск 1932, стр. 40.
[59] «Челябинский рабочий», 13.VIII.1931.
[60] «Челябинский рабочий», 18.IX.1931. Мировой рекорд в бетонировании принадлежал бригаде Хабибуллы Галиуллина на Магнитострое. Она дала за смену 1 196 замесов (см. В. Ф. Романов. Магнитогорский металлургический... «Вопросы истории», 1975, № 9).

простои механизмов сократились до 0,6% рабочего времени, а производительность труда у отдельных рабочих увеличилась в 8,5 раза [61].

Движение за овладение техникой нашло яркое выражение в росте рационализации и изобретательства. Член ВКП(б) с 1922 г., один из первых строителей (ныне пенсионер) В. А. Щеглов возглавил движение за бережливое использование отходов материала. Он много раз был премирован за ударную работу и творческий подход к делу [62]. Во время закладки фундамента механосборочного цеха коммунист П. П. Черепанов, мобилизованный на строительство окружным комитетом партии, предложил ускорить процесс работы. Бетон до этого подвозился к месту укладки на тачках по земле. Черепанов изготовил специальные деревянные накаты, что увеличило производительность труда бетонщиков в полтора раза. Для строительства термических печей был необходим легкий теплоизоляционный кирпич. Он ввозился из-за границы, платить за него приходилось золотом. Рабочие кирпичного завода во главе с И. С. Белостоцким решили наладить выпуск отечественного кирпича, не уступающего импортному. Задача была успешно решена. По инициативе комсомольцев на 7-м участке был создан штаб по борьбе с потерями. Он объявил поход за бережливость и подлинно социалистическое отношение к строительным материалам. В результате были ликвидированы лишние расходы раствора при каменной кладке, кровельного железа при покрытии крыш и т. д. В целом за 1930 г. только на жилищно-бытовом участке строительства рационализаторские предложения, собранные штабом, дали экономию в 92 тыс. рублей [63].

В 1931 г. слет энтузиастов-рационализаторов Челябинска от имени 800 делегатов обратился с призывом добиться стопроцентного использования оборудования. Это предложение поддержали редакция газеты «Челябинский рабочий» и Горпрофсовет. Они решили создать фонд из 10 тыс. рабочих предложений. Комсомольцы строительства за короткий срок дали свыше 600 ценных усовершенствований. Рабочий Я. Синебрюхов внес изменения в конструкцию бетономешалки. Это освободило 16 человек, сэкономило средства, улучшило качество бетона. Решение строителей прокладывать водопровод под железной дорогой методом бурения дало экономический эффект в 10 тыс. рублей. За 1930—1932 гг. рабочие внесли 3,5 тыс. рационализаторских предложений. Общая сумма экономии от внедренных в производство предложений на строительстве завода составила за это время более 2 млн. рублей [64]. Челябинский «Тракторострой» явился родиной многих нововведений. Так, здесь впервые в практике отечественного строительства были применены сборные многоэтажные железобетонные конструкции. Они не только ускоряли темпы сооружения объектов, но и были дешевле обычных на 13—15%. С их помощью мастерские ФЗУ (площадью в 4,5 тыс. кв. м) были смонтированы рабочими за четыре дня, а два 82-метровых трехэтажных корпуса учебного здания школы — за 15 дней. На ЧТС перешли к сооружению жилых домов упрощенного типа с применением специального кирпича, вместо керамических труб изготовлялись бетонные. Лозунг «Овладеть техникой!» был воспринят строителями не только как призыв к учебе. Они поняли его шире — как борьбу за полную реализацию рабочих предложений, за повышение производительности труда, уменьшение брака и снижение себестоимости строительства.

Темпы строительных работ в 1932 г. позволили перейти к развернутому монтажу производственного оборудования. Это был сложный и ответственный этап в сооружении предприятия. Здесь строители столкнулись с большими трудностями, прежде всего с тем, что многие механизмы были импортными. Приобретение их для ЧТЗ проходило в особенно неблагоприятной обстановке. Проект ЧТЗ и технологический процесс были разработаны с учетом только американского оборудования. Но позднее выяснилось, что все агрегаты закупить в США невозможно. Приходилось часть заказов переносить в Европу, причем многие заграничные фирмы совсем не выпускали некоторые типы необходимого заводу оборудования. Поэтому по заказу ЧТЗ впервые на европейских предприятиях изготовлялись тяжелые молоты, ковочные машины, конвейеры. В оснащении ЧТЗ оборудованием принимали участие 307 иностранных

[61] ГАЧО, ф. 379, оп. 5, д. 68, л. 20; оп. 4, д. 94, л. 6.
[62] Музей Революции СССР, ф. Д 205, 1 Ба, док. 29723/1.
[63] ГАЧО, ф. 379, оп. 11, д. 203, лл. 104—105.
[64] ЦГАНХ СССР, ф. 7620, оп. 1, д. 456, л. 69; ГАЧО, ф. 379, оп. 3, д. 91, л. 64.

фирм Германии, США, Франции, Англии [65]. Однако иностранные фирмы предпочитали продавать готовые изделия, а не оборудование, чтобы закрепить технико-экономическую зависимость нашей страны. В 1931 г. группа советских специалистов, в составе которой был молодой инженер Н. А. Межевич, находилась в Германии. Он вспоминал позднее, как их пригласил к себе главный директор компании. После обмена первыми фразами о заводе, о заказах он заявил: «Вы, уважаемые господа, строите большой завод, заказываете много оборудования. Вам потребуется много инструмента, не проще ли купить этот инструмент у меня?». Советские представители ответили ему: «Для того мы и строим инструментальный цех, чтобы делать самим инструмент, а не быть в зависимости от заграницы» [66].

Большую роль в укомплектовании ЧТЗ оборудованием сыграли отечественные предприятия. Более 120 заводов изготовляли станки и механизмы для Челябинского тракторного. Только в Ленинграде над заказами ЧТЗ трудились рабочие 52 предприятий. Электропечи и трансформаторы поставляла Москва, регулирующую аппаратуру — Харьков, ковши — подольские заводы, «Красный путиловец» и «Уралмаш». 20-тонные вагранки изготовляли дебальцевские предприятия. Удельный вес агрегатов советского машиностроения на ЧТЗ в целом составлял более 40% [67]. Рабочие отечественных предприятий считали большой честью выполнять заказы челябинцев. Развернулось соревнование за досрочную отгрузку оборудования для завода. В 1932 г. состоялась Всесоюзная декада проверки выполнения заказов для «Челябтракторостроя». «За пуск Тракторного отвечает весь рабочий класс СССР и в особенности заводы — поставщики оборудования и стройматериалов»,— писали строители в газете «Челябинский рабочий». А в октябре того же года в Челябинске состоялась выездная сессия президиума революционно-производственного трибунала при газете «Уральский рабочий». На ней были подведены итоги работы заводов — поставщиков станков и механизмов для ЧТЗ.

Новый этап в сооружении предприятия требовал решения проблемы кадров монтажников и рабочих завода. 31 октября 1932 г. при управлении завода был создан монтажный отдел. Основное внимание теперь сосредоточивалось на установке оборудования. Монтажом оборудования в инструментальном цехе руководил крупный специалист коммунист Г. А. Треубов. Представители американской фирмы «Келлер», английской «Старк» и немецкой «Альфред-Шютте» не раз с уверенностью заявляли, что механизмы могут быть смонтированы лишь с помощью их рабочих. Однако наши монтажники не только сокращали сроки установки, но и в рекордно короткое время осваивали импортные агрегаты. Так, фирме «Келлер» для наладки 10 копировально-фрезерных станков требовалось 45 дней. Рабочие ЧТЗ смонтировали первые восемь агрегатов и запустили их за 17 дней. При этом монтажники превысили и производительность, указанную компанией. Отдельные операции были сокращены в полтора раза [68]. Установка станков и механизмов в кузнечном корпусе шла параллельно со строительными работами. Это давало возможность освоить кузнечные процессы раньше, чем производство в других цехах, хотя и здесь были свои трудности. Агрегаты кузницы устанавливались под открытым небом, имелась масса строительных недоделок. Монтажом ковочных машин руководил А. Штеренберг. Никто из рабочих не знал этих машин, а фирма не прислала ни чертежей, ни инструмента. И все же было решено произвести установку их своими силами. Начинали с разбора ковочных машин. Внимательно изучали детали, наблюдали за их взаимодействием. Работали, не считаясь со временем. Задание было выполнено. Зимой в 40-градусные морозы устанавливали и кузнечные прессы. Монтажники бригады Болдырева целыми сутками не отходили от прессов, пока не выполнили работу. В результате ремонтно-инструментальная кузница через три месяца смогла выполнять заказы для основных цехов завода.

Замечательно трудились комсомольцы. В первые же дни монтажа они создали 15 молодежных бригад. «Не допускать ни одной переделки!» — таков был их девиз. Семь комсомольцев в кузнечном цехе досрочно смонтировали крупнейший на заводе 10-тонный молот. Они в полтора раза перевыполнили задание [69]. Всей стройке была

[65] ГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 96, л. 5; ЧОПА, ф. 288, оп. 9, д. 5, л. 144.
[66] «Индустриальный Челябинск». Челябинск. 1934, стр. 56.
[67] «Автотракторное дело», 1931, № 6, стр. 186.
[68] ГАЧО, ф. 379, оп. 5, д. 38, л. 20
[69] М. Карцман. Указ. соч., стр. 25.

известна молодежная бригада И. Дыбы из литейного цеха. Она устанавливала третий конвейер. Дело это было сложным и малоизученным. По плану предполагалось закончить монтаж 4 мая 1933 года. Бригада решила не уходить из цеха, пока не заработает конвейер, и 25 апреля он был досрочно сдан в эксплуатацию. Многие бригады, соревнуясь на монтаже оборудования, добивались высоких результатов. Благодаря умелой расстановке сил и ударничеству бригада мастера Ушанина в июле 1932 г. установила 25 станков. Она перекрыла существовавшие нормы наладки механизмов. Так, переносный станок «Шепинг» ударники смонтировали за 36 час. вместо 52 по плану. Бригада Пашнина перевыполняла норму в два раза, Андрейченко — в три раза и т. д. [70].

Борьба за создание завода велась не только на строительной площадке. Сооружение первенца гусеничного тракторостроения было окружено заботой и вниманием всего советского народа. Коммунистическая партия и Советское правительство с первых дней установили постоянный контроль за строительством ЧТЗ. На площадку будущего завода приезжали председатель ЦИК СССР М. И. Калинин, нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов, нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, нарком РКИ Э. Я. Рудзутак, председатель СНК РСФСР Д. Е. Сулимов. За ходом строительства неустанно следил В. В. Куйбышев, бывший в то время председателем Госплана СССР. Руководитель ленинградских большевиков С. М. Киров требовал от предприятий города аккуратного выполнения всех заказов ЧТС и ЧТЗ. Подлинным организатором строительства выступил Уральский областной комитет партии. Первый секретарь Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабаков часто бывал на стройке. Он интересовался положением дел на каждом строительном объекте, беседовал с рабочими в бараках, проверял качество питания в столовых, заходил в магазины. Своей неустанной заботой о стройке и ее людях он завоевал большой авторитет у рабочего коллектива. Исключительную настойчивость в проведении политики партии по созданию отечественного тракторостроения проявил и Челябинский окружной, а затем городской комитет партии. На заседаниях его бюро неоднократно обсуждались вопросы обеспечения «Челябтракторостроя» кадрами и стройматериалами, о состоянии партийно-массовой работы, о культурно-бытовом обслуживании строителей и др. Почти на всех объектах строительства были установлены посты горкома партии.

Борьбу за создание гиганта тракторостроения активно вели комсомол и профсоюзы. IX съезд ВЛКСМ, состоявшийся в январе 1931 г., записал в своем постановлении: «В центре хозяйственных задач комсомола съезд ставит помощь ВЛКСМ партии в разрешении Урало-Кузнецкой проблемы, Бобриковского, Березниковского, Магнитогорского, Челябинского, Харьковского строительства» [71]. Комсомольцы Урала взяли шефство над важнейшими новостройками области. Участие в их сооружении считалось почетным делом для членов ВЛКСМ.

Сильнейшим оружием партии в борьбе за создание крупнейших новостроек первой пятилетки была печать. Газеты «Известия», «За индустриализацию» взяли шефство над строительством ЧТЗ. Более двух месяцев работала на «Тракторострое» выездная редакция «Правды», три месяца — газеты «Труд». Они создавали на основных участках строительства контрольные рабкоровские посты, занимались вопросами организации труда, соцсоревнования, снабжения стройматериалами и оборудованием. Центральные и местные газеты посылали на трудные участки стройки буксирные группы, проводили внутрипостроечные конкурсы на лучший цех, смену, бригаду, объявляли штурмы земляных и бетонных работ. Газета «Челябинский рабочий» и многотиражка ЧТС «Наш трактор» выделили специальные обменные полосы на своих страницах. Там печатались статьи рабочих Харьковского и Сталинградского заводов, иностранных специалистов. Газеты помещали открытые письма и «социалистические счета» ударников различным предприятиям, проводили перекличку заводов-поставщиков [72]. Органом широкой общественности был революционно-производственный трибунал при «Челябинском рабочем», который отражал ход стройки в своих сооб-

---

[70] «Известия», 12.XII.1932.
[71] «IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ». Стенографический отчет. М. 1931, стр. 412.
[72] ГАЧО, ф. 379, оп. 5, д. 8, л. 16.

щениях, вел борьбу с нарушителями трудовой дисциплины. Вместе с рабочими и инженерно-техническими работниками, коллективами железных дорог помогали сооружать Челябинский тракторный своими открытиями, своим творчеством ученые, писатели, художники, артисты.

В 1931 г. на московском заводе «Красный пролетарий» из отечественного металла был сконструирован первый советский двухтактный бескомпрессорный дизель мощностью в 60 лошадиных сил. Его создание помогало разрешить проблему широкого использования тяжелого топлива (мазутная нефть) при эксплуатации трактора. Уральский филиал АН СССР приступил к разработке методов получения жидкого топлива из челябинских углей для питания гусеничных машин. Решалась проблема повышения качества металла для тракторов [73]. Советские писатели и журналисты Ф. Панферов, Д. Бедный, А. Эрлих, Б. Галин, Ю. Гетлинг, Е. Воробьев, И. Харченко и другие в статьях и очерках рассказывали стране о сооружении крупнейшего завода. На «Тракторострой» приезжали артисты крупнейших театров. О массовом героизме строителей и самоотверженной помощи трудящихся сооружению ЧТЗ говорил на XVII съезде партии Г. К. Орджоникидзе [74].

За ходом дел на «Челябтракторострое», как и на других крупнейших новостройках первой пятилетки, с пристальным вниманием следили трудящиеся капиталистических стран. Большинство зарубежных рабочих, приехавших в Советский Союз, чтобы оказать братскую помощь советским людям, были движимы чувством пролетарского интернационализма. «Пуск ЧТЗ — это пуск тракторного завода всего мира, завода, который даст сельскохозяйственному пролетариату сознание и залог успешности того, что́ сделано для рабочих и крестьян, и того, что социализм и социалистическое плановое хозяйство являются силой, освобождающей массы. Ваш грандиозный завод вместе с Днепростроем и другими предприятиями — это новый удар по капиталистическому миру» [75],— заявил строителям ЧТЗ Ж. Югленд, рабочий-француз, делегат конгресса Профинтерна. В октябре 1932 г. на строительстве завода работали 24 иностранных рабочих, в начале 1933 г.— 38 [76]. Успешно трудились на строительных лесах тракторного австриец Р. Шнейдер, немец Э. Эейклер, румын Дж. Лайка (рабочие), немецкий инженер Грэфф, американский специалист Л. Фини (награжден грамотой ЦИК СССР) и другие.

Крепли связи строителей ЧТЗ с трудящимися зарубежных стран. Вместе с рабочими крупнейших новостроек округа, шахтерами и железнодорожниками тракторостроевцы вступили в соревнование за революционное знамя рабочих Веддинга — пролетарского квартала Берлина, оплота Коммунистической партии Германии. В ноябре 1930 г. в Челябинске побывала делегация КПГ во главе с членами Центрального комитета Г. Реммеле и В. Пиком. Они заявили: «Мы возвестим во всех странах о вашем деле, и во всех странах земли пролетарии будут воодушевляться вашей революционной мощью, вашим героизмом, готовностью самопожертвования для пролетарской революции» [77]. Многочисленные делегации несли всему миру правду о ЧТЗ, о первой в мире стране социализма. Многие иностранные специалисты, даже недруги советского строя, вынуждены были прийти к выводу о неизбежной трудовой победе советского народа. «Выполненная работа, которую мне пришлось видеть,— говорил американский специалист Л. Фини,— недалеко ушла от чудес и не могла бы быть превзойдена никакой другой группой рабочих и инженеров в мире при тех же условиях» [78].

Напряженный труд строителей и монтажников, участие всего советского народа в сооружении ЧТЗ увенчались замечательным успехом. Тракторный вступал в пусковой период. 29 сентября 1932 г. начальник строительства К. П. Ловин был назначен одновременно директором завода. Вопрос о готовности ЧТЗ к пуску обсуждался в январе 1933 г. на бюро горкома ВКП(б), в феврале — Уральским областным комитетом партии. Конкретные мероприятия для реализации решений Уральского обкома

---

[73] «Правда», 1.XI.1931; «Челябинский рабочий», 22.VI.1933.
[74] Г. К Орджоникидзе. Указ соч., стр. 531.
[75] «Наш тракторный», 21.I.1934.
[76] ГАЧО, ф. 379, оп. 4, д. 130, л. 30; д. 47, л. 37.
[77] «Челябинский рабочий», 17.XI.1930.
[78] «Челябинский рабочий», 27.VIII.1931.

ВКП(б) были разработаны на объединенном заседании бюро Челябинского горкома партии и расширенного пленума парткома «Тракторостроя» в феврале 1933 года[79]. А завод все настойчивее заявлял о своем рождении. Его опытные тракторы уже проходили проверку на колхозных полях. Бывшие строители осваивали производство сложнейшего инструмента. В конце февраля начало работу отделение легких молотов в кузнечном цехе, в апреле выдали первую плавку литейные отделения. В конце первого квартала рабочие ЧТЗ приступили к выполнению правительственного задания: нужно было изготовить запасные части для тракторов «Катерпиллер» к посевной кампании. План был выполнен на 106%. То была большая победа молодого коллектива тракторостроителей. 23 апреля 1933 г. цехи ЧТЗ получили первую производственную программу — дать 15 мая первый советский гусеничный трактор, а к 1 июня — еще 12 машин[80]. Комсомольцы механосборочного цеха решили собрать к пуску предприятия 13-й, сверхплановый, трактор. Были организованы сквозные ударные бригады по изготовлению деталей, расставлены посты для бесперебойного продвижения их по отделениям, создана буксирная бригада в помощь литейщикам.

1 июня 1933 г. состоялся торжественный пуск ЧТЗ. На заводской площади собрались посланцы Урала, Казахстана, Сибири, Дальнего Востока, а также Харькова, Сталинграда и других городов страны. На 12-тысячном митинге директор завода К. П. Ловин зачитал рапорт строителей Центральному Комитету партии и Советскому правительству об окончании стройки и о готовности ЧТЗ начать работу. С речью перед собравшимися выступил М. И. Калинин. «За вашей работой,— говорил он,— как за ее успехами, так и неполадками, будут следить и наши друзья и наши противники. Это надо не забывать всем трудящимся тракторного завода... На вас ложится большая обязанность и большая ответственность»[81]. Перед участниками митинга прошла колонна первых челябинских тракторов. Их вели лучшие люди завода: М. Макагон, М. Суровцева, ударники Зыков, Спиридонов, а также делегаты совхозов и МТС, прибывшие на торжество,— Шурупов, Мавлюта, Бондаренко и другие. Тринадцатый, комсомольский, трактор вела комсомолка Ветренкова, завоевавшая право на это в борьбе за высокие темпы сборки машин.

Оценивая пуск ЧТЗ, Г. К. Орджоникидзе говорил: «Если взять наш тракторный Челябинский завод, то такого огромнейшего и роскошнейшего завода нет не только в Европе, но, кажется, и в Америке»[82]. Строителей приветствовали Уральский областной комитет партии, Академия наук СССР, Совнарком Украины, газеты «Правда», «Известия». День пуска завода стал праздником для всех советских людей. «Пуск Тракторного — победа коммунизма» — под таким заголовком напечатала свою передовую статью газета «Правда» 1 июня 1933 года. «Ваш тракторный завод,— писал в тот день С. М. Киров,— новая огромная победа генеральной линии партии»[83]. В приветствии строителям ЦК ВКП(б) отмечал, что ЧТЗ должен сыграть решающую роль в деле перестройки сельского хозяйства, он призван служить основной силой технического переворота в земледелии[84].

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили самоотверженный труд строителей. 10 лучших работников были удостоены ордена Ленина: начальник стройки К. П. Ловин, его заместитель Л. Б. Сафразьян, главный инженер В. В. Лельков, заместитель технического директора завода С. М. Лещенко, председатель постройкома И. А. Смагин, бригадиры И. В. Монахов, А. Т. Першин и другие. 21 человек был награжден орденом Трудового Красного Знамени. 42 строителя получили грамоты ЦИК СССР, в их числе — секретарь комитета ВЛКСМ стройки В. П. Степанов, работник газеты «Наш трактор» А. И. Александров (ныне заслуженный учитель РСФСР). Имена девяти лучших организаторов строительства были занесены по решению партии и правительства на Доску почета Челябинского тракторного завода.

---

[79] ГАЧО, ф. 379, оп. 5, д. 35, л. 24.
[80] «Челябинский рабочий», 26.IV.1933.
[81] М. И. Калинин. Избранные произведения. Т. 3. М. 1962, стр. 30.
[82] Г. К. Орджоникидзе. Указ соч., стр. 531.
[83] «Челябинский рабочий», 7.VI.1933.
[84] «Правда», 7.VI.1933.

После пуска ЧТЗ перед его рабочими и инженерно-техническими работниками встала новая сложная и ответственная задача — освоить неизвестное ранее в нашей стране поточное производство гусеничных тракторов. Коллектив завода успешно справился и с этой задачей. В 1934 г. была освоена проектная мощность первой очереди ЧТЗ. Это позволило Советскому Союзу не только прекратить импорт гусеничных машин, но и выйти на первое место в мире по производству тяжелых гусеничных тракторов. А 30 марта 1940 г. с конвейера завода сошел 100-тысячный трактор. То, о чем мечтал великий Ленин, сбылось.

Славный путь прошел коллектив челябинских тракторостроителей. В грозные годы Великой Отечественной войны завод стал знаменитым «Танкоградом». ЧТЗ был награжден орденами Красной Звезды и Кутузова I степени, а его конструкторское бюро — орденом Ленина. Продукция Челябинского тракторного известна строителям и механизаторам во всех уголках нашей Родины. Более 30 стран мира покупают машины с маркой завода. Ныне он переживает свое второе рождение: осуществляется коренная его реконструкция. Славные труженики ЧТЗ под руководством партии вносят достойный вклад в дело строительства коммунизма в нашей стране.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

РУССКИЕ ГАЗЕТЫ И КРУПНЫЙ КАПИТАЛ

А. Н. Боханов

Развитие капитализма в пореформенной России отражалось на всех сторонах жизни общества. Этот процесс влиял непосредственно и на периодическую печать, способствовал появлению у нее новых черт и особенностей, видоизменял старые приемы и формы работы в сфере прессы. Постоянной тенденцией, характерной для газетно-издательского дела в России, стало с конца XIX в. неуклонное возрастание зависимости ряда изданий от крупного капитала и превращение многих периодических органов в типичные прибыльные предприятия. Раскрывая социальную сущность буржуазных газет, В. И. Ленин писал: «Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богачей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся» [1]. Особенно стали заметны эти черты русской прессы, когда Россия вступила в полосу империализма. Наиболее крупные периодические органы, в первую очередь газеты, приобрели форму акционерно-паевых обществ и товариществ, превратились в своеобразные капиталистические компании.

В работах советских исследователей обстоятельно раскрыт классовый характер буржуазной печати и показана роль отдельных изданий в различные годы [2]. В то же время в освещении социально-экономических аспектов деятельности буржуазной прессы, приемов и методов издания печатных органов, эволюции издательского дела есть еще ряд «белых пятен». Говоря о принципиальном различии рабочей и буржуазной печати, Ленин отметил в качестве характерной черты буржуазных газет то, что они «держатся крупными капиталами» [3]. Именно эта поддержка, конкретная связь между такими печатными изданиями и капиталом рассматриваются нами на примере двух газет — «Новое время» и «Русское слово».

С конца 90-х годов XIX в. и до первой мировой войны эти газеты (первая — до революции 1905—1907 гг., а вторая — после нее) имели наибольшие тиражи в стране и приносили самые большие прибыли, являясь выгодными коммерческими предприятиями. Обе они кичились своей «респектабельностью» и «беспартийностью», но были таковыми лишь в узком смысле партийно-политической принадлежности, объективно же выражали интересы разных слоев и групп помещиков и буржуазии. Так, «Новое время» было рупором черносотенно-дворянских элементов и распространялось в первую очередь в чиновно-бюрократической среде. На протяжении нескольких десятилетий газета возглавляла правый лагерь печати и была крупнейшим его изданием. Она начала выходить в Петербурге в 1868 г., а затем была приобретена А. С. Сувориным, малоимущим журналистом с «умеренными» взглядами. Первый номер суворинского издания вышел 29 февраля 1876 года. Постепенно «Новое время» превратилось в орган консервативно-погромных сил, неустанно проповедовавших чер-

---

[1] В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 329.

[2] См., например, В. Я. Лаверычев. По ту сторону баррикад. М. 1967; А. З. Окороков. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М 1970. Сведения о связях органов печати и капитала содержатся в работах: Б. П. Балуев. Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М. 1971; В. Я. Лаверычев. Русские капиталисты и периодическая печать второй половины XIX в. «История СССР», 1972, № 1; Б. И. Есин. Русская газета второй половины XIX века. М. 1973; А. П. Афанасьев. Столичные либеральные газеты в России на рубеже 70—80-х гг. XIX века. М. 1975.

[3] В И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 99.

носотенные идеи шовинизма. В. И. Ленин характеризовал газету как «главный орган великорусского национализма» [4]. Она вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. Эта эволюция издателя и его газеты сделала самое понятие «нововременство» выражением, «однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» [5]. В 1877 г. Суворин и его родственник П. П. Коломин и В. И. Лихачев организовали свою типографию, во главе которой до 1898 г. стоял Коломнин. В 1882 г. Суворин основал собственное издательство и развернул широкую книжную торговлю.

Финансовое благополучие суворинского издательско-торгового предприятия основывалось на доходах от «Нового времени», которое в начале XX в. ежегодно позволяло совершать миллионные обороты. По сравнению с другими ежедневными изданиями эта газета была самой дорогой, а цена ее годового абонента — недоступной людям небольшого достатка. Как писал Суворин С. Ю. Витте в 1901 г., «рабочие «Новое время» не читают» [6]. Газета постепенно теряла читателей в Петербурге и Москве, что особенно стало заметно в годы первой русской революции и после нее, когда значительная часть тиража начала поступать в провинцию. В 1901—1903 гг. среднегодовой тираж газеты составлял 60 тыс. экз. без приложения и несколько больше с ним [7]. В 1905—1907 гг., когда появился ряд революционно-демократических и либеральных газет, положение «Нового времени» сильно пошатнулось. К этому времени от сотрудничества в нем отказались все хоть в какой-то степени либеральные журналисты. В «Новом времени» продолжали сотрудничать преимущественно такие сочинители, как ренегат революционного демократизма В. П. Буренин, искусствовед-националист Ф. И. Булгаков и т. п. Уже одна марка «нововременца» закрывала сотрудникам суворинской газеты путь в хотя бы умеренно-либеральные издания.

В 1905—1907 гг., чтобы упрочить финансовое положение газеты, Суворин отбросил всякую видимость «респектабельности» и, используя приемы «желтой прессы», стал помещать в «Новом времени» объявления «пикантного» характера, приносившие солидные доходы. После наступления реакции роль «Нового времени» возросла и со страниц газеты исчезли публикации сомнительного свойства. Основные читатели газеты в то время — буржуазно-дворянские элементы октябристского толка. Но с началом нового революционного подъема, перед первой мировой войной, тиражное положение «Нового времени» «опять сильно пошатнулось» [8]. Ответственными редакторами газеты в XX в. были Ф. И. Булгаков, консервативный газетчик и делец М. Н. Мазаев и трое сыновей Суворина [9]. Однако до последних дней своей жизни «старик Суворин» осуществлял контроль за деятельностью и всего своего предприятия и «Нового времени».

Характеризуя суворинское издание, Ленин писал в 1906 г.: «Газета «Новое Время» — давно известный флюгер. Ее способность держать нос по ветру и прислуживаться к начальству доказана в течение десятков лет» [10]. Именно это умение «держать нос по ветру», заискивание перед влиятельными лицами «из сфер» оборачивались для издателя материальными выгодами. А отсутствие твердых принципов в социально-политических вопросах при неизменном общем реакционном курсе привело к тому, что «Новое время» в демократической части российского общества еще с 70-х годов XIX в. иначе, как газетой «Чего изволите?», не называли. В то же время связь между верхами российской бюрократии и суворинской газетой была взаимной, ибо «Новое время» являлось одним из тех немногих изданий, которые читались Александром III, Николаем II и их ближайшим окружением. Архивные материалы и мемуары сохранили немало свидетельств того, как высшие должностные лица получали номера газеты с царскими пометками и рекомендациями использовать либо принять

[4] Там же, стр. 257.
[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 44.
[6] ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 2, д. 185, л. 27.
[7] Там же, оп. 1, д. 4317, л 10 об.
[8] Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (РО ГБЛ), ф. 259, оп. 1, п. 21, д. 30, л. 9.
[9] Почти полтора десятилетия между «стариком Сувориным», его детьми и другими родственниками происходили открытые раздоры и грызня на почве финансовых интересов и по вопросам руководства «в деле».
[10] В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 177.

к сведению конкретную статью. Благодаря похвалам «Нового времени» чины царской администрации могли рассчитывать на упрочение своего положения и претендовать на место в правящей иерархии. Почти все министры чуть ли не сразу же по получении назначения или даже в ожидании его считали необходимым встретиться с Сувориным и постараться произвести на него благоприятное впечатление. Даже такой «крепкий» министр, как Витте, в течение ряда десятилетий постоянно поддерживал связь с Сувориным, хотя, как это явствует из мемуаров первого, относился к нему с чувством брезгливости. На 25-летнем юбилее газеты в 1901 г. присутствовали почти все члены комитета министров [11]. Ее сотрудник, литературный критик позднеславянофильского толка и религиозный философ, В. В. Розанов писал по этому поводу: «Совершенно легально и не подвергаясь ни малейшему риску, газета такого положения, как «Новое время», может наделать величайших неприятностей всякому «ведомству» и отравить министру «час его цветения» [12].

Суворинское «агентство по рекламе особ правящей бюрократии» исправно работало длительное время. Выходя несколько десятилетий в условиях жесточайших цензурных ограничений, газета лишь однажды была подвергнута административно-полицейской каре. В 1901 г. министр внутренних дел Д. С. Сипягин, которому суворинский орган «не благоволил» по личным обстоятельствам, запретил выход газеты на неделю за опубликование ею довольно невинной статьи о рабочих. Эта неожиданная мера не только потрясла самого издателя, но и вызвала удивление в царском окружении [13]. Привилегированное положение «Нового времени» возмущало даже такого реакционера, как обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, который писал в 1897 г.: эта газета «одна изъята, совершенно случайно, и не в пример другим бесцензурным изданиям от наблюдения в установленном порядке» [14]. Что касается рекламных услуг, оказывавшихся Сувориным представителям правящих кругов, то они оборачивались для его газеты казенными субсидиями и получением конфиденциальных сведений из министерских приемных. Последнее сделало «Новое время» на длительный срок весьма осведомленным органом, публиковавшим наиболее свежую правительственную и салонную информацию. Многие внутри страны и за границей считали суворинскую газету официозом, хотя в прямом смысле она таковым не была.

Благожелательное отношение со стороны «власть имущих» к «Новому времени» позволило его владельцу добиться права монопольной торговли печатной продукцией на железнодорожных станциях. Эта скрытая казенная субсидия приносила хозяину «Нового времени», а с 1903 г. и всему «контрагентству А. С. Суворин и К°» баснословные барыши. Суворинское предприятие стало пользоваться этой монополией с приходом в министерство финансов Витте, причем условия монополии хозяин «Нового времени» оговаривал лично с министром. А позднее при каких-либо недоразумениях Суворин непосредственно ходатайствовал перед министром. Когда в конце 1901 г. газета поместила критическую статью об управлении Варшавской железной дороги, ее начальник передал право торговли печатной продукцией на железнодорожных станциях своей линии другому предпринимателю. Суворин тут же обратился к Витте и просил содействия, добавив: «Вы всегда так были добры ко мне» [15]. По настоянию министра финансов, который в личных целях считал необходимым поддерживать хорошие отношения с «большой прессой», монополия была возвращена Суворину.

Уже к 1900 г. Суворин распространил монопольное право торговли печатными изданиями на восемь крупнейших казенных железных дорог, на страницах которых располагалось огромное количество принадлежавших ему книжно-журнальных киосков [16]. Если суворинскому предприятию приходилось конкурировать с другими газетами [17], то к сотрудничеству привлекались другие издательско-торговые фирмы. Од-

[11] А. С. Суворин. Дневник. Птгр. 1924, стр. 258

[12] «Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову». СПБ. 1913, стр. 39.

[13] А. С. Суворин. Указ. соч., стр. 258.

[14] Там же, стр. 155.

[15] ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 2, д. 185, л. 26 об.

[16] Там же, оп. 1, д. 4169, л. 133.

[17] Витте и П. А. Столыпин в ходе первой русской революции инспирировали издание официозных газет за счет казенных фондов. У Витте такой газетой было «Русское государство», у Столыпина — «Россия».

нако контроль в акционерном предприятии сохранялся за семьей Суворины. Дела «контрагентства» постоянно расширялись. В 1913 г. в России действовали 60 казенных и частных железных дорог, на 44 из которых осуществлялась продажа печатной продукции; «контрагентство» же имело около 600 киосков по продаже газет и пр. на железнодорожных станциях 28 крупных магистралей [18]. Министерства и ведомства часто помещали в «Новом времени» различные платные объявления казенных и частных учреждений. А близость к петербургской верхушке давала Суворину возможность выпускать и справочно-информационные издания. Так, справочник «Весь Петербург» появился в результате сотрудничества суворинского предприятия с управлением столичного градоначальства; справочник «Вся Россия» издавался при содействии министерств внутренних дел и финансов [19].

К началу XX в. ежегодный доход суворинской «империи» превышал 1 млн. рублей. Около 80% этой суммы составляли доходы от «Нового времени» [20]. Имея тогда самую современную в России типографию, Суворин использовал ее возможности для печатания различных книг, журналов и наживался на этом. Кроме того, он открыто или тайно финансировал ряд периодических изданий: «Земледельческую газету», «Сельскохозяйственную газету», «Русскую землю», «Русское обозрение» и пр. Начав свое дело с займа в 30 тыс. руб. у варшавского банкира С. Л. Кроненберга для покупки «Нового времени», Суворин позднее сам превратился в крупного дельца и финансиста. Его личное состояние превышало в 1912 г. 3 млн. рублей [21]. С конца XIX в. Суворин и его ближайшее окружение занимались финансово-биржевыми махинациями. В период биржевого ажиотажа 90-х годов XIX в. он, используя свою осведомленность, был одним из самых активных его участников [22]. Незадолго до смерти (1912 г.), в период новой биржевой горячки, Суворин скупал акции Сибирского торгового банка, которые превратились в объект оживленной спекуляции, и заключал сделки по продаже нефтеконцессий «Товариществу бр. Нобель» [23]. Среди принадлежавшей Суворину собственности находилось много процентных и дивидендных бумаг [24]. Почти все видные сотрудники нововременской редакции тоже участвовали в упомянутых спекуляциях, а некоторые вошли в состав правлений банков. Так, присяжный публицист этой газеты А. А. Столыпин (брат П. А. Столыпина), пользуясь близостью к премьеру, устраивал различные «земельные операции» и «за оказанные услуги попал в Белостокский коммерческий банк директором» [25]. Буренин вошел директором в правление Волжско-Камского коммерческого банка. Секретарь редакции Н. В. Снессарев одновременно состоял на службе в американском обществе «Вестингауз» и был замешан в скандальных махинациях, связанных с учреждением одноименного российского общества и проведением в Петербурге трамвая.

Дух наживы пронизывал все «нововременское дело». Витте отмечал, что газета эта «представляла собой прежде всего выгодное коммерческое предприятие» [26]. После появления разоблачительной книги проворовавшегося и изгнанного из «Нового времени» Снессарева стали широко известны факты грязной финансовой деятельности суворинской газеты [27]. На эту книгу Ленин откликнулся статьей «Капитализм и печать»: «Воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты. Это — наша «большая пресса» [28].

С конца XIX в. фонды «Нового времени» широко использовались Сувориным и его родственниками и для покрытия возраставших личных расходов и для финансирования «престижных» изданий. К категории «престижных», но убыточных можно отнести многолетний пухлый справочник «Весь Петербург» и политико-амбициозную га-

---

[18] Э. Г. Голомб, Е. М. Фингерит. Распространение печати в дореволюционной России и в Советском Союзе. М. 1971, стр. 29.
[19] ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 2, д. 709, л. 4.
[20] Там же, оп. 1, д. 4169, л. 138 об.
[21] Там же, оп. 3, д. 14, лл. 11—15.
[22] А. Кугель. Литературные воспоминания. Птгр. 1924, стр. 118.
[23] ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 2, д. 1093, л. 1; РО ГБЛ, ф. 259, оп. 1, п. 21, д. 30, л. 3.
[24] ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 3, д. 14, лл. 12—14.
[25] Там же, оп. 1, д. 4317, л. 220.
[26] С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, стр. 135.
[27] Н. Снессарев. Мираж «Нового времени». Почти роман. СПБ. 1914.
[28] В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 8.

зету «Русская земля». Первое крупное «заимствование» из кассы «Нового времени» в 66 тыс. руб. для личных целей было осуществлено Сувориным в 1898 г., когда он приобрел имение. Затем подобные факты наблюдались все чаще и со временем стали обычным явлением. В 1906 г., говоря о такой практике и отстаивая ее неизбежность, М. А. Суворин писал, что «другие дела тянули и тянут из газеты» [29]. С 1905 г. она издавалась в долг, ибо поступления от тиража и объявлений не покрывали возраставшие «посторонние» расходы. Суворин брал кредиты. До конца 90-х годов XIX в. основными его кредиторами были банкирский дом Кроненберга и Варшавский коммерческий банк. На рубеже столетия при первых признаках надвигавшегося экономического кризиса Суворин распродал ценные бумаги и перевел наличность в Волжско-Камский банк [30]. Возникла долговременная тесная связь между этим банком и суворинским предприятием, а между Сувориным и председателем правления банка П. Л. Барком установились дружеские отношения.

К 1914 г. «Новое время» имело срочных долгов более чем на 800 тыс. руб. и не погибло «только благодаря... изумительной жизненности самой газеты» [31]. Эта «жизненность» проистекала из репутации органа, близкого к правительственным кругам, что гарантировало твердый кредит. В 1911 г. заведующий типографией «Нового времени», рассеивая опасения по поводу финансового положения предприятия, писал: «Нашим возможным соперникам очень мешает благополучие Столыпина, никогда не скрывавшего своих крайних симпатий к газете». И все же, чтобы привлечь новый капитал, нововременские дельцы задумали организовать паевое товарищество. Предполагалось, что в него войдут Учетный и ссудный, Торгово-промышленный, Волжско-Камский и другие банки [32]. Затем Суворин решил ограничиться участием только Волжско-Камского банка. Новорожденному товариществу помогали А. В. Кривошеин (министр, наживший огромное состояние на земельных спекуляциях) и Барк. Первый содействовал проведению проекта товарищества в «сферах», второй выделил денежные средства и был главным финансовым консультантом [33]. Учитывая высокую рыночную конъюнктуру паев «Нового времени», Барк в беседе с одним из ведущих сотрудников газеты заявил, что они будут давать ежегодно «8% верных, а при хорошем хозяйстве и 10% на капитал» [34]. Вскоре международный делец, крупный акционер английских заводов Виккерса Б. Захаров предложил Суворину продать ему «нововременское дело», но последний отказался [35] и оставил себе 650 из 800 паев товарищества.

Товарищество «Новое время» с основным капиталом в 4 млн. руб. было учреждено в феврале 1911 г., а в августе получило «высочайшее утверждение». Среди главных пайщиков были крупный капиталист председатель III Государственной думы А. И. Гучков, депутат III Думы богатый тверской помещик Н. П. Шубинской, фабриканты Морозовы, разбогатевший А. А. Столыпин, Барк и Волжско-Камский банк [36]. Строгой финансовой отчетности в товариществе не велось; семья Суворина свободно пользовалась газетной кассой. На первом же собрании пайщиков было предложено утвердить смету, которая даже не была представлена. Гучков ответил: «Охотно ее утверждаем, тем более что мы ее и не видели» [37]. Уже после смерти Суворина печать разоблачила финансовые махинации в «Новом времени». Газеты «Речь», «День» и другие писали о том, что биржевой делец И. П. Манус в союзе с председателем правления Русско-Азиатского банка А. И. Путиловым систематически подкупали «Новое время» с целью «свалить» председателя совета министров и министра финансов В. Н. Коковцова [38].

После 1912 г. большая часть паев «Нового времени» перешла в руки финансовой олигархии. Акционерно-паевая форма издания газеты способствовала установлению

[29] ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 1, д. 4170, л. 18.
[30] Там же, д. 4155, л. 135.
[31] РО ГБЛ, ф. 259, оп. 1, п. 21, д. 30, л. 7; ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 1, д. 4317, л. 208.
[32] ЦГАЛИ СССР, ф. 459, оп. 1, д. 4170, л. 179.
[33] Там же, ф. 159, оп. 1, д. 4317, л. 210.
[34] Там же, д. 2628, л. 88.
[35] Там же, д. 4317, л. 205.
[36] Там же, оп. 2, д. 711, л. 1.
[37] Там же, оп. 1, д. 4317, л. 255.
[38] РО ГБЛ, ф. 259, оп. 1, п. 21, д. 30, л. 13.

контроля над ней со стороны финансового капитала. К середине 1914 г. в дела товарищества были вовлечены Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Русско-Французский и Санкт-Петербургский частные банки. Русско-Азиатский банк купил в начале 1913 г. 40 паев, председатель его правления Путилов — еще 44 на свое имя. Член правления Санкт-Петербургского частного банка Б. К. Полежаев приобрел 60 паев и вошел в совет товарищества [39]. Ряд паев имели члены совета Русско-Французского банка, который скупал не только паи, но и право голоса по ним на годичных собраниях пайщиков [40]. «Нововременское предприятие» являло собой пример идейно-нравственного вырождения «большой прессы» эпохи империализма как типичный «образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» [41]. В годы первой мировой войны «Новое время» окончательно превратилось в рупор различных темных личностей, близких к царскому двору, и биржевых махинаторов. После Февральской революции газета занялась травлей большевиков. Постановлением Петроградского военно-революционного комитета 26 октября (8 ноября) 1917 г. она была закрыта.

В дореволюционной России имелась еще одна газета, тираж и финансовые обороты которой были намного выше, чем у других изданий. Это — «Русское слово». В ней все уже было типично буржуазным: и акционерно-паевая форма издания и самое направление. «Русское слово» стало крупнейшим коммерческим предприятием, где дело было поставлено на службу «господина Купона». Издание находилось в руках И. Д. Сытина, который нанял известных журналистов, литераторов, репортеров, опытных типографов и с их помощью превратил свою газету в «Левиафана русской прессы», как ее называли современники.

Начав дело с публикации лубочных картин, Сытин в 1883 г. учредил издательское товарищество «И. Д. Сытин и К°» с основным капиталом в 75 тыс. рублей [42]. К 1914 г. оно давало около 25% всей книжной продукции на русском языке и занимало первое место среди подобных предприятий [43]. Издательство было построено на коммерческом принципе, хорошо учитывавшем читательские запросы. Из его типографии выходила громадными тиражами на дешевой бумаге масса всяческой литературы, включая лубки, сказки, сонники и письмовники. Однако у Сытина был твердый принцип: выпускать на девять низкопробных книг десятую хорошую; часто это было доступное по цене произведение классика литературы, в отдельности убыточное, но служившее зато маркой издательства.

С середины 90-х годов XIX в. Сытин стал издавать в Москве ежедневную газету, задуманную как средство увеличения доходов с помощью помещения рекламы для «всей России» [44]. В октябре 1894 г. министерство внутренних дел разрешило ему выпускать «Русское слово» с подписной ценой 5 руб. в год, причем официальным издателем считался «благонадежный» приват-доцент Московского университета А. А. Александров. Средства на газету в размере 50 тыс. руб. быстро были собраны Сытиным [45]. Печаталась она в университетской типографии, начав выходить с января 1895 г. на четырех страницах 6-колонного формата. Фактическим руководителем печатного органа являлся бывший близкий друг реакционного журналиста М. Н. Каткова К. Н. Цветков. В газете активно сотрудничал ряд других реакционеров. Тираж «Русского слова» в первые годы равнялся 13 200 экз., из которых более трети рассылалось бесплатно. Сытин писал позднее, что это «было кормление известной группы лиц, близких к Победоносцеву, и ничего более» [46]. Газета успеха не имела, капитал был истрачен, и к середине 1897 г. встал вопрос о ее закрытии. Но Сытин добился права собственности на «Русское слово», редактором стал дворянский публицист Е. Н. Киселев, газета начала печататься в собственной типографии, появилось еже-

[39] ЦГАЛИ СССР, ф. 1666, оп. 1, д. 944, л. 177.
[40] Там же, ф. 459, оп. 2, д. 1337, л. 1; А. А. Суворин. Как «Новое время» было продано. Птгр, 1916, стр. 3, 15.
[41] В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 44.
[42] И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М. 1960, стр. 32.
[43] Там же, стр. 12.
[44] И. Ясинский. Роман моей жизни. М.-Л. 1926, стр. 272.
[45] РО ГБЛ, ф. 259, оп. 1, п. 1, д. 1, лл. 2, 4.
[46] И. Д. Сытин. Указ. соч., стр. 120.

недельное иллюстрированное приложение к ней. Однако «Русское слово» все еще продолжало оставаться правомонархической газетой, и ее тираж рос медленно; к 1899 г. он составлял всего 21 тыс. экземпляров [47]. Торгово-промышленные круги пока что игнорировали этот печатный орган и не помещали в нем платных публикаций. Рекламный его отдел занимали объявления самого сытинского товарищества и его печатной продукции.

В начале 1902 г. Сытин пригласил стать у руководства изданием «короля фельетонистов», театрального критика В. М. Дорошевича. Хотя номинальным редактором «Русского слова» с 1901 г. являлся зять Сытина Ф. И. Благов, Дорошевич согласился возглавить газету фактически, но при условии, что Сытин «не будет вмешиваться» [48]. Несмотря на свое обещание, издатель продолжал постоянно «давать советы». С приходом Дорошевича «Русское слово» превращается в буржуазно-либеральный орган, замалчивавший вопросы политической борьбы, что соответствовало интересам имущих классов. Как отмечал Ленин, последние, напуганные революционным движением, прикрывали «свои буржуазные классовые интересы отрицанием классовой борьбы вообще» [49], а «Русское слово» он характеризовал как либерально-беспартийное издание [50]. Оно находилось где-то между бульварными изданиями типа «Московский листок» и суконно-серьезными «Русскими ведомостями». В самом Дорошевиче тоже переплетались элементы либеральной оппозиционности и бульварной журналистики. Некогда бедный репортер, промышлявший случайными заработками, он превратился теперь в богатого человека и постепенно отошел от тесного сотрудничества в газете: начал скупать недвижимость, месяцами разъезжал по курортам. Вспоминая об этих переменах, его дочь писала: «Зарабатывал он достаточно, чтобы жить так и там, где ему хотелось. Все, что тяготило его раньше, отошло куда-то на второй план. Мелкими неприятными делами занимался теперь поверенный... Фетровую шляпу сменил чопорный черный котелок, и он ездил на большой черной машине «Испано-Сюиза», такой же, какая была в царском гараже» [51].

«Русское слово» было рассчитано на широкую аудиторию. Газету читали и в профессорских кабинетах и в трактирах. В «Русском слове» были хорошо организованы литературный и информационный отделы, в силу чего газету называли «фабрикой новостей». Это первая газета в России, имевшая огромный штат собственных корреспондентов во всех крупных городах страны и за границей. Суворин, который очень недоброжелательно относился к чужим успехам, признавал, что «Русское слово» — «наиболее осведомленная из газет во всех отношениях» и что она «завоевала себе прочное положение» [52]. Расширение и совершенствование газетного дела потребовали увеличения редакционных расходов. В 1904 г. они составили 294 тыс. рублей [53]. В 1905 г. лидеры кадетов попытались перекупить право на выпуск «Русского слова». Сытин согласился продать газету за 1 млн. рублей. Между П. Н. Милюковым и Сытиным уже начались переговоры, когда Дорошевич категорически воспротивился сделке, и она не состоялась [54].

С момента прихода Дорошевича в газете наблюдалось постоянное увеличение количества платных объявлений, исходивших от крупных отечественных и зарубежных предприятий. С 1905 г. издание газеты перешло к «Товариществу И. Д. Сытина». Членами его, кроме самого Сытина, имевшего бо́льшую часть паев, был ряд капиталистов. «Русское слово» стало выходить на 6—8, а позднее на 12—14 страницах 8-колонного формата. Газета выросла и перестала являться лишь подсобным предприятием издательства Сытина. Ее финансовые обороты теперь превышали обороты самого издательства. В 1911 г. тираж «Русского слова» достиг 200 тыс., к концу 1914 г.— 500 тыс.[55], в 1916 г.— 739 тыс. экземпляров. Рост тиража шел главным образом за счет

---

[47] РО ГБЛ, ф. 259, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 7.
[48] Там же, д. 8—9, л. 1.
[49] В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 440.
[50] В. И. Ленин. ПСС Т. 22, стр. 137.
[51] ЦГАЛИ СССР, ф 1063, оп. 2, д 5. л. 106.
[52] Там же, ф. 459, оп. 1, д. 413, л. 2.
[53] РО ГБЛ, ф. 259, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 16.
[54] ЦГАЛИ СССР, ф. 1063, оп. 2, д. 5, л. 81.
[55] РО ГБЛ, ф. 259, оп. 1, п. 1, д. 3, л. 8.

увеличения розничной продажи, и «Русское слово» становилось постепенно «газетой улицы». Она печатала множество платных объявлений, прибыль от которых превратилась «в самую доходную статью газеты» [56]. В 1912 г. финансовые поступления за рекламу превысили 1,2 млн. рублей [57]. Но газета не получала никаких казенных субсидий и непосредственно не участвовала в отличие от «Нового времени» в финансово-спекулятивных операциях.

Сытинское товарищество было крупным капиталистическим предприятием. Его паями владели видные московские капиталисты А. Л. Лосев (член правления Московского купеческого банка), Н. А. Васильев (член совета Московского торгового банка), текстильный фабрикант П. А. Бурышкин и т. д. [58]. То было единственное издательское предприятие, чьи паи допускались к котировке на Петербургской бирже, хотя фактически они там не обращались, так как все находились на руках. В правление товарищества входили несколько человек во главе с Сытиным [59]. Основной капитал предприятия к началу 1913 г. составлял 1,8 млн. руб., а позднее возрос еще на 1,6 миллиона. Ежегодно пайщики товарищества получали высокий дивиденд (в 1910—1914 гг. он составлял 10% и более)[60]. Характеризуя такую печать, Ленин писал: «Издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей» [61]. К тому же Сытин стремился превратить свое разраставшееся дело в полностью независимое от других на всех уровнях производства и сбыта. С этой целью он решил организовать собственное бумагоделательное производство и вступил в переговоры с немецким магнатом Г. Стиннесом в целях постройки с его участием крупнейшей в России бумажной фабрики. Первоначальные затраты должны были составить 9 млн. рублей [62]. Однако в связи с началом первой мировой войны проект не осуществился.

Характерной тенденцией развития печати в России конца XIX — начала XX в. было неуклонное возрастание зависимости ее от крупного капитала и превращение многих изданий в прибыльные предприятия. Если в 1912 г. средний дивиденд акционерных компаний в России равнялся 6,4% [63], то пайщики сытинского товарищества получили в том году 12%, суворинского — 8% от капитала. Подавляющую часть названного дохода составила прибыль от газет «Русское слово» и «Новое время». Но если в «Новом времени» в предвоенные годы наблюдалось сращивание с финансовым капиталом путем установления личных уний с банками, то для «Русского слова» подобного рода связи прослеживаются значительно слабее. Усиление зависимости сытинской газеты от капитала шло в первую очередь по линии увеличения зависимости от рекламодателей, среди которых доминировали крупные финансово-промышленные группы. Что касается конца существования сытинской газеты, то она 27 ноября (10 декабря) 1917 г. постановлением Московского Совета рабочих и солдатских депутатов была закрыта за публикацию антисоветских материалов. С января 1918 г. газета выходила под названием «Новое слово», затем «Наше слово», а в июле того же года была закрыта окончательно.

---

[56] Там же, п. 14, д. 8—9, л. 9.
[57] Там же, п. 4, д. 1, л. 1.
[58] ЦГА гор. Москвы, ф. 2316, оп. 1, д. 3, лл. 3—6.
[59] ЦГАЛИ СССР, ф. 595, оп. 1, д. 21, л. 3.
[60] «Акционерно-паевые предприятия России». СПБ. 1914, стр. 419.
[61] В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 210.
[62] И. Д. Сытин. Указ. соч., стр. 154.
[63] Л. Е. Шепелев. Акционерные компании в России. Л. 1973, стр. 235; «Акционерно-паевые предприятия России», стр. 286, 419.

РАЗИНЦЫ И РАСКОЛЬНИКИ

В. Г. Карцов

Средневековая Западная Европа была разделена на ряд независимых государств, часто противостоявших друг другу. Католическая же религия сближала их духовно не только посредством общей церкви во главе с папской курией, но также путем латинизации богослужения и науки. На Руси установилось единство государства и веры с богослужением на церковнославянском языке, что тоже в значительной степени содействовало сплочению народа, особенно при многонациональности населения. Созданию Русского централизованного государства сопутствовала соответствующая религиозная пропаганда, расширившаяся после падения Константинополя в 1453 г. и установления турецкого владычества на Балканах. Конец Византийской империи характеризовался как кара за «флорентийское вероотступничество» (Флорентийскую унию 1439 г. православной церкви с католической).

После свержения золотоордынского ига (1480 г.), с присоединением Казани (1552 г.), Астрахани (1556 г.) и с падением Сибирского ханства (1581—1584 гг.) стерлась былая восточная граница Руси и рухнула стена, веками не только ограничивавшая ее территориально, но и сжимавшая со стороны Востока. Для русского народа открылись пути продвижения на Дон, Волжское понизовье, на Урал и в Сибирь. Появилась возможность «отхода» без военной силы, самочинно, вольным казачеством, и народ двинулся. Никакое прикрепление к земле не могло удержать его. Путь, проложенный в 1581 г. ватагами Ермака к Иртышу, менее чем за 60 лет пролег через всю Сибирь, Дальний Восток и завершился в 1639 г. выходом казака Ивана Москвитина на побережье Тихого океана. Так из Волго-Окского междуречья, с центральных русских земель, издавна захваченных феодалами всех родов и рангов, уходил от растущего крепостнического гнета народ русский на вольные земли и закрепился на широких просторах Сибири.

В сознании народа «до бога было высоко, а до царя далеко», и царская власть в условиях огромной России не только в жизненной реальности, но и психологически являлась символом единства страны. Престиж царя был исключительно высок. В ту пору политический строй, в данном случае — монархический, являлся «*религиозной сферой, религией* народной жизни, небом ее всеобщности в противоположность *земному существованию* ее действительности»; но так как «не государственный строй создает народ, а народ создает государственный строй», то в ту пору складывание самодержавной власти было объективно «*демократией несвободы*» [1]. В ту эпоху образования общеевропейского рынка на Западе, XVI — XVII столетия стали временем бурного развития торговли. Массовый вывоз из России природных богатств, добытых подневольным трудом народа, сулил обогащение правительству и феодальной знати. Экспорт русских товаров, осуществлявшийся через Архангельск, давал ежегодно около 1 млн. руб., по тому времени весьма значительную сумму. А оживление европейского торга влекло за собой усиление крепостнического гнета в стране. И если Россия своим крестьянским лицом оставалась повернутой на Восток, то ее феодально-аристократическое лицо смотрело скорее на Запад.

Церковь и государство были связаны друг с другом единством задачи: сглаживание социальных противоречий, причем оба они в конечном итоге осуществляли свою деятельность с позиций и в интересах господствующего класса. Вместе с тем их единство было «единством противоположностей», ибо оба они претендовали на

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 252, 254.

приоритет. Бог, как тогда говорилось, всемогущ, и цари ходят под богом, но бог находился на небе, а царь — на земле. Одновременно с формированием и укреплением Русского централизованного государства, в связи с поляризацией двух основных классов феодального общества, складывались две достаточно четко обозначенные идеологические тенденции в сфере «общественно-географической»: централизаторско-«прозападническая», дворянская, и «провосточная», крестьянская; а параллельно, в сфере религиозной,— два различных восприятия религиозных доктрин и поэтому два взгляда на церковную организацию, при царистской в целом идеологии масс. Но в народе уже зарождалось критическое отношение к власти: возникало понятие «хороший царь», которому, естественно, противопоставлялось понятие «плохой царь». Наконец, после того, как «Стоглав» при Иване Грозном решительно осудил как еретические все отклонения от установившихся в России религиозных доктрин, которые он и зафиксировал в своих решениях в качестве непререкаемого канона благочестия, и после войны 1654—1667 гг. за воссоединение Украины с Россией, а также в связи с укреплением контактов с братскими балканскими народами и греческой церковью встал вопрос о необходимости приведения русской церкви к единоверию с украинской и балканскими.

Так сложились экономические, социальные, политические и идейные предпосылки катаклизмов середины XVII в., когда вспыхнул ряд городских восстаний, затем последовала церковная реформа Никона [2] и потрясла страну Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина.

Новая, «никонианская» вера в ряде догматических положений разошлась со старой, обжитой веками и привычной. Сейчас эти расхождения нам представляются не имеющими принципиально никакого значения. Но в ту темную пору они казались кардинально значимыми. Тогда поборники старой веры готовы были за каждое из таких расхождений идти на костер и мученическую смерть, тем более что за религиозной символикой часто крылось социальное противоборство. Магическим знаком христианства является крест. Крестное знамение обозначалось пальцами, сложенными особым образом. В древнерусском перстосложении два осеняющих пальца символизировали двуединство Христа как бога и человека, а три согнутых — божественную Троицу. Идея воплощения бога в человеке была простому народу ближе и понятнее, нежели абстрактная идея троичности. Никонианство же приняло для крестного осенения трехперстное сложение («щепоть», как язвили староверы), как бы отодвигая символ сына божия, пострадавшего за простых людей, на второй план. В соответствии с тем же принципом богослужение в честь Христа как «богочеловека» требовало сугубой аллилуйи, то есть дважды повторяемого славословия: «аллилуйя, аллилуйя!». Теперь же сугубая аллилуйя заменялась трегубой. Самое имя Христа получило новое написание: вместо «Исус» — «Иисус», что рассматривалось приверженцами старой веры в качестве прямого отречения от «истинного» сына божия. Принятое древнерусское изображение креста (не простое перекрестие — крыж, а как символ «страстей господних» — той искупительной жертвы, которую принес Иисус во имя спасения людей) было обязательно восьмиконечным — четыре конца распятия плюс концы перекладин: верхней, то есть доски с титлом Христа, и нижней, то есть подножия. Никонианство же вводило крест четырехконечный. Имел место и ряд других обрядовых новшеств: раньше при ряде священнодействий (например, обнесении крестимого ребенка вокруг купели, венчании вокруг аналоя) хождение шло «по солонь», то есть по солнцу, с востока на запад; в никонианстве же — наоборот, с запада на восток. Вскоре иконы старорусского письма было приказано изъять из употребления. Древнее церковное «знаменное» пение по «крюкам» (своеобразные нотные знаки) при монодии (одноголосице), когда пели в унисон, в никонианских церквах стало сменяться многоголосным пением хора по нотам.

Церковная реформа Никона вызвала широкий протест. В 1655 г. в Москве собрался церковный собор с участием антиохийского патриарха Макария. На нем сторонники двоеперстия были прокляты. Смятение охватило людей. Говорили: если двоеперстное знамение еретично, значит, все древние святыни церкви прокляты и все русские святые — еретики; тогда все покойные предки обречены на вечные муки

[2] См. подробнее: О. Ф. Козлов «Дело Никона». «Вопросы истории», 1976, № 1.

адовы! Никон принял решительные меры для подавления религиозной оппозиции, и новый собор 1656 г. провозгласил отлучение от церкви всех староверов. Тогда-то в православной русской церкви и произошел раскол на официальную, никонианскую, и на отрешенную и гонимую, старообрядческую. Переход на новое богослужение и отрешение от церкви священнослужителей, державшихся староверия, вызвали ряд эксцессов. Когда, например, в Ниловой пустыни священник начал службу по-новому, на пяти просфорах, причт воспротивился, пономарь ударил попа кадилом, и раскаленные уголья разлетелись. В церкви началась общая свалка [3].

Раскольническое движение с самого начала стало принимать социальное звучание, хотя как открытая оппозиция на первых порах проявлялось главным образом среди низшего духовенства. Протестующие попы-фанатики, выступая против правительственных устремлений, нередко являлись факелом, воспламенявшим массы. Правительство это понимало. И именно поэтому в России запылали костры православной инквизиции. Признанный вождь староверия протопоп Аввакум писал о Никоне: «Епископа Павла Коломенского, муча, и в новгородских пределах огнем сжег; Даниила, костромского протопопа, муча много, в Астрахани в земляной тюрьме заморил; Гавриилу, священнику в Нижнем, приказал голову отсечь; Михаила же, священника, без вести погубил: перевел к тюрьме, да и не стало вдруг; двух священников, вологжан, безвестно же и где дел; со мной 60 человек у всенощного взял, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася; а меня в Даурскую землю сослал... Жена моя, протопопица Настасья с детьми в земле же сидит... На Мезени из дому моего двух человек удавили никониане на виселице. На Москве старца Аврамия, духовного сына моего Исайю Салтыкова в костре сожгли. В Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Иллариона сожгли» [4].

Для преодоления староверия было запрещено выбирать священников, как бывало ранее. Попов стали только назначать, не считаясь с желанием паствы. Показательно, что крепостным крестьянам воспрещалось принятие священнического сана [5]. Дело в принципе заключалось не столько в обрядности, сколько в государственно-политическом аспекте. Ведь сам Никон в борьбе со староверием не видал особого греха ни в двуперстном сложении, ни в сугубой аллилуйе. При разговоре с покорившимся противником Иваном Нероновым он признал: «Те и другие добры; все равно, по каким хочешь, по тем и служишь». Действительно, соборы проклинали старообрядцев не за их веру, а за неповиновение [6]. Но у Никона имелась еще и такая особенность, как черты не преодоленной им крестьянской, «провосточной» идеологической тенденции. Патриарх решительно боролся с дворянскими тенденциями к сближению с Западом. Укрепляя официальное православие в России, он стремился войти в контакт с православными церквами Востока для совместного противостояния латинскому Западу. Не раскрыть ворота на Запад стремился своей церковной реформой Никон, а, наоборот, воздвигал более мощный православный барьер, чтобы надежнее отграничиться от латинского мира и тем самым укрепить мощь самостоятельной русской церкви. Никону были близки черты крестьянской консервативности в общественной и государственной жизни. Не случайно он требовал выселения всех иностранцев, не принявших православия, за пределы московских городских стен, в Немецкую слободу, и приказывал уничтожать иноверческие храмы и мечети. По его приказанию видный иностранный промышленник в России Марселис был высечен кнутом за курение. Борясь с проникновением западноевропейской культуры, Никон отнял у бояр и сжег пять возов музыкальных инструментов. Узнав, что родственник царя боярин И. Н. Романов ввел в своем домашнем быту европейские костюмы и обстановку, Никон обманно заполучил одежду боярских лакеев и приказал изрезать ее на куски [7].

---

[3] В. В. Андреев. Раскол и его значение в народной русской истории СПБ. 1870, стр. 67.

[4] «Житие протопопа Аввакума». М. 1934, стр 200—201. Подробнее см.: В. С. Румянцева. Огнепальный Аввакум «Вопросы истории», 1972, № 11.

[5] В. В. Андреев. Указ. соч., стр. 10.

[6] В. О. Ключевский. Соч. Т. 3. М. 1957, стр. 307.

[7] В. В. Андреев. Указ. соч., стр. 50—52.

Но одновременно разгорелся царско-патриарший конфликт из-за верховной власти. После смещения Никона с поста патриарха, когда в продолжение восьми лет на его место никто не был избран, в народе с новой силой вспыхнули сомнения, которые укрепляли отмененное староверие, о чем свидетельствуют тогдашние никониане — архипастыри [8]. Раскольников предали в 1666 г. новой анафеме, после чего они лишены были уже права и возможности надеяться на какую-нибудь сделку с церковной властью и «становились непримиримыми врагами существующего церковного строя, а вместе с тем и государственной власти» [9]. Шел 1666 год. «666» — «звериное» число в полном мистических иносказаний «Апокалипсисе», символ Антихриста. Среди раскольников пошли толки, что Антихрист явился на Землю. Значит, сбывается пророчество: через два с половиной года должен наступить конец света, грядет страшный суд, и только тот, кто не отдаст свою душу Антихристу, унаследует царство небесное. И на следующий, 1667 г., заволновалось донское казачество, державшееся за староверие. Донскому войсковому атаману К. Яковлеву был прислан царский указ: «Божиим и нашим великого государя делом вам бы радеть и промышлять над теми отступниками и ворами, дав им страху; ратьими и разумными богобоязненными людьми приводить их к обращению» [10]. Но казаки крепко держались за старую веру, «государеву указу чинились непослушны», а в 1668 г. сменили в Черкасске войскового атамана.

Одновременно крупные события произошли и у далекого Белого моря: Соловецкий монастырь тоже не признал нововерия. В Москву была послана челобитная: дозволить богослужение по старым книгам. В ответ монахи получили царскую угрозу: в случае упорства отобрать у Соловецкого монастыря его вотчины и не пропускать в него никаких припасов. Обитатели Соловецких островов, в свою очередь, отвечали: готовы принять царский меч! [11]. Началась подготовка к обороне. Монастырь окружали неприступные каменные стены, на них располагалось 90 пушек. Припасов могло хватить на ряд лет. Впоследствии подошла и подмога: до 500 человек мятежного люда, в том числе с казацкого Дона. Осада монастыря царскими войсками началась в 1668 году. «Никон и царь — два рога антихристова»,— говорили оборонявшиеся. Вожак восставшей братии Никанор, окропляя святой водой пушки, приговаривал: «Матушки наши, голланочки, надежда у нас на вас, вы нас оборонитс!» Сражения длились около десяти лет. В 1676 г. нашелся предатель, который указал осаждавшим отверстие в неприступной стене, заложенное камнями. Эта «соловецкая Илиада» началась за два года до Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, а завершилась пятью годами позже. Прав был исследователь, отмечавший: «Соловецкое восстание очень ярко показало, что старообрядческое движение было движением не только против господствующей церкви, но и против правительства» [12].

Было ли движение раскольников связано с разразившейся в ту пору Крестьянской войной? Немного хронологии: 1654—1656 гг.— раскол русской православной церкви; 1666 г.— низведение Никона с патриаршего престола и одновременно анафема староверам; 1668 г.— начало религиозного восстания на Соловках; 1670—1671 гг.— Крестьянская война; 1676 г.— подавление Соловецкого восстания. Какова же связь между этими событиями? В. И. Лебедев, сопоставляя движение разинцев с Крестьянской войной 1525 г. в Германии, утверждал: «Для идеологии немецких крестьян характерна ее религиозная окраска; для идеологии восставшего крестьянства Российского государства — царистская направленность» [13]. Ту же мысль развивает Н. П. Долинин: движению Разина присуща религиозная индифферентность, и это «составляло

---

[8] «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею». Т.5. СПБ. 1853, стр. 483; Макарий. История русского раскола. СПБ. 1855, стр. 172—174.

[9] Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. II. СПБ. 1895, стр. 215.

[10] «Крестьянская война под предводительством С. Разина». Сборник документов Т. 1. М. 1954, стр. 93—94.

[11] Там же, стр. 120.

[12] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» М. 1955, стр. 323.

[13] В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством С. Разина. М. 1955, стр. 163.

характерную черту антифеодальных выступлений в России», причем «идеи раскольничества стали распространяться в народной массе» только «после неудачных открытых массовых народных выступлений» [14]. По мнению И. З. Кадсона, «малоперспективными выглядят попытки связывать крестьянские войны с еретическими движениями... Особенно показательной в указанном смысле представляется синхронность таких крупных социальных движений, как раскол и восстание С. Разина. Оба имели антифеодальную направленность, но не соприкасались при этом практически ни в организационном, ни в идеологическом отношении» [15].

Вероятно, исходя из тех же соображений, А. Г. Маньков в своей работе по истории Крестьянской войны не отметил того факта, что наибольшей массовости народное движение на последних его этапах достигло в коренных районах религиозного раскола — Нижегородчине, и вообще игнорировал роль раскола как идейного знамени антифеодальной борьбы в Соловецком восстании [16]. А. И. Рогов и другие специалисты по истории раскола постоянно пишут о старообрядчестве в России именно со второй половины XVII в., особенно с 90-х годов [17]. Но упускается из виду, что до 1650-х годов так называемое старообрядчество вообще было единой религией России в целом и, следовательно, не оно «стало распространяться в народе», как говорят эти авторы, а наоборот, старая вера изживалась официальной церковью, причем в течение весьма длительного времени.

Более прав А. Дмитриев, писавший: «Основную массу раскольников составляли закрепощенные крестьяне. Они не разбирались ни в сугубой, ни в трегубой аллилуйе, ни в других догматических тонкостях обряда и культа. Им не нужно было и попов. Им нужна была жизнь иная, лучшая, чем та, которую несла с собой московская вера вместе с непосильными налогами и закрепощением. И они под реакционным лозунгом «старой веры» выражали свой протест против господства крепостников. Этим и объясняется необыкновенная живучесть раскола в ту эпоху и тот ожесточенный кровавый поход, который предприняла против него церковь, опираясь на полное сочувствие и поддержку московского самодержавия» [18] (в этом утверждении нам представляется неудачным лишь выражение о реакционном лозунге «старой веры», дающее повод полагать, будто лозунг «новой веры» был прогрессивным). Н. С. Чаев сформулировал ту же мысль более четко: расколу были сильно подвержены посадские люди и крестьянство, и он «отражал глубокое социальное недовольство угнетенных слоев населения. Народные массы, становясь на сторону «старой веры», выражали этим свой протест против феодального гнета, прикрываемого и освящаемого церковью» [19]. В «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» выдвинуто еще более точное положение: «Старообрядцы боролись против дворянского государства, и этого было достаточно, чтобы вызвать сочувствие извне» [20]. К сожалению, эта мысль не нашла отражения в приводимом в этом многотомном издании конкретном материале о Крестьянской войне 1670—1671 годов.

Итак, достаточно беглого взгляда на историографию рассматриваемого вопроса, чтобы признать неразработанность проблемы взаимосвязи Крестьянской войны и религиозного раскола, этих одновременно разгоревшихся антифеодальных народных движений, нашедших проявление как в идеологии, так и в активных формах классовой борьбы.

Прежде всего посмотрим, был ли Степан Разин чужд религиозных вопросов? Нет. Иначе зачем он на протяжении ряда лет поддерживал связь с Соловецким монастырем, оплотом раскольнического движения? Он отправился туда «на богомолье», после смерти отца, в 1652 г., как раз в год вступления Никона на патриарший престол, время бурных споров в кругу ревнителей благочестия. Вторично (не известно,

---

[14] «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 129.

[15] И. З. Кадсон. Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков. «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 152.

[16] «Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв.». М.-Л. 1966, гл. 2.

[17] А. И. Рогов. Народные массы и религиозное движение в России второй половины XVII в. «Вопросы истории», 1973, № 4.

[18] А. Дмитриев. Инквизиция в России. М. 1937, стр. 49.

[19] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 317.

[20] «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. 3. М. 1966, стр. 105.

по какому поводу) Разин посетил тот же монастырь в 1661 г., когда и раскол уже произошел, и начались массовые гонения на раскольников, и Никон оказался в опале. Можно себе представить, как бурлили Соловки. Разин не стоял в стороне от резких раскольнических выпадов против порядков, царивших тогда в феодальной России. Раскол с его антифеодальными народными тенденциями противостоял властям, включая патриарха, но тот же патриарх по каким-то, неясным для народа причинам оказался отстраненным от дел. И в 1666 г. все смешалось: в открытой оппозиции властям оказался уже и Никон, низведенный при посредстве чужеземных патриархов с церковного престола и заточенный в глухой монастырь. Люди недоумевали. Староверы говорили нововерцам: «Если Никон, наставник ваш, правый путь вам указал, то зачем его изгоняете? Когда ученики на учителя своего ратуют? Если же Никон враг богу и богородице и святым его и вам, то зачем его пестрые законы держите?» [21]. Веками органически сливавшиеся в сознании народа слова «царь» и «бог» пришли в некое противоречие. Создалась коллизия в народной психологии.

Именно в это время началось восстание во главе с Разиным. В 1668 г. Степан Тимофеевич посылал своих людей в Ферапонтов монастырь, где был заточен Никон. Казаки вели переговоры с низложенным патриархом и призывали его перейти на их сторону. Никон отказался. Впоследствии он сам подтвердил это в своих показаниях. А «распросные речи» о настроениях казачества сообщали: «Воровские казаки... Похваляют бывшего патриарха Никона: напрасно, де, бояре с Москвы его согнали, а он-де, Никон, им был отец. А как де Стенька Разин будет в Казани или в Нижнем Новгороде, а он де, Никон, будет в Москве по-прежнему», после чего доносчики резюмировали: «А на что де было его, Никона, с Москвы изгонять; как бы его не изгоняли, и от Стеньки бы Разина такие смуты и не было» [22]. В народе закрепилась мысль, что во всем виноваты ненавистные бояре и проклятые еретики. Они и веру замутили, и патриарха, богом поставленного, устранили. Не мог же царь с ними быть заодно? Ранние прокламации Разина так и писались, именем бога и государя: «Кто хочет богу и государю послужить... да и Степану Тимофеевичу», тем «изменников выводить» [23]. Но шила в мешке не утаишь. Вскоре стало очевидно, что подавители крестьян и казаков действуют по воле царя. Тогда в народной памяти воскресло промелькнувшее за 60 лет до того явление «двух царей» и «двух патриархов» (старики еще помнили «Смутное время»).

Тут в Москве нечаянно умер царевич Алексей Алексеевич. Вот и имя, подходящее для «хорошего» царя. «Нечай» — так прозвали восставшие мифического царевича в их лагере. А патриарх? Он, гонимый боярским царем, существует на самом деле, только отказался «прямить» народу. Но воспользоваться его именем тоже можно. Хорошо ли оно, плохо ли, однако нашумело, и все его знают. И вот быстро разнеслась весть: «Идет Нечай-царевич Алексей Алексеевич да Никон-патриарх... и люди всё то ставят в правду... и от того, государь, пущая беда и поколебание»,— доносил керенский воевода в конце сентября 1670 года [24]. Теперь Разин призывал черный народ целовать крест «государю царевичу Алексею Алексеевичу и батюшке нашему», гонимому Никону, то есть народному главе церкви [25]. Самый факт принятия массами имени Никона в качестве знамени крестьянской антифеодальной борьбы свидетельствует о том, что в народе имела место большая неразбериха в вопросах раскола церкви. Ясно было одно: есть попы, идущие с властями, боярами, дворянами, это — новая государственная церковь; и есть попы же, но народу близкие, они обличают бар, а старая то церковь или новая, мужику все равно. Разинцы оборудовали две баржи. Одну выстлали красным сукном. На ней плыл в роли Нечай-царевича какой-то пленный кавказский князь. Другой убрали черным бархатом, для Никона[26]. Среди казаков шла молва, что Никон к Разину писал на Дон, «чтобы он, Стенька, соб-

---

[21] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. VII. М. 1962, стр. 123.

[22] «Крестьянская война под предводительством С. Разина». Сборник документов. Т. II, ч. 1. М. 1957, стр. 44.

[23] Там же, стр. 65.

[24] Там же, стр. 109.

[25] Там же.

[26] «Записки иностранцев о восстании С. Разина». Л. 1968, стр. 111.

равшись с воровскими казаками, шел на бояр к Москве, а его-де Никона, бояре согнали с Москвы напрасно» [27].

Некоторые авторы, отбрасывая религиозный элемент в народном движении, представляют Разина чуть ли не атеистом либо человеком, к религии совершенно индифферентным. Но ведь Разин и его сподвижники были людьми своего времени. Лично у Разина имелся свой духовник поп Феодосий. В войске повстанцев тоже были попы, которые служили службы по убиенным [28].

Встает другой вопрос: примыкал ли Разин к старообрядчеству? Если да, то чем объяснить его стремление привлечь Никона на сторону восставших? Видимо, и здесь нет ничего противоестественного. Церковный собор сложил с Никона патриарший сан. Следовательно, сама православная соборная церковь отвернулась от бывшего патриарха. Он был угнетаем и гоним властями и государственной церковью. Отсюда зарождалось стремление найти в лице Никона опору и поддержку. Вместе с тем Разин, как многие люди того времени, держался «старины» и противостоял государственной церкви, опиравшейся на собор, судивший бывшего патриарха. Об этом свидетельствует сопоставление формулировок церковных доктрин в прокламациях Разина, с одной стороны, а с другой — в правительственных грамотах, в обращениях Иоасафа, никоновского преемника на патриаршем престоле. От власть имущих раздавался призыв постоять «за святую соборную и апостольскую церковь и православную христианскую веру»[29]. Противостоявшая формула из «прелестных писем» восставших — иная: стать «за дом пресвятыя богородицы и и за всех святых,.. за всю православную христианскую веру» [30]. Обе стороны утверждали, что стоят за православие. Но одно дело «соборная и апостольская церковь», апробированная собором патриархов; другое — «дом пресвятой богородицы и всех святых», центр древнего, специфически русского православия: собор Успения пресвятой богородицы — Успенский собор московского Кремля, усыпальница русских митрополитов, хранитель мощей преподобного Филиппа и других основоположников старой веры.

Патриарх Иоасаф и царские власти инкриминировали С. Разину следующие религиозные преступления: он — «аспид», «вор», «клятвопреступник», «змий, из ложа своего поглощающий верных христиан», «забыв господа бога и святую соборную апостольскую церковь и православную христианскую веру, своровал ему, великому государю.., и прямых старых донских казаков, которые за святую соборную и апостольскую церковь и за его, великого государя... не щадя голов своих бивались.., многих перебил, перегубил и опозорил...». От этих общих положений власти переходят к более конкретным, частным: «И тот вор и изменник Стенька Разин с товарищами» обвиняются в следующем: «забыв страх божий... от святые соборные и апостольские церкви отступили» (то есть впали в раскол), «и про спасителя нашего Иисуса Христа говорит он, Стенька, всякие хульные слова» (то есть полагает переименование Исуса на Иисуса ересью) [31]. Основываясь на этих обвинениях в адрес Разина, некоторые историки склонны приписывать казацкому атаману атеистические убеждения. С этим трудно согласиться.

Порою в литературе поводом для обоснования разинского вольномыслия служат следующие факты, поставленные в вину Степану Тимофеевичу в том же источнике «Наказная память воеводе П. Урусову»: «На Дону церквей божьих ставить и никакого пения петь не велел... и священников с Дону сбыл,.. и донским казакам венчаться у церквей не велел, а велел венчаться около вербы». Но о чем здесь идет речь? Все сказанное связано с одним и тем же эпизодом: в Черкасске погорело несколько церквей, их хотели восстановить. Разин, придя в донскую старшинскую столицу, запретил делать это, а попов новой веры прогнал. Что касается того факта, что он «никакого пения петь не велел», то речь идет не о бытовом пении, а о церковном многоголосии, которое с позиций староверия осуждалось как еретическое. Естествен-

[27] «Крестьянская война ..». Т. II, ч.1, стр. 31

[28] Н. Н. Фирсов. Разин — разинщина; Пугачев — пугачевщина. Казань. 1930, стр. 17.

[29] «Крестьянская война...». Т. I, док. №№ 111, 141, 143; т. II, ч. 1, док. №№ 2, 67, 93, 327.

[30] Там же. Т. I, док. № 184; т. II, ч. 1, док. №№ 78, 207; т. II, ч. 2. М. 1959, док. № 60, стр. 74—75.

[31] Там же. Т. I, стр. 196—197.

но, что с закрытием церквей возникал и вопрос, как вступать в брак. Здесь-то рассерженный атаман и сказал о безразличии, где венчаться, то ли в еретической церкви, то ли около вербы. Данная трактовка текста может быть подтверждена астраханским материалом, в котором ясно говорится: Разин «священникам не велел венчать по архиепископскому благословению» [32], то есть обводить вступающих в брак в соответствии с новой догмой вокруг аналоя против движения Солнца, а не «по солонь», как было в старом богослужении.

Отмеченные в источниках обвинения затем были суммированы в приговоре, зачитанном при казни Разина 6 июня 1671 года [33]. Ясно, что без учета реальной обстановки, которая сложилась тогда, в условиях церковного раскола, многие неожиданные повороты в сознании людей той эпохи будут непонятны. Например, на основе нескольких беглых замечаний только что разобранного нами источника, вне учета всей сложности идейной борьбы в период Крестьянской войны, одним из историков был сделан вывод, что «среди повстанцев вошло в практику свадьбы «играть» вокруг «вербы», как когда-то делали их далекие предки, а не совершать обычный церковный обряд венчания» [34]. Или еще: Н. И. Костомаров писал о Разине как о человеке, «некогда ходившем на богомолье в отдаленный Соловецкий монастырь, а впоследствии хулившем имя Христа и святых его» [35]. В свете фактов религиозного раскола данные обстоятельства становятся легко объяснимыми. К тому же мы располагаем прямым свидетельством современника, говорившего о заинтересованности Разина в церковных делах: автор «Сообщения касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Степаном Разиным», называл вождя Крестьянской войны «казацким папой» и прямо отмечал, что Разин «вмешивался в церковные дела» и прогнал «многих священников» [36].

О принадлежности Разина и значительной части его казаков к староверию свидетельствуют факты. Так, царские власти при проходе казаков с Каспия под Астраханью велели «их всех привести к вере в церкве,.. а приведчи к вере, всех их роздать, в Астрахани по московским стрелецким приказам». Но указаний этих местные власти выполнить не смогли, казаков пришлось поставить вне города, а «к вере их, воровских казаков, привесть не смели», так как они «великому государю вины свои принесли в Астрахани, а к вере не приважены ж» [37].

Рассмотренный материал убеждает в том, что Разин был истинным сыном своего времени и своего класса. Он не особенно разбирался в дебрях теологических разноречий и смело выступал против феодального гнета, против всевозраставшей государственной политики закрепощения масс и в то же время вместе с народом, с присущей крестьянству консервативностью держался старины: не выдвинув никакой позитивной программы будущего, по мужицко-казачьи идеализировал прошлое с его общинными порядками и вольностями. В новой церкви он видел стремление к религиозному освящению надвинувшегося зла, а в старой — протест против него и освящение старых порядков. Этому нисколько не мешает то обстоятельство, что особой набожности у Разина не было. По свидетельству источников, он не придерживался постов и никогда не был святошей.

Тут возникает новый вопрос: участвовали ли раскольники в Крестьянской войне (помимо донцов и выступления на Соловецких островах)? После анафемы 1666 г. поток раскольников хлынул на Дон, в Тамбовщину и в Нижегородский край. По-своему толкуя туманные строфы «Апокалипсиса», они в 1669 г. ожидали светопреставления. Многие раскольники мастерили себе гробы и готовились к смерти, сами себя отпевая. Еще с осени крестьяне оставили обработку полей. Заброшенный скот жалобным мычанием вторил заунывному пению лежавших в гробах хозяев. Ясачная мордва, а вместе с ней и те русские люди, кто не поддался панике, угоняли беспризорных животных и подчас дочиста расхищали покинутые обывателями деревни [38].

---

[32] «Записки иностранцев о восстании С. Разина», стр. 117.
[33] Там же, стр. 116—119.
[34] В. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 174.
[35] Н. И. Костомаров. Собрание сочинений. Т. 2, кн. I. СПБ. 1903, стр. 426.
[36] «Записки иностранцев о восстании С. Разина», стр. 108.
[37] «Крестьянская война...». Т. I, стр. 152.
[38] П. И. Мельников. Полное собрание сочинений. Т. 13, ч. 1. СПБ. 1898, стр. 24—26.

1669 год кончился, а судный день не пришел. Расколоучители говорили: значит, ошиблись в расчетах. Видимо, к антихристову числу 666 сверх двух с половиной лет, предусмотренных «Апокалипсисом», следует прибавить еще 33 года жизни Христа. Если так, то второе пришествие наступит в 1702 году. Кстати, забежим вперед: это утверждение подготовило почву для провозглашения в будущем Петра I Антихристом. А пока вслед за «обманным» 1669 годом раскольничьи районы, где происходили описываемые события, стали районами ожесточенной Крестьянской войны 1670—1671 годов. В раскольничьем Темниковском уезде, который был одним из центров Крестьянской войны, вдохновляли народное движение попы-староверы: Савва, непосредственно участвовавший в боях; Пимен, который пришел из Москвы, служил церковную службу без патриаршего благословения и по приказу повстанческого атамана Федора Сидорова «молил бога за бывшего патриарха Никона и воровских казаков»; отец Пимена поп Данила скрывался еще до начала восстания, и его разыскивали московские сыщики.

В Темников же пришла старица Алена, командовавшая у Разина двумя полками. После смерти мужа она постриглась. Что она держалась старой веры, о том сообщают официальные источники: «была во многих местах на воровстве и людей портила», а прибыв в Темников, и разинского атамана Федора Сидорова «учила ведовству»; и, видимо, научила, так как он отстранил проправительственного соборного протопопа Перфилия и поставил на служение в соборе Пимена [39]. Алена, активная участница крестьянской борьбы, привлекала к себе сердца угнетенных и сплачивала их отряды. Ее враги (подобно тому, как это было в отношении Жанны д'Арк) обвиняли Алену в том, что она «одерживает победу благодаря волшебству». С разгромом движения ее доставили в Арзамас к кн. Ю. Долгорукову. «Когда бы все воевали, как я, князь Юрий от нас навострил бы лыжи»,— говорила народная воительница. Перед смертью она перекрестилась «на русский лад» и взошла на костер [40]. Не случайно также, что в ходе войны гонители народных масс прежде всего требовали и от потерпевших поражение и от всего населения присяги, что они знают и помнят «святую соборную и апостольскую церковь и крестное целование» [41]. Случалось, что после «приведения к вере» люди вновь примыкали к восстанию. Когда к тамбовским казакам и солдатам, после их вторичного перехода к восставшим, были присланы с уговором правительственные попы, те их схватили [42].

В то же время вместе с восставшими шло немалое число духовенства, не подчинившегося официальной церкви. Так, при приближении Разина к Саратову его встретили горожане во главе с игуменом Богородицкого монастыря; поп Алатырского уезда писал «воровские письма» и ходил с восставшими; отрядом восставших козьмодемьянцев в 3 тыс. человек вместе с атаманом П. Ивановым руководил соборный поп Михаил Федоров; в Ветлужской волости Галицкого уезда зачинщиками «воровского завода» были сельские попы и монахи; в Нижегородском уезде сотни патриарших крестьян, а также монастырский игумен и священник находились «в шатости», в Шацком и Кадомском уездах активным участником восстания был дьячок из села Алдалова; атаманом «воровских казаков» являлся вдовый поп Иван, а связным — дьячок Федор Попов; в Унже посадский поп Андроников скликал народ и оглашал «воровское письмо»; в отчине князя Одоевского «бунт заводили» поп Клим и дьячок Федор Федотов; во главе 15 тыс. восставших Козьмодемьянского уезда и в ряде других мест стоял разинский атаман Илья Иванов, сын пономарев (он же Попов); игумен Троицкого монастыря Тамбовского уезда был вместе с восставшими, собравшимися в монастыре, и т. д. [43].

Районом наибольшего накала крестьянского движения в Нижегородском Поволжье стали села Лысково, Мурашкино, Ворсма, Павлово, Богородицкое. Их район впоследствии на протяжении двух столетий являлся одной из основных баз раскола. На Волге форпостом «нововерия» был Макарьев-Желтоводский монастырь, располо-

---

[39] «Крестьянская война...». Т II, ч. 1, стр. 367.

[40] «Записки иностранцев о восстании С. Разина», стр 113.

[41] «Крестьянская война . ». Т III М. 1962, док. №№ 114, 177; т. II, ч 1, док №№ 123, 147, 176, 193, 273, 327

[42] Там же. Т. II, ч 1. док. №№ 164, 167.

[43] Там же, док №№ 32, 91, 202, 215, 242, 244, 264, 270, 285, 288, 348.

женный на левом берегу реки, близ устья Керженца, напротив села Лысково. Керженец хорошо известен в истории раскола. Его леса служили укрытием для раскольничьих скитов, которые после разинского восстания оказались всероссийским центром старообрядческой церкви и оставались им до середины XVIII в., когда уступили свою роль черниговскому Стародубью и Ветке, а затем южноуральскому Иргизу, связанным со староверами-пугачевцами. Не удивительно, что именно в этом районе Поволжья отряды восставших находили горячую поддержку. Их встречали с попами, иконами и хоругвями. Подобно тому, как правительственные войска осаждали Соловецкую обитель, поволжские крестьяне, благословляемые своим духовенством, бросались на неприступные твердыни Макарьевского монастыря. Когда штурм не удался, в монастырь пробрались с «воровским письмом» два попа, «воровские» же, как сообщает источник. Что произошло в монастыре, мы не знаем, но только с их появлением архимандрит и наиболее «верные» властям старцы бежали, о чем черный поп Лаврентий Гудок известил лысковских крестьян. Тут 6 тысяч восставших бросились на штурм и овладели монастырем.

При подавлении Крестьянской войны население этого и примыкающих к нему районов особенно пострадало. Местные жители укрывались в лесах, где «воровские люди, поделав себе крепости, жили с женами и детьми» [44]. Их коренные села приказано было разорить и сжечь. Схваченных казнили, предварительно пытая огнем. После разгрома восстания в селе Мурашкине, например, было сожжено 394 двора и только 12 оставлено. Как истые раскольники, многие мурашкинские крестьяне с детьми и женами сами сжигали себя в срубах. Восстание на Волге горячо волновало заточенного Аввакума. Еще весной 1670 г. он писал к раскольнице Маремьяне Федоровой: «Как там братия наша, еще ли живы или все сожжены? Бог их, светов моих, благословит и живых и мертвых...». И, обращаясь к богу, взывал: «Собери нас под крыло свое, воедино всех наших! Удержи дьявола, да и не поглотит наших никого же!» [45]. Вот почему именно в дни самой напряженной борьбы с восставшими, 14 апреля 1670 г., мятежный протопоп был посажен в земляную тюрьму в Пустозерске. Но и в темницу проникали слухи о поражении восставших: «А по Волге той живущих во градех, и в селах, и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч нехотящих принять печати антихристовы ...упокой, господи, души раб своих, всех пострадавших от никониан»,— писал после подавления восстания Аввакум [46].

После разгрома Крестьянской войны несколько сот разинцев бежали с Волги и Дона в Соловки. Влившись в ряды защитников Соловецкой обители, они вместе с ними продержались до 1676 года. Таким образом, соловецкая эпопея послужила как прологом, так и эпилогом Крестьянской войны. А в войске Донском вновь занял пост атамана К. Яковлев. С выражением покорности писал он царскому правительству: «Многие, государь, наши братья на истинный путь и в чувство пришли, и от воровства престали... и нам, холопем твоим, всему войску донскому вины свои они принесли. И животворящим, государь, крестом с нами знамсновалися на том, государь, что им с нами сопча за дом пресвятые богородицы и за московских чудотворцев и за тебя великого государя... стоять и служить по прежнему... на том, государь, животворящим крестом и знаменовались» [47]. Мы уже знаем, что формула «за дом пресвятые богородицы и за московских чудотворцев» — формула староверов. Действительно, донское казачество в своей массе блюло старообрядчество долгое время.

Разинцы-астраханцы участвовали в Московском восстании 1682 г., а в 1688 г. донские казаки-раскольники «хотели... воровать, как Стенька Разин» [48]. Позже они выступали под старообрядческим знаменем К. А. Булавина. Еще и при Александре I донской атаман М. И. Платов с казаками исповедовал старую веру. В свою очередь, «жестокость при подавлении восстания, разорение и перспективы усиления крепостничества благоприятствовали распространению раскола»,— резюмировали

---

[44] Там же, стр. 266, 294; «Записки иностранцев о восстании С. Разина», стр. 112.
[45] «Житие протопопа Аввакума», стр. 239.
[46] Там же, стр. 126
[47] «Крестьянская война...». Т. II, ч. 2, док. № 74.
[48] В. И. Буганов. Степан Тимофеевич Разин. «История СССР», 1971, № 2, стр. 74.

А. А. Новосельский и Н. С. Чаев [49]. С этим нельзя не согласиться. Говоря об антифеодальных средневековых движениях, Ф. Энгельс отмечал: «Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» [50]. Вместе с тем не следует и идеализировать крестьянские восстания, как бы ставя крестьян впереди их борьбы. «Крестьяне боролись не столько «за», сколько «против», не столько за ясную цель, сколько против врагов» [51]. И все же они, расшатывая устои старого, объективно содействовали становлению нового.

---

[49] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 310—311.
[50] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М. 1952, стр. 33.
[51] Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М. 1964, стр. 313—314.

ПРИЗЫВНОЕ СЛОВО КОММУНЫ

Н. П. Ефремова

18 марта 1871 г. мир узнал о создании первого в истории правительства, которое поставило своей целью политическое и экономическое освобождение рабочих. В Париже власть перешла к Коммуне, печать которой ярко и остро пропагандировала революционные устремления трудящихся, отстаивала их твердое намерение преобразовать старое общество. В статье, напечатанной в центральной газете Коммуны «Le Journal officiel», говорилось, что Коммуна — это «конец старого режима, конец милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа монополий, привилегий, то есть всего того, чему пролетариат обязан своим рабством, а родина — своими бедствиями и страданиями» [1].

Коммунары первоначально верили в мирное развитие революции. Они наивно надеялись, что выборы, которые «узаконят» революционную власть, склонят классовых врагов к признанию за красным Парижем права «управлять собой» и подавать пример всей Франции. Участник Коммуны Ю. Лакс отмечал, что Париж «не представлял из себя вид осажденного города, что жизнь кипела ключом, всюду толпы народа всевозможных классов, веселье и беззаботность полные, пенье, музыка, ликование» [2]. Другой участник революции, Г. Инар, вспоминал, что «в прокламациях Коммуны, расклеенных на всех перекрестках Парижа, было много благородства и спокойного достоинства, но мало призывов к наступлению на врага» [3]. Этот мирный настрой отразился тогда не только в официальных документах Коммуны, но и в статьях ее газет. На их страницах настойчиво повторялись призывы «перековать мечи на орала».

Отсутствие зрелой пролетарской партии, недостаточное распространение марксизма в среде французских социалистов мешали освобождению коммунаров от гибельных иллюзий [4]. Нельзя, конечно, не придавать значения тому обстоятельству, что коммунары усиленно пропагандировали свои миролюбивые настроения для того, чтобы эффективнее разоблачать агрессивные намерения бежавших в Версаль реакционеров, чьи замыслы поначалу старательно маскировались. Версальская пресса писала, будто парижские рабочие выступают «за войну без конца», надеясь постоянно получать деньги за участие в национальной гвардии. Те же газеты пустили в оборот лживую версию о том, что коммунары ведут гражданскую войну на руку иностранным державам.

И по этим причинам, и просто заблуждаясь, коммунары сначала избегали публично говорить и писать о гражданской войне. Это продолжалось до тех пор, пока вооруженная борьба не приняла очевидных форм. Только после обстрела Парижа версальской артиллерией (2 апреля) коммунары во всеуслышание признали: «Революция действительно не может обойтись без гражданской войны. Требуется только одно — чтобы вели ее настоящие революционеры» [5]. С этого момента роль газет в вооруженной защите революции значительно активизируется. Их задачи обсуждают на заседаниях Коммуны. Член одной из комиссий Ф. Курне говорил о насущной потребности Коммуны иметь, помимо газеты «Le Journal officiel», и другие периоди-

---

[1] «Протоколы заседаний Парижской Коммуны». Т. I М 1959, стр 220—221.

[2] Ю. Лакс. Воспоминания участника Парижской Коммуны. «Красная нива», 1925, № 11, стр. 246.

[3] Г. Инар. Мои воспоминания о Коммуне 1871 г. «Молодая гвардия», 1932, № 4, стр. 112.

[4] См. подробнее: А. З. Манфред. Революционное правительство Центрального Комитета национальной гвардии. «История Парижской Коммуны 1871 г.». М. 1971, стр. 237—246.

[5] «La Montagne», 10.IV.1871.

ческие издания, «способные стимулировать энтузиазм масс и их боевой порыв, ибо Коммуна погибнет, если защитники не поддержат ее со всем пылом и страстностью» [6].

Грозная действительность заставила руководителей Коммуны вплотную заняться преобразованием «армии революции» в силу, способную вести настоящую борьбу. Вооружив широкие массы трудящихся, Коммуна заложила основу такой армии, а революционные газеты активно помогали ей в этом преобразовании. Такой их роли благоприятствовало то обстоятельство, что многие публицисты сотрудничали не только в печати, но и в военном аппарате Коммуны. Поэт и журналист Ж.-Б. Клеман из газеты «Le Cri du peuple» («Клич народа») и П. Везинье из газеты «Paris libre» («Свободный Париж») являлись одновременно уполномоченными Коммуны по вопросу снабжения армии и проявили на этом поприще большие организаторские способности. Боевая и публицистическая деятельность ряда коммунаров давно уже тесно переплеталась. Следует вспомнить, что еще во время восстаний 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г. в рядах атакующих шли те, кто буквально накануне работал над статьями, готовя их для очередного номера газеты. Во время Коммуны эта традиция окрепла и стала делом государственной важности.

О задачах вооружения народа и обороны Парижа писали такие популярные издания Коммуны, как газета Г. Марото «La Montagne» («Гора»), газета публициста и писателя Ж. Валлеса «Le Cri du peuple» и особенно острая на боевые выступления газета «Le Père Duchêne» («Отец Дюшен»). Революционная печать видела свой долг в том, чтобы всколыхнуть и мобилизовать на защиту идеалов Коммуны весь Париж, не дать горожанам попасть в трясину обывательских настроений (а ведь именно на это делала ставку версальская пропаганда). Известно, что в Париже жили имущие и другие слои населения, ненавидевшие Коммуну или равнодушные к ней. Среди мелкой буржуазии имелось немало людей, хотевших воспользоваться лучшими плодами революции, но вовсе не стремившихся разделить с Коммуной ее заботы и участвовать в упрочении революционных завоеваний. «Действуйте, граждане Коммуны,— призывали газеты,— заставьте каждого исполнить свой долг»; «Пусть Коммуна без снисхождения отнесется к тем, кто мнит себя республиканцем лишь потому, что надел форму» [7]. Коммуна приняла декрет «О всеобщем подъеме» — обязательной военной службе. Одобряя его, та же газета писала: «Мы с большим удовлетворением восприняли решение Клюзере (военного делегата Коммуны.— *Н. Е.*), призвавшего под ружье всех холостяков... Парижу угрожают, и он обязан защищаться. Клюзере тысячу раз прав, объявив всеобщий подъем» [8]. Но декрет от 5 апреля не решал проблему до конца. Вне национальной гвардии оставались парижане старше 40 лет, включая наиболее стойкие революционные кадры, получившие закалку и воинскую выучку еще во время революции 1848 года [9]. Имелись в декрете и недомолвки. Так, в статье «Массовый подъем» газета «Le Cri du peuple» отмечала, что декрет ничего не говорит о привлечении в армию служителей культа, которые, пользуясь снисходительностью Коммуны, избегают военной службы. Газета «La Rèvolution politique et sociale» («Политическая и социальная революция») от имени Комитета бдительности настаивала на том, чтобы в ряды национальной гвардии в обязательном порядке зачисляли служащих железных дорог и административных учреждений.

Однако декрет не всегда выполнялся. Газеты доводили до сведения Коммуны факты саботажа. Печать получала такие сигналы в письмах трудящихся, в резолюциях, принятых пролетарскими клубами и другими массовыми организациями, которые активно действовали в революционном Париже. Рядовые коммунары возмущались тем, что от военной службы уклоняются лавочники и лица без определенных занятий. Газеты «Le Fédéraliste» («Федералист») и «Paris libre» ставили вопрос об ограничении выезда из Парижа, поскольку свободный выезд усиленно использовался как дезертирами, так и версальскими шпионами. Присущее пролетариям великодушие удваивалось радостью мартовской победы, и многим из них положение Парижа пред-

---

[6] E. Reclus. Commune de Paris au jour le jour. P. 1908, p. 249.
[7] «L'Action», 4, 6.IV.1871.
[8] Ibid., 6.IV.1871.
[9] Подробнее см.: С. Красильников. Боевые действия Парижской Коммуны 1871 г. М. 1935.

ставлялось в розовом свете. Даже национальные гвардейцы, специально уполномоченные контролировать выезд из Парижа, не всегда проявляли бдительность и не раз позволяли врагам ускользать. Так, когда редактор реакционной газеты «Paris-Journal» А. де Пэн, не раз клеветавший на Коммуну, задумал скрыться из Парижа, ему не составило труда обмануть стоявшего на посту гвардейца, который даже не проверил его документов. А выступления органов печати, призывавших Коммуну ограничить право выезда из Парижа, прозвучали с запозданием. Только 16 мая, за несколько дней до вторжения версальцев, в «Paris libre» было опубликовано от имени клуба Сен-Северен требование закрыть ворота Парижа, и лишь 22 мая, когда версальцы уже вступили в Париж, «Le Fédéraliste» сообщал, что 20 мая на вокзалах Парижа прекращена продажа билетов гражданам в возрасте до 40 лет; «мы очень сожалеем, что эту меру Коммуна не осуществила хотя бы двумя неделями раньше». Именно под давлением общественного мнения Коммуна издала декрет о борьбе с дезертирством, и затем последовало ее решение об организации военных судов.

Многие трудности, испытанные тогда Коммуной, объяснялись новизной ее задач. Так, перед нею встала, в частности, проблема использования революционной энергии и инициативы масс в сочетании с правилами военных действий, вытекавшими из того, что предписывала классическая военная наука. Иначе, чем прежде, встал вопрос о дисциплине в рядах армии, о подчинении рядовых командирам, которых избирали из своей среды сами национальные гвардейцы. «Если выборы осуществлены осознанно,— писала одна из газет,— то национальные гвардейцы обязаны доверять своим избранникам... Недисциплинированный отряд в конечном счете может превратиться в банду разбойников» [10]. Обращаясь к национальной гвардии, печать Коммуны не забывала в то же время воспитывать граждан Парижа в духе укрепления его обороноспособности. Эта задача была важна и потому, что оборонные мероприятия порою ухудшали функционирование коммунальных служб, нарушали привычный ритм жизни большого города и могли вызвать недовольство у части населения.

Несомненной заслугой печати Коммуны представляется ее внимание к использованию различных видов вооружения. Газета «La Commune», например, советовала ввести в действие канонерки на Сене, и это предложение использовали. Газета П. Груссе «L'Affranchi» («Освобожденный») потребовала принять на вооружение бронированные вагоны, которые уже применялись в ходе франко-прусской войны. Газеты «La Montagne», «Le Cri du peuple» и другие оповещали Коммуну о запасах оружия, брошенного армией при бегстве в Версаль, и отмечали изобретателей нового оружия. Так, писалось о механике из Батиньоля, который просил Коммуну поскорее провести испытание усовершенствованного им снаряда, и газета торопила военное министерство с ответом на его предложение. Газеты не раз критиковали военное ведомство Коммуны за недостаточную распорядительность. Например, упрекался Клюзере за то, что артиллеристам постоянно приходится самостоятельно заботиться о доставке боеприпасов; предъявлялись претензии к деятельности интендантства, и его безынициативный начальник был отстранен от должности; печать возмущалась тем, что в Нейи «присылают пушки без боеприпасов», и в результате вместо того, чтобы вести артиллерийский обстрел, «национальные гвардейцы вынуждены ходить в штыковую атаку» [11].

Как уже отмечалось в исследованиях, посвященных Коммуне, важная роль в производстве оружия принадлежала рабочим объединениям. Литейщики создали ассоциацию по изготовлению метательных снарядов. Через газету «La Révolution politique et sociale» они призвали всех парижан, занятых производством оружия, проявить высокую сознательность и удвоить свои усилия. Коммуна вообще воспитывала идейную убежденность и боевой дух защитников революции. «Нельзя сражаться без любви к тому, что защищаешь»,— резюмировала «La Montagne». Газета «La Nouvelle République» («Новая республика») подчеркивала, что, хотя у парижан всего «пять сотен пушек и минимум боеприпасов», армия Коммуны «знает, чего она хочет»; сейчас «два мира стоят лицом к лицу: с одной стороны — мир прошлого, несправедливости и привилегий, а с другой стороны — мир будущего, мир равенства... Па-

[10] Цит. по: Н. М. Лукин. Избранные труды. Т. 3. М. 1963, стр 194.
[11] «L'Affranchi», 22.IV.1871; «Le Cri du peuple», 10, 12, 23.IV.1871.

риж олицетворяет этот новый мир»; в революционных газетах встречаются запоминающиеся слова о высокой цели, стоявшей перед национальной гвардией: «Главное — спасти республику». Печать выражала уверенность в том, что «славные федераты знают — Франция на них надеется, и поэтому, несмотря на ярость врагов, Париж твердо стоит на защите завоеваний республики» [12].

Однако в ту пору великое значение дела Парижской Коммуны далеко не всем передовым людям было ясно, признавалось ими и пропагандировалось. Это обстоятельство отчасти объяснимо в условиях, когда французская провинция не поддержала коммунаров так активно, как то было необходимо. Но, хотя «немалое число рабочих других городов боролось против них в войсках белогвардейцев и подавляло парижских рабочих. Это не мешало сознательным социалистам утверждать, что парижские коммунары представляют собой весь пролетариат, т. е. все, что есть лучшего, честного» [13],— писал В. И. Ленин. Несомненно, пропаганда дела Коммуны имела немалое значение для разоблачения той лжи в версальской прессе, которая оказывала влияние на определенные слои городской мелкой буржуазии и крестьянства.

В парижских газетах часто подчеркивался интернационализм Коммуны. Его наглядным примером и практическим воплощением являлось участие в Коммуне иностранных граждан. Версальская пропаганда не замедлила оболгать отважных сынов и дочерей международного пролетариата: их стремились представить иностранными агентами и, конечно (как всех коммунаров), уголовниками, «отбросами общества». Но ни один сознательный человек не поддался клевете. А сами коммунары — бельгийцы и итальянцы, поляки и русские — говорили и писали, что в рядах Коммуны они сражаются не только за свободу Франции, но и за освобождение своей родины. В сердцах иностранных участников Коммуны зрела надежда на победу республики трудящихся во всемирном масштабе. «Доброе утро, свобода! Доброе утро, революция! Пролетариат поднимается... Его победа будет триумфом братьев по классу во всем мире»,— писала одна из газет [14]. Коммуна приняла и осуществила декрет о свержении Вандомской колонны, этого «памятника милитаризму и захватническим войнам», как его называли в революционной печати. Коммунары заявили, что они не допустят больше, чтобы в Париже воздвигались монументы, прославляющие завоевательные войны. Коммунары заверили, что они никогда не нарушат суверенитета других стран.

Для трудящихся парижан в те дни огромное мобилизующее значение имели известия о поддержке их борьбы зарубежным пролетариатом. Используя любую возможность, иногда через доверенных лиц, чаще из информации в провинциальных газетах, которые могли пользоваться почтовой связью и телеграфом, печать Коммуны извлекала сведения о митингах, собраниях и других выступлениях в защиту Мартовской революции со стороны рабочего класса Германии, Англии, Италии, Бельгии и других стран. Эти публикации вдохновляли мужество и стойкость коммунаров. Воспитанию героизма в массах парижская печать придавала большое значение. Всеобщую гордость вызывало у революционеров правительство Коммуны, члены которого подавали пример отваги и самоотверженности. «Каждый день члены Коммуны выезжают на аванпосты и сражаются как простые солдаты»,— отмечали газеты; «в течение всего дня 10 членов Коммуны, делегированных ею на аванпосты, находились там, где развернулось сражение; они вдохновляли защитников Коммуны, поддерживали их боевой дух» [15]; в их числе был и газетчик Ж.-Б. Клеман, который произнес пламенную речь, обращенную к бойцам Шан-де-Марс [16].

Печать отдавала должное лучшим военачальникам Коммуны и командирам национальной гвардии. С теплотой и признательностью отзывались коммунары о Я. Домбровском: отмечались победы, одержанные национальной гвардией под его руководством, подчеркивались доверие и бесконечное уважение бойцов к своему генералу за его бесстрашие, скромность, заботу о людях, готовность к самопожертвова-

[12] «La Nouvelle République», 23.II 1871; «Paris libre», 18.IV.1871.
[13] В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 10.
[14] «La Révolution politique et sociale», 2.IV.1871.
[15] «La Montagne», 23.IV.1871; «L'Affranchi», 5.IV.1871.
[16] «Le Cri du Peuple», 9.IV.1871.

нию. Несколько статей было посвящено Г. Флурансу, отважному командиру, погибшему 4 апреля во время похода на Версаль. Газеты с одобрением писали о мужестве Э. Ф. Д. Эда, который руководил обороной форта Исси [17]. Отмечалось, что те, кто пришел в Коммуну, движимые честолюбием или по другим корыстным мотивам, уже успели снять свои красные шарфы, этот символ принадлежности к революционной когорте. С Коммуной оставались самые стойкие вожаки, готовые сражаться до конца и умереть за высокие идеалы трудового народа [18].

Газеты с тревогой воспринимали смену военного руководства Коммуны, в частности отставку совершившего ряд ошибок Г. П. Клюзере, а затем и Л. Н. Росселя с поста военного делегата. В исследованиях, посвященных этому вопросу, уже отмечалось, что отставка Росселя взволновала газеты больше, чем падение форта Исси, которое ставилось в вину военному делегату [19]. Революционные газеты разоблачали ложь и клевету реакции по адресу преданных народу деятелей Коммуны. Ложь приняла невиданные размеры. Реакционная печать приписывала военным специалистам Коммуны что угодно: измену родине и участие в уголовных преступлениях, бездарность и корыстолюбие. Эта клевета имела целью подрыв веры защитников Парижа в их вождей, дезорганизацию рядов революционной армии. В этих условиях было необходимо неустанно защищать честное имя тех, кто вел национальную гвардию в решающий бой.

Каждый день борьбы Коммуны был отмечен мужеством и героизмом рядовых коммунаров. Их стойкость оказалась поистине непревзойденной. «Истекающий кровью» Париж оставался городом, который был окрылен «вдохновенным сознанием своей исторической инициативы» [20]. Коммунары шли на битву, по их собственному признанию, как на праздник. Революционные газеты призывали читателей писать о смелости и стойкости, проявленных при защите Коммуны. И бойцы охотно откликались на зов газет. За всю прежнюю историю печати никогда еще не обращались к трудовому народу, к рядовым бойцам с таким почетным предложением. И это побудило взяться за перо и рабочих, и национальных гвардейцев. «Le Cri du peuple» Ж. Валлеса помещал такие письма в специально отведенном для них разделе, на видном месте газетной полосы.

Подвиг коммунаров был по-настоящему массовым. Особое внимание газеты уделяли национальным гвардейцам, находившимся на самых ответственных участках обороны — в Нейи и Ванве, Аньере и Исси. В форте Исси, писал «L'Affranchi», гвардейцы установили батарею прямо под огнем противника. Особенно отличился лейтенант Реньяр, проявивший самообладание, распорядительность и смелость. На следующий день та же газета свидетельствовала о том, что в Аньере гвардейцы возвели укрепление под прямым обстрелом, причем некоторые бойцы пали смертью храбрых. Очевидцы из буржуазных кругов и буржуазные историки не раз с удивлением, иногда искренним, а иногда притворным, отмечали невиданное мужество коммунаров. «Отчего в гражданских войнах люди делаются более храбрыми, отчего те, кто бежал перед пруссаками, способны героически погибнуть от руки своих сограждан?» — спрашивал писатель Э. Гонкур и давал ответ: причина состоит в том, что «в нынешней войне народ заправляет сам военной кухней, сам руководит ею»; поэтому бойцов «ничто не утомляет, не обескураживает. От них можно добиться всего, даже героизма» [21].

В самые грозные для революции дни на призыв Коммуны откликались не только мужчины — под ружье становились целыми семьями. Этот небывалый факт революционная печать отмечала особо, как яркое и убедительное доказательство того, что дело Коммуны — общенародное. «Мы увлечем за собой наших жен и детей; ...позади горы трупов всегда останется достаточно защитников» [22],— писали рядовые

---

[17] «La Montagne», 9.IV.1871; «Le Cri du Peuple», 6.IV.1871; «L'Affranchi», 11.IV.1871.

[18] «La Montagne», 9. 11.IV.1871.

[19] А. И. Молок. Военная организация Парижской Коммуны и делегат Россель. «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 145.

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр 353.

[21] Э и Ж. де Гонкур. Дневники. Записки о литературной жизни. Т. II. М. 1964, стр 125.

[22] «Le Cri du peuple», 5.IV.1871.

коммунары. Наряду со взрослыми, не уступая им в храбрости, сражались подростки. В газете «L'Estafette» («Эстафета») рассказывалось о юноше, который стоял на посту 10 суток подряд. Вражеский снаряд настиг его, и этот гражданин Коммуны пал с возгласом «Да здравствует республика!». В одном из батальонов некий гаврош вызвался проверить, не занята ли версальцами ближайшая баррикада. Он вспрыгнул на укрепление и обнаружил там врагов. Изо всех сил закричал он товарищам: «Не приближайтесь! Я взят в плен!» Мужество мальчугана, который погиб, спасло жизнь национальным гвардейцам, которых могли бы расстрелять в упор [23].

К защитникам Коммуны присоединялись женщины. Всеобщее одобрение заслужила гражданка Ляшез из 36-го батальона. «Мы счастливы объявить ей об этом,— писали знавшие ее бойцы.— Трое суток подряд эта храбрая дочь народа бесстрашно участвует в сражениях и оказывает помощь раненым. Она одновременно и боец, и санитарка» [24]. Поддержка Коммуны многими женщинами говорила об их идейной убежденности и преданности революционным идеалам. В те дни женщин Парижа волновало много разнообразных вопросов: будут ли назначаться пенсии за погибших национальных гвардейцев? Выдадут ли беднякам вещи из ломбарда? Предоставят ли жилье тем, кто ютится в подвалах или лишился крова из-за обстрела Парижа версальской артиллерией? Уберут ли монахинь из приютов и школ? Но в конце апреля и особенно в мае как на собраниях, так и в печати на первый план выступило обсуждение общей роли женщин в обороне Парижа. Революционная печать помогала им найти конкретные формы участия в защите революции. Через газеты поступило предложение, чтобы женщины обслуживали походные кухни и шили обмундирование для бойцов национальной гвардии. Коммуна призвала женщин вступать в санитарные батальоны. Печать сообщала адреса пунктов, где началась запись женщин-добровольцев в ряды гвардейцев.

Поддерживая решения Коммуны, женщины писали, что «их жизнь целиком принадлежит революции; что они будут перевязывать раны, а если потребуется, то возьмут ружье» [25]. Печать обнародовала устав «Союза женщин в защиту Парижа и помощи раненым», где подробно излагались задачи женщин. Лучшие журналисты Коммуны не обошли вниманием этот вопрос. Среди них была журналистка-социалистка Андре Лео. Она писала о большом моральном значении участия женщин в отрядах национальной гвардии: «Когда дочери, жены и матери будут сражаться бок о бок со своими сыновьями, мужьями и отцами, тогда Париж охватит единая страсть к свободе» [26]. Лео помогла женщинам Монмартра обратиться в газету с письмом, в котором они свидетельствовали о своей преданности революции и выражали желание подтвердить ее делом. В статье, озаглавленной «Все со всеми», Лео доказывала полную противоположность патриотизма гражданок Коммуны тем националистическим чувствам, которые пыталось пробудить в женщинах правительство национальной обороны во время франко-прусской войны.

Голос той же Лео прозвучал в защиту женщин, когда стали известны факты отстранения их от участия в национальной гвардии. Лео обращалась к командованию, доказывая его заблуждение, и ссылалась на пример рядовых бойцов, которые с благодарностью восприняли помощь парижских женщин. Ободряющим словом, юмором, умением без жалоб переносить трудности женщины поддерживали защитников Коммуны. И в данном случае она поддержала выступление газеты, а военный делегат Россель попросил Лео подробно изложить план участия женщин в обороне города [27]. Сплочению женщин помогали несколько революционных газет, в том числе центральные «Le Journal officiel», «Le Vengeur» («Мститель»), «Le Père Duchêne», а особенно «La Sociale» («Общественная») и «Le Cri du peuple».

Порою в газеты Коммуны проникали примиренческие настроения. Так, в апреле «Le Cri du peuple» опубликовал призыв к объединению женщин «всех классов» и к умиротворению воюющих сторон. Однако вскоре он же решительно поддержал парижанок как «боевой отряд»: «Наивен тот, кто считает себя незаинтересованным.

---

[23] «L'Estafette», 23 IV.1871.
[24] «Le Cri du peuple», 8.IV.1871.
[25] «La Sociale», 25.IV.1871; «Le Cri du peuple», 26.IV.1871.
[26] «La Sociale», 12.IV.1871.
[27] «La Sociale», 9.V.1871.

Преступен тот, кто хочет быть нейтральным» [28]. «Гражданки! Вызов брошен! Надо победить или умереть!» — призывали газеты, разъясняя, что для женщин есть только один путь спасения их детей, братьев и мужей — активное участие в защите Коммуны. Подвиг парижанок производил большое впечатление на иностранных очевидцев. Зарубежные корреспонденты опубликовали в те дни ряд сообщений о женщинах революционного Парижа. А печать Коммуны перепечатывала эту информацию. Со ссылкой на лондонскую «The Times» газета «La Montagne», например, рассказывала о том, что в форте Исси, одной из самых горячих точек обороны, сражается гражданка Эд, жена генерала Коммуны. Иностранный корреспондент отмечал ее хладнокровие в бою, храбрость, меткость глаза, преданность делу революции [29]. Эмоциональное воздействие таких материалов было очень значительно.

В пропаганде славных дел печать Коммуны не была одинокой. Имена героев значились в афишах [30], выходивших нередко с большей оперативностью, чем газеты. Коммуна приняла также декрет о введении в каждой мэрии почетных книг, в которые должны были вноситься имена граждан, отличившихся в боях за республику и свободу. Значительную организующую роль сыграла печать Коммуны в дни подготовки к баррикадным боям. Коммунары возлагали большие надежды на укрепления, сооружаемые внутри города, так как опыт прежних революционных битв показал их эффективность. Напомним, что, анализируя складывавшуюся первоначально ситуацию, Ф. Энгельс тоже считал, что, если версальской армии «удастся взять крепостной вал, то за ним находятся баррикады, на которых предстоит борьба, какой еще никогда не бывало» [31]. Эта же мысль не раз повторялась революционными газетами, воспитывая в парижанах понимание важности и необходимости вооруженного сопротивления врагу на улицах города.

Бо́льшую часть из 600 баррикад коммунары возвели, когда версальцы были уже в самом Париже. Однако их сооружение началось еще в апреле. Оно постоянно находилось в поле зрения революционной печати. Некоторые газеты отводили этой хронике особое место, обсуждали различные проекты баррикад, освещали деятельность Баррикадной комиссии и участие населения в строительстве, перечисляли материалы, пригодные для дела. «Булыжники мостовых могут быть использованы для сооружения баррикад,— писал «L'Affranchi».— Но нельзя забывать, что камни следует хорошенько укрывать слоями земли, иначе при обстреле баррикад осколки булыжников причинят немало вреда». «La Montagne» рекомендовала укладывать вперемежку слои булыжника и мешки, заполненные песком. Еще одна газета советовала разобрать все мостовые, тогда осколки вражеских снарядов будут менее опасны, а булыжники пригодятся в бою [32].

16 мая пролетарские клубы Парижа обратились через газеты с призывом закончить возведение баррикад за двое суток, ибо штурм Парижа версальцами ожидался в ближайшие дни. На улицы столицы вышли люди от мала до велика. Случайных прохожих останавливали настойчивым вопросом: «Где ваш булыжник, гражданин?» Газеты ярко повествовали об энтузиазме, охватившем строителей баррикад. Когда войска реакции ворвались в Париж, газеты вышли с единым призывом: «На баррикады!» Этот лозунг был напечатан самым крупным шрифтом, который имелся в типографиях, так что газеты походили тогда скорее на афиши.

Публицисты Коммуны вообще прилагали большие усилия к тому, чтобы в сложной обстановке точно, оперативно и подробно информировать население о положении города. Революционное правительство с первых дней существования придавало большое значение гласности и разъяснению своих намерений, решений и действий. Это стремление к активному использованию печати сохранялось до конца Коммуны и ка-

---

[28] «Le Cri du peuple». 2.V.1871.

[29] «La Montagne», 17.IV.1871.

[30] См. о них: С. М. Маневич. Говорят стены Парижа. (Политические афиши Парижской Коммуны.) «Новая и новейшая история», 1976, № 2.

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 628.

[32] «L'Affranchi», 14.IV.1971; «La Montagne», 1.IV.1871. Об использовании баррикадного опыта 1871 г. большевиками в тактике уличных боев см. В. А. Дунаевский. В. И. Ленин и военный опыт Парижской Коммуны. (О русском переводе мемуаров Клюзере). «Борьба классов и современный мир». (Рабочий класс и массовые общедемократические движения.) М. 1971.

салось пропаганды фактов не только позитивных, но и неблагоприятных. В таких случаях революционная печать помогала предотвратить влияние версальской прессы. Характерен следующий эпизод, имевший место на заседании Коммуны, которое проходило после трагических событий в форте Мулен-Саке. Стало известно, что гарнизон форта был предан, захвачен в плен и зверски уничтожен. Узнав о случившемся, секретарь Коммуны Ш. Амуру (уполномоченный по связи с печатью) начал настаивать на необходимости известить парижан о происшедшем и сказать им о специальных выводах, сделанных Коммуной. Следует, считал он, опустить лишь некоторые подробности, публикация которых могла бы нанести вред делу обороны [33].

Читая парижские газеты весны 1871 г., можно прийти к выводу, что гласность в ряде случаев оборачивалась против самой Коммуны, например, когда газеты помещали сведения о запасах оружия, о новых средствах обороны. Не случайно 1 мая военный делегат Россель издал приказ, запрещавший публиковать данные о вооруженных силах Парижа. В то же время справедливо будет говорить о чувстве высокой ответственности, которое руководило революционными публицистами и редакторами газет в условиях гражданской войны: «Пушки грохочут, льется кровь... В такой ситуации любая ошибка, любое заблуждение равносильно преступлению,..— писала газета «Друг народа».— Мы за все лично в ответе... Ради единства мы обязаны держать друг друга в курсе всех своих мыслей и настроений» [34]. В грозные дни мая те, кто стоял у руля революционной власти, нашли в себе силы, чтобы, несмотря на крайнюю занятость делом обороны и предельную физическую усталость, организовать выпуск новых периодических изданий. Появились такие газеты, как «Le Tribune du peuple» («Народный трибун», 17 мая), «Le Fédéraliste» (21 мая).

В боевых буднях совершенствовалось публицистическое мастерство и профессиональных журналистов и газетных новобранцев — рабочих корреспондентов. «Сегодня не пером, а штыками пишется замечательная история восставшего и победоносного Парижа. Пусть скажут свое слово ружья! Пусть бойцы форта Исси и Аньера редактируют нашу республиканскую газету!» — сообщалось на страницах печати [35]. Некоторые газеты почти сплошь состояли из коротких информаций, писем бойцов, рапортов командиров. На первой странице подавались особо важные сообщения. Рубрики подчеркивали оперативность информации и значительность сообщаемой новости. Хроника боя печаталась под заголовками «В последний час», «Экстренные новости», «Сражения». Корреспонденты революционных изданий находились на самых горячих участках фронта. «Каждый день,— писала одна из газет,— мы будем печатать по возможности полные и точные сообщения о сражениях. По всей линии мы установили корреспондентские посты» [36]. Один из ведущих рупоров обороны — «La Montagne» мобилизовала на передовую десять своих корреспондентов. 17 апреля, говоря об атаке версальцев, газета «Le Bonnet rouge» («Красный колпак») извещала, что даст более подробное сообщение в следующем выпуске, когда поступит информация от репортеров, посланных туда, где шел бой. В «Le Cri du peuple» периодически поступали корреспонденции А. Верле, сотрудника редакции, избранного командиром 192-го батальона. 16 мая «Le Salut public» получил материалы от корреспондентов, посетивших укрепления от Ванва до Сент-Уэна. Именно со страниц этой газеты прозвучали последние слова Коммуны: «Граждане! Предательство открыло двери врагу. Он в Париже!.. Час великой битвы пробил!».

Воля к победе, верность Коммуне до последнего вздоха объединяли защитников Парижа. Этот настрой отражался в революционной печати — и в статьях и в небольших заметках, написанных, как правило, энергичным языком, пылко и вдохновенно. Враги Коммуны не раз говорили, будто ее газеты помещали только «бодряческие» статьи, тон которых оставался неизменным независимо от обстоятельств. На деле же, читая революционные газеты, часто встречаешь скорбные строки о понесенных потерях, о погибших товарищах, о неудачах. Однако это действительно факт, что громче скорби о павших звучали слова глубокой уверенности в торжестве идеалов Коммуны, надежды на то, что она жила и боролась не напрасно! Само поражение Ком-

[33] «Протоколы заседаний Парижской Коммуны». Т. II. М. 1960, стр. 192.
[34] «L'Ami du peuple», 3.IV.1871.
[35] «Le Cri du peuple», 18.IV.1871.
[36] «Le Salut public», 9.IV.1871.

муны, отмечал Ленин, явилось неизмеримо «меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе» [37].

Коммуна была разгромлена, но ее призывное слово продолжало вдохновлять тех, кто томился в тюрьмах и в изгнании. Палачи революции совершали налеты на типографии и книжные лавки, чтобы истребить все, что несло опасный заряд идей, поднявших рабочий класс на бой. Боялись всякого сколько-нибудь сочувственного слова о Коммуне и конфисковывали даже буржуазные газеты, проникавшие к заключенным. «Если у коммунара находили газету,— вспоминал участник революции С. Майер,— то назначали карцер или кнут» [38]. Лишенные возможности общаться с товарищами, оклеветанные, находившиеся в тяжелейших условиях заключения, коммунары говорили себе: «И все-таки мы видели лицо будущего!» Они верили в пророческие слова, прозвучавшие со страниц одной из газет Коммуны: «Нас будет сто, двести тысяч, потом миллионы» [39]. И сегодня вдохновенное слово Коммуны, опыт ее печати еще несут свою историческую миссию.

---

[37] В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр 81.
[38] С. Майер. В Новой Каледонии. Л. 1926, стр. 32–33.
[39] «Le Cri du peuple», 5.IV.1871.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

Академия наук СССР пополнилась новым отрядом ученых, внесших своими исследованиями большой вклад в развитие советской науки. На общем собрании АН СССР 23 декабря 1976 г. в состав Академии было избрано 15 академиков и 76 членов-корреспондентов.

По Отделению истории в состав АН СССР избраны один действительный член и четыре члена-корреспондента.

В действительные члены АН СССР по специальности «всеобщая история» избран Бромлей Юлиан Владимирович, директор Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, заместитель главного ученого секретаря Президиума АН СССР, 1921 г. рождения, русский, член КПСС, член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, профессор. Ю. В. Бромлей — специалист в области теоретических проблем этнографии и истории культуры народов мира, первобытнообщинного строя, проблем аграрной истории европейского средневековья. Большое внимание им уделяется методологии этнографии как науки, исследующей специфику культуры народов мира, соотношению этнографии с другими общественными дисциплинами. Он является автором более 170 научных работ, в том числе ряда монографий: «Крестьянское восстание 1573 года в Хорватии», «Становление феодализма в Хорватии», «Советская этнография: основные направления» (на английском языке) и др. Особый интерес представляют его работы по теории этноса как культурной общности, опубликованные за последние годы. Итоги исследований по этому вопросу обобщены им в монографии «Этнос и этнография», за которую ему присуждена премия имени Н. Н. Миклухо-Маклая.

Разработка теории этноса, рассматриваемого Ю. В. Бромлеем в качестве основного объекта этнографии, позволила ему уточнить профиль этой науки, в частности, обосновать включение в ее предметную область этнических процессов. Результаты комплексного исследования в данной области получили освещение в вышедшей под редакцией Ю. В. Бромлея и при его авторском участии коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» и ряде других работ. Он участвовал в создании капитальных обобщающих работ по истории Югославии, Болгарии, Венгрии и Польши, а также первого университетского учебника по истории южных и западных славян. Особое место в научной деятельности Ю. В. Бромлея занимает изучение закономерностей истории первобытной формации и возникновения классовых обществ, а также реконструкции различных архаических социальных институтов. В этой связи заслуживают внимания исследования Ю. В. Бромлея, опубликованные в вышедшей под его редакцией книге «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». Ряд его работ опубликован в Югославии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, Вьетнаме, Италии, США, Франции. Ю. В. Бромлей неоднократно представлял советскую историческую науку за рубежом, принимал активное участие в таких международных форумах ученых, как V Международный съезд славистов, VII, VIII и IX Международные конгрессы антропологических и этнографических наук, XIII Международный конгресс исторических наук, и др. Он избран почетным членом Этнографического

общества Венгрии и Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии.

Ю. В. Бромлей ведет большую научно-организационную работу в качестве директора Института этнографии, заместителя главного ученого секретаря Президиума АН СССР, заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР, председателя Научного совета по национальным проблемам, члена редколлегий журналов «Вестник древней истории» и «Природа».

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «история СССР» избран Трапезников Сергей Павлович, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, 1912 г. рождения, русский, член КПСС, доктор исторических наук, профессор. С. П. Трапезников — специалист по истории СССР и особенно истории аграрной политики КПСС, автор свыше 100 работ, сыгравших значительную роль в развитии историко-партийной науки. Среди них такие фундаментальные труды, как «Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях», «Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана», вышедший двумя изданиями двухтомный труд «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос», завершающий многолетние исследования автора. Последовательно разрабатывая аграрную проблему, С. П. Трапезников в своих работах, построенных на изучении и обобщении большого документального материала, научно раскрывает в историческом и социальном плане целостную картину развития аграрных отношений и претворения в жизнь ленинских аграрных программ партии в трех русских революциях, социалистического преобразования сельского хозяйства и политики КПСС в этой области начиная с конца XIX в. и до наших дней. Работы С. П. Трапезникова представляют собой крупный вклад в историографию деятельности В. И. Ленина и Коммунистической партии по разрешению аграрно-крестьянского вопроса в СССР. С. П. Трапезников является также автором многих работ, посвященных разработке и пропаганде актуальных вопросов марксизма-ленинизма, становления и развития коммунистической формации. Им опубликованы выдержавшая два издания монография «На крутых поворотах истории (Из уроков борьбы за научный социализм, против ревизионистских течений)», книги «Общественные науки — могучий идейный потенциал коммунизма», «Интеллектуальный потенциал коммунизма», большое число статей в центральной печати и в теоретических журналах. Труды С. П. Трапезникова получили высокую оценку и широкое признание научной общественности. Они изданы на языках многих народов СССР, а также иностранных языках. Так, книга «На крутых поворотах истории» вышла на английском, испанском, французском и финском языках, была издана в ГДР и ЧССР. С. П. Трапезников — член главной редакции многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», член редколлегии журнала «Вопросы истории КПСС». Большая и плодотворная работа проделана им на посту главного научного редактора и члена авторского коллектива двухтомной «Истории Молдавской ССР», за что ему присуждена Государственная премия Молдавской ССР. За свои научные труды он удостоен золотых медалей ряда зарубежных академий наук и университетов. С. П. Трапезников является государственным и общественным деятелем. На XXIII, XXIV и XXV съездах КПСС он избирался членом ЦК КПСС, является депутатом Верховного Совета СССР седьмого, восьмого и девятого созывов.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «история СССР» избран Пашуто Владимир Терентьевич, заведующий сектором истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР АН СССР, 1918 г. рождения, русский, член КПСС, доктор исторических наук, профессор. В. Т. Пашуто — специалист в области истории СССР периода феодализма, истории внешней политики России дооктябрьского периода, источниковедения и историографии, автор 180 научных работ, в том числе 13 монографий. Наиболее крупными его исследованиями являются «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси», «Александр Невский и борьба русского народа за независимость», «Героическая борьба русского народа за независимость», «Образование Литовского государства», «Внешняя политика Древней Руси». В этих работах и ряде статей В. Т. Пашуто дал разработку комплекса теоретических и конкретно-исторических вопросов становления раннефеодальных обществ и государств, их эволюции в эпоху развитого феодализма, сравнительно-типологическую

характеристику указанных процессов. Он показал роль и истинное значение Древнерусского государства в системе международных отношений. В цикле статей В. Т. Пашуто рассмотрены важнейшие методологические вопросы исторического процесса в феодальной России. Ряд статей он посвятил овладению ленинской концепцией русской истории, проблемам партийности исторической науки. В. Т. Пашуто является автором и редактором «Очерков истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», многотомной «Истории СССР», «Всемирной истории», учебников для высшей школы. Он принимал участие в подготовке сборника статей «Международные связи России (до XVII в.)», сборника «Критика буржуазных концепций истории СССР периода феодализма» и др.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «всеобщая история» избран Рутенбург Виктор Иванович, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, 1911 г. рождения, русский, член КПСС, доктор исторических наук, профессор. В. И. Рутенбург — специалист по проблемам истории Италии и западноевропейского феодализма. Им написано более 160 научных работ, из них 8 монографий. В работе «Очерки из истории раннего капитализма в Италии» на основе документальных данных советских и иностранных архивов В. И. Рутенбургом были изучены методы и формы капиталистической эксплуатации в Западной Европе. В монографии «Народные движения в городах Италии» показаны условия жизни и ранние формы борьбы предпролетариата. Эти исследования способствуют выявлению характерных особенностей современного итальянского капитализма. В монографии «Италия и Европа накануне нового времени» рассматриваются проблемы экономики, внешней политики, классовой борьбы и культуры переходного периода от феодализма к капитализму. В исследовании В. И. Рутенбурга «Титаны Возрождения» комплексно рассматриваются проблемы Возрождения и Реформации. К этой монографии примыкают его работы о Кампанелле, Ванини, Гвиччардини, Макиавелли, а также исследования по истории религиозной идеологии. Эти капитальные исследования подкреплены В. И. Рутенбургом документальными публикациями уникальных источников («Акты Кремоны», «Итальянские коммуны XIV—XV вв.»). Ряд работ В. И. Рутенбурга посвящен проблемам общеметодологического характера и критике современной буржуазной историографии. Многие его труды изданы за границей. В. И. Рутенбург участвовал в написании ряда коллективных трудов, он один из редакторов и авторов «Истории Италии» (Т. I). В. И. Рутенбург — участник многих международных конгрессов и симпозиумов, он избран членом-корреспондентом и почетным членом академического общества отечественной истории Лигурии (Генуя, Италия) и иностранным членом академической Депутации отечественной истории Тосканы (Флоренция). Более 25 лет В. И. Рутенбург ведет преподавательскую работу в Ленинградском государственном университете.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «всеобщая история» избрана Удальцова Зинаида Владимировна, заведующая сектором византиноведения Института всеобщей истории АН СССР, 1918 г. рождения, русская, член КПСС, доктор исторических наук, профессор. З. В. Удальцова — специалист в области истории средних веков, византиноведения, славяноведения и истории поздней античности. Автор около 200 научных работ, в том числе трех монографий. Среди них большое количество исследований по общетеоретическим проблемам феодализма, социально-экономической и политической истории Византии и стран Юго-Восточной Европы, труды по вопросам идеологии и культуры, историографические исследования. Особое внимание в работах З. В. Удальцовой уделено анализу политики Византийской империи в отношении остготов, дана оценка завоевательных войн Византии в Италии и их последствий для населения Апеннинского полуострова, рассмотрены эволюция социально-экономического строя Италии в VI в., проблемы поздневизантийского феодализма, причины падения Византии и истории идейно-политической борьбы накануне завоевания империи турками. Итогом научных исследований З. В. Удальцовой в этой области явились 13 глав в коллективном труде «История Византии». Большое место среди работ З. В. Удальцовой занимают историографические исследования. В ее монографии «Советское византиноведение за 50 лет» рассмотрены основные этапы истории советского византиноведения, дан глубокий анализ важнейших направлений византиноведческой науки и выдвинуты задачи дальнейшего развития этой от-

расли знания. В последние годы ее научные интересы сосредоточены на исследовании византийской культуры раннего периода. З. В. Удальцова более 10 лет возглавляет сектор византиноведения, является заместителем председателя научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» при Отделении истории АН СССР. З. В. Удальцова принимала участие в международных конгрессах византинистов, где выступала с докладами, является вице-президентом Международной ассоциации византинистов и заместителем председателя секции византинистики Национального комитета историков Советского Союза.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «востоковедение» избран Ким Георгий Федорович, заведующий отделом общих проблем современного развития стран Азии и Северной Африки Института востоковедения АН СССР, 1924 г. рождения, кореец, член КПСС, доктор исторических наук, профессор. Г. Ф. Ким — специалист по новейшей истории Кореи и современным проблемам национально-освободительного и рабочего движения в странах Азии. Им опубликовано более 150 научных работ, в том числе 8 монографий. В его монографических трудах и статьях исследуются сложные и малоизученные проблемы истории зарубежного Востока, теории и практики мирового революционного процесса, вопросы социалистического строительства в социалистических странах Азии, национально-освободительного движения. Крупным вкладом в советское востоковедение является его обобщающая монография «Рабочий класс Кореи — руководящая сила народно-демократической революции», в которой на базе революционного опыта Кореи исследуется комплекс проблем, имеющих большое практическое значение для молодых независимых государств Азии, Африки, Латинской Америки. В исследованиях Г. Ф. Кима, посвященных общетеоретическим проблемам национально-освободительного движения, анализируются такие актуальные проблемы современности, как социальные предпосылки и движущие силы национально-освободительной революции, некапиталистический путь развития и революционная демократия в развивающихся странах, национализм и проблемы национальной консолидации и дезинтеграции в молодых государствах, мировой социализм и революционный процесс в странах Азии и Африки. Общим закономерностям социальной революции современности и строительства социализма посвящены монография Г. Ф. Кима «Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока» (написана в соавторстве) и многочисленные статьи. Г. Ф. Ким является одним из научных руководителей крупных обобщающих трудов и исследований (3-томная работа по истории национально-освободительного движения, книга «Общее и особенное в историческом развитии Востока», монография «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока» и др.). Труды Г. Ф. Кима широко известны и изданы за рубежом. Он неоднократно участвовал в международных научных форумах, выступал там с докладами.

* * *

Две вакансии члена-корреспондента Академии наук СССР по специальности «история СССР» остались незамещенными, так как ни один из баллотировавшихся на них кандидатов не собрал необходимого большинства голосов.

В высшей школе

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛОРУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В современных условиях существенным подспорьем для преподавателей общественных дисциплин, включая историю, стали технические средства — кинофотодокументы, диапозитивы, фонограммы речей выдающихся политических и общественных деятелей и т. д. Они вводят студентов в атмосферу изучаемых событий, делают их как бы соучастниками исторического процесса. Технические средства способствуют также распространению преподавательского опыта; записи на пленку лекций ведущих специалистов являются важным методическим пособием для преподавателей, особенно в отдаленных от центра вузах страны.

В течение ряда лет на историческом факультете Белорусского университета в процессе обучения студентов используются технические средства и наглядные пособия. В связи с этим разработаны соответствующие методические приемы, а практические вопросы их применения не раз обсуждались на заседаниях Ученого совета факультета. К сожалению, учебных фильмов и кинодокументов по историческим дисциплинам еще мало, уровень же их зачастую оставляет желать лучшего, ибо предназначаются они прежде всего для средних учебных заведений. Недостаточно обеспечены исторческие факультеты университетов и пединститутов необходимыми диафильмами и диапозитивами. В Белорусском университете в целях применения во время учебного процесса технических и наглядных пособий на историческом факультете созданы учебно-методический кабинет и кабинет технических средств, составлены памятки о методике использования последних. Университет располагает специальной лабораторией по изготовлению учебных фильмов и диапозитивов, а также аудиторией, оснащенной кинобудкой с диапроекторами и кинопроекторами, кодоскопом для проекции записей на экран и электрофоном для проигрывания пластинок. Обеспечена необходимым кинооборудованием еще одна из аудиторий факультета. Технические средства применяются и в других его лекционных залах.

В использовании техсредств в процессе преподавания наибольший опыт накоплен кафедрой археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин. Так, систематическое применение этих средств при преподавании археологии осуществляется уже более 15 лет. К настоящему времени диа- и кинофонд кафедры содержит около 500 диапозитивов, ряд кинофрагментов и кинофильмов, отснятых при проведении археологических исследований. Практика показала, что наиболее эффективным средством, дополняющим лекционный курс, являются диапозитивы с изображениями археологических памятников, вещевого материала, репродукции рисунков, схемы, чертежи и карты. Каждая тема курса «Основы археологии» обеспечена комплектом из 15—30 диапозитивов. Рассказ лектора о предмете археологии, например, иллюстрируется диапозитивами, знакомящими с основными типами археологических памятников: поселениями, погребениями, отдельными предметами из раскопок. При этом демонстрируется не только современный внешний вид памятника, но также схемы и разрезы, дающие представление о его устройстве в первоначальном виде. В темах, посвященных полевой археологии, диапозитивы и кинофрагменты помогают представить особенности формирования культурного слоя.

Соответствующими фотоснимками иллюстрируются способы обнаружения археологических объектов (аэроразведка, электропоиск, магнитная разведка и др.). Экран помогает студентам знакомиться с приборами, применяемыми при электропоиске, схемами их устройства и принципом работы. Кинофрагмент о полевых работах показывает операции электропоиска. Студенты, слушая лекции, как правило, не имеют представления о раскопках, ибо участвуют в них уже после изучения теоретического курса. Поэтому кинокадры и цветные слайды в аудитории дают первокурсникам возможность познакомиться с различной методикой раскопок, наглядно представить себе последова-

тельность изучения памятника. Натурные снимки чередуются с графическим материалом. Например, фотоснимок культурного слоя сопоставляется с зарисованным профилем, на котором выделены стратиграфические особенности памятника. По теме «Хронологизация археологических памятников» диапозитивы дают представление о принципах сравнительно-типологического метода и основах научных методов датировки. При изложении тем по отдельным археологическим эпохам или культурам преподаватели используют отснятые на слайды карты, археологические комплексы культур и отдельные предметы. Много внимания уделяется показу произведений искусства. Широко иллюстрируются темы, посвященные древней технике обработки материалов и изготовления предметов.

Наглядность в процессе преподавания позволяет будущим историкам лучше понять достаточно сложные темы, связанные также с этнической историей. Чередование на экране археологических и лингвистических карт и их сопоставление как бы подводят слушателей к пониманию методических принципов установления этнической принадлежности носителей археологических культур. В теме о генетических связях культур с помощью диапозитивов внимание студентов обращается на предметы, погребальные обряды, типы домостроительства у родственных народов — признаки, отмечающие черты генетической преемственности или указывающие на расселение народов. Трудно переоценить роль наглядности при изучении тем о древнем искусстве и архитектуре. Едва ли возможно представить и прочно закрепить в памяти, например, особенности «звериного стиля», не увидев изображений основных произведений скифских мастеров.

Демонстрация кино- и фотоматериалов осуществляется по-разному. Иногда показ диапозитивов синхронен лекции, иногда проводится в конце ее с кратким повторением основных положений темы. Часто перед изучением учебного раздела кратко воспроизводится демонстрационный материал предыдущей лекции, что помогает закрепить пройденное и связать его с новой темой.

Первокурсники испытывают обычно трудности в ходе самостоятельной работы при изучении курса археологии. Чтобы преодолеть их, стимулировать более активную работу студентов и на лекциях и во внеаудиторных условиях, в БГУ в течение многих лет используется кабинет программированного обучения, оснащенный машинами КИСИ-5. В нем проводятся практические занятия по следующим темам: методы археологии, каменный век, энеолит и бронзовый век, железный век, археология Древней Руси. По каждой из них студентам предлагается ответить на 10 вопросов, которые составляются и группируются так, чтобы выявить знание археологических культур (предлагаются археологические карты), культурной принадлежности или хронологии определенного археологического комплекса, конкретных предметов. Машина не только оценивает знания по заданной программе, но и указывает отвечающим на ошибки, которые разбираются затем на практических занятиях. Опыт показал, что опрос с помощью обучающе-контролирующих машин интенсифицирует учебный процесс, побуждает студентов систематически работать над предметом. Преподаватель же получает оперативную информацию о ходе усвоения курса каждым студентом в течение всего года. На устном экзамене преподавателю легче установить, в какой мере студентами преодолены трудности учебного процесса. А это позволяет точнее и объективнее оценивать на экзаменах знания студентов.

На кафедре истории древнего мира и средних веков технические средства используются главным образом при чтении лекций по культуре и искусству. К сожалению, соответствующим материалом пока обеспечены только курсы истории Древнего Востока и средних веков. По теме «Культура Западной Европы V—XVIII вв.» демонстрируются отдельные диафильмы. Кафедра располагает цветными диафильмами о творчестве Мазаччо, Джотто, Донателло. Чтобы студенты глубже осознали всю новизну, проявившуюся в творчестве этих мастеров, сначала показываются образцы раннесредневековой иконописи. Фрески и картины великих мастеров даются «в динамике». Их демонстрируют фрагментарно и в целом. Лекции о творчестве выдающихся представителей эпохи Возрождения (Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Рембрандт, Веласкес, Дюрер и др.) тоже сопровождаются такой демонстрацией. Изготовленные в лаборатории университета диапозитивы по истории культуры дают возможность демонстрировать их в соответствии с планом лекции (например, творческий метод Леонардо

да Винчи удобнее иллюстрировать по деталям различных картин, синхронно с лекцией демонстрируемых на экране). Особое значение приобретает наглядность при чтении курса «История мировой культуры» на философском отделении.

Большим комплектом диапозитивов и диафильмов располагает кафедра истории БССР. Многие из них используются при изучении истории СССР. Прошлое белорусов представлено в них в связи с историей других народов СССР, что позволяет решать важную идейно-политическую задачу воспитания студентов в духе интернационализма. На кафедре истории КПСС гуманитарных факультетов, преподаватели которой работают со студентами истфака, также используются технические средства и наглядные пособия. Практически весь курс истории КПСС обеспечен кинодокументами. Составлена «световая газета» БССР, на которой обозначены ударные стройки пятилеток. Значительное место занимает в преподавании истории КПСС (особенно для студентов, специализирующихся по этой кафедре) история партии в годы Великой Отечественной войны.

К сожалению, такой вид наглядных пособий, как исторические карты, не соответствует современным требованиям. Многие из них составлены давно, не отражают нынешнего уровня исторической науки, быстро ветшают. Нужны карты, которые соответствовали бы университетским учебным программам и имели прочную тканевую основу. Назрел вопрос о централизованном изготовлении и применении технических средств и наглядных пособий. Использование учебных фильмов и кинофрагментов, диафильмов и диапозитивов улучшит преподавание исторических дисциплин. Обеспечение вузов техническими средствами и наглядными пособиями следует вести во всесоюзном (обязательные для всех вузов СССР исторические темы) и республиканском масштабах (тематика по истории отдельных республик). Тогда лекции и практические занятия обогатятся новым содержанием и возрастет интерес студентов к изучаемым предметам.

Н. А. Гусакова, Э. М. Загорульский,
Ю. Е. Ивонин, И. О. Царюк

Обзоры

НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА О МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ СССР В 1917—1932 ГОДАХ

В. И. Ленин, Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли серьезное внимание развитию научно-технического и культурного обмена Советского государства с зарубежными странами. Они исходили при этом не только из объективной обусловленности таких контактов, но и из их важной роли в реализации политики мирного сосуществования стран с различными социально-экономическими системами, взаимопонимания и дружбы между народами. В современных условиях разрядки международной напряженности значение научно-технических и культурных связей между странами еще более возросло, поэтому Программа мира, принятая на XXIV и развитая на XXV съездах КПСС, уделяет этой стороне международных отношений большое внимание. Изучение богатейшего опыта Советского Союза по развитию международных научных и культурных связей в прошлом и настоящем призваны, как подчеркивал Л. И. Брежнев, помочь всем народам осмыслить их взаимоотношения применительно к реальностям сегодняшнего дня [1].

Серьезное научное исследование проблемы международных научных и культурных связей СССР началось прежде всего с исследования под этим углом зрения первых 15 лет существования Советской страны (1917—1932 гг.), когда под руковод-

[1] См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 336—337.

ством Коммунистической партии разрабатывались принципы и закладывались традиции политики социалистического государства в области международного научного и культурного обмена. К настоящему времени (главным образом за последние 10 лет) создана значительная литература по этой теме. Первая и пока единственная попытка ее анализа принадлежит А. Е. Иоффе [2], который, не задаваясь целью детального разбора, дал общую характеристику историографии проблемы. Особенно привлекает внимание анализ автором ленинских трудов, составляющих методологическую основу и вместе с тем важный источник изучения проблемы международного культурного и научно-технического обмена Советского государства.

В настоящем обзоре предпринимается попытка рассмотреть основные направления в изучении международных научных и культурных связей СССР в 1917—1932 гг., определить недостаточно или совершенно не исследованные вопросы и аспекты темы.

С образованием мировой социалистической системы изучение двусторонних отношений Советского Союза с Германией, Чехословакией, Польшей, Болгарией и другими странами в предвоенные годы, кроме чисто научного, приобрело большое политическое значение. Советские историки обратились к исследованию взаимоотношений нашей страны с трудящимися этих государств по всем линиям, в том числе и в области научных и культурных связей после Великого Октября [3]. На конкретном историческом материале ими показано революционизирующее влияние социалистической революции и культурного строительства в Советской России на рабочий класс и интеллигенцию ряда стран, а также деятельность прогрессивных кругов интеллигенции и рабочего класса по установлению интернациональных связей с первым в мире социалистическим государством, налаживанию информации и творческих контактов с представителями советской науки и культуры.

Особенно подробному анализу подверглась деятельность общества культурного сближения с СССР, созданного в 20-х годах в Чехословакии. В ряде статей раскрыты многообразие и широкий размах советско-германских научно-технических и культурных связей периода Веймарской республики, которые были самыми значительными по сравнению с подобными контактами, имевшимися в то время с другими зарубежными странами [4]. Специально исследовалась деятельность обществ «Das neue Rußlang» и «Культура и техника», созданных прогрессивной германской интеллигенцией для расширения и углубления научно-технических и культурных связей между обеими странами. В литературе нашли отражение тесные связи и творческое сотрудничество советских и германских ученых, инженеров, педагогов, врачей, литераторов, артистов и других деятелей искусства. Плодотворному изучению советско-германских научно-технических и культурных связей способствовало сотрудничество ученых СССР и ГДР [5]. Исследования как советских, так и немецких ученых показали взаимовыгодный и плодотворный характер научных и культурных связей между обеими странами, основанных на Рапалльском мирном договоре 1922 года.

Важным направлением в исследовании научного и культурного обмена являются связи СССР с государствами и народами Азии, Африки и Латинской Америки. Интересный фактический материал по этой проблеме содержится в общих работах, по-

---

[2] А. Е. Иоффе. Международные связи советской науки, техники и культуры (1917—1932). М. 1975.

[3] Б. Д. Воробьева. Образование и деятельность чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией (1925—1927). «Советское славяноведение», 1965, № 2; В. И. Злыднев. Из истории установления советско-болгарских культурных связей. «Советское славяноведение», 1965, № 5; М. С. Капица, В. И. Иваненко. Дружба, завоеванная в борьбе (Советско-монгольские отношения). М. 1965; А. С. Цветко. Советско-китайские культурные связи. Исторический очерк. М. 1974, и др.

[4] А. Е. Иоффе. Советско-германское общество «Культура и техника». «Вестник» АН СССР, 1966, № 5; Ю. П. Муравьев. Советско-германские научные связи в годы Веймарской республики. «Ежегодник германской истории. 1968». М. 1969; Л. С. Никольская. Развитие советско-германских научных и культурных связей (1919—1928 гг.). «Ежегодник германской истории 1970». М. 1971.

[5] Результатом сотрудничества в изучении советско-германских научных и культурных связей явился фундаментальный труд «Deutschland. Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit». B. 1966.

священных отношениям Советского государства с Турцией, Афганистаном, Индией, латиноамериканскими странами и др.[6]. Специальных же исследований двусторонних научных и культурных контактов СССР со странами Востока пока еще недостаточно. В нескольких работах[7] исследован процесс становления и развития культурных связей Советской страны с Ираном, арабскими государствами: Йеменом и Хиджасом, а также контакты с государствами Латинской Америки. Авторы соответствующих работ приводят данные, свидетельствующие о проявлении в этих государствах большого интереса к нашей стране и ее культурному строительству, развернувшемуся после Великого Октября. В них раскрывается деятельность Советского государства по оказанию бескорыстной помощи Ирану в подготовке кадров и развитии его национальной культуры. Важное значение имела и та техническая и медицинская помощь, которую Советский Союз предоставлял молодым арабским государствам Йемену и Хиджасу. Советские исследователи убедительно показывают, что культурные связи между СССР и этими странами носили обоюдный характер, строились на равноправной основе, в духе добрососедства и дружбы. В результате развития культурных связей вырос авторитет Советского Союза и укрепилось взаимопонимание между нашей страной и народами этого региона. Контакты СССР и стран Латинской Америки освещены лишь в связи с научными экспедициями, организованными в 20—30-х годах под руководством акад. Н. И. Вавилова.

За последние годы наша литература пополнилась работами, в которых исследовались двусторонние связи СССР в области науки и культуры с рядом развитых капиталистических стран. Наибольшее число статей посвящено советско-французским контактам[8]. В них подробно рассматривается процесс восстановления традиционных русско-французских научных связей, прослеживается их развитие и углубление после установления дипломатических отношений между СССР и Францией, затронуты проблемы образования и деятельности комитета научного сближения с Россией, созданного видными учеными Франции в конце 1925 года. Значительное место отводится в этих работах анализу советско-французских связей в области литературы и искусства, в том числе с ее пролетарскими представителями. Авторами статей освещены деятельность прогрессивных кругов французской интеллигенции по созданию обществ «Культурное сближение с СССР» и «Друзья СССР» и их работа по организации связей между обеими странами во всех областях культуры.

О советско-американских научно-технических и культурных связях литературы значительно меньше[9]. В ней показаны усилия Советского правительства и ряда общественных организаций СССР по установлению и развитию контактов с США в области науки и культуры, прежде всего Информационного бюро Советского Союза, созданного в 1923 г. в Вашингтоне. Значительное внимание уделено образованию Общества культурной связи с СССР, созданного прогрессивной интеллигенцией

---

[6] Ю. А. Багиров. Из истории советско-турецких отношений (1920—1922 г.). Баку. 1965; Л. Б. Теплинский. 50 лет советско-афганских отношений. 1919—1969. М. 1971, и др.

[7] Д. В. Валиева. Советско-иранские культурные связи (1921—1960). Ташкент. 1965; А. Е. Иоффе. Начальный этап взаимоотношений Советского Союза с арабскими и африканскими странами (1923—1932). «Народы Азии и Африки», 1965, № 6; А. И. Сизоненко. Из истории советско-латиноамериканских научных связей (Советские экспедиции в Латинскую Америку в 1925—1926 и 1932—1933 гг.). «Новая и новейшая история», 1967, № 4.

[8] А. Джуманов. Радянсько-французські культурні та наукові зв'язки у 1928—1935 рр. «Український історичний журнал», 1966, № 7; Е. С. Кулябко. Научные связи И. П. Павлова с французскими учеными. «Французский ежегодник. 1967». М. 1968; Л. С. Никольская. Установление советско-французских контактов в области науки и культуры (1919—1928 гг.). «Французский ежегодник. 1970». М. 1972; Г. Д. Котова. Общество друзей Советского Союза в 1928—1933 гг. «Французский ежегодник. 1973». М. 1975; А. А. Ивановская. У истоков советско-французских научно-технических связей. «Вопросы истории», 1976, № 1.

[9] Л. С. Никольская. К истории развития советско-американских научных и культурных контактов (1924—1933). «Американский ежегодник. 1973». М. 1973; В. К. Фураев. Информационное бюро Советского Союза в Вашингтоне (1923—1933 гг.). «Проблемы отечественной и всеобщей истории». Вып. 2. Л. 1973; его же. Советско-американские научные и культурные связи (1924—1933 гг.). «Вопросы истории», 1974, № 3.

США, отражена его деятельность по развитию научных и культурных контактов с Советским Союзом, а также его борьба за установление дипломатических отношений между обеими странами.

Двусторонние связи в области науки и культуры с другими капиталистическими странами в предвоенный период освещены пока недостаточно. Лишь в небольших статьях рассматриваются создание и деятельность обществ культурного сближения с СССР в Англии, Бельгии, Испании и Японии [10].

Таким образом, специальных исследований в области двусторонних научных и культурных связей СССР с рядом стран пока еще нет. Это относится прежде всего к Австрии, Швейцарии, Италии, Голландии, Турции, Афганистану, с которыми Советская Россия имела в те годы сравнительно широкие научные и культурные контакты. Даже с теми странами, в которых господствовали реакционные, крайне антисоветские режимы (Польша, Югославия, Румыния и др.), вопреки официальным препонам, в то время существовали культурные связи. С некоторыми другими странами научный и культурный обмен СССР хотя и изучен, но весьма слабо, односторонне. Это относится не только к развитым капиталистическим странам, но и народам, находившимся в колониальной и полуколониальной зависимости.

Одновременно с изучением двустороннего обмена специально разрабатывались отдельные проблемы международных связей СССР в различных областях науки и культуры. Наиболее исследованными оказались научные контакты. Особого внимания заслуживают работы, в которых освещается роль Ленина в организации научно-технического обмена Советской России с капиталистическими странами [11]. В них показана деятельность Ленина по налаживанию информации о новейших достижениях науки, техники и культуры. Советские историки убедительно доказали, что Ленин не только сформулировал задачу молодого социалистического государства — «Черпать обеими руками хорошее из-за границы» [12], но выступал инициатором и практическим организатором этого дела.

Советские ученые исследовали непосредственные научные контакты как в первые годы Советской власти, так и в период индустриализации нашей страны [13]. Получила освещение деятельность Советского правительства в организации международных связей ученых СССР. Важным событием в этом отношении было празднование 200-летия АН СССР, после которого значительно расширились творческие контакты советских ученых со всеми странами. В имеющихся работах прослеживаются формы и каналы связей ученых Советского Союза с зарубежными коллегами, их сотрудничество с национальными и международными научными организациями, исследованы вопросы участия советских ученых в международных конгрессах и конференциях, а также интернациональные связи советских историков [14]. На конкретном материале авторами этих работ показано, как неуклонно повышался авторитет советской науки в мире. В них нашли отражение также и связи советских ученых с колониальными

---

[10] М. С. Кузьмин. Английское общество культурных связей с СССР. «Вопросы истории», 1966, № 2; его же. Культурные связи между СССР и Японией после Октября (1925—1932). «Народы Азии и Африки» 1967, № 5; его же. Деятельность советско-бельгийского общества культурных связей в 1925—1932 гг. «Вестник» ЛГУ, серия история, язык, литература, 1969, № 20, вып. 4; В. В. Кулешова. Испанская интеллигенция и испано-советские культурные связи 20-х годов. «Проблемы испанской истории». М. 1971, и др.

[11] А. Е. Иоффе. В. И. Ленин и развитие международных научно-технических и культурных связей Советской страны. «Ленинская внешняя политика Советской страны 1917—1924 гг.». М. 1969; Е. Д. Лебёдкина. Международные связи советских ученых в 1917—1924 годах. «Вопросы истории», 1971, № 2; ее же. Международный совет научных союзов и Академия наук СССР. М. 1974; J. P. Muravyev. W. I. Lenin und die sowjetisch-deutschen Kulturbeziehungen in der Weimarer Republik. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1971, № 6.

[12] В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 550.

[13] См., например, А. Е. Иоффе. Начало международных научных связей Советской страны. «Вестник» АН СССР, 1967, № 10; его же. Международные научные и культурные связи Советского Союза (1917—1932 гг.). «Вопросы истории», 1969, № 4.

[14] Л. В. Базя. Советские историки на международных конгрессах (20—50-е годы). «История СССР», 1974, № 3; Н. М. Митрякова. Международные научные связи Академии наук СССР в 30-е годы. «История СССР», 1974, № 3.

и зависимыми странами, носившие равноправный характер [15]. К сожалению, за исключением исследования деятельности советско-германского общества «Культура и техника» в литературе отсутствует анализ научно-технических связей Советского Союза в 20 — 30-х годах.

Имеется несколько работ о международных спортивных связях СССР [16]. В них раскрывается практическая деятельность Советского правительства и физкультурного движения СССР в развитии связей с зарубежными рабочими (частично и буржуазными) спортивными организациями. Нашими историками освещается роль советского физкультурного движения в создании «Красного Спортинтерна» и его борьбе за единство международного рабочего спорта. Во всех работах выявлен основной политический результат развития международных связей советского спорта — рост солидарности зарубежного пролетариата с СССР, укрепление его единства в борьбе с капиталом, отход от реформистских лидеров. Однако в литературе не нашла отражения борьба Коммунистической партии против левацких тенденций в «Красном Спортинтерне» и физкультурном движении СССР, которые затрудняли развитие международных связей.

Сделаны первые шаги в исследовании международных связей в области науки, техники и культуры отдельных республик Советского Союза. В упоминавшейся книге «Deutschland. Sowjetunion» и «Украинском историческом журнале» опубликовано несколько статей украинских историков, в которых прослежены отдельные эпизоды научных и культурных связей УССР с Веймарской республикой и Чехословакией [17]. Научно-технические и культурные связи Советской Украины и Германии исследованы в книге И. М. Кулинича [18]. Интересующему нас периоду в ней посвящена большая глава. Особую ценность представляет освещение практических шагов правительства УССР и государственных учреждений республики по организации заграничных представительств с целью использования передового опыта развитых капиталистических стран. Убедительно показана автором помощь в этом деле со стороны правительства РСФСР и лично Ленина. Раскрыты И. М. Кулиничем научно-технические связи, которые в те годы существовали между Украиной и Германией. В книге рассматриваются и украинско-германские литературные контакты и обмен в области искусства и спорта, а также деятельность Украинского общества культурной связи с заграницей.

К сожалению, международные культурные связи 20 — 30-х годов Советской Белоруссии, закавказских республик и других народов СССР еще не стали предметом специального исследования. Остается неизученной деятельность обществ культурных связей с заграницей БССР и ЗСФСР, а также филиалов ВОКС на Северном Кавказе и Дальнем Востоке, которые провели большую работу по освещению за рубежом успехов в социалистическом строительстве, расцвете национальной культуры отсталых и угнетенных в прошлом народов царской России.

Наряду с изучением двусторонних связей Советского Союза и обмена в различных областях науки, техники и культуры в последнее время создано несколько трудов, в которых анализируется весь комплекс международных отношений в этой сфере [19]. В них

---

[15] С. Г. Корнеев. Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки. М. 1969.

[16] Е. Кайтмазова. «Красный Спортинтерн». «Легкая атлетика», 1966, №№ 8—10; В. П. Козьмина. Международное рабочее спортивное движение после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1928 гг.). «Очерки по истории физической культуры». М. 1967; И. Жолдак. Прорыв блокады. Из истории международных связей советских спортсменов. «Физкультура и спорт», 1967, № 7; Н. А. Макарцев. Страницы истории советского спорта. М. 1967; Н. Н. Бугров. Ленинские идеи в развитии международных спортивных связей. «Спорт за рубежом», 1972, № 10, и др.

[17] I. K. Bilodid. Zur Tätigkeit der Ukrainischen Sektion der Gesellschaft für Sowjetisch-Deutsche Freundschaft; I. M. Kulinyc. Ukrainisch-deutsche Wissenschafts- und Kulturbeziehungen in den Jahren 1922 bis 1932. «Deutschland. Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit»; В. У. Павелко. З історії культурних зв'язків Радянської України і Чехословаччини (1918—1939 рр.). «Український історичний журнал», 1966, № 7.

[18] І. М. Кулінич. Українсько-німецькі историчні зв'язки. Київ, 1969.

[19] А. Е. Иоффе. Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза (1928—1932). М. 1969; его же. Международные связи советской науки, техники и культуры (1917—1932); М. С. Кузьмин. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР. 1917—1932 гг. Л. 1971.

исследован сложный, многогранный процесс международного культурного обмена молодого социалистического государства за весь период создания основ социализма. Это дало возможность раскрыть, как ленинские идеи об использовании передового научно-технического опыта капиталистических стран претворялись в жизнь не только в первые годы Советской власти, но и в период индустриализации нашей страны, сделать важные выводы и обобщения о последовательности политики Коммунистической партии, ее стремлении, несмотря на различие в социально-экономических системах и враждебность буржуазных правительств, развивать научно-технические связи с Западом. Вместе с тем исследование большого временного периода дало возможность проследить изменение форм солидарности и оказания помощи нашей стране со стороны международного рабочего класса и прогрессивной интеллигенции в строительстве социализма, в том числе и непосредственно на стройках первой пятилетки.

Получили освещение воздействие советской науки и культуры на мировую общественность, рост их авторитета по мере развертывания социалистического строительства в СССР и расширения его международных связей. В отличие от статей и книг историков литературы и искусства [20] в этих трудах предстает общая картина многогранных международных связей и обмена советской литературы, театра, музыкального искусства и кинематографии. В них показано, как знакомство миллионов людей за рубежом с советской литературой и искусством приводило их к выводу, что великие революционные идеи рождают великое искусство. По сравнению с предыдущими работами в них значительно глубже и шире раскрыто воздействие социалистической культуры на трудящихся и прогрессивную интеллигенцию зарубежных стран, которое способствовало укреплению позиций демократических и социалистических элементов в культуре буржуазных государств. Данные, приведенные по всем странам, с которыми в те годы СССР имел научные и культурные связи, говорят о росте борьбы прогрессивной общественности в защиту СССР, ее сплочении на платформе поддержки и солидарности с нашей страной — единственным государством, шедшим по пути экономического, социального и культурного прогресса, оплотом мира, демократии и социализма.

Вкладом в историографию проблемы явилось также обобщение научных и культурных связей Советской страны с государствами и народами Азии, Африки и Латинской Америки в 1917—1932 гг., освещение помощи в создании кадров и развитии их национальной культуры.

Фактический материал, приведенный в вышедших трудах, дал возможность сделать вывод об объективном характере двусторонних связей в области науки, техники и культуры между странами с различным социально-экономическим строем и их важной роли в мирном сосуществовании с момента раскола мира на два противоположных лагеря, показать руководящую роль Коммунистической партии в реализации ленинских идей о развитии международного научно-технического и культурного обмена Советского государства во имя взаимного обогащения культур всех народов, торжества демократии, мира и социализма.

Таким образом, с середины 60-х годов интенсивно развернулось исследование различных аспектов сложной и многогранной проблемы международных, научно-технических и культурных связей СССР в первые 15 лет существования социалистического государства. В результате этого советские ученые от изучения узких вопросов двустороннего обмена СССР с рядом стран или связей в различных областях культуры пришли к созданию крупных трудов, обобщающих деятельность Коммунистической партии и Советского правительства, общественных организаций СССР в этом направлении за длительный и сложный период строительства основ социализма.

Однако проблема международных научно-технических и культурных связей и обмена СССР в рамках 1917—1932 гг. изучена еще далеко не полностью. Нам представляется, что эта проблема разрабатывалась главным образом как часть внешнеполитической деятельности Советского государства в плане осуществления им по-

[20] В послевоенное время ими созданы фундаментальные труды, в которых нашли отражение и международные связи советской литературы и искусства 20-х — 30-х годов, однако это тема особая.

литики мирного сосуществования. Процесс развития связей и обмена с зарубежными странами недостаточно связывался со сложными вопросами культурного строительства в нашей стране. Вследствие этого оказались слабо разработаны такие вопросы, как воздействие буржуазной культуры и борьба партии против идеологических диверсий империализма, навязывания буржуазных эстетических взглядов, морали и идей. В имеющейся литературе почти не нашли отражения классовые связи в области культуры. А между тем политика пролетарского интернационализма всегда была важнейшей стороной в деятельности нашей партии, государства и творческих организаций. Мало освещены в литературе и такие вопросы, как установление и развитие связей и контактов советских ученых и культурных организаций и учреждений с международными союзами и другими органами, находившимися под эгидой Лиги Наций или непосредственно в нее входившими.

Международные культурные связи СССР — тема, которая неизменно привлекала внимание буржуазных авторов и всегда служила одним из объектов различных искажений и идеологических спекуляций. Фальсификация политики КПСС и Советского государства в области культурного обмена особенно усилилась в период «холодной войны». Разоблачение этих извращений остается актуальной задачей идеологической борьбы. Еще большее значение оно приобретает в современных условиях, поскольку способствует внесению вклада в общий процесс углубления и расширения международного сотрудничества. А между тем можно указать лишь на несколько работ, в которых подвергнуты критике фальсификации буржуазных историков в этой области [21]. Для обстоятельного и аргументированного разоблачения писаний советологов этого явно недостаточно.

История международных научных связей находится на стыке ряда исторических дисциплин и поэтому требует комплексного изучения коллективом специалистов в области внешней политики, культурной революции, международного рабочего движения, истории КПСС, а также литературоведов, искусствоведов и других. Только такой подход поможет во всей полноте отразить сложные процессы международного научного и культурного обмена социалистических государств с капиталистическими и развивающимися странами, рабочим и демократическим движением, равно как и между странами социалистического содружества.

М. С. Кузьмин

[21] В. П. Козьмина. Против фальсификации рабочего спорта. «Теория и практика физической культуры», 1966, № 5; М. С. Кузьмин, В. А. Сергеев. Политика КПСС и Советского государства в области международных культурных связей в 1920—1932 гг. и антикоммунистические мифы советологов. «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л. 1974, и др.

Рецензии

«Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М. Изд-во «Мысль». 1975. 352 стр. Тираж 9 000. Цена 1 руб. 43 коп.

Рабочий класс, его гегемония в освободительной борьбе против эксплуататоров, его роль в современном мировом революционном процессе — актуальная, масштабная, большого научно-теоретического и политического звучания тема, одна из главных, магистральных тем марксистско-ленинской науки. К ней обращаются многие советские и зарубежные авторы. Рецензируемая монография, подготовленная кафедрой истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС [1],— одно из исследований по этой проблеме.

[1] Авторский коллектив: Г. А. Арутюнов, Л. С. Гапоненко, К. В. Гусев, Н. Н. Демочкин, В. Я. Лаверычев, В. Н. Лещиков, И. С. Панин, Н. И. Сурков, Г. А. Ясковец. Под редакцией Л. С. Гапоненко и К. В. Гусева.

До сих пор в нашей исторической литературе вопросы о роли рабочего класса, его гегемонии, его авангарде—партии большевиков рассматривались главным образом отдельно по каждой революции [2]. Монография носит обобщающий характер. Она охватывает период от революции 1905—1907 гг. до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Такой подход дает возможность обобщить историографию проблемы, четко выделить ведущие закономерности в развитии и борьбе рабочего класса России за эти годы и конкретные специфические особенности, свойственные каждой революции. Эти задачи авторским коллективом выполнены.

Появление монографии следует считать своевременным и в связи с тем, что в некоторых работах были допущены ошибки в освещении роли пролетариата на отдельных этапах буржуазно-демократической революции и подготовки к социалистической революции [3]. Авторский коллектив доказательно критикует эти ошибочные положения, устраняет неточности. На большом фактическом материале в книге показано, что российский рабочий класс достойно выполнил роль вождя. руководителя народных масс, гегемона буржуазно-демократической и социалистической революций и стал ведущим классом социалистического общества.

Авторами охарактеризованы важнейшие теоретические аспекты проблемы, раскрыто марксистско-ленинское учение о гегемонии рабочего класса. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что в условиях капитализма пролетариат как эксплуатируемый и угнетенный класс не может «освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы» [4]. В. И. Ленин, изучив положение рабочего класса в России и других странах, подчеркивал, что пролетариат «является, в буквальном смысле слова,.. авангардом всей массы трудящихся и эксплуатируемых» [5]. В книге подчеркнуто важное принципиальное значение ленинского вывода, что силы пролетариата больше, чем его доля в общей сумме населения, что пролетариат не обязательно должен составлять большинство населения, чтобы возглавить, быть гегемоном и обеспечить победу трудящихся в демократической и социалистической революциях. «Сила пролетариата в любой капиталистической стране,— писал Ленин,— несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме» [6].

Всесторонне рассмотрен в книге вопрос о союзниках пролетариата. Он освещен как теоретически, так и в плане практической деятельности пролетариата России, борьбы партии большевиков за развитие и укрепление союза рабочего класса с широкими массами трудящихся, в первую очередь с крестьянством, на всех этапах революционного движения. Сама идея гегемонии предполагает руководство пролетариата всеми слоями населения, заинтересованными в победе данного этапа революции. Не может быть гегемона, если за ним не следуют другие общественные слои. Чтобы эти слои населения шли за ним, пролетариат оказывает на них соответствующее политическое воздействие. Именно в этом плане Ленин дал классическое определение сущности гегемонии пролетариата. Он писал: «Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения» [7].

Большой научный интерес представляет вопрос о формах и методах политического воздействия пролетариата на широкие слои народных масс. К сожалению, в монографии этот аспект не получил должного освещения. Рабочий класс во главе с марксис-

---

[2] См., например, «Рабочий класс — ведущая сила Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1976.

[3] Подверглись критике в печати книги «Свержение самодержавия» (М. 1970) и «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» (М. 1970) за ошибки и неряшливые формулировки по вопросам о гегемонии пролетариата и его союзниках, о соотношении задач социалистической и буржуазно-демократической революций на различных исторических этапах, о факторах, определяющих уровень сознательности пролетариата, о предпосылках социалистической революции в национальных районах и др.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 1—2.

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 586.

[6] В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 23

[7] В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 131.

стско-ленинской партией в своей политической, идеологической и организационной деятельности пользуется различными формами, но главным, что определяет его воздействие на массы, является сознательность и организованность самого пролетариата (достижение этой цели — одна из важнейших сторон деятельности его партии), его решающая роль в революции, ибо, как показывает исторический опыт, союзники пролетариата активно выступают на стороне революции прежде всего тогда, когда пролетариат в силу организованности своего выступления начинает одерживать победу над эксплуататорскими классами.

Марксизм-ленинизм учит, что пролетариат может выполнить историческую миссию вождя трудящихся лишь при наличии у него своей классовой, революционной партии, когда она руководит его политической, экономической и идеологической борьбой против эксплуататоров. Эта мысль довольно полно и четко выражена в книге. Авторы подчеркивают, что ведущая роль рабочего класса в революционном преобразовании жизни, в создании нового, социалистического общества осуществляется через марксистско-ленинскую партию, которая лишь одна в состоянии объединить, воспитать, организовать его как самый последовательно революционный класс. Российский пролетариат смог выполнить свою великую миссию вождя трудящихся масс потому, что его борьбой руководила подлинно марксистская партия, созданная Лениным. Пройдя суровую школу классовых сражений, пролетариат России вырос в могучую силу, способную вести успешную борьбу за победу социалистической революции.

В годы первой буржуазно-демократической революции пролетариат России «выступил самостоятельной политической силой, вождем угнетенных масс, борющихся за социальное освобождение,— подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О 70-летии революции 1905—1907 годов в России».— Воплощением его руководящей роли была большевистская партия во главе с В. И. Лениным. Она была единственной партией, которая имела четкую, научно обоснованную программу действий. Ленинская партия высоко подняла революционное знамя, решительно отстаивала марксизм в борьбе против ревизионизма, творчески развивала марксистское учение, соединяя его в ходе революции с массовым пролетарским и демократическим движением» [8].

[8] «Правда», 9. I. 1975.

Убедительно показано в монографии, что и в последующие годы, в период нового революционного подъема (1910—1914 гг.), в освободительном движении в годы первой мировой войны пролетариат России высоко держал знамя революционной борьбы, проявил себя как вождь трудящихся масс. Российский пролетариат, руководимый большевистской партией, выступил как гегемон в Февральской буржуазно-демократической революции и в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Гегемония пролетариата не может осуществляться без острой идейной и политической борьбы революционной, марксистской партии против буржуазии и проводников ее влияния в пролетарских и полупролетарских слоях населения, за привлечение этих слоев на сторону рабочего класса. Этому вопросу в книге уделено много внимания. Авторы подчеркивают, что образец такой идейной борьбы за гегемонию российского пролетариата показывала партия большевиков во главе с Лениным. С позиции отрицания руководящей роли пролетариата в революционно-освободительном движении выступали либеральные народники, «легальные марксисты», «экономисты». Большевики подвергли всесторонней критике их антинаучные взгляды, разоблачили их как носителей буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Вопрос о гегемонии пролетариата в революции был одним из главных в борьбе большевиков с мелкобуржуазными соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров. Меньшевики не верили в способность российского рабочего класса повести за собой непролетарские слои населения, прежде всего крестьянство, отрицали революционность последнего, необходимость его союза с рабочим классом, считали вождем демократической революции либеральную буржуазию, не признавали возможности победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата в России. Руководящую роль рабочего класса и необходимость диктатуры пролетариата отрицали и эсеры, утверждавшие, что главной силой социальной революции является крестьянство. Последовательную борьбу против меньшевиков и эсеров Ленин, большевики рассматривали как борьбу за победу демократической и социалистической революций, за единство и политическую самостоятельность рабочего класса, как одно из необходимых условий осуществления им своей роли гегемона.

Достоинством монографии является также то, что в ней раскрыта интернациональная природа российского пролетариата, показано, что, руководимый партией большевиков, он неуклонно следовал принципам пролетарского интернационализма. «Русский рабочий класс,— пишут авторы,— выступал главной цементирующей силой в борьбе широких народных масс всех наций и народностей против царизма, помещиков и капиталистов» (стр. 17). Рабочий класс России уже в начале XX в. стал авангардом международного рабочего движения.

Острота вопроса о роли рабочего класса в мировом революционном движении не только не притупилась, но и еще более усилилась в условиях современной идеологической борьбы. Противники марксизма-ленинизма отрицают историческую миссию рабочего класса, затушевывают деление общества на классы, призывают отказаться от понятия «социальная революция». Однако факты опровергают подобные утверждения. Рабочий класс не исчезает и никакой другой социальной прослойкой, в частности интеллигенцией, не поглощается. Машина меняет роль человека, но не вытесняет его из производства.

В книге уделено серьезное внимание разоблачению буржуазных и ревизионистских фальсификаций роли пролетариата России в трех революциях, особенно в Февральской и Октябрьской.

Монография не свободна от некоторых недостатков. Отдельные главы (особенно I и V) носят характер лекций, им не хватает глубины научного анализа и обобщений. Имеет место не совсем правильное распределение материала по главам. Так, в главе V «Пролетариат — гегемон второй буржуазно-демократической революции в России» значительное место отведено рабочему движению в годы первой мировой войны, хотя этому периоду посвящена глава IV. В главе II «Революционное творчество пролетариата в создании Советов рабочих депутатов в революции 1905—1907 гг.» недостаточно раскрыты ленинское учение о Советах, время их возникновения и значение в революции.

С. А. Артемьев, А. Я. Утенков

Б. А. ТОМАН. *За свободную Россию, за свободную Латвию (Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти).* М. Политиздат. 1975. 295 стр. Тираж 50 000. Цена 1 руб. 23 коп.

Участию латышских стрелков в социалистической революции в России и защите ее завоеваний посвящено несколько серьезных исследований[1]. Поэтому важно установить, что нового по сравнению с предшествующими работами советских историков содержит книга кандидата исторических наук старшего научного сотрудника ИМЛ при ЦК КПСС Б. А. Томана. Она привлекает стремлением обобщить известное четкой формулировкой авторской точки зрения, широтой замысла и основательностью аргументации, введением в научный оборот малоизвестных источников.

Автор последовательно рассматривает деятельность латышских стрелков в дни Великого Октября и в первый год пролетарской диктатуры. Он справедливо утверждает, что преданность большей части латышских стрелков идеям социалистической революции объясняется их социальным составом (60% стрелков — выходцы из рабочего класса и безземельного крестьянства), боевыми традициями, влиянием большевиков, активная деятельность которых «развила сознание стрелков, закалила их и уже накануне Октябрьской революции сделала стойкими борцами за Советскую власть» (стр. 40).

С первых месяцев Советской власти латышские полки принадлежали к основным регулярным воинским частям пролетарского государства. Их роль тогда была особенно велика, так как старая армия демобилизовывалась, а новая только создавалась. Б. А. Томан отмечает, что латышские стрелки пользовались полным доверием Советского правительства: участвовали в охране Смольного и Кремля, занимали видные партийно-советские и руководящие

[1] А. И. Спреслис. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917—1918 гг. Рига. 1967; «История латышских стрелков (1915—1920)». Рига. 1972, и др.

военные должности, были чекистами, сражались на фронтах гражданской войны. Бережно собрав факты участия стрелков в борьбе с контрреволюцией, автор убедительно показывает, что они относились к тем воинским формированиям, на которые в боях с интервентами, белогвардейцами и заговорщиками опиралась революция.

Наиболее полно в ранее изданных работах изучен боевой путь латышской стрелковой дивизии, сформированной в апреле 1918 года. Анализ анкет бывших латышских стрелков и других источников позволяет автору существенно дополнить представления о ее численности, социальном составе, дивизионной партийно-советской работе. К концу 1918 г. Латышская стрелковая дивизия — это 23—24 тыс. закаленных в боях бойцов, это двухтысячная большевистская организация, сплотившая воедино служивших в дивизии латышей, русских, украинцев, белорусов, татар, башкир и представителей других народов страны. Б. А. Томан указывает, что опыт партийной работы в дивизии «имел важное практическое значение... для выработки общих принципов партийно-политической работы во всей Красной Армии» (стр. 146).

Намерение создать исследование не только о латышских стрелках, но и вообще о латышах — солдатах революции автор успешно осуществляет при изложении материала о ликвидации контрреволюционных заговоров и мятежей. Наряду с общеизвестными фактами участия латышских стрелков в разоружении московских и петроградских анархистов (апрель 1918 г.), подавлении левоэсеровского мятежа (июль 1918 г.), разоблачении «заговора послов», разгроме савинковцев в Ярославле, Рыбинске и Муроме Б. А. Томан сообщает об их действиях по ликвидации кулацких мятежей в Поволжье и центральных районах страны. Он рассказывает о латышах-чекистах М. Лацисе (Я. Судрабе), Я. Петерсе, Я. Буйкисе и других. Однако этот сюжет требует дальнейшего развития. Не следовало ограничиваться рассмотрением лишь военной деятельности представителей латышского народа в Советской России той поры, надо было назвать латышей — председателей губкомов РКП(б) и местных Советов, продовольственных и хозяйственных работников, не только защищавших, но и созидавших новое, социалистическое государство.

В центре внимания автора — действия латышских стрелков на фронтах гражданской войны в 1918 году. Вывод о важной роли стрелков в боях с контрреволюцией на Восточном и Южном фронтах, решавших тогда судьбу революции, серьезно аргументирован. Изучение различных источников дает Б. А. Томану возможность показать, что в то время не было ни одного сколько-нибудь крупного сражения с белогвардейцами на Урале, в Поволжье или на севере страны, в котором не участвовали бы латышские стрелки. Автор вносит много уточнений, впервые сообщает важные подробности, относящиеся к оценке оборонительных боев на Средней Волге, когда 5-й латышский Земгальский полк за героизм, проявленный во время обороны Казани, стал первой красноармейской частью, награжденной Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК, или к определению числа латышских стрелков, находившихся в составе армий Восточного фронта — 12 тыс., Северного — более 2 тыс., Южного — 5150 человек (стр. 244, 255, 267). Удельный вес латышских стрелков в армиях Восточного фронта летом 1918 г. колебался от 2—3% до 50% (стр. 243), они занимали видное место среди командного состава фронта. Латышские части являлись боевым костяком формирующейся регулярной Красной Армии в середине 1918 г., в дни решающих боев с белочехами и учредиловцами. Впоследствии, в связи с массовым призывом в советские вооруженные силы, классовый и национальный состав армии изменился. В конце гражданской войны в Красной Армии служили представители почти 50 национальностей, из них латышей — 0,5% [2].

Работа не лишена отдельных недостатков, связанных прежде всего с ограничением предмета исследования. Это не всегда оправдано. Латышские стрелки сражались с врагами революции в одном строю с другими отрядами победившего пролетариата. В книге подробно говорится о борьбе за Казань в августе — сентябре 1918 г., но не показана активная деятельность Казанского комитета РКП(б), вооружившего около 5 тыс. рабочих, вставших на защиту города. Ничего не говорится и о том, что при награждении 5-го латышского Земгальского стрелкового полка Почетным революционным Красным знаменем одно-

[2] Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. М. 1968, стр. 346.

временно ВЦИК постановил «выработать текст приветственной телеграммы латышскому полку, Коммунистическому казанскому и Мусульманскому коммунистическому отрядам», проявившим мужество и стойкость при обороне Казани[3]. Член Реввоенсовета Восточного фронта К. Х. Данишевский докладывал В. И. Ленину, что при защите Казани «крепко держались лишь некоторые красноармейские части, рабочие отряды и латышские стрелки»[4]. Последние группы латышских стрелков оставили город к утру 7 августа, отмечает Б. А. Томан (стр. 225), но только 8 августа покинули Казань бойцы Коммунистического отряда П. Пальгунова и группа красноармейцев из Казанской дивизии П. Славена[5]. Автор справедливо подчеркивает роль латышских стрелков в формировании и успешных действиях 5-й армии Восточного фронта, но следовало бы уделить значительно больше внимания и тому обстоятельству, что в момент создания по своему социальному составу она была преимущественно пролетарской. Позже комиссар 26-й дивизии В. К. Путна писал: «Все качества 5-й армии и ее составных единиц обусловливались тем, что в качестве своей основы в тяжелые дни под Казанью 5-я армия впитала в себя наиболее революционную часть рабочих. В ее рядах слились для совместной борьбы рабочие всех промышленных районов»[6]. Причины падения Казани в свое время дискутировались на страницах печати, в выступлениях современников, в частности подвергалась сомнению правильность отдельных решений командования Восточного фронта[7]. Введение в книгу полемических сюжетов с четким изложением авторской точки зрения на них представило бы определенный научный интерес.

О назначении И. И. Вацетиса командующим Восточным фронтом автор сообщает (стр. 210—211) на основе воспоминаний К. Х. Данишевского. Однако мемуары самого Вацетиса содержат более точные сведения о его беседе с В. И. Лениным по вопросу о положении в Среднем Поволжье и дают основание предполагать, что именно во время этой встречи, 10 июля 1918 г., Вацетис получил предложение встать во главе Восточного фронта[8]. Необходим комментарий к констатациям типа: «2 августа командующим флотилией был назначен Р. Бернгардт, бывший стрелок 8-го латышского полка» (стр. 222). Известно, что его действия по руководству Волжской военной флотилией были подвергнуты критике, и 23 августа 1918 г. был назначен новый командующий[9].

Б. А. Томан написал интересную книгу. Это еще один шаг в изучении интернационального характера социалистической революции в России, строительства многонациональной Красной Армии, истории укрепления дружбы народов нашей страны.

А. Л. Литвин

[3] «Боевые подвиги Красной Армии (1918—1922)». М. 1957, стр. 193.

[4] К. Х. Данишевский. Встречи с Лениным в годы гражданской войны (1918—1921 годы). «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 3. М. 1969, стр. 450.

[5] М. Мухарямов, А. Литвин. Борьба за Казань в 1918 году. Казань. 1968, стр. 27.

[6] В. К. Путна. Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь. «Борьба за Урал и Сибирь». М.- Л. 1926, стр. 17; см. также К. А. Мерецков. На службе народу. Страницы воспоминаний. М. 1968, стр. 32.

[7] «Известия Наркомвоена», 8.IX.1918; М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. М. 1958, стр. 315—316.

[8] «Из воспоминаний Главкома И. И. Вацетиса». «Военно-исторический журнал», 1962, № 4, стр. 73; «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Т. 5. М. 1974, стр. 624.

[9] См. А. П. Ненароков. Восточный фронт. 1918. М. 1969, стр. 141—142.

В. И. КОСТРИКИН. *Земельные комитеты в 1917 году.* М. Изд-во «Наука». 1975. 336 стр. Тираж 1750. Цена 1 руб. 20 коп.

Советские историки начали изучение крестьянских организаций 1917 г., и среди них земельных комитетов, уже во второй половине 1920-х годов. К 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции вышли обобщающие работы, посвященные крестьянскому движению и крестьянским организациям 1917 года[1]. В них были пред-

[1] С. М. Дубровский. Крестьянство в 1917 году. М.-Л. 1927; его же. Крестьян-

приняты попытки определить степень организованности крестьянского движения в 1917 году. Дальнейшее изучение вопроса на основе более широкого круга источников потребовало пересмотра некоторых выводов работ 20-х годов. Это относится и к выводам Я. А. Яковлева о том, что крестьянское восстание в 1917 г. есть «восстание стихийное» и что в нем «к октябрю исчезли и те элементы крестьянской организованности, которые были налицо к июлю»[2]. Требует пересмотра и заключение А. В. Шестакова о том, что «волостные земельные комитеты образовывались сравнительно медленно... и в ряде губерний они стали возникать лишь к октябрю»[3]. В 30-х и 40-х годах история крестьянских организаций в 1917 г. затрагивалась лишь в связи с историей крестьянского движения того времени, но, как и в литературе 20-х годов, земельным комитетам уделялось внимания меньше, чем другим крестьянским организациям. Первые специальные работы о земельных комитетах появились лишь в конце 40-х — начале 50-х годов[4]. Изучение темы усилилось со второй половины 50-х годов, когда вслед за статьей В. И. Кострикина появился ряд работ о земельных комитетах периода подготовки и проведения Октябрьской революции[5]. Все они, кроме статей о земельных комитетах после Октября, имели локальный характер. Научный уровень работ о местных земельных комитетах был невысок, в большей части их отсутствуют точные данные о деятельности земельных комитетов, основанные на статистической обработке сведений использованных источников. Исключение составляет книга Г. А. Герасименко, но, к сожалению, земельным комитетам посвящена лишь небольшая часть его исследования[6].

Книга старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР кандидата исторических наук В. И. Кострикина является первой в советской литературе монографией по истории земельных комитетов в 1917 году[7]. Автор исследовал историю их организации и деятельности с начала их создания до октября 1917 года. Основное внимание он сосредоточил на местных комитетах, поскольку Главному земельному комитету много места отведено в упомянутых книгах П. Н. Першина. При подготовке своего труда автор внимательно изучил всю литературу, относящуюся к данной теме, и опубликованные источники. Однако большая часть материалов, послуживших ему источниками, была почерпнута из архивов как центральных (ЦГАОР СССР и ЦГИА СССР), так и местных (государственные архивы Астраханской, Белгородской, Брянской, Вологодской, Куйбышевской, Новгородской, Оренбургской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Сумской, Тамбовской, Тульской, Черкасской и Ярославской областей). Характеристика этих источников дана автором в статье, помещенной в «Археографическом ежегоднике за 1967 год» (М. 1968).

В книге показано, что крестьяне, создавая после Февральской революции свои комитеты, получившие разное наименование, но в большей части — волостных исполнительных комитетов, видели в них органы своей власти, которая немедленно передаст им помещичьи земли. Временное правительство объявило эти комитеты низовыми органами государственной власти, то есть власти Временного правительства. Но революционная борьба крестьянства привела к тому, что весной 1917 г. во многих местах «волостные комитеты, состоявшие из трудящегося крестьянства, оставались народными органами власти и становились в один ряд с Советами крестьянских депу-

ские организации в 1917 г. «На аграрном фронте», 1927, № 10; А. В. Шестаков. Большевики и крестьянство в революции 1917 г. М.-Л. 1927; его же. Крестьянские организации в 1917 г. «Аграрная революция». В 4-х тт. Т. II. Крестьянское движение в 1917 году. М. 1928; Я. А. Яковлев. Крестьянская война 1917 г. Там же: см. написанное им же предисловие к сборнику документов «Крестьянское движение в 1917 году». М.-Л. 1927.

[2] «Аграрная революция». Т. II, стр. 88.

[3] Там же, стр. 156—157.

[4] П. Першин. Крестьянские земельные комитеты в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. «Вопросы истории», 1948, № 7. Материалы статьи позже вошли в книги П. Н. Першина «Очерки аграрной революции в России» (Киев. 1959, на укр. яз.) и «Аграрная революция в России» (кн. I. М. 1966); Е. А. Луцкий. Распоряжение № 3. (К истории земельных комитетов в 1917 году.) «Ученые записки» Московского городского пединститута, 1953, т. XXVI, вып. 3.

[5] В. И. Кострикин. Из истории земельных комитетов Рязанской губернии (март—октябрь 1917 г.). «Труды» МГИАИ, 1957, т. 9. Статьи других авторов посвящены земельным комитетам Мордовии, Воронежской губ, Башкирии, Северного Приуралья и Урала.

[6] Г. А. Герасименко. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг. Саратов. 1974.

[7] Последний параграф главы I написан совместно с Е. В. Иллерицкой, ее же перу принадлежит § 1 главы II.

татов» (стр. 33—34). Таким образом, В. И. Кострикин не расходится с выводом, к которому пришли другие исследователи ранее[8]. Некоторые крестьянские съезды в марте и апреле 1917 г. принимали решения о немедленной передаче крестьянам помещичьей земли и инвентаря, не дожидаясь Учредительного собрания. Это было сделано на губернских и уездных съездах Пензенской и Рязанской губерний. Материалы, которые подробно описаны в книге (стр. 43—58), наполняют конкретным содержанием слова В. И. Ленина, сказанные им на VII (Апрельской) конференции партии: «В Пензенской губернии власть складывалась под диктатурой крестьянства»[9]. Это вовсе не противоречит тому, что на других съездах в то же время, как говорил Ленин, была видна «мысль обождать с разрешением аграрного вопроса до Учредительного собрания,—это победа зажиточного крестьянства, склоняющегося к кадетам»[10]. Изучение политического положения в деревне весной 1917 г., проведенное В. И. Кострикиным, показывает, что двоевластие, существовавшее в период мирного развития революции и в деревне, не представляло равновесия классовых сил, одинакового в разных местах и неизменного на протяжении данного периода. В деревне шла упорная борьба за власть и помещичью землю, и только к июлю в результате соглашения эсеров с буржуазными партиями буржуазии удалось укрепить, но ненадолго, свою власть. Эта борьба шла и за земельные комитеты и внутри них.

Данные многочисленных источников, изученных автором, подверглись статистико-математической обработке, в результате чего появились 11 нумерованных таблиц, не считая ряда ненумерованных. В одном из документов Главного земельного комитета есть сведения, приводимые В. И. Кострикиным, об организации к сентябрю 1917 г. в 54 губерниях 11 680 комитетов в 80% волостей (стр. 137). Автор осуществил подсчеты по местным источникам 24 губерний Европейской России. Составленная им таблица показывает на то же время наличие 4 903 волостных земельных комитетов (стр. 138), что не только подтверждает достоверность данных Главного земельного комитета, но и раскрывает, как шла организация комитетов по месяцам: в мае было создано 978 комитетов, в июне — 1169, в июле — 2210, в августе — 546. Важность этих данных видна уже из того, что в одной только Тамбовской губернии, на основании изучения материалов которой А. В. Шестаков сделал приведенное выше заключение, уже в августе земельные комитеты были в 300 волостях, то есть почти во всех волостях губернии (стр. 138). Сведения о численности волостных земельных комитетов, имеющиеся в книге, полезно сопоставить с данными о численности волостных Советов крестьянских депутатов. По последнему, наиболее полному исследованию, относящемуся ко всей России, к октябрю 1917 г. в 29 губерниях Европейской России Советы крестьянских депутатов были в 787 волостях из 6670 волостей, входивших в эти губернии, то есть не более чем в 11% волостей[11]. Таким образом, автор статистически доказал, что волостные земельные комитеты были наиболее распространенной крестьянской организацией накануне Октября.

Таблицы 5—11 (стр. 217—218, 220, 221, 223, 267—268, 306—307, 313) и семь ненумерованных таблиц (стр. 222, 224, 257, 269, 280, 281, 309) содержат результаты статистической обработки автором сведений о действиях и выступлениях комитетов, об их участии в крестьянском движении, а затем в сентябре — октябре в крестьянской войне против помещиков и защищавшего их Временного правительства. Составление таких таблиц — дело сложное и трудоемкое. Из многочисленных и разнообразных документов или газетных материалов надо выбирать частные случаи, устанавливать или уточнять время и место, определять вид и направление выступления, выяснять, относится ли оно к выступлениям именно земельных комитетов. За март — октябрь 1917 г. автор насчитал 1088 выступлений комитетов и провел классификацию их по 17 видам и трем этапам: март — июнь, июль — август и сентябрь — октябрь (стр. 306—307, табл. 10). Примечательно, что захватно-разгромные выступления комитетов центрально-черноземных губерний в период мирного развития революции (март — июнь) составляли 33,1—57,8% всех выступлений, а в период крестьянской войны (сентябрь — октябрь) — 80—92,2% (стр. 280, ср. стр. 281). Крестьянские комитеты, в которых усиливалось влияние беднейших

[8] И. И. Минц. История Великого Октября. Т. I. М. 1967, стр. 861.
[9] В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 378.
[10] Там же, стр. 241.
[11] О. Н. Моисеева. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М. 1967, стр. 173.

крестьян, следовавших за партией большевиков, во многих местах шли во главе крестьян во время крестьянской войны.

Исследование показывает большое революционное значение деятельности волостных земельных комитетов, особенно осенью 1917 года. Читатель наглядно убеждается в том, насколько был прав Ленин в оценке волостных земельных комитетов во время Октябрьской революции, когда, составляя Декрет о земле, предложил поручить именно волостным земельным комитетам и уездным Советам крестьянских депутатов распоряжение всеми конфискуемыми помещичьими имениями со всеми землями, инвентарем и постройками [12].

[12] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 24.

Рецензируемая книга не лишена недостатков. Поскольку она является первой монографией о земельных комитетах 1917 г., автору следовало бы рассмотреть историографию изучаемой проблемы, ее достижения и недостатки, но по этому вопросу читатель находит лишь краткий обзор литературы в предисловии. Более подробно могли бы быть освещены такие вопросы, как борьба большевиков за влияние в земельных комитетах, взаимоотношения Советов и земельных комитетов, особенности развития деятельности земельных комитетов в различных районах страны. Исследование истории земельных комитетов может и должно быть продолжено.

Е. А. Луцкий

Я. Д. ІСАЄВИЧ. *Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні.* Львів. Вид-во Львівського державного університету. 1975. 152 стор. Тираж 4 000. Ціна 1 крб. 27 коп.

Возникновение в XVI в. книгопечатания в России и на Украине связано с именем первопечатника, просветителя, прогрессивного деятеля Ивана Федорова. В 1572—1583 гг. он жил на Украине. Почти три четверти его печатного наследия было создано именно в это время. Жизни и деятельности Ивана Федорова посвящено много трудов. Однако эта тема вызывает интерес исследователей и в наше время.

В книге старшего научного сотрудника Института общественных наук АН УССР кандидата исторических наук Я. Д. Исаевича дается обстоятельный обзор имеющейся литературы. При написании монографии автор обращается непосредственно к первоисточникам — к изданиям Ивана Федорова, которые хранятся как в библиотеках нашей страны, так и за ее пределами. Он использует также новые архивные данные.

Содержание рецензируемой книги шире ее названия. Фактически в ней прослежена вся жизнь и деятельность Ивана Федорова. В основу структуры исследования Я. Д. Исаевич положил хронологическо-тематический принцип. Это дало ему возможность последовательно осветить жизненный путь Ивана Федорова. Правда, параграфы о деятельности Ивана Федорова в Москве и Белоруссии целесообразно было бы из второй главы («Первые кириллловские типографии и их значение для Украины») выделить в отдельную главу.

Говоря о предпосылках возникновения книгопечатания на Украине, автор рисует положение украинских земель, находившихся сначала в составе Польши и Великого княжества Литовского, а после Люблинской унии 1569 г.— Речи Посполитой с ее магнатско-шляхетскими порядками, ограничением прав украинского и белорусского православного населения, усилением феодально-крепостнического гнета.

Я. Д. Исаевич обстоятельно прослеживает развитие связей между Россией и Украиной преимущественно в области культуры, что обусловлено темой исследования. Однако трудно согласиться с утверждением автора о том, что «обострение освободительной борьбы против социального и национального гнета явилось стимулом движения за поднятие культуры» (стр. 11). Дело в том, что сама сфера культурной жизни стала ареной этой борьбы. Культурное развитие шло с конца XVI в. более оживленно, чем раньше, но вряд ли есть веские основания говорить, что в это время «начался период бурного культурного развития» (стр. 13).

Как известно, первая типография, в кото-

рой употреблялся кирилловский алфавит, возникла не на тех землях, где он широко применялся, а в Кракове в 90-х годах XV века. Ее создателем был немец Швайпольт Фиоль. Я. Д. Исаевич выяснил, что это явилось результатом политики ограничения и преследования украинского населения тогдашними польскими властями. В монографии приведены убедительные факты, свидетельствующие о том, что в деятельности краковской типографии было заинтересовано и всячески ей содействовало украинское население Галиции и других земель. В начале XVI в. типографии для печатания книг кириллицей имелись также в Цетинье (Черногория), Венеции, Валахии и Трансильвании. Их издания распространялись и на Украине. В 1517 г. белорусский ученый и просветитель Франциск Скорина открыл типографию для печатания книг кириллицей и в Праге, а в 1522 г.—в Вильнюсе. Книги, изданные Ф. Скориной, появились и на Украине. Я. Д. Исаевич доказывает, что опыт Скорины был не только использован, но и обогащен Иваном Федоровым в процессе печатания книг в России и на Украине.

В те времена печатники не ограничивались изготовлением оборудования, букв и оттисков. Занимались они также выбором текстов, их редактированием, художественным оформлением книг и даже распространением изданий. Автор приводит факты, свидетельствующие о том, что Иван Федоров в совершенстве владел всем этим.

Основная часть книги посвящена пребыванию и деятельности Ивана Федорова на Украине. Автор показывает не только те условия, в которых ему приходилось жить и трудиться, но впервые выясняет, с кем он вступал в контакты и творчески сотрудничал. Это удалось установить с помощью обнаруженных им архивных материалов.

Во Львове Иван Федоров в 1574 г. выпустил в свет книгу «Апостол», что и явилось началом книгопечатания на Украине. В основу этого издания была положена книга, вышедшая в Москве. Но в отличие от нее львовский «Апостол» открывался заново написанными Иваном Федоровым объяснительными статьями, а также содержал послесловие—талантливое автобиографическо-публицистическое произведение; кроме того, в львовском издании есть ряд изменений типографского и художественного характера. Я. Д. Исаевич установил, что в этом проявились яркая самобытная индивидуальность Ивана Федорова, его высокое мастерство. Это издание нашло читателей не только на Украине, но и в Белоруссии, России, среди православного населения на Балканах и вызвало интерес в западноевропейских странах.

Значительное внимание уделено в монографии «Букварю», выпущенному Иваном Федоровым в 1574 году. Это был первый учебник на Украине для обучения детей грамоте. С некоторыми изменениями эта книга использовалась как учебник на Украине, в России и Белоруссии, а также в южнославянских странах вплоть до XVIII века.

В монографии дана обстоятельная характеристика изданий Ивана Федорова, увидевших свет в Остроге, где существовала школа высшего типа (современники называли ее академией), в которой работали известные учителя и писатели. Здесь в 1578 г. с некоторыми изменениями и дополнениями был переиздан «Букварь»; в 1580 г. опубликована «Книга Нового завета» вместе с Псалтырем; в 1581 г. издана «Хронология Андрея Рымши». Но основное место среди напечатанных в Остроге книг занимала Библия. Значение ее в то время выходило далеко за рамки религии. Издание Библии потребовало от Ивана Федорова и его сотрудников большого труда, знаний и внимания в деле выбора текста и даже перевода части его на церковно-славянский язык; оно выполнено на высоком полиграфическом уровне, имеет богатое и оригинальное художественное оформление и явилось образцом для изданий XVII—XVIII веков.

Благодаря комплексному освещению темы в монографии дана обстоятельная научная характеристика изданий Ивана Федорова. Автор пишет об условиях печатания книг, останавливается на их содержании, характеризует особенности языка и художественное оформление. Им впервые осуществлен разносторонний квалифицированный анализ изданий Ивана Федорова, вышедших на Украине. Можно лишь пожалеть, что в книге нет иллюстраций. Наглядность способствовала бы лучшему восприятию богатого материала, о котором идет речь.

В марте 1582 г. Иван Федоров, как известно, возвратился из Острога во Львов и занялся подготовкой новых изданий. Но смерть в 1583 г. прервала его деятельность. Большая часть оборудования типографии, шрифты и художественное наследие Ивана Федорова перешли к Львовскому братству, которое наладило издание книг и таким об-

разом продолжило дело, начатое первопечатником. В монографии приводятся новые данные, говорящие о том, что мастерство Ивана Федорова получило развитие и на Украине. Многие издания, выходившие в XVII—XVIII вв. в типографиях Киева, Чернигова, Новгорода-Северского, сохранили значительное количество элементов оформления, которые ввел первопечатник.

Труд Я. Д. Исаевича убеждает в том, что книгопечатание XVI—XVIII вв. явилось одной из ярких страниц в истории культуры на Украине, оно играло важную роль в развитии русско-украинских культурных связей.

Член-корреспондент АН УССР
Ф. П. Шевченко

«Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования». М. Изд-во «Наука». 1975. 296 стр. Тираж 3150. Цена 1 руб. 15 коп.

Решения XXV съезда КПСС, практика строительства социализма и коммунизма, необходимость активной борьбы с буржуазной идеологией требуют тщательной разработки вопросов методологии, историографии и истории общественно-экономических формаций. В этом плане несомненный интерес представляет сборник статей, подготовленный Институтом всеобщей истории АН СССР и Научным советом по проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» [1]. Он содержит 12 статей, посвященных общим и конкретным вопросам типологии формаций и форм перехода от одной формации к другой, то есть вопросам, весьма актуальным и до сих пор недостаточно исследованным.

Статья Е. М. Жукова дает содержательное освещение методологических вопросов формаций. Отвергая обвинения буржуазных идеологов в том, что марксисты якобы проявляют «предвзятый», «догматический», «односторонний» подход к истории, автор аргументированно показывает, что марксистская концепция социально-экономических формаций учитывает все многообразие жизни, общее, особенное и единичное в историческом процессе, учитывает не только решающее, определяющее влияние базиса, материального производства на развитие общества, но и важную роль идей, надстроечных явлений, их влияние на базис. Марксисты-ленинцы принимают во внимание всю сложность, противоречивость и неравномерность единого всемирно-исторического процесса общественного развития, его закономерно-прогрессивный характер, взаимовлияние, синтез различных формаций, регионов и т. д. (стр. 10—19).

Справедливо отмечая, что социально-экономическая формация «крайне редко выступает в чистом, неосложненном виде» (стр. 13), Е. М. Жуков критикует некоторых участников дискуссии 60-х годов за неоправданное стремление отыскать некий «азиатский способ производства», то есть еще одну формацию (стр. 13). Автор подчеркивает, что новые факты не только не опровергают, но, напротив, подтверждают открытый К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [2].

М. А. Барг и Е. Б. Черняк определяют регион как категорию внутренней типологии антагонистических формаций, исходя из базисных, экономических факторов. Они выделяют прежде всего такой признак, как «относительная однородность структуры и удельного веса господствующего способа производства в экономическом строе» (стр. 62). Тем самым их определение принципиально отличается от расплывчатых, вневременных абстракций Л. Клаасена, П. Клейна в других современных буржуаз-

---

[1] Ответственный редактор акад. Е. М. Жуков. Авторы статей сборника: М. А. Барг, Н. Я. Бромлей, Е. В. Гутнова, акад. Е. М. Жуков, В. Д. Королюк, акад. М. А. Коростовцев, Л. Н. Лисицина, А. П. Новосельцев, В. И. Павлов, В. Т. Пашуто, Б. Ф. Поршнев, З. В. Удальцова, Е. Б. Черняк, А. Н. Чистозвонов, Я. Н. Щапов.

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 58.

ных историков[3], затемняющих закономерно-прогрессивное общественное развитие сконструированными ими понятиями типа «функциональный регион», и др. В числе признаков региона авторы называют этническую общность, территориальную общность (отличающуюся, как они подчеркивают, «не столько этнической общностью, сколько характером экономических связей»), определенную политическую организацию и культурно-историческую общность (стр. 62—63). К сожалению, такие признаки региона, как этническая и культурно-историческая общность, в статье недостаточно обоснованы. Чувствуют это, по-видимому, и сами авторы, делающие, например, при характеристике культурно-исторической региональной общности оговорку, что этот признак не представляется им необходимым при вычленении региона и является производным от иных факторов. Но если данный признак не столь существен при определении региона, то зачем же включать его в число региональных атрибутов?

М. А. Коростовцев правомерно защищает научное — базисное, экономическое — понимание сущности рабства, выявляя недостаточность формально-юридического подхода к этому институту и справедливо отвергая попытки некоторых историков отыскать рабовладельческий строй в «чистом виде» (стр. 79—84).

Е. В. Гутнова и З. В. Удальцова, опираясь на обширную историографию и собственные исследования типологии и конкретной истории европейского феодализма и исходя из признания определяющей роли аграрной структуры в феодальных отношениях XI—XV вв., убедительно намечают три основных региона феодализма в Западной Европе: 1) северо-западный (Северная Франция, Северо-Западная Германия, Англия) — завершенный тип развития феодализма в деревне; 2) средиземноморский (Северная и Средняя Италия, Южная Франция, Испания) — незавершенный тип развития феодализма; 3) североевропейский (Скандинавские страны) — слаборазвитый тип феодализма (стр. 115—122). И хотя некоторые вопросы, затронутые авторами (степень влияния естественно-географической среды на развитие аграрной экономики регионов и др.), нуждаются в уточнении, в целом намеченная ими типология западно-европейского феодализма XI—XV вв. составляет серьезную основу для дальнейших исследований.

З. В. Удальцова дает обстоятельную критику попыток современных буржуазных историков истолковывать развитие феодализма в Византии по «западному» (Д. Закитинос и др.) или «восточному» (Д. Дэнструп и др.) пути (стр. 124—131), раскрывает сложность этого вопроса на основе анализа источников, сопоставления спорных точек зрения советских историков.

А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто и Я. Н. Щапов, выделяя базисные экономические признаки, намечают четыре региона раннефеодальных обществ на территории СССР (закавказский, среднеазиатский, европейский и сибирский) (стр. 192). По каждому из них они приводят перечень основных исторических проблем, ждущих еще своего решения. Жаль только, что авторы недостаточно используют результаты своих собственных наблюдений[4], например, для характеристики аграрной структуры раннефеодальной Руси.

Статьи о типологии феодализма выявляют большое разнообразие конкретных форм ранних и зрелых феодальных отношений, взаимодействия различных формаций, разных типов обществ, варианты синтеза различных типов социальной эволюции. Так, Е. В. Гутнова и З. В. Удальцова справедливо указывают, что перевес античных традиций в византийском феодальном синтезе обусловил как раннее превосходство местного городского ремесла над западноевропейским, так и последующее отставание этого ремесла от западноевропейской мануфактуры XV в., что весьма отрицательно сказалось на экономике Византии (стр. 114). На необходимость тщательного учета античных традиций в синтезе раннефеодальных отношений у народов Юго-Восточной Европы VI—XI вв. обоснованно

[3] См. А. Н. Чистозвонов. Проблемы медиевистики на VI Международном конгрессе экономической истории (1974). «Средние века». Вып. 39. М. 1975, стр. 259—260.

[4] См. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. 1972; В. Т. Пашуто. Проблемы истории Древней Руси. «Средние века». Вып. 34. М. 1971; Я. Н. Щапов. О социально-экономических укладах в Древней Руси (XI—1-ая половина XII в.), «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М. 1971; его же. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси (XI—XV вв.). М. 1972, и др.

обращает внимание В. Д. Королюк (стр. 177—178).

Проблему типологии генезиса капитализма в странах Азии и Африки рассматривает В. И. Павлов. Однако эта тема нуждается в дальнейшей разработке.

Сборник статей — не обобщающий труд. Авторы, конечно, не могли осветить все важнейшие проблемы типологии различных общественно-экономических формаций. И все же нельзя не пожалеть, что некоторые из проблем не нашли отражения в сборнике. Советские историки накопили большой материал, позволяющий поставить, например, вопрос о сравнительном анализе генезиса капитализма в России и Европе и США, о типологии промышленных переворотов и т. д. Интерес представляет типология развивающихся стран, в которых происходит сложная борьба социально-экономических укладов, тенденций некапиталистического уклада и капиталистического пути развития. Типология социальных революций, революционных форм перехода от одной формации к другой — также проблема первостепенной важности. Поскольку в истории не было «чистых» формаций, не было и «чистых революций», где борьба ограничивалась бы противоборством двух антагонистических классов (например, крестьян и феодалов в буржуазных революциях XVI—XVIII вв.). На деле все было гораздо сложнее: даже в ранних буржуазных революциях плебейские «низы» (сюда входил в качестве составной части и зарождающийся рабочий класс) выступали не только против феодализма, но и против буржуазии, ростовщиков, спекулянтов, за смутно понимаемое «счастье», «царство равенства», «общество без угнетения».

Советские историки проделали большую работу, чтобы показать всю сложность переплетения различных социальных мотивов в классовой борьбе, составившей содержание буржуазных революций XVI—XVIII вв. (работы М. М. Смирина, А. Н. Чистозвонова, А. В. Адо и др.). Но как отразить эту сложность в сравнительно-историческом методе изучения буржуазных революций XVI—XVIII веков? Интересную и заслуживающую внимания попытку в этом плане предпринял на страницах сборника А. Н. Чистозвонов. Однако его в общем верные теоретические мысли (о необходимости изучать революции XVI—XVIII вв. в тесной связи с общими закономерностями развития разных стадий мануфактурного капитализма и др.) не везде подкреплены исторической аргументацией. Впрочем, и сам автор предупреждает, что его «выводы и подходы к решению вопросов нуждаются в проверке дискуссией, требуют специальных исследований, могут рассматриваться в ряде случаев как рабочие гипотезы» (стр. 208).

В сборнике помещены статьи Н. Я. Бромлей и Л. Н. Лисициной, посвященные различным вопросам социальной структуры советского общества. Однако хотелось бы видеть здесь не только работы по специальным (хотя и важным) вопросам экономики СССР, но и методологические и историографические работы о достижениях советских историков, философов, экономистов в комплексной разработке критериев и основных признаков развитого социализма в СССР, равно как и о нерешенных вопросах этой темы. Из поля зрения авторов сборника выпала типология современных национально-освободительных революций, критика новейшей буржуазной и реформистской типологии революций, извращающей суть социальной революции и марксистско-ленинской теории прогресса («финансовая революция», «супериндустриальные революции» и др.). Не реализована в сборнике и верная мысль вводной статьи Е. М. Жукова (стр. 16—17) о необходимости внимательного изучения влияния надстроечных явлений на изменение базиса, экономики.

Сборник вносит определенный вклад в отдельные малоизученные вопросы типологии формаций. Вместе с тем рассмотрение его проблематики еще раз показывает, насколько важны и необходимы дальнейшие исследования конкретно-исторических и теоретических вопросов общественно-экономических формаций с позиций марксистско-ленинской методологии.

В. А. Гавриличев, В. В. Иванов

«Вопросы историографии в высшей школе». Смоленск. 1975. 477 стр. Тираж 2 500. Цена 2 руб. 50 коп.

Степень зрелости науки во многом определяется глубиной ее самопознания. История как наука познает себя, в частности, посредством историографических исследований. За последние 10—15 лет советские историки достигли существенных успехов в этой области. Поэтому особенно остро встал вопрос о внедрении научных достижений историографии в практику, то есть прежде всего в педагогический процесс. Оба аспекта историографии — научно-исследовательский и педагогический — рассматривались в тесной взаимосвязи на Всесоюзной конференции преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов, которая проходила с 31 января по 3 февраля 1973 г. в Смоленске[1]. Материалы конференции составили рецензируемую книгу[2], в содержании которой рельефно отразился уровень историографических исследований и преподавания историографии в высшей школе по состоянию на первую половину 70-х годов.

О возрастании роли истории исторической науки в связи с развитием науковедения, закономерного явления эпохи научно-технической революции, говорилось во вступительном слове председателя Научного совета по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР акад. М. В. Нечкиной: «Без истории науки нельзя понять ни сложение ее состава, ни проблем ее развития и возникновения сменяющих друг друга научных задач, ни роли в науке ученого-исследователя и работы коллектива» (стр. 10). Основной комплекс историографической проблематики был проанализирован акад. А. Л. Нарочницким[3].

В условиях специализации и дифференциации, характерных для современного состояния науки, историографические исследования призваны выполнять интегрирующую функцию, помогая историкам ориентироваться во всем многообразии процесса складывания исторического знания. Задача историографии не может ограничиваться изучением того, как писалась история. Она должна также помогать историку осваивать науку и искусство писания истории. Эту сторону историографического исследования специально выделил А. Ф. Смирнов. Историографический анализ, по его словам, выполняет свою роль, если он дает «теоретическое обобщение, обогащающее материалистическую теорию истории, четко определяющее место и роль исследуемого явления (события) в историческом процессе», служит разработке теории исторического познания, совершенствованию искусства, мастерства источниковедческого анализа, «росту «школы», профессионализма историков» (стр. 459—460). В докладе Е. Н. Городецкого обращено внимание на то обстоятельство, что изучение круга проблем, составляющих предмет историографического исследования, «открывает большие возможности для познания истории культуры, идеологии, идейно-политической борьбы» (стр. 36). Говоря о социальной и практической значимости историографии, автор подчеркнул, что она помогает в разработке стратегии научного поиска, при планировании научных исследований и подготовке кадров, определении наиболее эффективной структуры научной организации.

Для более полной реализации этих возможностей историографических исследований необходимо, чтобы они опирались на широкий информационно-справочный базис. З. В. Бармина говорила, в частности, о том, что ценным источником могли бы стать статистические справочники, в которых были бы количественно выражены разработка конкретных тем, возрастной состав ученых, научная продукция вузов и научно-исследовательских учреждений (стр. 204). Мысль о создании системы информационных и справочных изданий была высказана в докладе В. А. Дунаевского. О плодотворности использования в историографии статистики свидетельствует и ряд других материалов конференции

[1] См.: Г. Д. Алексеева, М. Г. Вандалковская. Всесоюзная конференция по вопросам преподавания историографии. «История СССР», 1973, № 4; В. А. Муравьев, А. М. Сахаров. О преподавании историографии в вузах СССР. «Вопросы истории», 1974, № 2.

[2] Редколлегия: акад. М. В. Нечкина (ответственный редактор), акад. А. Л. Нарочницкий, чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, Г. Д. Алексеева, Д. И. Будаев, В. М. Вишневский, И. П. Дементьев, В. А. Дунаевский, А. А. Кондрашенков, В. П. Наумов, И. Н. Неманов, Г. Т. Рябков, А. М. Сахаров.

[3] Содержание доклада см.: А. Л. Нарочницкий. О преподавании историографии в высшей школе. «Вопросы истории», 1973, № 6.

(например, основанный на обработке анкетных данных доклад В. А. Муравьева о преподавании историографических курсов в вузах страны, а также проведенный О. А. Афанасьевым анализ состава кандидатов и докторов исторических наук, защитивших диссертации в годы восьмой пятилетки).

В докладах А. Л. Нарочницкого, Е. Н. Городецкого, А. М. Сахарова четко определен предмет историографии, показано то общее, что сближает ее с историей общественной мысли, философией, историей политических идей, и одновременно то специфическое, что свойственно ей как самостоятельной отрасли исторического знания. Значительный интерес представляют предложенные Е. В. Гутновой определения таких важнейших категорий историографического анализа, как «течение», «направление», «школа». Критерии для их выделения — методологические принципы и проблематика исследований (стр. 93—94). Правда, Е. В. Гутнова поясняет, что речь идет только о немарксистской историографии. Вопрос о критериях дифференцированного подхода к марксистско-ленинской историографии, базирующейся на единых методологических принципах, нуждается в специальном исследовании.

В докладах А. Л. Нарочницкого, Е. Н. Городецкого, В. А. Дунаевского приводятся качественные и количественные показатели развития историографических исследований в советской исторической науке, отмечается тенденция к созданию обобщающих трудов по ключевым проблемам и сюжетам отечественной и зарубежной истории, по историографии отдельных стран. Многое сделано для того, чтобы показать вклад классиков марксизма-ленинизма в развитие исторической науки. Появились обобщающие работы по советской историографии ряда союзных республик. Всего, по данным, приведенным Е. Н. Городецким, за 1956—1971 гг. было опубликовано до 1500 книг, брошюр и статей историографического характера (стр. 34—35). Из доклада В. А. Дунаевского видно, насколько расширилась география историографических исследований. Сложились региональные центры в Томске, Казани, Воронеже, Саратове и других городах. Это результат обоюдных усилий Научного совета по проблеме «История исторической науки» и историков на местах.

Конференция наметила главные направления дальнейших историографических изысканий. Центральная задача — интенсивная разработка проблем методологии исторического познания. О том же свидетельствует и анализ кандидатских диссертаций по отечественной историографии, проведенный Г. Д. Алексеевой и М. Г. Вандалковской. В свете решений XXV съезда КПСС возрастает актуальность изучения принципиальных вопросов теории исторического познания, а следовательно, и проблем историографии. В условиях разрядки, когда обостряется идейное противоборство двух систем, историки-марксисты должны с максимальной оперативностью и убедительностью разоблачать несостоятельность концепций буржуазных ученых и идеологов, делающих теперь ставку на самые изощренные методы идеологической борьбы.

Развитие историографии вширь и вглубь существенным образом сказалось на педагогическом процессе в высшей школе. Общие и специальные курсы по историографии прочно вошли в практику университетов и пединститутов. Доклады представителей тех вузов, в которых сложились давние традиции преподавания историографии (МГУ, МГПИ, МГИАИ), содержат важные соображения о построении и содержании историографических курсов. Это относится прежде всего к положению, выдвинутому А. М. Сахаровым, о том, что внутренняя структура курса должна соответствовать логике исторического исследования (стр. 42). Изучение студентами историографии помогает им глубже осознать значение революционного переворота в науке, совершенного марксизмом-ленинизмом. Хотя стержневыми элементами при построении курса являются направления исторической мысли, тем не менее важное место в нем должно быть отведено и отдельным ученым, чьи труды создают определенные тенденции, чьи методологические и методические открытия образуют основы для школ и направлений.

О творческой лаборатории авторского коллектива, подготовившего учебник «Историография истории СССР. Эпоха социализма», рассказал В. Е. Иллерицкий. С обоснованием программы по историографии новой и новейшей истории выступил И. П. Дементьев. Она базируется на подготавливаемом кафедрой новой и новейшей истории истфака МГУ учебном пособии под редакцией И. С. Галкина. Как и пособие, программа строится по хронологическому принципу, рассматривая развитие истори-

ческой науки в рамках отдельных стран Европы и Америки. Такой подход вызвал возражения со стороны К. Б. Виноградова, который, опираясь на опыт чтения аналогичного курса в ЛГУ, предложил сочетать хронологический принцип с проблемным. Полемика по этому вопросу отражает реальные трудности как научного исследования, так и преподавания историографии. Хронологический подход позволяет воспроизвести динамику историографического процесса, а проблемный — все многообразие складывания исторического знания. Один из них дает возможность проследить историографический процесс по хронологической вертикали, а другой — по горизонтальному проблемному срезу. Если в сфере науки исследования, построенные по тому или иному принципу, просто взаимодополняют друг друга, то в сфере преподавания для комбинирования обоих подходов необходимы предварительные методические разработки и, возможно, их экспериментальная проверка.

В выступлениях Б. Г. Вебера, Н. А. Ерофеева, О. В. Волобуева, В. В. Гусева проводилась мысль о необходимости преодоления наметившегося разрыва между различными отраслями историографии, особенно между историографией отечественной и зарубежной истории. Б. Г. Вебер предложил разработать общую историографию всемирной истории (стр. 466). Реализация этой задачи в научном плане потребует усилий коллектива высококвалифицированных специалистов. В педагогическом плане к ее решению можно приблизиться путем максимальной синхронизации чтения курсов по отечественной и всеобщей истории. Однако до тех пор, пока историография всеобщей истории не будет включена в учебные планы университетов как обязательный предмет, не может быть построена целостная система преподавания историографических дисциплин.

Интересным опытом проведения просеминариев по историографии отечественной истории поделился чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко. Такие занятия прививают студентам навыки историографического анализа. Итогом работы в них часто являются дипломные работы разного типа, разной степени сложности. Выступавший говорил о настоятельной необходимости обеспечения практических занятий пособиями, в первую очередь хрестоматиями. Если трудности с источниками испытывают преподаватели отечественной историографии, то в еще более сложном положении находятся те, кто ведет курс зарубежной историографии. Поэтому весьма актуально предложение В. В. Гусева об издании серии хрестоматий по всем разделам историографии под рубрикой «Антология мировой исторической мысли».

Внимание преподавателей историографии, несомненно, привлекут сообщения О. В. Волобуева и А. А. Литвина о структуре и методике чтения историографических спецкурсов, Р. Г. Эймонтовой — о взаимосвязи между исторической библиографией и преподаванием истории исторической науки. Опыт работы со студентами по источниковедению историографии, накопленный в МГИАИ, обобщил С. О. Шмидт. Г. Т. Рябков говорил о роли и месте исторического краеведения в преподавании историографии. Ученые Казани, Уфы, Смоленска, Владивостока, Каменец-Подольска, Волгограда, Усть-Каменогорска осветили состояние преподавания историографии в своих вузах.

Значительное место в материалах конференции заняли доклады и сообщения по конкретным историографическим проблемам. Они интересны прежде всего тем, что отражают все многообразие типов историографических исследований. Их предметом являются направления исторической мысли, определенные историографические тенденции, концепции и явления, творчество отдельных историков. Актуальным вопросам изучения социальной истории советского общества посвящен доклад В. М. Селунской. Интересные мысли содержатся в коллективном сообщении В. В. Мавродина, Р. М. Мавродиной, М. Б. Свердлова, И. Я. Фроянова о принципах работы над монографией по советской историографии Киевской Руси. В докладе В. П. Смирнова проанализированы важные тенденции современной французской историографии. Новые явления в американской и западногерманской историографии показали П. Б. Уманский и А. И. Борозняк. О развитии историографии союзных республик шла речь в сообщениях Г. Шаджюса, Г. И. Желтовой. Вопросы региональной историографии были подняты А. А. Кондрашенковым и П. А. Колесниковым. Интересной постановкой проблемы и интерпретацией историографических источников отличались сообщения Б. С. Абалихина, Е. В. Чистяковой, П. Я. Крупникова. Многими докладчиками в той или иной степени затрагивались вопросы методологии, однако собственно мето-

дологической проблематике было посвящено лишь выступление Б. Г. Могильницкого.

Доклады и выступления участников конференции углубляют представление о роли и месте историографии в системе исторических дисциплин. Опубликованные материалы вносят существенный вклад в разработку методологии и методики историографического анализа. В них дана характеристика разнообразных типов историографических исследований, раскрыта их специфика. Преподаватели историографии найдут в книге ценные рекомендации по построению общих и специальных курсов, проведению практических занятий. Основательное обобщение исследовательского и педагогического опыта позволило четко и целеустремленно определить в решениях конференции круг конкретных практических задач для большой группы ученых-историографов. Следует и в дальнейшем публиковать такого рода издания. Они явятся своеобразными вехами, помогающими проследить эволюцию историографии как науки и как учебной дисциплины.

П. Ю. Рахшмир

Г. С. КУЧЕРЕНКО. *Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.* М. Изд-во «Наука». 1975. 358 стр. Тираж 4 300. Цена 1 руб. 53 коп.

Выход в свет нового научного исследования о сен-симонизме является весьма отрадным симптомом того, что наша историография возвращается к традициям углубленного изучения истории социалистических идей в самой тесной связи с развитием общественной мысли и общественной науки соответствующего времени. Работу доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР Г. С. Кучеренко характеризует многоплановое применение этого важнейшего методологического принципа научного исследования истории утопического социализма. Различные аспекты избранной темы автор свел в общую проблему, сформулированную как «исследование судеб сен-симонизма в общественной мысли первой половины XIX века» (стр. 60).

Монография, конечно, далеко не исчерпала этой обширнейшей задачи — многие относящиеся к теме вопросы остались невыясненными либо только обозначенными. Понимая всю сложность задуманного исследования, автор выделил на идейной карте первой половины XIX столетия несколько крупных пунктов, которые конкретизировали его замысел. Он проследил судьбы идей А. Сен-Симона в творчестве представителей сен-симонистской школы, в характеристике их вклада в эти идеи и при выяснении возможных путей влияния сен-симонистских идей на воззрения других утопистов — Ш. Фурье и Р. Оуэна. Кроме того, автор поставил своей целью более точно определить степень влияния и подлинное соотношение сен-симонистских идей с исторической концепцией О. Тьерри, с позитивистской социологией О. Конта, с идеями социального католицизма первой половины XIX в. у его основателя Ф. Бюше.

Наряду с многочисленными опубликованными источниками по различным проблемам, в том числе еще малоизученной сен-симонистской прессой 20—30-х годов XIX в. и мемуарной литературой той эпохи, в работе использованы выявленные автором во французских архивах новые материалы о сен-симонизме. Наибольшие результаты дало впервые предпринятое Г. С. Кучеренко обследование сен-симонистских фондов в отделе рукописей парижской библиотеки Арсенала, в том числе просмотр части огромного «фонда Анфантена» и интереснейшего «фонда Эхталя». Плодотворным оказалось также изучение рукописей сен-симонистских фондов в Национальной библиотеке и в парижской городской исторической библиотеке. Отметим также как положительный факт публикацию в качестве приложения к книге трех редчайших источников: впервые напечатанных в русском переводе исключительно важных текстов размышлений Сен-Симона о рабочем классе, проливающих дополнительный свет на его позиции по этому вопросу в последний период жизни.

Критический очерк более чем полуторавекового изучения сен-симонизма автор дополнил острополемическим обозрением его

современной буржуазной историографии. Г. С. Кучеренко сосредоточил внимание на критике тех ее направлений, которые стремятся представить Сен-Симона не утопическим социалистом, а основоположником позитивистской социологии и зачинателем ее «деидеологизации», или же пионером идей «гармонического капиталистического индустриализма», либо идейным наставником социального католицизма. Автор показывает, что во всех таких ложных толкованиях сен-симонизма отразилась идеологическая борьба нашего времени на участке истории социалистических идей, которая характеризует стремление современной буржуазной историографии выхолостить содержание идей Сен-Симона, неотделимое от критико-утопического социализма.

В своем исследовании Г. С. Кучеренко неоднократно возвращается к этому вопросу. Он считает необходимым аргументированно подтвердить марксистский тезис о Сен-Симоне как утопическом социалисте, показывает нарастание социалистических черт в мировоззрении и творчестве этого утописта. Эти содержательные страницы книги направлены не только против модных буржуазных кривотолкований Сен-Симона, но и против встречающихся у отдельных марксистских исследователей попыток при помощи сомнительных оговорок вновь поставить под сомнение правомерность причисления Сен-Симона к числу великих социалистов-утопистов. Г. С. Кучеренко справедливо замечает, что такие оговорки «обедняют один из идейных источников научного социализма» (стр. 316).

В работе прослеживаются и комментируются многочисленные высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, дающие возможность широко представить их вывод о Сен-Симоне как великом французском социалисте-утописте и мотивировать глубокие методологические основания для такого заключения. В книге высказана правильная и заслуживающая внимания весьма плодотворная мысль об ошибочности механического перенесения критериев утопического социализма одной исторической эпохи на другую и подчеркивается, что «критерии, годные для раннего утопического социализма, недостаточны для критико-утопического социализма XIX века» (стр. 37). Здесь выдвигается и формулируется один из важнейших методологических принципов научного исследования истории утопического социализма. Остается только пожелать, чтобы этот принцип получил развернутое историческое и социологическое обоснование, ограждающее его от всяких превратных толкований.

Интерес представляет та часть книги, в которой выясняются судьбы идейного наследия Сен-Симона в творчестве его учеников и последователей, составлявших сен-симонистскую школу конца 20-х — начала 30-х годов XIX в., и которая более всего насыщена ценным конкретным материалом и выводами автора. Перед читателем — содержательный исторический очерк формирования сен-симонистского движения, анализ его этапов, состава участников и роли выдающихся его деятелей в идейной оснастке движения, в разработке религиозно-этических, историко-социологических, экономических и социальных построений мысли сен-симонистской школы на различных этапах. Г. С. Кучеренко выразительно обрисована сложная картина идейных устремлений и творческих усилий представителей сен-симонистской школы, расхождений внутри нее и споров, приводивших к растущей идейной дифференциации и к идейному тупику сен-симонизма в начале 30-х годов XIX века. Картине этой, изобилующей интересными новыми данными, почерпнутыми автором из сен-симонистских архивов, к сожалению, недостает ясности в изображении соотношения между основными идейными компонентами сен-симонизма: идейным наследием учителя и творчеством его учеников. Автор неоднократно говорит о развитии учениками идей учителя и о «крупном шаге вперед», достигавшемся ими в ряде случаев, но еще чаще подчеркивает, что «руководители «сен-симонистской школы», каждый по-своему, развили и одновременно довели до абсурда ряд положений Сен-Симона» (стр. 65) или, как отмечается в другом месте, «существенно развили и одновременно исказили его учение» (стр. 75). Эти плохо согласующиеся между собой суждения несколько затуманивают важнейший период в теоретическом развитии сен-симонизма.

Не проясняют его и новые дефиниции, вводимые Г. С. Кучеренко,— предложение употреблять термин «сен-симонизм» только для обозначения идейного наследия самого Сен-Симона, а воззрения его учеников характеризовать как «идейное наследие сен-симонистской школы» либо «сен-симонистского движения» (стр. 88). Признаться, нам не кажутся убедительными эти предложения, преследующие цель возвести повыше стену, отделяющую «учителя» от

«учеников», и мы сильно сомневаемся в том, облегчают ли они понимание закономерно противоречивого процесса, в котором достигалось дальнейшее теоретическое развитие сен-симонизма. В этих дефинициях автор сохраняет понятие «сен-симонистская школа», но бывают ли школы из одних учеников, без учителя? Если же «ученики», как утверждает Г. С. Кучеренко, сотворили нечто совершенно отличное от того, что проповедовал «учитель», если идеи его были столь искажены и доведены до абсурда «учениками», то какой, собственно, резон автору этих дефиниций сохранять за подобным творчеством учеников имя учителя, вместо того чтобы сорвать со «школы» ее неправомерную и фальшивую вывеску по приговору строгой исторической критики?

Наряду с этими сомнениями читателю приходится иногда досадовать по поводу того, что в книге встречаются места, свидетельствующие о недостаточно критическом отношении к идейным постулатам «сен-симонистской школы». Приведем несколько примеров, относящихся к анализу творчества самых выдающихся учеников Сен-Симона. Так, если критически подойти к социально-исторической схеме А. Базара, доказывавшего, что сен-симонистский социальный идеал «промышленной системы», как «ассоциации трудящихся», является высшей целью всех усилий человечества и его «окончательным состоянием», как «социальный строй, который уже не поддается совершенствованию», то трудно узреть в этой концепции «важнейшую заслугу» теоретического столпа «сен-симонистской школы» (стр. 154—155). Ведь это равносильно тому, чтобы объявить важнейшей заслугой сен-симонизма и его «школы» отказ от социального идеала коммунизма. Нет нужды доказывать, насколько затруднит подобная оценка историческую и критическую характеристику сен-симонистского идеала «промышленной системы» во всем переплетении противоречий ее буржуазно-компромиссного социализма.

Нам кажется необходимым возразить также некоторым авторским оценкам П. Анфантена, другого главы «сен-симонистской школы». Г. С. Кучеренко оспаривает традиционные характеристики Анфантена, «выпячивание» его первостепенной роли в разработке догматов сен-симонистской религии и церкви, он склонен выдвинуть на передний план «Анфантена-экономиста, создателя политэкономии, написанной с позиций сен-симонизма» (стр. 159). В работе уделено поэтому особое внимание анализу экономических воззрений Анфантена, в творческом наследии которого придается важнейшее значение его книге 1831 г.— «Политическая экономия и политика», которая завершала разработку Анфантеном теоретических проблем капиталистической экономики. Г. С. Кучеренко видит в этой книге попытку «построить политическую экономию на принципах критико-утопического социализма», что составляло, по его мнению, «неоспоримую заслугу» Анфантена (стр. 187). Отдавая должное многостороннему и кропотливому анализу экономических идей Анфантена, впервые предпринятому Г. С. Кучеренко, мы все же не можем согласиться с оценками Анфантена как автора «глубоких экономических идей» (стр. 159). Более того, в работе утверждается, будто в книге «Политическая экономия и политика» Анфантеном был «сделан новый шаг на пути развития социализма от утопии к науке» (стр. 161).

Такая весьма многозначащая оценка вынуждает нас более определенно обозначить расхождения с Г. С. Кучеренко во взглядах на «Анфантена-экономиста». Нам представляется, что необходимую ясность в этот изрядно запутанный вопрос должно внести прежде всего отчетливое понимание того, что важнейшие положения анфантеновской «политэкономии» отнюдь не являлись плодом оригинальной и глубокой экономической мысли. В сущности они были перепевом модных теорий французских вульгарных буржуазных экономистов той эпохи, и прежде всего Ж.-Б. Сэя. Это в особенности относится к важнейшему пункту сен-симонистской «политической экономии», к объяснению капиталистической системы эксплуатации наемного труда. Анфантен рассматривал функции капиталиста как «распределителя средств производства», предоставляющего их в аренду нуждающимся работникам-пролетариям и взимающего за это с них дань. Как видим, Анфантен был далек от понимания самих основ капиталистического способа производства и посему истолковывал их категориями феодальных отношений, феодальной ренты. Иногда это подмечается и в работе Г. С. Кучеренко (см. стр. 174, 183). И все же ничего не меняется в его самых высоких аттестациях «Анфантена-экономиста».

Не случайно, что во всех трех томах «Теорий прибавочной стоимости» Маркс ни разу не упомянул Анфантена и его сочи-

нение о политической экономии, которое Марксу было хорошо знакомо еще во время работы над «Немецкой идеологией». Как известно, в капитальнейшем исследовании истории экономической науки—в IV томе «Капитала» Маркс прослеживал множество мыслей, догадок и зародышей теоретических идей у различных экономистов по проблемам эксплуатации труда и природы капиталистической прибыли. И если он совершенно игнорирует «Анфантена-экономиста», то не кроется ли объяснение этого факта в теоретической немощи последнего в области политэкономии, поскольку его нетворческая композиция относительно системы капиталистической эксплуатации наемного труда отвергала теорию стоимости классиков буржуазной политической экономии и тем самым закрывала путь плодотворного исследования этих проблем и возможность приблизиться к основам экономической науки?

Можно было бы привести и другие дискуссионные положения и выводы, которые содержатся в работе, например, попытку обосновать возможность привить некоторые сен-симонистские идеи к стволу утопической системы Фурье, поскольку предположение Г. С. Кучеренко о влиянии этих идей на Фурье остается не выверенным на текстах сочинений последнего. Мы отмечаем наличие таких спорных положений и предположений в рецензируемой работе не потому, что видим в этом свидетельство ее слабостей или пороков. Напротив, в таких спорах мы усматриваем один из верных признаков творческого характера научного исследования столь большого масштаба. Сложность и многомерность исследовательской проблемы, которой посвящена книга, делает закономерными споры по ряду поднятых в ней вопросов. Неизбежность этих споров увеличивают еще и проявленные автором усилия в поисках новых источников, материалов, новых аспектов исследуемых вопросов.

Не удивительно поэтому, что рассматриваемая монография Г. С. Кучеренко, решив многие сложные вопросы своей темы, в то же время широко выявила ряд еще не решенных вопросов. И в том и в другом можно видеть заслугу автора, который в целом успешно продвинул вперед марксистско-ленинское исследование самого значительного направления критико-утопического социализма XIX в., оказавшего наиболее разностороннее влияние на общественную мысль своего времени и на все развитие социализма от утопии к науке.

Н. Е. Застенкер

НОВЫЕ КНИГИ

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 7. Март—ноябрь 1919. М. Политиздат. 1976. XII, 700 стр. с илл. (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). 38 000 экз. 1 руб. 50 коп.

КПСС о формировании нового человека. Сборник документов и материалов. 1965—1976. М. Политиздат. 1976. 456 стр. 55 000 экз. 91 коп.

История СССР

Артилаква В. Е. *Железообрабатывающее ремесло древней Грузии.* Тбилиси. «Мецниереба». 1976. 263 стр. с илл. 1 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Безман Е. С., Стромилов Н. Н. *Часовые партизанского эфира.* Л. Лениздат. 1976. 159 стр. 100 000 экз. 43 коп.— Воспоминания о боевых делах партизан-радистов в годы Великой Отечественной войны.

Бокиев О. Б. *Социально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии.* Душанбе «Ирфон». 1976. 152 стр. 1 000 экз. 1 руб. 12 коп.

Великая Победа советского народа. 1941—1945. Материалы научной конференции, посвященные 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М. «Наука» 1976. 648 стр. 45 500 экз. 3 руб.

Великие Луки. Исторические очерки. Сост. П. М. Давыденко. Л. Лениздат, Псковское отделение. 1976. 352 стр. с илл. 50 000 экз. 77 коп.

Ветров И. Е. *Дорога на Потсдам* М. Политиздат 1976. 112 стр. с илл. (Серия «Герои Советской Родины»). 200 000 экз. 17 коп.

Власова И. В. *Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в.* М. «Наука». 1976. 119 стр. 1 550 экз. 98 коп.

Внешняя политика Советского Союза. Актуальные проблемы. М. «Международные отношения». 1976. 304 стр 25 000 экз. 1 руб. 26 коп.

Война. Народ. Победа. 1941—1945. Статьи. Очерки. Воспоминания. Кн. 2. Сост. И. М. Данишевский. М. Политиздат. 1976. 206 стр. с илл. 300 000 экз. 73 коп.

Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 240 стр. 2 450 экз. 1 руб. 38 коп.

Галоян Г. А. *Россия и народы Закавказья.* Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М. «Мысль». 1976. 455 стр. 3 000 экз 2 руб. 9 коп.

Гельбух Ф. Н., Лопата П. П. *Развитое социалистическое общество: историческое место и основные черты.* М. Политиздат. 1976. 128 стр. (Серия «Развитой социализм»). 65 000 экз. 23 коп.

Древности Ташкента. Сборник статей. Ташкент. «Фан». 1976. 131 стр. 1 200 экз. 80 коп.

Замалеев А. Ф. *М. А. Фонвизин.* М. «Мысль». 1976. 152 стр. (Серия «Мыслители прошлого»). 40 000 экз. 17 коп.— Очерк мировоззрения декабриста.

Зелинский П. И., Ракевич Н. А. *Печать КПЗБ в борьбе за свободу.* Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1977. 144 стр. 1 200 экз. 80 коп.

Ирошников М. П. *Во главе Совнаркома.* Государственная деятельность В. И. Ленина в 1917—1922 гг. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 216 стр. с илл. (Серия «История нашей Родины»). 5 000 экз. 77 коп.

История и историки. Историографический ежегодник, 1974. М. «Наука». 1976. 359 стр. 3 200 экз. 1 руб. 92 коп.

Кабузан В. М. *Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века. 1719—1858 гг.* М. «Наука». 1976. 307 стр. 1 350 экз. 2 руб. 10 коп.

Корнеев С. Г. *Научные связи Академии наук СССР со странами Азии и Африки.* М. «Наука». 1976. 383 стр. 1 500 экз. 2 руб. 76 коп.

Коротков Ю. *Писарев М.* «Молодая гвардия». 1976. 368 стр. с илл. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 13 (565). 100 000 экз. 99 коп.

Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М. «Наука». 1976. 460 стр. 9 000 экз. 2 руб. 19 коп.

Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М. «Наука». 1976. 360 стр. 3 350 экз. 1 руб. 48 коп.

Лаппо Д. Д. *Историография гражданской войны в Центральном Черноземье.* Воронеж. Изд-во Воронежского ун-та. 1977. 151 стр. 3 000 экз. 66 коп.

Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812—1870. Т. 2: 1851—1858. Сост. Л. Р. Ланский и И. Г. Птушкина. М. «Наука». 1976. 487 стр. с илл. 5 600 экз. 2 руб. 31 коп.

Лященко Н. Г. *Годы в шинели.* Кн. 2. Гроза над Родиной. 1941—1943 гг. Фрунзе. «Кыргызстан». 1976. 286 стр. с илл. 100 000 экз. 93 коп.

Макаренко Я. *Белые флаги над Берлином.* Из блокнота военного корреспондента. М. Воениздат. 1976. 268 стр. 65 000 экз. 53 коп.

Марков А. *Были Астраханского края.* Очерки истории. Изд. 2-е, доп. Волгоград. Нижне-Волжское книжное изд-во. 1976. 319 стр. с илл. 30 000 экз. 62 коп.

Марков Г. Е. *Кочевники Азии.* Структура хозяйства и общественной организации. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 319 стр. 3 720 экз. 2 руб. 59 коп.

Моисеева Г. Н. *Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве».* К истории сборника А. И. Мусина-Пушкина со «Словом». Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 96 стр. с илл. 5 000 экз. 47 коп.

Народное хозяйство Азербайджанской ССР в 1975 году. Статистический ежегодник. Баку. «Азернешр». 1976. 458 стр. 2 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Народное хозяйство Грузинской ССР в 1974 г. Статистический ежегодник. Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1976. 200 стр. 2 000 экз. 1 руб. 39 коп.

Народное хозяйство Карельской АССР в девятой пятилетке. Статистический сборник. Петрозаводск. «Карелия». 1976. 166 стр. 4 000 экз. 35 коп.

Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. Статистический сборник о развитии за годы девятой пятилетки. Йошкар-Ола. Маркнигоиздат. 1976. 192 стр. 2 500 экз. 30 коп.

Народное хозяйство Новгородской области. Статистический сборник. Л. Лениздат, Новгородское отд-ние. 1976. 90 стр. 3 000 экз. 18 коп.

Народное хозяйство Ставрополья в девятой пятилетке. 1971—1975. Статистический сборник. Ставрополь. Книжное изд-во. 1976. 190 стр. 5 000 экз. 25 коп.

Народное хозяйство Томской области за 1971—1975 гг. Статистический сборник. Новосибирск. Западно-Сибирское книжное изд-во 1976. 96 стр. 5 000 экз. 45 коп.

Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 г. Статистический ежегодник. Ташкент. «Узбекистан». 1976. 455 стр. 5 000 экз. 1 руб. 34 коп.

Народное хозяйство Украинской ССР в 1975 году. Статистический ежегодник. Сост. В. В. Самченко, Б. А. Сивко, Е. А. Пенто. Киев. «Техника». 1976. 539 стр. 5 000 экз. 2 руб. 61 коп.— На укр. яз.

Ненароков А. П. *1917.* Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. М. Политиздат. 1976. 239 стр. с илл. 300 000 экз. 1 руб. 93 коп.

Неупокоев В. И. *Крестьянский вопрос в Литве во второй трети XIX века.* М. «Наука». 1976. 309 стр. 1 100 экз. 1 руб. 59 коп.

Политическая организация развитого социалистического общества. Кишинев. «Штиинца». 1976. 143 стр. 1 100 экз. 78 коп.

Прохватилов А. И. *В. И. Ленин и советская военная печать.* Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1976. 93 стр. 2 745 экз. 22 коп.

Сафронов Б. Г. *Историческое миро-*

воззрение Р. Ю. Виппера и его время. М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 223 стр. 3 200 экз. 1 руб. 50 коп.

Свердлова К. Т. *Яков Михайлович Свердлов.* Изд. 3-е. М. «Молодая гвардия». 1976. 399 стр. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 3 коп.

Силин А. *Боевая рабочая...* Воронеж. Центрально-Черноземное книжное изд-во. 1976. 128 стр. 3 000 экз. 18 коп.— Очерк деятельности Воронежской красногвардейской дружины в октябре 1917 года.

Смирнов В. И. *Подвиг советского крестьянства.* Деятельность Калининской партийной организации в колхозной деревне в годы Великой Отечественной войны. М. «Московский рабочий». 1976. 311 стр. 10 000 экз. 61 коп.

Средневековые памятники Поволжья. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 168 стр. с илл. 2 550 экз. 1 руб. 28 коп.

Сталинград: уроки истории. Воспоминания участников битвы. Предисл. П. И. Батова. М. «Прогресс». 1976. 495 стр. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 57 коп.

Стеклов В. Ю., Филонович Ю. К. *Юрий Михайлович Стеклов.* М. «Мысль». 1976. 104 стр. (Серия «Партийные публицисты»). 28 000 экз. 19 коп.

Сухарева О. А. *Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов).* М. «Наука». 1976. 365 стр. 2 000 экз. 2 руб. 68 коп.

Утурашвили И. И. *Реализация крестьянской реформы в Грузии.* Тбилиси. «Мецниереба». 1976. 211 стр. 1 000 экз. 1 руб. 28 коп.

Федоров Ю. *Ключ к «Цитадели».* Очерки. М. Воениздат. 1976. 94 стр. 50 000 экз. 15 коп.— Из истории Великой Отечественной войны.

Хитев В. *Новеллы о Серго.* Орджоникидзе. «Ир». 1976. 183 стр. 5 000 экз. 56 коп.

Челябинская область в девятой пятилетке. 1971—1975. Статистический сборник. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1976. 272 стр. 5 000 экз. 33 коп.

Чернев А. Д. *Воплощение ленинских принципов партийной информации в 1918—1920 гг.* М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 189 стр. 1 920 экз. 78 коп.

Чубарьян А. О. *Мирное сосуществование: теория и практика.* М. Политиздат. 1976. 254 стр. 16 000 экз. 92 коп.

Широкова З. А. *Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана.* Душанбе. «Дониш». 1976. 206 стр. 2 900 экз. 1 руб. 25 коп.

Шнеерсон Л. М. *Франко-прусская война и Россия.* Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1976. 304 стр. 1 650 экз. 1 руб. 94 коп.

Всеобщая история

Багатурия Г. А., Выгодский В. С. *Экономическое наследие Карла Маркса.* История, содержание, методология. М. «Мысль». 1976. 325 стр. 16 000 экз. 1 руб. 58 коп.

Богорад В. А., Матвеев Р. Ф. *Работа коммунистов капиталистических стран в массах.* М. Политиздат. 1976. 479 стр. 18 000 экз. 1 руб. 93 коп.

Воронин А. С., Огнетов И. А. *Социалистическая Республика Вьетнам.* Справочник. М. Политиздат. 1976. 112 стр. с илл. 70 000 экз. 16 коп.

Драчук В. *Дорогами тысячелетий.* О чем поведали письмена. Предисл. Б. Рыбакова. М. «Молодая гвардия». 1976. 254 стр. с илл. (Серия «Эврика»). 100 000 экз. 62 коп.

Дудинский И. В. *Социалистическое содружество: основные тенденции развития.* М. «Мысль». 1976. 327 стр. 11 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Егорова Н. А. *Женщина в современном мире.* Ереван. «Айастан». 1976. 301 стр. 5 000 экз. 97 коп.

Козлов С. Я. *Фульбе Фута-Джаллона.* Очерки этническо-политической и социальной истории. М. «Наука». 1976. 216 стр. 1 650 экз. 1 руб. 18 коп.

Ладыгин Б. Н., Рыбаков О. К., Седов В. И. *Социалистическое содружество на новом этапе.* М. «Мысль». 1976. 192 стр. 30 000 экз. 47 коп.

Мир социализма в цифрах и фактах. 1975. Справочник. М. Политиздат. 1976. 126 стр. 150 000 экз. 18 коп.

Редько И. Б. *Очерки социально-политической истории Непала в новое и новейшее время.* М. «Наука». 1976. 303 стр. 1 900 экз. 1 руб. 90 коп.

Ржешевский О. А. *Война и история.* Буржуазная историография США о второй мировой войне. М. «Мысль». 1976. 292 стр. 19 000 экз. 1 руб. 16 коп.

Самаркин В. В. *Историческая география Западной Европы в средние века.* М. «Высшая школа». 1976. 248 стр. 15 000 экз. 59 коп.

Симонян Р. Г. *Военные блоки империализма.* М. Воениздат. 1976. 231 стр. 35 000 экз. 48 коп.

Циркин Ю. Б. *Финикийская культура в Испании.* М. «Наука». 1976. 272 стр. с илл. (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). 4 000 экз. 95 коп.

Чорний В. П. *Героическая эпопея болгарского народа.* Апрельское восстание 1876 г. Львов. Изд-во Львовского ун-та. 1976. 135 стр. 3 000 экз. 1 руб. 29 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Регаладо А. *Борьба крестьян на Кубе.* Из истории освободительной борьбы кубинского крестьянства. Пер. с исп. Предисловие и общ. ред. М. С. Зубаткина. М. «Прогресс». 1976. 228 стр. 2 000 экз. 80 коп.

Симеонов С. *Закаленные крылья.* Пер. с болг. М. Воениздат. 1976. 278 стр. 65 000 экз. 96 коп.— Воспоминания бывшего заместителя министра обороны НРБ и главнокомандующего ВВС болгарской Народной армии.

Социалистическая внешняя политика Народной Республики Болгарии. 1944—1974. Пер. с болг. М .«Прогресс». 1976. 285 стр. («Социализм: опыт, проблемы, перспективы»). 3 000 экз. 90 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Украинский исторический журнал» № 12, 1976. В. А. Чирко. Национальные отношения в условиях развитого социализма; Г. Г. Письменный. XXV съезд КПСС об укреплении обороноспособности СССР; И. Ф. Курас. Борьба большевиков Украины за укрепление союза сил социалистической революции и национально-освободительного движения (март—октябрь 1917 г.); Д. П. Григорович. Марксистско-ленинское воспитание коммунистов Украины в годы Великой Отечественной войны; В. А. Наконечный. Борьба трудящихся Волыни с бандами украинских буржуазных националистов в ходе восстановления народного хозяйства; Ю. В. Бабко, М. Г. Безпалко. Политическое самообразование, система вечернего и заочного партпросвещения в годы социалистического строительства; Ю. М. Гамрецкий. Кризис мелкобуржуазных партий на Украине в 1917 году; Н. И. Марущак. Партийное руководство научно-исследовательской работой в высших технических учебных заведениях Украинской ССР (1961—1965 гг.); М. С. Чуприна. К вопросу о дипломатической деятельности Ю. М. Коцюбинского в 1925—1930 годах; Г. В. Лобанова. К вопросу о позиции западногерманских коммунистов в отношении империалистической интеграции в Европе.

«Вестник Московского университета. История № 6, 1976. М. Е. Найденов. К вопросу о природе классов при социализме; В. И. Алексанова. Массово-политическая работа по пропаганде ленинского кооперативного плана в восстановительный период; Л. В. Олейникова. Политическая борьба в США по вопросам реорганизации системы общественного вспомоществования (1969—1972); Н. Д. Ерофеев. Народные социалисты в избирательной кампании во II Государственную думу; Н. С. Борисов. Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238—1300); А. Л. Смышляев. Септимий Север и principales; В. Р. Тарловская, Д. Н. Шанский. Обсуждение нового вузовского учебника по истории СССР.

«Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник Ленинградского отделения Археографической комиссии Отделения истории АН СССР. Т. VIII, 1976. Н. И. Приймак. Источниковедческий анализ статьи В. И. Ленина «Новые задачи и новые силы»; Г. Л. Соболев. Декларация прав солдата (март — май 1917 г.); А. П. Купайгородская. Листовки Политотдела 7-й армии (1919 г.); М. Б. Свердлов. Древнерусский акт X—XIV веков; С. М. Каштанов. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV вв. (Опыт первичной классификации); Р. Б. Мюллер. Законодательные акты второй половины XVI—первой половины XVII в. и принципы их издания; Е. Н. Носов. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X века; И. Г. Спасский. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III; Н. А. Соболева. О методике изучения сфрагистического материала XV—XVIII вв. (историографические заметки); Л. Е. Шепелев. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований; В. Г. Чернуха. Конституирование Совета министров (1861 г.); Г. М. Прохоров. Избыточные материалы Рогожского летописца; Г. А. Победимова. Платежница Деревской пятины 1558 года; И. М. Бобович, Т. М. Китанина. Материалы междуведомственных совещаний по вопросам экономической политики России конца XIX—начала XX в. как исторический источник; В. С. Дякин. Сфера компетенции указа и закона в Третьеиюньской монархии; Г. И. Грехова. Эпистолярное наследие А. С. Лаппо-Данилевского; И. П. Медведев. Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе; С. М. Маневич. Вопросы источниковедческого анализа печати Парижской Коммуны: публикации официальных актов Коммуны; Г. А. Победимова. Из материалов о декабристах в архивных фондах ЛОИИ АН СССР; В. И. Иванова. Фонд С. Н. Валка в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР.

«Научные труды по истории КПСС». Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 83. Из практики организаторской работы Компартии Украины в условиях развитого социализма. Киев, 1976. В. М. Малышко, Н. И. Сирота. XXV съезд КПСС о дальнейшем улучшении организаторской работы партии; И. А. Мицкан. Партийные организации промышленных предприятий Украины в борьбе за повышение авангардной роли коммунистов на производстве (1961—1966 гг.); Б. Ф. Билецкий. Из опыта работы парторганизаций промышленных предприятий Украины по оказанию помощи селу в завершении сплошной электрификации (1959—1970 гг.); М. Я. Ямаев. Партийное руководство техническим прогрессом на железнодорожном транспорте в годы семилетки. (На материалах Львовской железной дороги); Н. И. Марущак. К вопросу о партийном руководстве подготовкой научно-педагогических кадров для технических вузов Украинской ССР (1959—1965 гг.); Е. В. Панькив, Е. Т. Соломко. Деятельность партийных организаций Украины по воспитанию актива беспартийных и подготовке его к приему в КПСС (1966—1970 гг.); А. Я. Приходнюк. Из опыта работы партийных организаций промышленных предприятий Украины по усилению режима экономии и рациональному использованию резервов производства (1966—1970 гг.). (На материалах партийных организаций Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской и Черновицкой областей); П. А. Рудик. Деятельность партийных организаций Украины по подбору и расстановке кадров в промышленности (1966—1975 гг.); А. М.

Закусило. Из опыта работы Черновицкой областной партийной организации по подбору, расстановке и воспитанию партийных и советских кадров (1971—1975 гг.); В. Н. Черватюк. Партийное руководство развитием творческой активности инженерно-технических работников промышленности в годы восьмой пятилетки. (На примере парторганизаций Украины); Е. Н. Коренчук, Е. И. Юрий. Партийное руководство социалистическим соревнованием сельских механизаторов (1966—1970 гг.); К. Ф. Лищенко. Некоторые вопросы работы парторганизаций Украины по повышению роли профсоюзов в развитии сельского хозяйства (1965—1970 гг.).

«Научные труды по истории КПСС». Республиканский межведомственный научный сборник. Вып. 84. Деятельность КПСС по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся. Киев, 1976. И. Н. Михайловский, Л. Е. Дещинский. Основные направления деятельности КПСС по патриотическому и интернациональному воспитанию советского народа на современном этапе; А. Ф. Новосад, В. В. Нечитайло. Из опыта работы партийных организаций Украинской ССР по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся в период развитого социализма; Я. И. Денисов, Я. И. Хома. Пресса — помощник партии в развитии социалистического соревнования как важного средства патриотического и интернационального воспитания трудящихся. (На материалах газет западных областей УССР. 1966—1974 гг.); В. И. Шабельников, Н. П. Арсентьев. Партийное руководство деятельностью общественных организаций по патриотическому воспитанию молодежи на героических традициях Коммунистической партии и советского народа. (На материалах парторганизаций Донбасса. 1961—1970 гг.); М. А. Кладина. Деятельность партийных организаций по повышению роли местных организаций общества «Знание» Украинской ССР в интернациональном воспитании трудящихся (1966—1970 гг.); П. И. Мищиха, А. В. Партола. Интернациональное и патриотическое воспитание трудящихся средствами массово-политической работы. (На материалах партийных организаций западных областей УССР. 1961—1971 гг.); Г. Е. Тамбовцев, В. Т. Григоренко. Деятельность партийных организаций нефтегазовых промыслов западных областей Украины по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся (1959—1965 гг.); Ф. Г. Смеричевский, Ф. И. Тацкий. Работа партийных организаций Украины по воспитанию трудящихся в духе советского патриотизма и пролетарского, социалистического интернационализма (1959—1965 гг.); В. К. Сульженко. Деятельность партийных организаций по воспитанию у студентов общенациональной гордости советского человека; Н. И. Марущак, Я. М. Яремчук. Деятельность партийных организаций вузов Украинской ССР по интернациональному воспитанию студенческой молодежи (1959—1965 гг.); В. В. Хайнас, И. П. Филь. Пропаганда дружбы народов средствами радиовещания среди студенческой молодежи на современном этапе; М. И. Ожицкая, Я. И. Серкис. Роль народных музеев в патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся (на материалах Волынской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровенской и Тернопольской областей); В. А. Кондратюк, В. П. Бадяк. Из опыта работы партийных организаций западных областей Украины по патриотическому воспитанию молодежи на героических традициях и памятниках советского народа (1966—1971 гг.).

«Научные труды» Кубанского государственного университета. Вып. 220. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по осуществлению аграрной политики КПСС в период развитого социализма. Краснодар, 1976. Ю. А. Пеницын. Из опыта идеологической работы партии на селе в период послевоенного восстановления народного хозяйства. (На материалах партийных организаций Кубани и Ставрополья); В. П. Кузьменко. Совершенствование партией подготовки и воспитания механизаторских кадров для сельского хозяйства в 1965—1975 гг. (На материалах Краснодарской краевой партийной организации); Г. А. Богданов, О. И. Алексеенко. Организация шефства рабочих над селом в годы восьмой пятилетки. (На материалах Краснодарской и Ставропольской партийных организаций); М. Б. Беджанов. Создание краснодарского водохранилища как пример осуществления аграрной политики КПСС и интернационально-патриотического воспитания трудящихся (1968—1975 гг.); Т. А. Рязанова. Комсомол Дона и Кубани — помощник Коммунистической партии в подготовке хлеборобской смены (1966—1975 гг.); И. И. Алексеенко. Третий Всесоюзный съезд колхозников и его значение в дальнейшем укреплении союза рабочего класса и крестьянства; В. И. Кикило. Деятельность Краснодарской краевой партийной организации по развитию культуры на селе в период между XXIII и XXIV съездами КПСС; З. А. Сырникова. Советская потребительская кооперация в период развитого социализма; К. Н. Мельников. Деятельность КПСС по созданию экономических условий увеличения производства и заготовок сельскохозяйственной продукции в 1965—1975 гг. (На материалах Краснодарского края); А. Ш. Бузаров, Ю. М. Ханжиева. Деятельность партийных организаций Адыгеи и Карачаево-Черкесии по повышению культуры земледелия и интенсификации сельскохозяйственного производства (1966—1970 гг.); Б. С. Шапошников. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС и дальнейшее развитие колхозной демократии. (На материалах Краснодарского края); В. С. Артамонов. Первичные парторганизации колхозов в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства в период между XXIV и XXV съездами КПСС. (На материалах Северской районной партийной организации Краснодарского края); В. В. Криво-

дед. Вовлечение школьных ученических бригад в сельскохозяйственное производство в 1965—1974 гг. (На опыте партийных организаций Кубани и Ставрополья).

«Сборник научных трудов» Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина № 497, 1976. Т. Гиясов. Советско-индийский договор 1971 года — важный фактор укрепления мира на Востоке; Т. С. Саттаров. Арабская нефть, международный картель и «аутсайдеры»; М. Шапсанов. Участие среднеазиатских республик в создании и развитии промышленности тяжелого электрооборудования в госсекторе Индии 1960—1972 гг.; З. Садриддинов. Долина Гильменд и США — Нанграхар и СССР; В. М. Муталов. Производство и потребление хлопка в капиталистических и развивающихся странах; З. Садриддинов. Деятельность американской компании «Моррисон-Надсен» в Афганистане (1946—1953 гг.); Р. Кадыров. Крестьянское движение в Ираке в период между двумя мировыми войнами; А. Я. Соколов. Из истории русско-афганских отношений 80-х гг. XIX века; Х. Я. Багданов. Роль Средней Азии в торговле России со странами Востока; Н. Р. Рахсиева. Торговая политика царизма через Закаспийскую область и факторы, влияющие на нее (по материалам ЦГА УзССР); А. Алимов. Состояние внутреннего рынка в Туркестане в начале XX века; Ш. Махмудбеков. Индустриализация и рабочий класс Египта.

«Труды» Киевской высшей школы МВД СССР. Вып. 10. Актуальные проблемы охраны правопорядка и совершенствование деятельности органов внутренних дел. Киев, 1976. Е. А. Смирнов. О некоторых проблемах дальнейшего развития научно-исследовательской работы в Киевской высшей школе МВД СССР, вытекающих из решений XXV съезда КПСС; В. Н. Черевченко. Некоторые экономические аспекты деятельности органов внутренних дел в свете решений XXV съезда КПСС; Н. И. Тимофеев. Коммунистическая партия — организатор и руководитель идейно-политического воспитания работников милиции в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.); его же. Партийное руководство политико-просветительной и культурно-массовой работой в органах и подразделениях милиции Украины в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.); Т. У. Воробейкова. Рабочая милиция в буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов.

Хроникальные заметки

В Уфе Башкирский филиал АН СССР провел в декабре 1976 г. II Поволжско-Уральское совещание археологов и этнографов. В нем приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Перми, Свердловска, Челябинска, Оренбурга, Куйбышева, Горького, Волгограда, Элисты и Калинина, а также Омска, Томска и Новосибирска. На пленарном заседании были заслушаны доклады председателя Поволжско-Уральского координационного совета Р. Г. Кузеева (Уфа) «Этнографическая наука в Волго-Уральском регионе и перспективы ее развития», К. Ф. Смирнова «Савроматы и сарматы (кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья)», А. Х. Пшеничнюка (Уфа) «О создании музея археологии Башкирского филиала АН СССР». Всего на пленарных и секционных заседаниях было представлено более 100 докладов по трем проблемам: «Современные этнические культурно-бытовые процессы», «Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху раннего средневековья» и «Урало-Поволжский историко-этнографический атлас». Участники совещания обсудили состояние и перспективы развития этнографических и археологических исследований в Урало-Волжском регионе. Большое внимание было уделено современным национальным процессам, в том числе культурным взаимодействиям и взаимовлияниям различных народов.

На научной сессии (декабрь 1976 г.) в Институте истории АН Литовской ССР, посвященной проблеме «Характер классовой борьбы в эпоху капитализма», состоялась дискуссия о наиболее актуальных направлениях исследований этого института. Была обсуждена подготовленная к печати «История Литовской ССР» (на русск. яз.). В дискуссии участвовали историки прибалтийских республик, Москвы и Белоруссии.

В декабре 1976 г. в Киеве было отмечено 80-летие со дня рождения советского государственного, партийного и военного деятеля Ю. М. Коцюбинского. В торжественном заседании приняли участие сотрудники Института истории партии при ЦК Компартии Украины, Киевского филиала Центрального музея В. И. Ленина и другие специалисты. Был заслушан доклад о жизни и деятельности Коцюбинского как члена первого Совнаркома УССР, главнокомандующего советскими войсками на Украине в 1918 г., дипломатического представителя УССР в Австрии в 1921—1922 гг. и председателя украинского Госплана в 30-е годы.

Библиотека АН СССР в содружестве с Научным советом по комплексной проблеме «История мировой культуры» при Секции общественных наук Президиума АН

СССР провели в Ленинграде (декабрь 1976 г.) научную конференцию «Книга в России до середины XIX века». В ее работе приняли участие представители научно-исследовательских учреждений АН СССР, крупнейших библиотек страны, Всесоюзной книжной палаты, архивов, музеев и вузов. В 30 докладах и сообщениях книговедов и историков книги из Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Кишинева, Львова и Новосибирска рассматривались различные аспекты истории книги и книжного дела с XV по первую половину XIX века.

◆ Вопросам сохранения, изучения и популяризации отечественного историко-культурного наследия был посвящен III съезд Украинского общества охраны памятников истории и культуры, прошедший в ноябре 1976 г. в Киеве. В докладе председателя республиканского правления общества, заместителя Председателя Совета Министров УССР П. Т. Тронько и выступлениях делегатов нашло особое отражение то обстоятельство, что деятельность этого общества прежде всего подчинена задаче воспитания трудящихся на революционных, боевых и трудовых традициях.

◆ В Вильнюсе в ноябре 1976 г. состоялся пленум Центрального совета Общества охраны памятников и краеведения, обсудивший проблемы сотрудничества краеведов республики с научными учреждениями. В течение многих лет литовские краеведы собирали материал о ветеранах революционного движения, по истории партийных организаций республики. Ряд материалов пополнил фонды Института истории партии при ЦК КП Литвы. Теперь встал вопрос о более широком их использовании в научных исследованиях. В обсуждении участвовали сотрудники краеведческих организаций, музеев, учебных заведений и научных учреждений.

◆ 150-летию Керченского археологического музея была посвящена состоявшаяся в ноябре 1976 г. в Керчи историко-археологическая конференция, собравшая историков из Москвы, Ленинграда, Киева, Краснодара и других городов. С докладом об истории музея выступил его директор С. В. Башарин. О научной деятельности музея рассказал Б. Г. Макаров. Сообщения, касавшиеся истории и археологии Крыма, читались в четырех секциях: первобытной археологии, раннего железного века, средневековой археологии и исторической.

◆ Строителю мавзолеев Юсуфа ибн-Кусейира и Момине-хатун, а также портальных минаретов в Нахичевани XII в. Аджеми ибн-Абубекру, видному представителю средневековой азербайджанской культуры, была посвящена организованная к его 850-летию юбилейная научная сессия (Нахичевань, январь 1977 г.), на которой с докладами о культуре тюркоязычного, арабоязычного и персоязычного населения земель Ширваншахов, Кесранидов и Ильдегизидов выступили ученые Азербайджанской ССР.

◆ В книге чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова «1921-й: победа над голодом» (М. Политиздат. 1975) рассказывается о голоде, обрушившемся на молодую Республику Советов в начале восстановительного периода и охватившем районы, в которых проживала четверть населения страны. Голод грозил задержать восстановление народного хозяйства, сорвать социалистическое строительство. Коммунистическая партия подняла весь народ на борьбу со страшным бедствием. Большую помощь Советской России оказал тогда международный пролетариат. Голод был побежден.

◆ «Социалистический образ жизни и современная идеологическая борьба» (М. Политиздат. 1976) — работа, подготовленная Академией общественных наук при ЦК КПСС и Институтом социологических исследований АН СССР. В ней обобщено современное состояние изучения проблем социалистического образа жизни. В авторский коллектив книги входят философы, социологи, экономисты, этнографы, представители других общественных наук. В монографии показано место проблемы образа жизни в современной идеологической борьбе, подвергнуты критике буржуазные концепции «качества жизни», «стиля жизни», «массовой культуры». Главное внимание уделено авторами раскрытию основных черт и преимуществ социалистического образа жизни.

◆ Творческая деятельность народных масс, условия и пути формирования личности социалистического типа, преимущества социалистического образа жизни, перспективы продвижения развитого социалистического общества к коммунизму и другие проблемы современного социализма рассматриваются в книге «Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества» (М. Политиздат. 1976).

◆ Политиздат выпустил в переводе с немецкого книгу Р. Бауэрмана, Г. Карлхейнца и Ю. Эльмара «Нищета «марксологии». Критика фальсификаций учения Маркса и Энгельса (серия «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». М. 1976). В этой работе исследователей из Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ анализируются социальные причины возникновения современной буржуазной «марксологии», ее классовые функции и основные направления. Аргументированной критике подвергаются воззрения «марксологов» по узловым проблемам теории научного коммунизма: о закономерностях общественного развития, исторической роли пролетариата, путях социалистической революции, партии рабочего класса, государстве трудящихся.

◆ В этом же издательстве вышла книга Л. В. Скворцова «История и антиистория. К критике методологии буржуазной философии истории» (М. 1976). Она посвящена критике методологических основ буржуазных концепций исторического процесса. В ней рассматриваются принципы объективного подхода к истолкованию истории, обусловленность хода истории, формы свершающихся от века к веку перемен, метод определения исторической перспективы, раскрываются антинаучный смысл и кру-

шение буржуазных доктрин исторического процесса, подвергается критике антикоммунизм их адептов.

◆ В Политиздате вышла книга В. Корионова «Устремленные в будущее. Коммунисты в современном мире» (М. 1976). В ней повествуется о боевом авангарде сил, борющихся за свободу и независимость народов, за мир и социализм, о первопроходцах истории — коммунистах, которые, руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, направляют строительство нового общества, возглавляют великие освободительные битвы рабочего класса и широких масс трудящихся.

◆ Политиздат выпустил в свет книгу «Борьба идей в современном мире» (т. 2. «Современный капитализм: противоречия и доктрины». М. 1976). Она посвящена анализу идеологических процессов в странах государственно-монополистического капитала. Авторы исследуют идейные процессы, отражающие новейший этап общего кризиса капитализма, фиксируют тенденции роста технократической идеологии, появление новых утопических теорий, анализируют концепции правого и «левого» радикализма, рассматривают различные направления гуманистического протеста против пороков буржуазной цивилизации, идейной борьбы вокруг проблемы человека.

◆ В книге Л. И. Шинкарева «Второй Транссиб. Новый этап освоения восточных районов СССР» (М. Политиздат. 1976) рассказывается о Байкало-Амурской магистрали. Автор собрал материал об истории дороги, начале ее строительства, прерванного Великой Отечественной войной, об изыскателях и проектировщиках, о тех, кто стоял у начала строительства дороги, и тех, кто сооружает магистраль ныне.

◆ Социально-экономические проблемы научно-технической революции в развитых капиталистических странах характеризуются в работе В. И. Громеки «Научно-техническая революция и современный капитализм» (М. Политиздат. 1976). Автор анализирует изменения в экономике и общественной жизни современного капитализма под воздействием научно-технической революции, показывает ее роль в развитии государственно-монополистических тенденций, обострении старых и возникновении новых противоречий, исследует влияние капиталистических производственных отношений на развитие науки и техники в буржуазном обществе.

◆ В издательстве «Наука» (М. 1976) увидела свет книга В. Д. Поликарпова «Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918)». Со страниц книги предстает картина борьбы с контрреволюцией в дни триумфального шествия Советской власти. На основе анализа разнообразных источников, в том числе архивных материалов, автор рассказывает о первых антисоветских заговорах. Все содержание книги пронизывает идея защиты трудящимися социалистической революции. В ней рассматривается провал планов контрреволюционной Ставки в Могилеве, подробно охарактеризованы работа Совнаркома, плодотворная деятельность ЦК партии большевиков, местных партийных организаций, Советов и войсковых военно-революционных комитетов по срыву попыток белых генералов создать под видом оперативных перевозок группировки войск для борьбы против Советской власти. Автором описана ликвидация ряда антисоветских мятежей.

◆ «В. И. Ленин и нижегородцы» — так называется биобиблиографический словарь, который выпустило в свет Волго-Вятское книжное издательство (Горький. 1976). В нем указана литература о роли В. И. Ленина в создании Нижегородской партийной организации, установлении в губернии власти Советов, о его связях с революционерами, общественными деятелями Нижегородской губернии, перечислены документальные и литературные источники о 69 нижегородцах — соратниках В. И. Ленина, встречавшихся или работавших с ним, либо выполнявших его поручения и задания с 1893 по 1923 год.

◆ Верхне-Волжское издательство опубликовало сборник документов «Индустриальное развитие Ивановской области (1926—1941 гг.)» (Ярославль. 1976). Его материалы свидетельствуют о том, что процессу индустриализации в Ивановской области был присущ ряд особенностей, связанных с тем, что еще до социалистической революции этот край был одним из промышленно развитых районов страны. На небольшой территории здесь проживало до 200 тыс. рабочих, производивших четвертую часть всех тканей, выпускавшихся в России. Даже в годы разрухи после гражданской войны удельный вес рабочих среди населения губернии достигал 22,5 процента. Ивановские текстильщики в сентябре 1920 г. одними из первых приступили к восстановлению хозяйства, а в 1925 г. рапортовали XIV съезду партии о достижении довоенного уровня производства тканей. В сборнике широко освещена также подготовка кадров для социалистической промышленности.

◆ В книге А. Ракунаса «Классовая борьба в Литве в 1940—1951 годах» (Вильнюс. «Мокслас». 1976) исследуется период в жизни республики от времени восстановления Советской власти через годы Великой Отечественной войны и включая начало строительства социализма. Автор, используя архивные материалы, вводит в научный оборот новые данные.

◆ В книге В. К. Яковенко «Партизанское междуречье» (М. Политиздат. 1976) рассказывается о партизанах и подпольщиках Белоруссии. Автор, комиссар партизанского отряда, затем командир партизанской бригады, повествует о своих боевых товарищах, рядом с которыми воевал, об их подвигах во имя Родины.

◆ Западно-Сибирским книжным издательством выпущена подготовленная сотрудниками Государственного архива Новосибирской области «Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1917—1970» (Новосибирск. 1976). Документы, помещенные в ней, иллюстрируют путь, пройденный Новосибирском и областью с момента создания в Новониколаевске Совета рабочих и

солдатских депутатов в марте 1917 г. и до наших дней. Некоторые материалы публикуются впервые.

◆ Более 80 подлинников документов, старых рукописных книг, редких литографических изданий — таковы находки в 1976 г. первой археографической экспедиции, организованной Институтом истории АН Киргизской ССР. Работа над этими материалами позволит осветить по-новому ряд сюжетов из истории материальной и духовной культуры киргизского народа.

◆ Белозерская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Л. А. Голубевой ведет раскопки на поселении у деревни Городище, Кирилловского района, Вологодской области,— самого раннего средневекового поселения на данной территории, исследуемого специалистами. Оно интересно как пример зарождения поселения ремесленно-торгового типа, не превратившегося впоследствии в город. Жизнь здесь прервалась к концу X века. Жители поселка занимались скотоводством, охотой и в то же время были металлургами. При раскопках найдены кости диких и домашних животных, развалы горнов, шлаки и незавершенные медные украшения, представляющие собой литейный брак. Не все отрасли производства обособились там в ремесло: глиняная посуда изготовлялась еще вручную, без гончарного круга. Охота носила специфический характер пушного промысла (били главным образом бобров). Обитатели поселка были вовлечены в обмен, осуществлявшийся через Шексну по Волжскому торговому пути. На поселении найдены привозные вещи: грабли из Прибалтики, весовые гирьки и замки из Скандинавии, ближневосточные бусы. Основным населением являлась весь, но жили здесь и славяне.

◆ Керамический фриз с рельефным изображением человеческих фигур обнаружен при раскопках средневекового городища Нахшеб в долине реки Кашкадарьи. По-видимому, фризу 1500 лет. В результате четвертого сезона раскопок в Нахшебе удалось достичь слоя, который датируется серединой I тыс. до нашей эры. Такой же возраст, как установлено, имеет внутренняя стена городища, но в ходе подводных раскопок найдены еще более древние осколки сосудов. Низовья Кашкадарьи, как стало ясно, были освоены людьми не менее чем 2500 лет назад.

◆ При раскопках, произведенных в 1976 г. сотрудниками Государственного Эрмитажа и АН АрмССР на месте прежнего города Аргиштихинили (Армения), найдены жилища, датируемые III—I вв., когда там существовала столица древней Армении Армавир. Выявлены камины, очаги и конусовидные перекрытия на потолке, которые служили для вытяжки дыма. Жилые помещения разделены на две части: в одной жили люди, в другой содержался домашний скот. Обнаружено также водохранилище, заполнявшееся во время летнего таяния горных снегов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

В. ВОЗНЕСЕНСКИ. *Тъй изгря свободата. 9 септември 1944.* София. Партиздат. 1976. 185 стр.

В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. *Так взошло солнце свободы. 9 сентября 1944.*

В Болгарии вышла книга кандидата исторических наук, ответственного секретаря журнала «Новая и новейшая история» В. Д. Вознесенского, посвященная внешней и внутренней политике последних болгарских правительств в августе — сентябре 1944 г., революционному антифашистскому сопротивлению масс, руководимых Болгарской рабочей партией (БРП), включая народное восстание 9 сентября 1944 г., которое открыло болгарскому народу путь к социализму.

В Болгарии существует значительная литература по этой проблематике, разрабатываются и отдельные аспекты политической истории страны кануна 9 сентября 1944 года. Чем же привлекла к себе внимание болгарских специалистов работа советского историка? Значение его книги состоит в том, что, пожалуй, впервые болгарский читатель получил возможность ознакомиться с событиями последних недель существования старой Болгарии и со становлением новой жизни в стране в столь подробном и всестороннем изложении. Автору удалось раскрыть сложное взаимодействие компонентов, из которых складывалось политическое бытие Болгарии того времени. С одной стороны, маневры различных представителей буржуазного лагеря, от выступавших решительно за сохранение монархо-фашизма и не желавших ни при каких условиях идти на разрыв с гитлеровской Германией до настроенных антифашистски и готовых вступить в переговоры с Отечественным фронтом (ОФ), хотя, разумеется, лишь для того, чтобы спасти основы капиталистического строя в стране и не позволить ОФ самому взять власть. С другой — глубоко народная борьба против монархо-фашизма, руководимая коммунистами, цели и задачи которой определялись общедемократической платформой ОФ, выработанной в 1942 году. Эта сложная тема не могла быть разработана полно без одновременного рассмотрения хода военных действий на фронтах второй мировой войны: развитие боевых операций в непосредственной близости от Болгарии — на Балканах — оказывало влияние на все стороны политической жизни страны, равно как и на направление дипломатических усилий и болгарских правителей и государств—участников антигитлеровской коалиции.

Работа основана на советских, болгарских и американских публикациях документов, на материалах, почерпнутых из фондов ряда советских и болгарских архивов, на значительной специальной и мемуарной литературе, а также на материалах стенографических отчетов болгарского парламента; пресса использована в меньшей степени.

Во введении автор отмечает, что в буржуазной литературе нередко искажается картина революционных событий в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Освободительная миссия Красной Армии часто преподносится как «советский экспорт коммунизма», игнорируются внутриполитические изменения в странах, замалчивается освободительная борьба народных масс (стр. 10). Однако на деле революционные преобразования стали возможны лишь в результате благоприятного сочетания внешне- и внутриполитических факторов, а именно благодаря освободительной миссии Советских Вооруженных Сил и самоотверженной широкой нацио-

нально-освободительной борьбе народов европейских государств, которые использовали благоприятные внешние условия для свержения реакционных режимов. Книга свидетельствует о том, что только при подобном подходе историк может отразить реальные события.

Автор начинает свое исследование с анализа кризиса верхов в монархо-фашистской Болгарии, усиливавшегося по мере продвижения Советской Армии на Балканы и нарастания народно-освободительной борьбы в стране. С приходом к власти 1 июня 1944 г. правительства И. Багрянова новый премьер-министр и его министр иностранных дел замышляют хитроумную дипломатическую игру. С целью спасти существовавший строй и династию они хотят подготовить изменение прогитлеровского курса внешней политики, но так, чтобы не были нарушены союзнические отношения с Германией. Однако им не удалось добиться успеха. Также несостоятельной оказалась избранная ими тактика проволочки в связи с требованием СССР о восстановлении советских консульств в ряде городов, а затем и требованием разорвать отношения с гитлеровской Германией. Один из аргументов монархо-фашистских правителей против разрыва с гитлеровцами — опасение повторения «венгерского случая», когда, узнав о попытке венгерских правящих кругов заключить перемирие с западными державами, нацисты в марте 1944 г. оккупировали страну. Анализ международной обстановки в августе 1944 г. и развития событий на фронтах второй мировой войны приводит В. Д. Вознесенского к обоснованному мнению о том, что «осенью 1944 г. для гитлеровцев было весьма проблематичным выделение необходимых сил для оккупации Болгарии» (стр. 45—46) и что разговорами о возможности такой оккупации болгарские правители прикрывали свое нежелание разорвать отношения с нацистской Германией. Гораздо более реальной, пишет автор, была опасность внутреннего переворота в стране со стороны правых экстремистов и нацистской агентуры. К сожалению, многократно упоминая о планах гитлеровцев совершить переворот в Болгарии и передать власть в руки крайней реакции (стр. 15, 46, 70), В. Д. Вознесенский не приводит своих доказательств.

Большое внимание уделяется в книге тому, как конкретно менялось соотношение сил в стране под влиянием решающих побед Красной Армии. Событием огромной важности была в этом плане Ясско-Кишиневская операция, итоги которой повергли правящие круги Болгарии в состояние полной растерянности. В. Д. Вознесенский приводит такой характерный факт. Национальный комитет ОФ решил предпринять отвечавшую новой обстановке акцию — добиться встречи с регентами и открыто предъявить властям требование образовать новое правительство из представителей ОФ. Этот шаг был сопряжен с большим риском: ведь смертная казнь за участие в ОФ не была отменена. Реакция на смелый шаг Национального комитета ОФ была своеобразной: регенты не приняли требования делегации, но и наказания подпольщиков не последовало. Между тем всего за месяц до этого кабинет Багрянова принял решение установить блокаду во всех областях, где действовали партизаны, и к концу августа ликвидировать Народно-освободительную повстанческую армию.

Обстоятельному анализу подвергает автор маневры болгарской правящей верхушки с целью помешать вступлению Красной Армии на территорию Болгарии. В ночь с 25 на 26 августа Болгария объявила о своем нейтралитете. Ссылаясь на архивные данные, В. Д. Вознесенский пишет, что даже в тех условиях болгарские правители не решались выйти из состояния зависимости от фашистской Германии и для объявления нейтралитета обращались за благословением к Гитлеру (стр. 66). Другим маневром, имевшим цель не допустить вступления советских войск в Болгарию, была смена правительства. Роль «болгарского Керенского» выпало сыграть представителю правого крыла Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) К. Муравиеву. Обстановку в стране красноречиво характеризовало то, что регентам не удалось сформировать полноценного кабинета: часть министерских кресел осталась свободной, на них не нашлось охотников среди представителей буржуазии.

В 1972 г. в Болгарии проходила дискуссия относительно характера правительства Муравиева. В ходе ее высказывались противоположные точки зрения о том, что оно было таким же монархо-фашистским, как и предшествующее, и о том, что кабинет Муравиева олицетворял собою добровольную передачу власти монархо-фашистами буржуазным неофашистским партиям, и некоторые промежуточные точки

зрения [1]. В книге излагаются мнения основных участников дискуссии, однако автор не определяет при этом четко собственной позиции. Правда, нельзя не согласиться с ним в том, что правительство Муравиева просуществовало всего семь дней и не успело до конца раскрыть свое социальное и политическое лицо. Но, несомненно, более целенаправленный анализ характера платформы этого правительства и его конкретной деятельности был бы не только уместным в работе, но и помог бы В. Д. Вознесенскому избежать некоторых утверждений, в частности, такого, как на стр. 84, где автор, указывая, что с помощью нового кабинета регенты намеревались изменить лишь политику, добавляет: «но не основы существовавшего строя». Подобная требовательность нереальна в отношении самого радикального буржуазно-демократического кабинета, не говоря уж о правительстве Муравиева, в котором были представлены в основном консервативные группировки.

С большим интересом читаются те страницы книги, где рассматривается вопрос о возобновлении контактов правительства Муравиева с англо-американскими дипломатами с целью заключения сепаратного перемирия. По мере развития переговоров и дальнейшего продвижения Красной Армии, пишет автор, все яснее проявлялось намерение правящих кругов Англии и США использовать заключение перемирия с Болгарией не столько в интересах скорейшего развала фашистского блока и окончания войны, сколько для того, чтобы создать политический барьер на пути Красной Армии, помешать слиянию ее победоносного наступления с народно-освободительной борьбой в Болгарии (стр. 102). В. Д. Вознесенский обращает внимание на характерную особенность: несмотря на внешнюю одинаковость позиции английской и американской дипломатии в отношении Болгарии, в конкретной ситуации союзники действовали по-разному. Так, неофициально американцы посоветовали болгарскому представителю на переговорах не торопиться с заключением перемирия: в условиях приближения Красной Армии к границам Болгарии они не хотели создавать повода для раздоров между союзниками, ведь в Вашингтоне не скрывали заинтересованности США во вступлении СССР в войну против милитаристской Японии. Известно, что и позже американская дипломатия занимала в отношении Болгарии и некоторых других стран Юго-Восточной Европы позиции, несколько отличные от английских [2], и важно, что автор фиксирует наличие таких расхождений еще в канун 9 сентября 1944 года.

Характеризуя обстановку, в которой 5 сентября 1944 г. СССР объявил войну Болгарии, В. Д. Вознесенский пишет: «Правительство СССР решилось на такую крайнюю меру после того, как были исчерпаны все другие способы дипломатического воздействия на болгарских правителей с целью заставить их разорвать отношения с гитлеровской Германией» (стр. 120). Объявление Советским Союзом войны Болгарии справедливо рассматривается в книге как акт, целиком направленный против монархо-фашистской клики. В этом отношении уместно напомнить об обращении командующего 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухина к болгарскому народу от 7 сентября 1944 года. В нем говорилось: «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, т. к. она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача — разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира» [3].

В книге показано, как в Болгарии в сентябрьские дни рушились старые порядки, и подчеркивается, что делали это сами трудящиеся, сплоченные вокруг ОФ, что революционный процесс начался еще до вступления в страну Красной Армии. Автор приводит исторический циркуляр № 4 от 26 августа 1944 г., с которым ЦК Болгарской рабочей партии обратился к болгарскому народу с призывом к решительной вооруженной борьбе за создание правительства ОФ и в котором были указаны основные направления политической, во-

[1] Материалы дискуссии см. «Известия на Института по истории на БКП». Т. 30. София. 1974.

[2] Подробнее см.: Л. Я. Гибианский. Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе второй мировой войны «Etudes balkanique», 1976, № 1; его же. Подготовка Потсдамской конференции и вопросы Юго-Восточной Европы. Там же, 1973, № 3; его же. Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции. «Балканские исследования. Международные отношения на Балканах». М. 1974.

[3] «Советско-болгарские отношения и связи». Документы и материалы. Т. I. Ноябрь 1917 — сентябрь 1944. М. 1976, стр. 604.

енной и организационной подготовки революционного штурма. 5 сентября 1944 г. ЦК Болгарской рабочей партии и Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии приняли решение нанести решающий удар по монархо-фашизму в Софии. Антифашистские политические акции народных масс, переход к активным действиям партизанских отрядов и вооруженный захват зданий центральных административных органов обеспечили 9 сентября 1944 г. переход власти в руки народа. 9 и 10 сентября народно-демократическая власть была установлена в большинстве сел и городов Болгарии.

Есть в книге некоторые композиционные просчеты, нарушающие иногда комплексное рассмотрение сюжетных линий; ощущается и определенная диспропорция в распределении материала — неправомерно мало места отведено революционному акту 9 сентября 1944 года. Но в целом рецензируемая работа — несомненный успех автора, она содействует развитию советской болгаристики.

Р. П. Гришина

G. M. D. HOWAT. *Stuart and Cromwellian Foreign Policy.* New York. St. Martin's Press. 1974. 191 p.

Дж. М. Д. ХОУАТ. *Внешняя политика Стюартов и Кромвеля.*

Проблема внешней политики Англии в XVII в. является одной из малоизученных как в зарубежной, так и в советской историографии [1]. Книга английского историка Д. Хоуата[2], преподавателя колледжа г. Калэма,— одна из первых в буржуазной историографии попыток осветить подробно этот вопрос. Монография входит в серию «Современная британская внешняя политика», состоящую из пяти томов и охватывающую период с 1485 г. по настоящее время. На основе анализа документов, мемуаров и литературы автор рассматривает события с момента вступления на престол в 1603 г. первого из династии Стюартов Якова I до окончания правления в 1688 г. последнего ее представителя Якова II. Особое внимание Хоуат уделяет внешней политике Оливера Кромвеля в период Английской буржуазной революции.

Прежде чем приступить к исследованию взаимоотношений Англии с другими государствами во время правления Стюартов и при Кромвеле, автор проводит сравнительный анализ внешней политики английских королей XVII в., пытаясь при этом выделить как общие, так и особенные ее черты. Он, например, подчеркивает, что, «хотя короли Англии были правителями всей Великобритании, их политика была по существу сугубо английской» (стр. VI), поскольку они игнорировали интересы Ирландии и Шотландии. И только Оливер Кромвель стремился проводить более широкую внешнюю политику. Другой общей чертой, по мнению Хоуата, являлось то, что английская внешняя политика находилась «в самой тесной связи с событиями в Европе» (стр. VII).

Сравнивая внешнюю политику Стюартов с политикой континентальных монархов, Хоуат отмечает, что из 85 лет указанного периода Англия была в состоянии войны лишь 20 лет, в то время как другие страны — 78. Отсюда он заключает, что Англия будто бы не преследовала агрессивных целей, а придерживалась «оборонительной политики». Необоснованность этого тезиса становится очевидной, если вспомнить хотя бы историю англо-голландских взаимоотношений. Так, за сравнительно короткий срок Англия трижды воевала с Голландией, причем сам автор подтверждает, что эти войны возникали исключительно по вине Англии, которая, опасаясь торговой и морской конкуренции Голландии, домога-

---

[1] В советской историографии этот вопрос был освещен лишь С. И. Архангельским в главах двухтомника «Английская буржуазная революция XVII в.». М. 1954.

[2] G. M. Howat. From Chatham to Churchill. L. 1966; «Essays to a Young Teacher». Ed. by G. M. Howat. Oxford. 1966; A. Howat and G. M. Howat. The Story of Health. Oxford — L. 1967; «Dictionary of World History». Ed. by G. M. Howat. L. 1973; «Documents in European History, 1789—1970» Ed. by G. M. Howat. L. 1973.

лась господства на морях, стремясь «воспрепятствовать Голландии закрепить за собой монополию на мировых рынках» (стр. 5). Хоуат вынужден признать, что при этом Англия была настроена весьма агрессивно. О захватнических планах английского правительства в XVII в. можно судить также по характеру проводившейся им колониальной политики. Однако эта страница истории Британской империи остается вне поля зрения буржуазного историка, предпочитающего лишь упомянуть о том, какие колонии были завоеваны Англией в то время, но умалчивающего о беспощадной борьбе английских колонизаторов против туземного населения.

Весьма сомнительным представляется также утверждение автора, что первые Стюарты и Кромвель «не преследовали личных целей» в своей внешней политике, а отстаивали «интересы нации» (стр. 11). Впрочем, и Хоуат неоднократно замечает, что мнения короля и его подданных даже в вопросе о том, против какой страны должна выступать Англия в тот или иной момент, зачастую существенно расходились. Известно, далее, что симпатия, с которой относились Яков I к Испании, а Карл II к Франции, вызвала серьезное недоверие к короне у подданных. Достаточно вспомнить действия Карла II, получавшего значительные субсидии от французского короля и проводившего в связи с этим профранцузскую политику в ущерб интересам нации, чтобы убедиться, что ни о каком «патриотизме» королей не может быть и речи.

Хоуат пытается подойти к рассмотрению проблемы не однозначно, а учитывая различные аспекты, оказывавшие влияние на формирование политики правительства, в том числе и такие, как торговые интересы, стремление добиться расширения внешних рынков сбыта. По его мнению, «ни один из правителей не игнорировал факта влияния торговли на внешнюю политику» (стр. 5). Большое воздействие на курс внешней политики правительства, считает Хоуат, оказывали также религиозные мотивы. Так, например, Кромвель-протестант ратовал за союз с протестантскими странами, а склонные к католицизму Стюарты (в особенности Карл II и Яков II) нередко проводили происпанскую и профранцузскую политику, идущую вразрез с интересами нации.

Во внешней политике Англии в 30-е годы XVII в. наметились две тенденции. Одну из них, испанофильскую, поддерживали корона, сторонники абсолютизма, другую, направленную прежде всего против господства Испании в Европе,— развивающаяся буржуазия и дворянство. Таким образом, уже накануне буржуазной революции вопрос о курсе внешней политики был тесно связан с внутриполитической борьбой в стране. Это признает и Хоуат, отмечая, что «внешняя политика становилась важным аспектом конституционной и политической борьбы» (стр. 16). Да и факты, которые он приводит, свидетельствуют, что внешняя политика Стюартов нередко вызывала неодобрение и даже недоверие к короне. Он полагает, что «причина разногласий между короной и нацией покоилась в самой природе прерогативы» (стр. 2): Стюарты считали внешнюю политику своей привилегией, парламентарии же были противоположного мнения. Разногласия между законодательной и исполнительной властью по этому вопросу оказывали влияние на выбор правительством политики по отношению к другим странам. Нередки были случаи (как, например, в правление Карла II), когда парламент отказывал в субсидиях королю, если тот самостоятельно принимал решения по вопросам внешней политики.

Переходя к анализу внешней политики республиканского правительства в период буржуазной революции, Хоуат считает, что последняя «не произвела особого впечатления на участников Тридцатилетней войны» (стр. 47). В отличие от вигских историков, утверждавших, что современники видели в Английской революции «специфическое, свойственное островитянам событие», вызванное главным образом «уникальными для английского общества причинами, такими, как положение англиканизма, и отношение пуританского джентри» (стр. 49), Хоуат считает, что гражданская война явилась «выражением возмущения против абсолютизма и была вызвана теми, кто оспаривал местоположение богатства и собственности, установленное королевской бюрократией» (стр. 50). Впрочем, автор предпочитает не раскрывать более подробно сущность происходивших в стране революционных событий.

Во внешней политике, которую вел Кромвель, Хоуат видит прежде всего отражение идеи протестантизма. Главная цель Кромвеля заключалась, по словам автора, в том, чтобы «укрепить протестантизм в Европе и добиться упрочения сою-

за, который бы бросил вызов католическим державам» (стр. 4). Хоуат считает, что в принципе эта политика не имела успеха, поскольку потенциальные союзники Кромвеля Голландия и Швеция не проявили должной заинтересованности в создании подобного союза. Многие европейские державы, хотя официально и признали Английскую республику, тем не менее относились к ней враждебно, опасаясь возможного влияния с ее стороны и усматривая в ней серьезную угрозу существующему государственному строю. И все же республике удалось добиться заключения договоров со Швецией, Данией, Португалией, Францией. Однако автор не объясняет, почему настроенные отнюдь не дружелюбно к революционной Англии страны все же устанавливали с нею дипломатические отношения. Хоуат усматривает в этом лишь личную заслугу Кромвеля. В действительности же, чтобы ответить на вопрос, почему республика получила официальное признание, необходимо принять во внимание ряд обстоятельств. Экономическая мощь Англии, ее промышленное и торговое развитие, наличие сильного торгового и военного флота, присоединение к Англии Ирландии и Шотландии — все это в значительной мере увеличило ее экономическую и политическую мощь и международный вес. Разумеется, роль Кромвеля в укреплении английского престижа была велика. Хоуат пытается выявить сильные стороны политики Кромвеля, но указывает и на его просчеты. Так, ему не удалось завершить начатое дело — создать протестантский союз: он вынужден был пойти на заключение союза с католической Францией. Несмотря на это, Кромвель, как отмечает автор, «сумел поднять репутацию республики на более высокий уровень» (стр. 81).

Рассматривая внешнюю политику последних Стюартов, Хоуат обращает внимание на то, что отдельные успехи в политике и экономике, достигнутые при Кромвеле, действовали и в период реставрации. Например, был подтвержден Навигационный акт 1651 г., продолжали свою деятельность Ост-Индская компания и основанный Кромвелем в 1655 г. Совет по делам торговли, расширилась внешняя торговля. По мнению автора, внешняя политика Карла II сводилась преимущественно к попыткам добиться заключения договора с Францией, от которой он получал значительные денежные субсидии. Ему удалось заключить в 1670 г. тайный договор с Францией. Этот договор с католической державой наносил ущерб протестантской нации. Однако Хоуат оправдывает поступок короля, полагая, что тем самым ему удалось сохранить за собой трон и оставить наследником брата католика Якова II, который, как утверждает автор, уже «не имел времени» для выработки своего собственного курса внешней политики. Вся его деятельность была сосредоточена на внутренних делах страны и сводилась, по словам Хоуата, к «облегчению положения католиков законодательным путем» (стр. 150). Считая, что Яков II «пренебрегал внешней политикой» (стр. 156), автор объясняет это сложившейся в то время относительно мирной обстановкой в Европе, позволявшей английскому королю сосредоточить свое внимание на внутренних делах страны.

Попытка Хоуата проанализировать факторы, воздействовавшие на выбор правительством курса внешней политики, и особенно ее связь с внутриполитической борьбой, заслуживает внимания. Однако вне поля его зрения остался такой существенный вопрос, как колониальная экспансия Англии, положившая начало созданию Британской империи. Кроме того, им чрезмерно преувеличен «патриотизм» английских королей, а влияние революции и экономического развития в XVII в. на внешнюю политику страны рассмотрено слишком бегло и поверхностно.

Т. Л. Лабутина

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Bulgarien Historical Review». Sofia. 1976, № 2.

В. Божинов. Революционное и антифашистское движение в Болгарии (1917—1941); Х. Христов. Э. Васкидович — выдающийся болгарский патриот и просветитель; Д. Ангелов. Патриотизм в средневековой Болгарии (IX—XIV вв.); М. Опперман. К вопросу о материальной культуре и идеологии фракийской аристократии в эпоху эллинизма и римского господства; Д. Коэн. Денежное обращение между румынскими княжествами и болгарскими землями (1840—1878); Д. Овчаров. Кириллическая надпись 931 г. в Преславе; Р. Мантран. Происхождение, эволюция и перспективы востоковедения во Франции; П. Асенова. Отражение болгарского восстания (апрель 1876 г.) в бельгийской прессе.

«Századok». Budapest. 1976, № 2.

Ф. Глатц. Историк, современность, интерпретация; Е. Гергей. Политическая роль христианских социалистов в первые годы контрреволюционного режима (1919—1923); Ж. Беренже. Политика Франции и куруцы (1676—1681); Э. Кишш Фабианне. Руководство здравоохранением в Венгрии и его проблемы (1848—1849); Д. Эмбер, О. Саболч, Э. Памленьи. Пленарное заседание Венгерского исторического общества.

«Történelmi Szemle». Budapest. 1976, № 3.

Ф. Пелешкеи. К вопросу о формах государственности и конституционности на рубеже 1919—1920 гг.; Ж. Л. Надь. Партии и организации буржуазной оппозиции (1919—1944); Ю. Фейеш. Венгеро-германские экономические и политические связи на рубеже 20—30-х годов; Л. Деак. Чехословакия и проблема коллективной безопасности (середина 30-х годов); И. Пинтер. Влияние мюнхенских соглашений и первого венского арбитража на политику Венгерской социал-демократической партии; П. Тольятти. О фашизме. Основные характерные черты фашистской диктатуры; Й. Реваи. Легенда о 1848 годе; Д. Варьяди. Некоторые вопросы использования армии для охраны порядка в первой половине 30-х годов; Д. Шпира. Под знаком Сегеда; И. Дольманьош, Б. Шарлош. Можно ли реабилитировать законы о налогообложении коалиции?; И. Гал. Из истории создания коллекции «Хунгарика» на английском языке; О. Сабольч. К вопросу о национальном сознании венгерской интеллигенции.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1976, № 6.

Г. Хайден. На пороге 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции; Г. Ен, Э. Левин. Коминтерн и создание единых революционных массовых партий рабочего класса; Г. Сурпат. Национализация средств производства в промышленности Румынии; Г. Шустер. «Иностранные рабочие» и развитие пролетарской солидарности (в отражении прогрессивного искусства ФРГ); Документы и материалы. Новые письма Карла и Женни Маркс (Г. Гемков); К вопросу об объединении эйзенахцев и лассальянцев. Неопубликованные письма В. Либкнехта и Г. Рамма к К. Марксу и Ф. Энгельсу (Э. Кундель); Воспоминания. Э. Кенен. Антифашистская борьба КПГ в Чехословакии; Научные сообщения. Я. Петерс. Организация КПГ в Швеции и совместная борьба германских и шведских антифашистов (1933—1943); Е. И. Дружинина. Биографический очерк о Ф. Платтене.

«Acta Poloniae Historica». Warszawa. 1976, № XXXIV.

Социотопография феодальных городов Центральной Европы. Т. Рослановски. Сравнительная социотопография на примере раннесредневековых городов Центральной Европы; Л. Лечеевич. Раннесредневековые социотопографические изменения в западнославянских городских поселениях (по данным археологии); Б. Зентара. Социоэкономическая и территориальная трансформация польских городов; А. Зберски. Археология территориальных изменений Гданьска; Т. Лалик. Размещение городов в средневековой Польше; А. Чахаровски. Социотопография средневековых городов в Северной Европе (на примере Торуни); М. Богуцка. Некоторые проблемы социотопографии наиболее крупных городов Польши в XVI—XVII вв.; А. Выробиш. Малые польские города в XVI—XVII вв.; Д. Моленда. Горняцкие поселения городского типа на востоке Центральной Европы при феодализме; Т. Зарембска. Территориальные изменения польских городов в эпоху Ренессанса и барокко; В. Тшебиньски. Административный контроль за строениями в Польше в эпоху Просвещения; Е. Войтович. Некоторые проблемы социотопографии европейского города в эпоху Просвещения; З. Вуйцик. От Оливского мира до Бахчисарайского перемирия. Международные отношения в Восточной Европе 1660—1681 гг.

«Kwartalnik historyczny». Warszawa. 1976, № 4.

Е. Охманьски. Михалек Литвин и его трактат о правах татар, литовцев и москвитян во 2-й пол. XVI в.; Я. Тазбир. Идеалы личности польской шляхты в XVII в.; Р. Чепулис-Растенис. Идеал личности польского интеллигента (сороковые — шестидесятые годы XIX в.); Л. Балицки. Монополизация и проблема занятости в домбровской угольной промышленности в 1870—1913 гг.; М. Е. Захариас. Внешняя политика Польши и попытки соглашения западных держав в 1936 году; В. Чаплиньски, А. Керстен, Я. Пельц, З. Вуйцик, А. Вычаньски. Польша и европейская культура XVII в.; В. Маркевич. Сотрудничество ПНР и ГДР в области общественных наук; Г. Шелль. 20 лет Комиссии историков ГДР и ПНР.

«Przegląd historiczny». Warszawa. 1976, № 4.

Е. Клочёвски. Сравнительно-исторический анализ общественных, политических, и культурных структур Европы XIII в.; М. Маловист. К вопросу о развитии и упадке городов Монгольской империи в XIII—XV вв.; Й. Калич. Торговые отношения балканских стран с государствами Центральной Европы в XV в.; Х. Виснер. Великое княжество Литовское, Корона Польская, Речь Посполитая; А. Хойновски. Национальные меньшинства и политика польских правительств 1921—1926 гг.; В. Сливовска. Итоги юбилея восстания декабристов (1825—1975); Я. А. Земницки. Польская интеллигенция в Варшаве на рубеже XIX—XX вв.; Г. Котуля. К вопросу о романизации Северной Африки; Р. Людвиковски. О польском либерализме XIX века; Я. Сковронек. Спор вокруг Садыка Паши.

«Z pola walki». Warszawa. 1976, № 3.

Е. Жигунов. Петр Лавров и революционная Польша (70—90-е годы XIX в.); К. Урбаньски. Репрессии по отношению к Коммунистической партии Польши (КПП) (Келецкое воеводство в 1918—1938 гг.); Я. Борковски. Выборы в городское самоуправление в 1933—1934 гг.; А. Ямруз. Политика и идеология французской социал-демократии в период V Республики; А. Нотковски. Людвик Варыньски (ч. I); Материалы, документы, воспоминания. Делегация КПРП на IV конгрессе Коминтерна (Т. Федер); Заседания Окружной варшавской конференции ППС (9 и 15 марта и 17 апреля 1919 г.) (В. Мрочковски); Ю. Ковальчик. Пожилой господин — Францишек Фидлер; Р. Кравчик. Концепция единого фронта в публицистике Адама Прухника; С. Ярецка-Кимлёвска. Последняя встреча Болеслава Берута с деятелями кооперативного движения.

«Z pola walki». 1976. Numero specjalny.

70-летие революции 1905—1907 гг. (материалы научной сессии). В. Тшебятовски (вступительное слово); С. Каля-Биньски. Польская общественность в революции 1905 г.; В. Голэмбёвски. Ленинская теория революции и современность; А. Жарновска. Рабочий класс Королевства Польского во время революции 1905—1907 гг.; П. Родионов. Международное значение первой русской революции; Секция истории революции. В. Найдус. Руководители II Интернационала и их отношение к революции 1905 г.; К. Хаферкорн. Революция 1905—1907 гг. и политико-идеологическая деятельность Клары Цеткин; Я. Шулич. Влияние первой русской революции на рост революционного движения в Австро-Венгрии; Дискуссия: Я. Канцевич, А. Ящук, В. Булат, В. Якубчик, И. Спустек, В. Длугоборский, Е. Таргальски, Х. Кепурска, А. Пильх, Х. Пясецки, Л. Хасс, Х. Винницка, В. Прусс, Я. Собчак; Секция стратегии международного рабочего движения. Т. Тимофеев. Ленинская теория революции и некоторые вопросы стратегии и тактики современного рабочего движения в капиталистических странах; С. Титаренко. Ленинское учение о перерастании буржуазно - демократической революции в социалистическую и современность; М. Боучек. Творческое применение ленинской теории о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и Чехословакия; Ю. Оганисьян. К вопросу о соотношении интернационального и национального в международном рабочем движении; Дискуссия: Б. Радляк, Т. Годлевски, Я. Яницки, М. Вальденберг, Е. Ярос, Г. Дитрих, П. Марчиняк, В. Гура, Т. Ивиньски, З. Межецки.

«Revista de istorie». Bucureşti. 1976, № 10.

Историческое событие в идейно-политической жизни Румынии; К. Преда. 2-й международный конгресс по фракологии; Г. Цуцуи. Значение всеобщих выборов в ноябре 1946 г. для внутреннего и внешнеполитического положения Румынии; В. Ливеану. Первые декреты повстанческой национальной армии и их характер; Е. Чимпонериу. Начало развертывания демократической революции в Восточной Германии (1945—1946); А. Вычаньски. Исследования по истории Ренессанса в народной Польше; Изменения в идеологической жизни в период создания РКП и первые годы ее деятельности.

«Revista de istorie». 1976, № 11.

К 500-летию со дня смерти Влада Цепеша. Ш. Штефанеску. Влад Цепеш — выдающийся государственный деятель; Н. Стоическу. Внутренняя политика Влада Цепеша; Ш. Андрееску. Связи Влада Цепеша с Трансильванией и Венгри-

ей; Ш. Симонеску. Известия о Владе Цепеше в германских источниках; Д. Черноводеану. К вопросу о геральдике Влада Цепеша; К. Рездакевичи. Влад Цепеш — хронология, библиография; В. Чиочилтан. Между султаном и императором: Влад Дьявол в 1438 г.; В. А. Джорджеску. Принципиальные вопросы развития румынского права.

«Survey» . Sarajevo. 1976, № 2.

А. Пелеш Запрещение расовой дискриминации в Уставе ООН и общем международном праве; В. Симеунович. Марксистская теория и социально-историческая реальность; И. Перич. К вопросу о фашизме и антифашистской платформе социалистической революции в Югославии; И. Карабегович. Начало становления реформистского движения в Югославии (1921); Е. Стевович-Страньяк. Новый экономический порядок и развивающиеся страны; С. Чиркович, П. Живкович. Современная историография средневековой Боснии.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Об условиях диалога с буржуазными историками

«History and Theory. Studies in the Philosophy of History». Middletown. 1975, № 1.

Статья западногерманского буржуазного историка Э. Нольте «Взаимоотношения между «буржуазной» и «марксистской» историографией» представляет собой сокращенный вариант его вступительной лекции к курсу «Холодная война». Этот курс был задуман администрацией «Свободного университета» Западного Берлина, однако студенты бойкотировали это мероприятие.

Рост международного авторитета марксистско-ленинской историографии заставляет многих буржуазных историков, особенно западноевропейских, идти на диалог с ее представителями. «Во многих университетах Запада,— пишет Э. Нольте,— сегодня вряд ли можно найти любой другой вопрос, который бы ставился перед историками чаще, чем вопрос о соотношении «буржуазной» и «марксистской» историографий» (стр. 57). Признав, что метод К. Маркса «открывает действие социальных и экономических законов», автор так формулирует свою главную посылку по вопросу об отношении буржуазного мышления к методу марксизма: «Ответ должен заключаться не только в том, что буржуазное мышление родственно марксистскому подходу, но и в том, что буржуазное мышление породило марксистский подход» (стр. 66). Этот тезис автор пытается подкрепить ссылкой на письмо Маркса к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года. «Другими словами,— пишет далее Нольте,— то, что сегодня часто идет под именем марксизма,— демонстрация наличия классов, структуралистский анализ общества, восприятие концепции классовой борьбы — все это на деле, как ясно заявил сам Маркс, продукт буржуазного мышления, в частности представленного французскими и английскими сочинениями». Что же касается другой стороны дела, то есть «тех элементов теории Маркса, которые он определял как свой собственный вклад», то они, по мнению автора, «как раз и являются тем, что буржуазные мыслители должны назвать недоказуемыми, политическими, утопическими тенетами марксизма». Именно в этом пункте, констатирует Нольте, буржуазная и марксистская науки различаются радикально и непримиримо. Но и это различие он не считает «абсолютным», утверждая, что «буржуазная мысль может с готовностью допустить возможность замены классового общества» «послеклассовым» точно так же, как классовое общество пришло на смену обществу, основанному на сословиях. Буржуазная мысль, продолжает он, может также воспринять... тенденцию к смещению правящих элит прошлого и к переходу к эпохе господства «простого человека» или даже широко понимаемого «пролетариата». И здесь Нольте, наконец, формулирует то, чего никак не может принять буржуазная историография: «она не может поверить в то, что наступит время, когда появится мировое сообщество без внутренних различий, то есть классов, и без центров власти, то есть государств, более того, мировое сообщество, в котором индивидуумы более не будут подвержены разделению труда. Скептицизм по отношению к этой

идее бесклассового общества—идее, составляющей суть марксизма,— представляет собой один из реальных водоразделов между буржуазной и марксистской историографией. Но обе они придерживаются тех же самых методологических принципов и могут разделять определенные технические приемы, такие, как структурный анализ, идеологическая критика, количественный анализ в социальной истории и даже экономический анализ» (стр. 66—67). Таково кредо Нольте.

Но марксисты никогда и не отрицали, что диалектико-материалистическое понимание исторического процесса рождалось в недрах буржуазного мира. Не спорят они и с тем, что есть много общего между ними и буржуазными авторами в использовании приемов исследования (в том числе и структурно-количественного), которые сами по себе не определяют характер теории и методологии истории и не ведут ни к марксизму, ни к буржуазному миропониманию. Нольте подвергает «респектабельной» критике то, что он называет «недоказуемой» стороной марксизма, а на самом деле то, что является его существом: диалектико-материалистическую философию, историко-материалистическую методологию, его революционную направленность. Он все это не воспринимает, хотя и готов в «несколько» измененном виде признать. Но, как известно, еще В. И. Ленин указывал на «международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «демагогической», «бланкистско-утопической» стороны его. Другими словами, взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность» [1].

Нольте полагает, что его типично плюралистские рассуждения «неуязвимы» для критики. В действительности же формулы автора весьма уязвимы. Оказывается, буржуазная историография до сих пор не в состоянии дать научное определение классов. Получается, что в докапиталистических обществах классов не было — были лишь сословия, что «послеклассовое общество» (это социологическая абракадабра современной буржуазной науки) есть эквивалент бесклассового общества, что марксизм якобы признает примитивную до убожества «мысль» об «обществе без внутренних различий», об «отсутствии разделения труда», что смысл социальных революций — в ускорении наступления эры «простого человека». Поэтому говорить, что буржуазная и марксистская историографии «разделяют те же самые методологические принципы»,— значит слишком высоко поднимать буржуазную, эклектическую в своей основе историческую науку. Критикуя эклектику, Ленин писал, что «подделка эклектизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [2].

Нольте ведет полемический диалог не просто с марксизмом. Он подразделяет последний на «государственный» и «свободный» марксизм. Первый, как он утверждает, не имеет «критической дистанции по отношению к своему государству и правительству, которую мы находим у буржуазных ученых, даже у самых решительных представителей «буржуазных классовых интересов». Наоборот, свободный марксизм воплощает самую радикальную и тотальную форму критической дистанции и, следовательно, представляет собой самый чистый из всех возможных путь развития буржуазной науки. Тогда как свободный марксизм может играть исключительную стимулирующую и плодотворную роль в рамках буржуазного общества и науки, которые взращивают его, историография под крылом государственного марксизма — дисциплина без автономии и инициативы» (стр. 68). Прежде всего здесь бросается в глаза ценное и откровенно сформулированное признание, что «свободный марксизм» есть категория буржуазной науки. Нольте готов даже похвалить марксизм, но с оговоркой, что это лишь ветвь буржуазной мысли. Фактически же его похвала относится лишь к «свободному» марксизму. «Государственный» же марксизм автор критикует и именно за то, что он уже не умещается в колыбели буржуазной мысли.

Показательно, что буржуазный историк вынужден признать ограниченность эклек-

[1] В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 227.

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 21.

тики как метода познания, о чем на Западе обычно не высказываются откровенно. Впрочем, будучи по своей сути эклектиком, он спешит поделить грехи и беды, так сказать, поровну между буржуазной и марксистской историографией. Призывая к сотрудничеству буржуазных и марксистских историков, Нольте предлагает историкам-марксистам отбросить свои принципы и принять основные методологические идеи буржуазной историографии. Но это означает, что историкам-марксистам предлагают отказаться от тех выводов, которые покоятся на историческом и историографическом опыте, особенно XX века. Общественная практика человечества убедительно доказала истинность и огромные возможности методологии истории, основанной на диалектико-материалистической гносеологии.

Нольте неодинок. Другой западногерманский историк, Ю. Кока, также готов признать определенную пользу исторического материализма, ибо последний «предлагает систему, которая позволяет концептуализировать как связь, так и автономию экономических, политических и идеологических процессов, избегая опасности остаться на уровне нетеоретической описательности и простого добавления». Но при этом он готов допустить исторический материализм лишь как одну из «конкурирующих теорий» [3]. На XIV Международном конгрессе исторических наук при обсуждении доклада советских историков Кока выдвинул программу «институционализации плюрализма», суть которой он раскрыл в ходе своих конкретно-исторических рассуждений о фашизме как результате недостаточности «социальной модернизации» Германии имперского и веймарского периодов. Сторонники подобной трактовки не дают истинного понимания фашизма, пытаясь опровергнуть марксистский вывод о том, что фашизм представляет собой наиболее оголтелую, реакционную и шовинистическую диктатуру крупного капитала, во имя интересов которого он и развязал вторую мировую войну.

Историки-марксисты готовы к диалогу с буржуазными историками. Но такой диалог требует в качестве обязательного условия адекватно представлять существо теории, методологии и концепций друг друга. Буржуазные же историки зачастую не только не хотят объективно оценить существо марксизма, но и извращают его основные положения.

Н. В. Сивачев

[3] J. Kocka. Recent Historiography of Germany and Austria. Theoretical Approaches to Social and Economic History of Modern Germany: Some Recent Trends, Concepts, and Problems in Western and Eastern Germany. «Journal of Modern History», March 1975, pp. 107—108, 109.

Как и почему изменяется историография?

«Pacific Historical Review». Berkeley 1976, № 2.

Статья «Почему историки меняют свои взгляды» является публикацией выступления профессора истории Стэнфордского университета К. Н. Деглера в качестве президента тихоокеанского отделения Американской исторической ассоциации на его ежегодном собрании в августе 1975 года. Деглер взялся раскрыть в нем основные причины развития историографии как отрасли знания. Оттолкнувшись от тезиса — «история есть философия, обучающая с помощью примеров» (стр. 165), Деглер для ответа на поставленные им вопросы анализирует эволюцию концепций американской буржуазной историографии по проблеме негритянского рабства.

За основу он берет три сменившие друг друга в буржуазной историографии США XX в. концепции рабства. В 20-х — 30-х годах историк-расист У. Б. Филлипс утверждал, будто черным рабам в США жилось гораздо лучше, чем древнеримским рабам. Белые хозяева пеклись-де о них как о малых детях. По его мнению, негры оказались в положении париев американского общества в силу своей расовой неполноценности. В 50-е годы взгляды Филлипса были подвергнуты критике. К. Стэмп, например, отверг расистские установки Филлипса. Он пришел к выводу, что рабы в США подвергались жестокому угнетению и оказывали сопротивление плантаторам, которым рабство было экономически выгодно (стр. 169). В 60-е—70-е годы в буржуазной историографии США происходит новый пересмотр концепций негритянского рабства и в определенном отношении возврат к тезисам Филлипса. В работах таких историков, как Дж. П. Роуик, Ю. Д. Джиновезе, и особенно клиометристов (А. Конрад и Дж. Мейер, Р. У. Фогель и С. Л. Энгерман), «доказывается», что американские негры-рабы располагали чуть ли не равными с белыми условиями для духовного и интел-

лектуального развития, что с экономической точки зрения Юг процветал. Деглер видит в этих концепциях преодоление как расистских предрассудков Филлипса, так и суждений Стэмпа. Тем самым он склоняется к модернизированной апологии рабства.

По мнению Деглера, эта смена концепций обусловлена рядом факторов: ценностными установками общества, соответствующими господствующим в каждый данный момент мнениям о тех или иных явлениях социальной жизни; влиянием других общественных наук; расширением круга используемых источников и совершенствованием приемов их изучения. Нетрудно заметить, что вне поля зрения Деглера остаются факторы, которым на деле принадлежит определяющая роль в развитии исторического знания. Это прежде всего классовая общественно-политическая позиция историка, которая лежит в основе его «ценностных установок». Деглер же разбирает некую внеклассовую историографию плантационного рабства. При этом он совсем игнорирует работы историков-марксистов Г. Аптекера, Ф. Фонера и других, много писавших о плантационном рабстве после второй мировой войны. Важным фактором, на котором зиждется развитие историографии и который также не рассматривается в статье, является определенная теория исторического познания, влияющая как на приемы, так и методику изучения источников, которые у Деглера существуют и развиваются сами по себе.

Автор совершает подмену той реальной роли, которую имеет для исторического знания общественно-политическая и мировоззренческо-теоретическая позиция исследователя, вульгарными презентистскими установками. Не случайно он пишет о «центральном месте, которое занимают потребности сегодняшнего дня в интерпретации прошлого» (стр. 174). Таким образом, презентизм, характерный для ряда буржуазных историков США, особенно в послевоенные десятилетия, возводится в абсолют как непременный атрибут развития исторического знания в целом.

Изменения в ценностных установках американского общества, оказавшие воздействие на историографию рабства в 60-е — 70-е годы, автор видит в гуманизации отношения большинства белых к негритянскому населению. Он утверждает, что Роуик, Джиновезе, Фогель, Энгерман стремились выявить достижения негритянского народа в прошлом и настоящем, его вклад в историю США. На самом деле на их работах лежит печать самой распространенной общемировоззренческой концепции буржуазной историографии США последних десятилетий — бесконфликтного развития американской истории (консензуса). Рассмотренные сквозь призму этой концепции крупнейшие события американской истории: война за независимость, социальные движения эпохи перехода к империализму и периода «нового курса» и т. д.— изображаются как результат единения всех групп белого населения — от рабочих и неимущих фермеров до крупных бизнесменов и президентов. Буржуазные исследователи негритянской истории выступают в роли примирителей расовых разногласий, они представляют в смягченном виде расовые противоречия как в отдаленном, так и в недалеком прошлом страны, что имело совершенно определенное звучание в условиях подъема движения за гражданские права.

Разумеется, расширение круга исторических источников и совершенствование техники и методики их обработки влияют на изменение историографических концепций. Однако нельзя согласиться с утверждением Деглера, будто клиометрические методы изучения источников служат гарантом истинности концепций буржуазных исследований проблемы рабства. Историки-марксисты убедительно показали, что результаты использования количественных методов зависят от общеметодологических принципов объяснения общественных процессов [1], что апологетические работы основаны на порочной, глубоко субъективистской теории исторического знания. Результатом этого явились крайне противоречивые выводы клиометристов, в которых явно не сходятся концы с концами, а откровенно реакционные явления прошлого предстают подчас как знамение прогресса.

В. В. Согрин

[1] См., например, обзор: А. С. Манькин, А. К. Соколов. Профессор Р. Фогель (США) в МГУ. «Вопросы истории», 1976, № 8.

Шотландская «деволюция» и канадский федерализм

«The Round Table». London. 1975, № 259.

1960-е — 1970-е годы отмечены обострением национального вопроса во многих развитых капиталистических странах, имею-

щих неоднородный в национальном отношении состав населения. Квебекский вопрос в Канаде, валлонско-фламандский конфликт в Бельгии, баскская и каталонская проблемы в Испании, бретонский вопрос во Франции — все это свидетельства неустойчивости ранее казавшейся незыблемой системы однонационального правления, господствующей в большинстве западных стран. Пожалуй, наибольшей остроты и напряженности достиг в настоящее время национальный конфликт на Британских островах, где особенно ярким его примером может служить более чем восьмилетняя борьба католического меньшинства Северной Ирландии за свои права. Большое развитие получило национальное движение в Шотландии и Уэльсе. В политическом лексиконе Великобритании ныне все чаще используется слово «деволюция», то есть передача Вестминстером части своих правительственных полномочий планируемым автономным ассамблеям Шотландии и Уэльса. Лейбористский билль о «деволюции», прошедший 16 декабря 1976 г. при поддержке части консерваторов и всех представителей националистических партий второе чтение в парламенте, предусматривает также проведение референдума в Шотландии и Уэльсе по вопросам автономии.

В этой связи определенный интерес представляет статья работающего в университете г. Глазго автора ряда фундаментальных работ по истории современной Шотландии Джеймса Келласа «Нефть, федерализм и деволюция. Канадско-британские параллели». Стремясь объяснить процессы «деволюции» в Великобритании, автор обращается к истории Канады, избирая для сравнения не конфликт между англо- и франкоязычными провинциями, а проблему взаимоотношений центрального правительства Канадской федерации с правительством основной нефтепроизводящей провинции Альберты. В центре внимания Келласа вопрос о суверенитете провинций над своими естественными ресурсами, историю которого он прослеживает с момента принятия акта о Британской Северной Америке 1867 г. (нынешней конституции Канады). Этот суверенитет беспрепятственно осуществлялся вплоть до 1973 г., когда резко возросшие цены на импортируемую нефть сделали вопрос о сравнительно дешевой нефти Альберты весьма острым. В этих условиях в конфликт вступили, с одной стороны, интересы Альберты, стремящейся не допускать увеличения добычи нефти, с тем чтобы растянуть на возможно больший срок «рай» нефтяных прибылей, и нефтепотребляющих провинций и центрального правительства, с другой стороны, заинтересованных в максимальном увеличении добычи «своей» нефти, ранее в основном направлявшейся в США. Конфликт этот, достигший наибольшей остроты в 1974 г., когда правительство Альберты увеличило цены на сырую нефть, в основном завершился в 1975 г. компромиссом: была установлена цена на нефть, предложенная центральным правительством, Альберта же получила обещание кредитов для реконструкции ее экономики.

С точки зрения автора, этот опыт решения внутриканадского конфликта может послужить примером для Великобритании. Но вполне ли корректно подобное сравнение? Возможно ли сравнивать конфликт Оттавы и Эдмонтона, касающийся сугубо региональных и в основном экономических проблем, с гораздо более сложными вопросами национального развития Шотландии? Возможно ли сравнивать проблемы взаимоотношений внутри федеративной Канады с проблемами Великобритании, которая в случае принятия проекта «деволюции» все же останется унитарным государством? Единственное, что сближает Альберту с Шотландией,— это нефть, которая, впрочем, является для последней пока еще лишь перспективой. Эта сомнительная параллель проводится Келласом с целью поддержать Шотландию в споре о разделении имперских и местных полномочий в связи с обсуждением автономной структуры Великобритании, доказать необходимость значительных полномочий планируемой Шотландской ассамблеи по контролю над естественными ресурсами.

Произвольное сравнение, естественно, не позволяет автору сделать свое доказательство достаточно убедительным. Сам национальный вопрос зачастую недооценивается им. Так, он считает, что квебекский вопрос в Канаде исчерпан в результате введения двуязычия (хотя силу национального движения вновь подчеркнул приход сепаратистов к власти в Квебеке в ноябре 1976 г.). Шотландское же национальное движение, разнообразное по своему классовому составу и во многом противоречивое по своим целям, сводится Келласом практически к борьбе за суверенитет над североморской нефтью.

В. Н. Истратов

Американские займы Великобритании во время первой мировой войны

«Pacific Historical Review». Berkeley. 1976, № 2.

Англо-американские отношения периода первой мировой войны и причины вступления в нее США продолжают интересовать буржуазных историков Одно из свидетельств этого — статья преподавателя исторического отделения Висконсинского университета (США) Дж. М. Купера-младшего «Перестановка в господстве над золотом: американские займы Великобритании в 1915—1917 гг.», посвященная все еще спорной проблеме займов, предоставленных американскими банками Англии.

Характеризуя позицию буржуазных ученых, исследующих международные отношения в 1914—1917 гг., автор отмечает, что они по-прежнему мало внимания уделяют экономическим факторам. С этой точки зрения Купер критикует капитальное исследование А. Линка о В Вильсоне[1], в котором, в частности, не выявлена роль такого влиятельнейшего органа, как правление Федеральной резервной системы (ФРС). Автор стремится «исправить упущения трактовки Линка и... пренебрежение к экономическим факторам в дипломатии периода первой мировой войны» (стр. 210—211), подчеркивает важность вопроса о влиянии размеров торговли и займов на решения, принимавшиеся правительствами США и Великобритании.

Купер привлек архивные материалы, многие из которых раньше не использовались. Это документы различных английских ведомств времен войны, переписка президента Вильсона с членами своей администрации и бизнесменами, а также материалы специальной сенатской комиссии 30-х годов, обследовавшей деятельность монополий. К этому источнику консервативные авторы предпочитают обращаться как можно реже.

Как известно, под воздействием деловых кругов кабинет Вильсона в октябре 1914 г. разрешил размещение иностранных займов в США. Этим постарались воспользоваться страны Антанты: их торговые и финансовые сношения с Америкой становились все более интенсивными. Но в первую очередь создавшаяся ситуация устраивала американский бизнес — на смену недавней кризисной конъюнктуре пришло «процветание» Меньше всего—и материалы статьи об этом убедительно свидетельствуют — американские партнеры учитывали интересы Антанты. Банкиры и промышленники Нью-Йорка стремились превратить США в ведущую финансовую державу мира, оттеснить фунт стерлингов и Английский банк, а Нью-йоркский банк превратить в ось международных финансов В 1916 г., подводя первые итоги столь выгодной для американского бизнеса войны, правление ФРС констатировало «Соединенные Штаты достигли сейчас такого уровня богатства и индустриальной мощи, какого при естественном ходе дел они не могли бы достигнуть за целое поколение» (стр. 222).

Американские финансисты и политики видели свою задачу в том, чтобы поскорее перекачать в свои подвалы британские золотые запасы, овладеть английскими ценными бумагами. Однако кредитование английских закупок уже в 1915 г. начало встречать растущие препятствия. Англо-французская миссия лорда Ридинга осенью 1915 г., несмотря на поддержку министра финансов США У. Г. Мак Аду, так и не смогла разместить в США хотя бы половину запланированного ею миллиардного займа. В 1916 г. обстановка еще больше осложнилась, так как конгресс уполномочил президента применить экономические санкции против Англии и Франции как стран, мешающих торговле США (имелись в виду англо-французские меры по пресечению торговых связей с Германией и Австро-Венгрией).

Автор придает большое значение заявлению правления ФРС, опубликованному 27 ноября 1916 года. Американских банкиров призывали в нем «быть более консервативными» в делах кредитования иностранных искателей займов. Антианглийское острие этого манифеста едва прикрывалось аргументом о том, что США надо «сыграть надлежащую роль в финансовом возрождении мира» (стр. 222). Не случайно английский министр лорд Бальфур заметил: «Это куда серьезнее, чем даже опасность субмарин» (стр. 225) (имелась в виду германская подводная война). Купер показывает, что заявление правления ФРС было согласовано с Вильсоном. Именно в конце ноября президент говорил одному из руководителей правления, что отношения США «с Великобританией более напряженные,

[1] A. Link. Wilson: The Struggle for Neutrality 1914—1915. Princeton. 1960; ejusd. Wilson: Confusions and Crises, 1915—1916. Princeton. 1964; ejusd. Wilson: Campaigns for Progressivism and Peace, 1916—1917. Princeton. 1965.

чем отношения с Германией» (стр 225). С помощью такого финансового «предостережения» Вильсон готовил почву для своего известного «посреднического» предложения, которое и последовало в декабре того же года.

Значительная часть статьи посвящена позиции и маневрам правящих кругов Англии. Перспективы резкого ослабления могущества страны перед лицом рвущейся к контролю над золотом Америки вызывали их растущую тревогу. Междуведомственный комитет лорда Перси в октябре 1916 г. констатировал, что зависимость от США принимает катастрофические размеры. Необходимо, заявил он, не только «сохранять дружественные отношения» с ними, но и обеспечить получение непрерывного потока займов (стр. 219—220). Э. Бонар Лоу, Д. Ллойд Джордж, Р. Сесил и некоторые другие не соглашались безоговорочно уступать американскому нажиму. Маркиз Лэнсдаун, министр без портфеля, советовал искать пути к переговорам о мире с немцами. Тем не менее вывоз британского золота за океан продолжался — с декабря 1916 по март 1917 г. из Англии в США его было отправлено более чем на 400 млн. долларов (стр. 227).

Купер полагает, что «примерно к концу марта 1917 г.» союзников ожидал крах. Их спасли, считает он, «не собственные усилия», а, как это ни странно, Германия, совершенно несвоевременно объявившая неограниченную подводную войну. Это категорическое суждение подкрепляется ссылками на мнение некоего клерка из Форин оффис Р. Сперлинга («Германское правительство, как обычно, превзошло нас по глупости в сношениях с США») и на авторитет покойного германского историка Г. Риттера (стр. 228). Настаивая на том, что весной 1917 г. Англию ожидала неминуемая финансовая катастрофа, автор следует по стопам Дж. М. Кейнса, которого он называет «блистательной Кассандрой британского казначейства» (стр. 213).

В статье преувеличивается беспомощность положения Англии в начале 1917 года. Нельзя забывать, что она сама выкачала немало золота у своих партнеров. Бонар Лоу уже тогда рассматривал вопрос об отмене золотого обеспечения фунта стерлингов, что по тем временам означало полный переворот в мире финансов. Но обращение к такого рода мерам показывало готовность британского руководства прибегнуть к любым средствам в борьбе с конкурентами. Напомним и о другом. Германо-американские противоречия к 1917 г. стали важнейшим фактором мировой политики. Не только из желания сохранить торговых партнеров и должников, но и по военно-политическим соображениям правящие круги США не собирались допускать установления гегемонии Германии в Европе. Дальнейшее расширение масштабов войны и вступление в нее Америки объяснялось, разумеется, не «удивительной ошибкой» немцев, а явилось логическим следствием всей системы империалистических противоречий того времени.

К. Б. Виноградов

Еще раз об истоках Великой Французской буржуазной революции конца XVIII века

«Annales. Économies, Sociétés, Civilisations». Paris. 1975, № 2—3.

В последнее время во Франции появилось немало работ, авторы которых пытаются выдвинуть новую интерпретацию истории Французской революции конца XVIII века. Они отвергают ее оценку как буржуазной, направляя при этом острие своей полемики против марксизма. Главное внимание эти историки уделяют при этом месту буржуазии и дворянства в предреволюционном французском обществе[1]. Активное участие в спорах о характере революции принимает Г. Шоссинан-Ногаре, принадлежащий к современному направлению «Анналов». У историков этого направления Французская буржуазная революция конца XVIII в. распадается на несколько независимых движений: крестьянскую революцию, санкюлотское течение и «революцию элиты», состоящей из дворянства и буржуазии, социальные противоречия между которыми игнорируются. Лишь эту «революцию элиты», сведенную к уничтожению деспотизма и утверждению буржуазных свобод, они считали исторически необходимой и прогрессивной. Статья Шоссинан-Ногаре «К происхождению Французской револю-

[1] D. Richet. Elites et despotisme. «Annales. Économies, Sociétés, Civilisations», 1969, № 1; F. Furet. Le catéchisme révolutionnaire. «Annales. Économies, Sociétes, Civilisations», 1971, № 2; F. Furet et D. Richet. La Révolution française. P. 1973. (см. заметки А. В. Адо об этих проблемах в журнале «Вопросы истории», 1973, №№ 4, 5; 1974, № 8).

ции: дворянство и буржуазия» как раз и является еще одной попыткой доказать отсутствие серьезных противоречий между дворянством и буржуазией и обосновать концепцию «революции элиты».

К 1760 г., полагает Шоссинан-Ногаре, в психологии верхов французского общества произошли важные сдвиги. Если до этого времени больше всего почитались знатное происхождение и «чистота крови» — все то, что Шоссинан-Ногаре объединяет понятием «честь», то теперь на первое место выдвинулись такие буржуазные добродетели, как труд, усердие, компетентность, благотворительность, составляющие понятие «достоинство». Дворянство восприняло эту новую, буржуазную систему ценностей и, по мнению автора, образовало вместе с буржуазией «элиту» с единой психологией и политическими идеалами (стр. 267).

Для доказательства своих выводов Шоссинан-Ногаре проводит сравнительный анализ содержания наказов второго и третьего сословий, которые, как он утверждает, во многом были идентичны. Речь идет прежде всего о сходстве некоторых пунктов, касающихся отдельных политических свобод и ограничения королевской власти (стр. 271, 272, 273). Однако за этим скрывалась принципиальная противоположность позиций буржуазии, выступавшей тогда за демократические свободы и гражданское равенство, и дворян, желавших несколько ограничить всевластие монарха, чтобы предупредить попытки даже незначительных реформ, к которым иногда прибегала королевская власть и которые могли бы задеть их интересы.

От анализа проблем политических свобод и государственного устройства, как они были поставлены в наказах, автор переходит к рассмотрению вопроса о сеньориальных повинностях. И здесь его интерпретация представляется крайне неубедительной. 85% дворянских наказов молчат о сеньориальных повинностях, признает Шоссинан-Ногаре, но из этого факта он делает вывод, что дворяне готовы были пожертвовать ими. Не логичнее ли предположить, что это молчание скорее означало желание сохранить статус-кво?

Одним из важных показателей того, готово ли было дворянство отказаться от своих привилегий, является вопрос о способе голосования в Генеральных штатах. И вновь Шоссинан-Ногаре идет здесь наперекор фактам. Он заявляет, что «твердое большинство в 60% выступало за поголовное голосование» (стр. 272). Но это противоречит его же собственным подсчетам и разъяснениям Из 30 наказов дворянства, как сообщается в статье, 12 — высказалось за голосование по сословиям, 9 — заняло «промежуточную» позицию, причем в некоторых из этих наказов, в частности в наказе дворянства Монпелье, указывалось, что подавляющее большинство вопросов должно разбираться каждым сословием в отдельности Даже по подсчетам автора, только в девяти наказах содержалось требование поголовного голосования, но из них, как пишет Шоссинан-Ногаре, шесть соглашалось на эту меру лишь в том случае, если за нее выскажется большинство второго сословия. Таким образом, сторонники поголовного голосования были среди дворян в меньшинстве.

Второй тезис Шоссинан-Ногаре состоит в том, что французское дворянство — «наиболее динамичное дворянство Европы» — в большей степени, чем «робкая буржуазия», способствовало становлению передовой капиталистической экономики (стр. 273) Автор признает, что большинство капиталистов, особенно в провинции, были выходцами из третьего сословия. Но, по его мнению, их предприятия не идут ни в какое сравнение с могущественными торговыми компаниями, такими, как Вест-Индская, Ост-Индская, Северная и др., которые ворочали миллионами, а управлялись преимущественно дворянами (стр. 274—275). Однако не следует забывать, что эти компании, тесно сросшиеся с абсолютистским государством и обладавшие монополиями и привилегиями, в общем-то мешали развитию частного предпринимательства. То, что часть дворянства занималась торговлей и предпринимательством, никак не опровергает того, что в целом второе сословие предреволюционной Франции было связано с отживающим свой век феодализмом. И даже те весьма спорные проценты, которые выводит Шоссинан-Ногаре из анализа сословных наказов, показывают, что требование широких экономических свобод исходило главным образом от буржуазии, а не от дворянства (стр. 276).

С. Ф. Блуменау

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Бережков В. М. Рождение коалиции. М. 1975. 248 стр. Рец.: Materski W.— «Sprawy międzynarodowe». Warszawa. 1976, № 10, s. 156—159.

Бойко П. Н. Латинская Америка — экспансия империализма и кризис капиталистического пути развития. М. 1973. 213 стр. Рец.: Beránek B. — «Nový Orient». Praha. 1976, № 8, s. 255.

«Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость». М. 1974. 444 стр. Рец.: Markov W.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1976, H. 9, S. 1045—1046.

Елисеев М. Г. Бонн и ГДР. Как потерпела провал на международной арене политика правительств ХДС/ХСС, направленная против ГДР (1949—1969). Минск. 1975. 254 стр. Рец.: Kaiser I. M. — «Deutsche Aussenpolitik». Berlin. 1976, H. 10, S. 1591—1593.

Журкин В. В. США и международно-политические кризисы. М. 1975. 326 стр. Рец.: Soják V.— «Mezinárodní vztahy». Praha. 1976, № 4, s. 70—72.

«Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма». (Авт. Игнатьев В., Гриньko В. и др.). М. 1975. 622 стр. Рец.: Frisch B.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1976, № 5, S. 937—938.

Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публ. деятельность в России в 60-х годах — XIX в. М. 1974. 334 стр. Рец.: Petrovič N.— «Jugoslovenski istorijski časopis». Beograd. 1975, br. 1—2, S. 201—205.

Львунин Ю. А. Борьба Коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР (1924—1928 гг.). М. 1975. 304 стр. Рец.: Zelt J.— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin. 1976, № 5, S. 946.

Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения (1917—1935 гг.). Минск. 1975. 222 стр. Рец.: Тончев Й.— «Исторически преглед». София. 1976, кн. 4, с. 126—128.

Мирсаатов Т. Древние шахты Учтута. Ташкент. 1973, 108 стр. Рец.; Krzak Z.— «Sprawozdania archeologiczne». Wrocław e. a. 1976, t. 28, s. 309—312.

Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М. 1972. 343 стр. Рец.: Meyer K.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1976, H. 2, S. 260—261.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск. 1971—232 стр., 1973—240 стр., 1974—423 стр. Рец.: Krzak Z.— «Sprawozdania archeologiczne». Wrocław e. a. 1976, t. 28, s. 312—318.

«Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Доклады исторической конференции. 25—27 ноября 1975». Тарту. 1975. 348 стр. Рец.: Warnicke H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1976, H. 9, S. 1052.

Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР. 1917—1930 гг. М. 1973. 382 стр. Рец.: Kaplan F. I.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1976, H. 2, S. 267—268.

Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л. 1974. 318 стр. Рец.: Gula K.— «Kwartalnik historii kultury materialnej». Warszawa. 1976, № 3, s. 480—483.

Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин. 1973. 148 стр. Рец.: Hoffmann P.— «Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas». Bd. 19/1. Berlin, 1975, S. 225—228.

«Советско-польские отношения. 1918—1945». Сборник статей. (Ред. коллегия: И. И. Костюшко и др.). М. 1974. 296 стр. Рец.: Sl. Z.— «Slovanský přehled». Praha. 1976, № 3, s. 254.

Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство (2-е доп. изд). М. 1971. 623 стр. Рец.: Sehnal J.— «Hudební věda». Praha. 1976, roč. 13, № 3, s. 287—288.

Утенков А. Я. Борьба КПСС за восстановление народного хозяйства и дальнейшее развитие социалистического общества 1946—1955 гг. Учеб. пособие по истории КПСС для студентов высш. учеб. заведений. М. 1974. 216 стр. Рец.: «Slovanský přehled». Praha. 1976, № 3, s. 260—261.

Фалькович С. М. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). М. 1975. 379 стр. Рец.: Sobczak I.— «Z pola walki». Warszawa. 1976, № 2, s. 205—210.

Федосова Т. Ф. Польские революционные организации в Москве. 60-е годы XIX века. М. 1974. 204 стр. Рец.: V. Š.— «Slovanský přehled». Praha. 1976, № 3, s. 249.

Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. (Первая половина XIX в.). М. 1974. 406 стр. Рец.: V. J.— «Slovanský přehled». Praha. 1976, № 2, s. 150.

Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л. 1973. 347 стр. Рец.: Blackwell W. L.— «American Historical Review». Washington. 1976, № 3, p. 632.

Шерешевский Б. М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922 гг.). Новосибирск. 1974. 187 стр. Рец.: — «Slovanský přehled». Praha. 1976, № 3, s. 254—255.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М. 1972. 218 стр. Рец.: Widera B.— «Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas». Bd. 19/1. Berlin. 1975, S. 237—239.

Языкова А. А. Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925. М. 1974. 331 стр. Рец.: Alexander M.— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1976, H. 2. S. 297—298.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в ноябре 1976 года.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Историческая миссия рабочего класса в современных условиях стоит в центре внимания авторского коллектива (ГДР) книги «Рабочий класс при капитализме. Классовая борьба и классовая структура». Исходя из основных направлений социально-экономического, политического и идеологического развития эпохи, авторы исследуют рост рабочего класса, профессиональный состав и тенденции развития в условиях государственно-монополистического капитализма, прежде всего в ФРГ. Они полемизируют с представителями буржуазной историографии, стремящимися исказить революционно-авангардную роль рабочего класса; анализируется также связь между изменениями в структуре пролетариата и идеологической борьбой; показано, что рабочий класс выступает в борьбе против монополистического капитализма наиболее организованно и сплоченно, как идейно зрелая общественная сила («Arbeiterklasse im Kapitalismus. Klassenkampf und Klassenstruktur». Autorenkollektiv unt. der Leit. von H. Kolbe. Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1976. 256 S.).

◆ «Ежегодник международной политики и экономики, 1976» — очередной, 4-й том совместного труда ученых СССР и ГДР. В него включены статьи, трактующие события международного значения за 1975 г. в целом, а также по отдельным странам. В томе помещены обзоры деятельности СЭВ и ООН, дан анализ капиталистической экономики, специальное внимание уделено борьбе за безопасность и сотрудничество в Европе. Имеются статьи о Международном годе женщины, о значении победы народов Индокитая для борьбы за мир, безопасность и сотрудничество в Азии, о развитии стран Латинской Америки; подборки о политическом и экономическом развитии отдельных стран, взаимоотношениях социалистических, капиталистических и молодых развивающихся стран. В особой рубрике представлены государства, завоевавшие независимость в 1975 году. Заключает ежегодник хроника международных событий. В приложении опубликованы документы внешней политики социалистических государств («Jahrbuch der Internationalen Politik und Wirtschaft 1976». Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1976. 576 S.).

◆ В «Справочнике договоров за 1871—1964 гг.» представлены различные договоры, пакты, меморандумы, дипломатические протоколы, соглашения и другие официальные документы, характеризующие отношения между капиталистическими, а затем и социалистическими государствами почти за 100 лет и имеющие важное значение для международных событий указанного периода. Все документы (а их более 300) снабжены общеполитическими и текстологическими комментариями («Handbuch der Verträge 1871—1964». Verträge und andere Dokumenten aus der Geschichte der internationalen Beziehungen. Berlin. «Deutscher Verlag der Wissenschaften». 1976. 787 S.).

◆ «Национально - демократическое государство в Азии и Африке» — коллективный труд ученых ГДР под общим руководством Г. Бреме. Авторы рассматривают вопрос о социальных функциях и роли государства в освободившихся странах некапиталистической ориентации. В книге исследуются классовый характер национально-демократического государства, его задачи в условиях некапиталистического пути развития, отношения между организациями революционно-демократических сил и государством, деятельность государственного механизма («Der nationaldemokratische Staat in Asien und Afrika». Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1976. 272 S.).

◆ Группа авторов во главе с Раймаром Мюллером подготовила 1-й том «Истории античной культуры», посвященный древней Греции,— результат долголетней работы специалистов из АН и университетов ГДР. Во введении излагаются такие вопросы, как марксистско-ленинское понимание культуры, буржуазные теории этого понятия, соотношение между общей культурой и конкретной цивилизацией, задачи изучения истории культуры, место материальной культуры в общественном базисе и духовной культуры в его надстройке, понятие «двух культур» в антагонистическом обществе, творческая роль народных масс как созидателей культуры («Kulturgeschichte der Antike». Bd. 1: «Griechenland». Autorenkollektiv unt. der Leit. von R. Müller. Berlin. «Akademie-Verlag». 1977. 534 S.).

◆ Монография польского ученого Павла Божыка посвящена экономическому сотрудничеству стран — членов СЭВ. Она состоит из трех частей, соответствующих начальному (по 50-е годы), дальнейшему (60-е годы) и последнему периодам истории СЭВ. Автор рассматривает принципы производственного и научно-технического сотрудничества в рамках СЭВ и касается перспектив такого взаимодействия, останавливается на все возрастающей роли стран — членов СЭВ в мировой экономике (P. Bożyk. Współpraca gospodarcza krajów RWPG. Warszawa. «PWE». 1976. 408 str.).

◆ В книге Мариана Вилка (ПНР) «Помощь и сотрудничество. Польско-советские экономические отношения в 1944—1945 гг.» освещаются польско-советские отношения в последние годы второй мировой войны; отражены: участие воинов Красной Армии в восстановлении польской экономики и оказании продовольственного содействия гражданскому населению, общегосударственная помощь СССР Народной Польше, торговые отношения (M. Wilk. Pomoc i współpraca. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1944—1945. Warszawa. «PWN». 1976. 260 str.).

◆ Антоний Пшигоньский повествует о деятельности Гвардии Людовой в Варшаве в 1942 году. Он останавливается на главных операциях ГЛ, включая дезорганизацию железнодорожных линий под Варшавой и нападение на отделение рейхсбан-

ка (A. Przygoński. Akcje zbrojne CL— Warszawa 1942. Warszawa. «KiW». 1976. 152 str.).

◆ Станислав Штрумпф-Войткевич (ПНР) подробно рассматривает участие поляков в движении Сопротивления во Франции 1940—1944 годов. Автором использованы разнообразные первоисточники, в том числе воспоминания участников событий, архивные документы, фотоматериалы (S. Strumph-Wojtkiewicz. Gra wojenna. Warszawa. «PIW». 1976. 350 str.).

◆ Материалы состоявшейся в Варшаве в январе 1973 г. научной сессии, посвященной истории рабочего класса Варшавы и его роли в рабочем движении страны, составили содержание сборника «Варшава в польском рабочем движении». Книга снабжена вспомогательными и справочными материалами («Warszawa w polskim ruchu robotniczym». Warszawa. «PWN». 1976. 640 str.).

◆ Коллективный труд «Между феодализмом и капитализмом. Исследования по истории экономических и общественных отношений» вышел как сборник работ в связи с 60-летием видного польского ученого Витольда Кули. Сюда вошли статьи его учеников и сотрудников о различных проблемах указанного периода; исследования, принадлежащие перу ученых из СССР, Англии, Голландии, Италии, Франции и ФРГ; библиография трудов В. Кули («Między feudalizmem a kapitalizmem. Studia z dziejów gospodarczych i społecznych». Wrocław. «Ossolineum». 1976. 500 str.).

◆ Группа польских ученых исследовала польскую эмиграцию с конца XVIII в. до 1945 г. и пребывание мигрантов в разных странах мира. В работе освещаются экономические причины эмиграции из Королевства Польского; причины и динамика эмиграции из польских земель, подвластных Пруссии, а затем Германии; из австрийской Галиции; из Польши между первой и второй мировыми войнами; расселение и устройство иммигрантов в США; изгнание поляков из гитлеровского рейха. Среди авторов — Целина Бобиньская, Збигнев Станкевич, Адам Галос, Казимеж Вайда, Анджей Пильх, Збигнев Ландау, Галина Яновская, Анджей Свентковский и Чеслав Лучак («Employment-Seeking Emigrations of the Poles World-Wide XIX and XX C.». Kraków. «PWN». 1975. 194 p.).

◆ Проф. Эндре Ференци (Венгрия) посвятил свою новую книгу проблеме перехода в древнем Риме от патрицианского государства к патрицианско-плебейскому. Он доказывает, что этот переход осуществлялся в течение IV в. до н. э., а решающий шаг был сделан при цензорстве и консульстве Аппия Клавдия Цека (E. Ferenczy. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest. «Akadémiai kiadó». 1976. 224 p.).

◆ «Основные вопросы исторических отношений между немцами, полабами и поляками» — так назван сборник выступлений участников совместной сессии польских и немецких ученых, состоявшейся в марте 1975 г. и организованной Секцией истории польско-немецких отношений при Исторической комиссии (Западный Берлин). В сборнике помещены тематические статьи ряда ученых ПНР, Западного Берлина и ФРГ и отражена дискуссия, состоявшаяся на сессии. Материалы охватывают эпоху от родового строя по средние века («Grundfragen der geschichtlichen Beziehungen zwischen Deutschen, Polaben und Polen». Hrsg. von W. H. Fritze und K. Zernack. Berlin. «Colloquium Verlag». 1976 154 S.).

◆ Индийский ученый Сурендра Гопал, стажировавшийся в Институте востоковедения АН СССР и преподающий в университете Патна, написал работу о развитии ремесел и торговли в Гуджарате XVI—XVII веков. Автор поставил целью исследование тамошней «докапиталистической» экономики в связи с воздействием на нее европейской экспансии. Он рассматривает морские торговые связи отдельно с арабскими странами, Ираном, Юго-Восточной Азией, Дальним Востоком и Европой, каботажную торговлю с соседними индийскими областями, товарные отношения внутри Гуджарата, анализирует формы ремесленного производства. Им использована обширная специальная литература, в том числе советская (S. Gopal. Commerce and Crafts in Gujarat 16th and 17th Centuries. New Delhi. «People's Publishing House». 1975. 289 p.).

◆ Небольшую энциклопедию Русской Америки в 1784—1867 гг. представляет собой книга Джеймса Гибсона, профессора Йоркского университета (Канада). Автор освещает заселение русскими людьми Аляски, Алеутских островов, земель по Тихоокеанскому побережью США и других территорий, транспортные связи с ними из России, развитие тамошнего сельского хозяйства и торговли. Он использовал материалы архивов и библиотек Москвы, Ленинграда, Хельсинки, Гёттингена, Йорка, Оттавы, Вашингтона, Кембриджа (Массачусетс), Беркли и Нью-Хейвена, а также обширную литературу, включая многие русские дореволюционные и советские работы. Карты подготовлены Миклошем Пинтером (J. R. Gibson. Imperial Russia in Frontier America. New York. OUP. 1976. 257 p.).

◆ Итальянский ученый Франко Венту-ри, перу которого принадлежит ряд монографий по истории Италии и России XVIII—XIX вв., а также по историографии, написал ранее для серии «Библиотека по истории культуры» (т. 103) первый том исследования об итальянских реформаторах XVIII столетия (от Муратори до Беккариа). Сейчас опубликован второй том, касающийся идейной борьбы в Италии между 1758 и 1774 годами. В числе архивных материалов, на которые опирался автор,— документы архивов Венеции, Беллинцоны, Пармы, Неаполя, Милана и Флоренции. Привлеченная им литература проблемы — преимущественно итальянская (F. Venturi. Settecento riformatore. Vol II. Torino. «Giulio Einaudi editore». 1976. 355 p.).

◆ Вышел вып. 20-й серии трудов по аграрной истории, издаваемой в Нидерландах

с 1958 г. под общей редакцией Б. Слихера ван Бата и его сотрудников,— работа Х. Руссинга о ввозе табака, торговле им и производстве табачных изделий в Нидерландах XVII—XVIII веков. Основу работы составили архивные данные по материалам хранилищ ряда западноевропейских государств (H. K. Roessingh. Inlandse tabak. Expansie en contractie van een handelsgewas in de 17e en 18e eeuw in Nederland. Wageningen. A. A. G. Bijdragen 20. 1976. 594 p.).

◆ Комиссия по иностранным делам сената США начала публиковать «Историческую серию», в которой отражены заседания конгресса США. В т. I серии включены материалы первой и второй сессий 80-го конгресса (1947—1948 гг.), подготовленные к печати Гарри Ренном. В приложении помещены «сопроводительные документы» сессий, включая тексты в первом варианте, отвергнутые сенатом и замененные новыми текстами («Eightieth Congress. First and Second Sessions 1947—1948». Washington. «U. S. Government Printing Office». 1976. 470 p.).

◆ В выпускаемой Лундским университетом (Швеция) серии «Историческая библиотека» увидел свет т. XL — исследование Свена Труллсона об английской и шведской политике на Балтике после Тильзитского мира 1807 года. Подробно этот вопрос рассмотрен автором по апрель 1808 г., а в заключении доведен до русско-шведской войны 1809 года. Автором использованы документы из архивов Швеции, Англии и Ирландии, а также разнообразная, в том числе советская, специальная литература (S. G. Trullson. British and Swedish Policies and Strategies in the Baltic after the Peace of Tilsit in 1807. A Study of Decision-Making. Lund. «Gleerup». 1976. 175 p.).

◆ Венский Институт по истории рабочего движения публикует с 1972 г. отдельные монографии, посвященные левым общественным движениям в Австрии XIX—XX вв. (вышло 6 монографий); также с 1972 г.— специальную серию книг по той же тематике (вышло 5 томов); с 1975 г.— серию «Материалы по рабочему движению», в которой последним издан т. 4: «Национализм и интернационализм». Это — очерк австрийского рабочего движения перед первой мировой войной, написанный преподавателем Линцского университета Хельмутом Конрадом по австрийским, венгерским и немецким исследованиям вопроса (H. Konrad Nationalismus und Internationalismus. Wien. «Europaverlag». 1976. 213 S.).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЦЕКУБУ

Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркоме РСФСР (ЦЕКУБУ) — так называлось созданное Советским правительством в начале 20-х годов учреждение, которое оказало большую помощь в сохранении научных учреждений и консолидации кадров отечественной науки. Гражданская война, развязанная внутренней контрреволюцией, и империалистическая интервенция принесли огромные бедствия Советской России, разруху и голод. И все же многие ученые продолжали научную работу, стойко переносили трудности. «Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким мужеством творцы русской науки переживали мучительный голод и холод, видел, как они работали и умирали,— обращался к советским ученым А. М. Горький по случаю юбилея Академии наук в 1925 году.— Мои впечатления за это время сложились в глубокий восторг перед вами — герои свободной, бесстрашной, исследующей мысли. Я думаю, что русские ученые, их энергия и работа в годы войны и блокады дали миру великий урок мужества и выдержки» [1].

С первых же дней существования Советской власти Коммунистическая партия и рабоче-крестьянское правительство проявляли исключительную заботу о работниках науки, рачительно относились к обеспечению научных учреждений оборудованием, материалами для проведения исследований, средствами. 23 декабря 1919 г. по инициативе В. И. Ленина Совнарком РСФСР принял постановление «Об улучшении положения научных специалистов» [2], а в январе 1920 г. стала действовать специальная Петроградская комиссия по улучшению быта ученых во главе с Горьким. Несколько позднее подобная комиссия создается и в Москве. 24 января 1921 г. Ленин подписал постановление Совнаркома РСФСР «Об условиях, обеспечивающих научную работу акад. Павлова И. П. и его сотрудников» [3]. Владимир Ильич неоднократно встречался с учеными, беседовал с ними, давал распоряжения об оказании помощи представителям науки. 27 января 1921 г. состоялась его беседа с Горьким, крупным математиком В. А. Стекловым, видным индологом С. Ф. Ольденбургом и начальником Военно-медицинской академии В. Н. Тонковым. Одним из результатов этой встречи и явилось создание ЦЕКУБУ.

10 ноября 1921 г. Совнарком РСФСР, заслушав доклад члена продовольственного отдела Моссовета, председателя комиссии по рабочему снабжению А. Б. Халатова о мерах по улучшению материального положения научных специалистов, принял постановление о создании специальной комиссии для «всестороннего обследования и улучшения быта ученых», для разработки вопроса о «порядке премирования наиболее необходимых для Республики работников в области науки». На том же заседании утверждается состав ЦЕКУБУ во главе с Халатовым. В нее вошли от Государственного ученого совета — М. Н. Покровский, от Наркомздрава — Н. А. Семашко, от Социалистической академии — В. П. Волгин, а также представители ВСНХ и Наркомфина [4]. Создание специального органа помощи советским ученым было осуществлено по инициативе и директивам В. И. Ленина, который, по словам А. Б. Халатова, так сформулировал эту задачу: «Установите необходимое количество научных работников и снабжайте их так, чтобы они могли работать спокойно и планомерно, и сделайте эту задачу заботой постоянной» [5].

По поручению правительства комиссия разрабатывала проекты постановлений об улучшении быта ученых, инструкции о пре-

---

[1] «Ленин и наука». М. 1969, стр. 16.

[2] «Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925)». Сборник документов. Л. 1968, стр. 339—340.

[3] СУ, 1921, № 10, ст. 67.

[4] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 665, лл. 2, 42.

[5] А. Халатов. Советская власть и улучшение быта ученых. «Известия», 7.XI.1924.

мировании, об охране жилищных прав научных работников, порядке получения изданий из-за границы. 16 марта 1922 г. Малый Совнарком утвердил Положение о ЦЕКУБУ[6]. Для рассмотрения вопроса о премировании авторов научных работ создается при ЦЕКУБУ Экспертная комиссия во главе с Покровским. В ее состав вошли представители Академии наук, Социалистической академии, Наркомпроса, Наркомздрава, Московской комиссии по улучшению быта ученых, Научно-технического общества ВСНХ. Членами Экспертной комиссии были известные ученые: медик В. М. Бронер, геолог А. П. Павлов, зоолог А. Н. Северцов, заведующий Госиздатом математик О. Ю. Шмидт, директор Высшего литературно-художественного института поэт В. Я. Брюсов, президент Государственной академии художественных наук литературовед П Н. Коган, музыковед Б. Л. Яворский. Экспертная комиссия занималась также определением квалификации научных работников и установлением в связи с этим размера дополнительного академического обеспечения. В 1922 г. комиссия провела 29 заседаний, на которых рассмотрела около 10 тыс. анкет ученых и зарегистрировала для академического обеспечения по Москве — 2713, Петрограду — 2623, другим городам — 1363 научных работника[7]. В ее работе участвовали выдающиеся ученые, искусствоведы, литераторы. На дополнительное денежное и продовольственное обеспечение были зачислены сотрудники Академии наук и отдельных научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, высококвалифицированные специалисты, работавшие в библиотеках, музеях и архивах. Наряду с учеными Москвы и Петрограда получали «академический паек» К. Э. Циолковский, чувашский народный просветитель И. Я. Яковлев, сотрудник Сольвычегодского музея И. И. Томский, весьегонский краевед А. А. Виноградов. В списках лиц, которым ЦЕКУБУ оказывала помощь продовольствием, значатся М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, Л. В. Собинов, М. М. Ипполитов-Иванов, К. С. Станиславский и многие другие видные мастера искусств, историки М. В. Алпатов, М. Н. Тихомиров, Н. И. Конрад и другие известные ученые[8].

Комиссия оказывала помощь не только деятелям отечественной науки, но и их родственникам «Чугаев являлся крупной научной величиной и деятельно работал по восстановлению народного хозяйства во все время революции»[9],— писал в ЦЕКУБУ 12 октября 1922 г. Г. М. Кржижановский. Оказать помощь семьям химика Л. А. Чугаева и математика А. А. Маркова просили комиссию академики П. П. Лазарев, А. Е. Ферсман и В. А. Стеклов. ЦЕКУБУ помогла семьям этих ученых и ходатайствовала перед Совнаркомом о назначении их родственникам персональных пенсий. Просьба комиссии нашла в правительстве поддержку. 17 октября 1922 г. на «академический паек» был зачислен профессор Петровской сельскохозяйственной академии И. А. Стебут, учениками которого были такие почвоведы и агрономы, как Н. А. Костычев, А. Г. Дояренко, А. Ф. Фортунатов и Д. Н. Прянишников. «Своими научными трудами он сделал богатый вклад в русскую агрономическую науку,— отмечается в отзыве о Стебуте, направленном Наркомземом в ЦЕКУБУ.— Его вдохновенное слово с кафедры Горецкого института и Петровской академии в течение около сорока лет давало определенное научное сельскохозяйственное направление многим и многим слушателям. Оно давало не только сельскохозяйственные знания, но и воспитывало их»[10]. Комиссия оказала помощь знаменитому юристу А. Ф. Кони, который, как говорилось в одном из документов, «необычайно спокойно и безропотно переносит жизненные затруднения и лишения, жалея только о том, что не может краткий остаток своих дней посвятить исключительно научной и литературной работе»[11]. 20 марта 1923 г. ЦЕКУБУ поручила А. Б. Халатову и Н. А. Семашко разработать мероприятия по содействию этому юристу и литератору, и с апреля 1923 г. А. Ф. Кони стал получать два академических пайка, а в качестве единовременного пособия ему было выдано 2 тыс. рублей[12]. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Когда приходилось сообщать Владимиру Ильичу о персональных ходатайствах лиц, принадлежащих к миру ученых и литераторов, Владимир Ильич не только сугубо внимательно относился к ним, но сам изыскивал средства и способы их удовлетворить,.. я не

[6] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 6, д. 86, лл. 4—5.
[7] Там же, ф. 4737, оп. 1, д. 1, лл. 82—91; д. 33, лл. 29—30.
[8] Там же, д. 1, л. 68; д. 4, л. 40; д. 12, л. 12; д. 47, лл. 169—184; д. 51, л. 32.
[9] Там же, д. 22, л. 33.
[10] Там же, д. 23, л. 32.
[11] Там же, д. 63, л. 167.
[12] Там же, л. 169.

знаю случая, когда бы Владимир Ильич самым решительным образом не голосовал бы за выдачу пособия нуждающемуся ученому, пенсии его семье, за осуществление всяких льгот при поездках по России или за границу, при выписке книг, при утверждении научных командировок»[13].

ЦЕКУБУ имела специальный фонд для оказания научным работникам единовременной помощи на лечение или подготовку к изданию их трудов. 18 ноября 1925 г. ЦЕКУБУ утверждает инструкцию о порядке расходования фонда пособий, а в феврале следующего года создает специальную комиссию по выдаче пособий, которая рассматривала также ходатайства о назначении персональных пенсий. Из 375 дел, переданных ею на рассмотрение пенсионной комиссии Наркомпроса, около 300 было решено положительно[14]. Комиссия оказывала научным работникам содействие в приобретении товаров широкого потребления, в обеспечении ученых топливом. Во время гражданской войны и в первые послевоенные годы дрова обычно приобретали на рынке по дорогой цене, до 50 млн. руб. в тогдашних дензнаках за сажень. 16 августа 1922 г. ЦЕКУБУ поручает своему управлению делами принять меры к заготовке топлива[15]. Большую работу по заготовке дров провели Петроградская и Московская комиссии по улучшению быта ученых.

Наряду с вопросами материального обеспечения на заседаниях ЦЕКУБУ с октября 1922 г. регулярно рассматриваются решения Экспертной комиссии по премированию авторов научных работ, которые оценивались по пятибалльной системе. Ученым, получившим за работу один балл, выдавалась премия, равноценная двойному месячному дополнительному академическому обеспечению второго разряда; два балла — тройному, три балла — четырехкратному; четыре балла — пятикратному. Авторам, работы которых получали пять баллов, размер премии устанавливался индивидуально (но не выше десятикратного месячного академического обеспечения данного ученого). Премировались работы оригинальные, имеющие практическое применение в народном хозяйстве или большое научное значение. Среди первых ученых, получивших премии ЦЕКУБУ,— математик В. Р. Эйгес, астроном А. Д. Дубего, химик С. Н. Скадковский, невропатолог Г. И. Россолимо. А. А. Свечин был удостоен премии за труд «История военного искусства», В. К. Никольский — за «Очерки первобытной культуры», В. И. Огородников — за «Историю народнических волнений» и «Очерки истории Сибири до начала XIX века». Премиями ЦЕКУБУ отмечены труды химиков Н. Д. Зелинского и С. В. Лебедева, патологоанатома А. И. Абрикосова, физиков И. Е. Тамма и С. И. Вавилова, искусствоведов В. Я. Адарюкова и И. А. Евдокимова, юриста М. А. Рейснера, музыковеда Н. А. Гарбузова, литературоведа П. Н. Сакулина[16]. С февраля 1922 г. по октябрь 1925 г. на соискание премии в Экспертную комиссию поступило 407 работ; из них до конца 1925 г. премировано 172, отклонено 128; остальные рецензировались[17] и часть их была отмечена премиями в 1926 году[18]. Среди последних — научные труды А. А. Новосельского («Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII века»), Ю. В. Готье («Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства»), Б. Г. Кубалова («Декабристы в Восточной Сибири» и «Сибирское общество и декабристы»), С. В. Бахрушина («Очерки по истории колонизации Сибири XVI — XVIII вв.»), М. В. Нечкиной («Общество соединенных славян», «Восстание Черниговского полка», «Три письма декабриста Петра Борисова» и «Новые материалы о восстании декабристов»)[19].

Комиссия занималась также обеспечением научных специалистов новинками зарубежной литературы. При основанном Семашко московском Доме ученых была организована подписка на иностранные издания для лиц, зарегистрированных в ЦЕКУБУ, и с конца декабря 1922 г. они выдавались заказчикам. Новинки научной литературы из Англии, Германии, Франции, США получали ученые Москвы и Петрограда, преподаватели вузов Саратова, Самары, Ярославля, Омска, Томска, Иркутска, Ташкента. С каждым годом расширялась деятельность книжного отдела ЦЕКУБУ. В 1923 г. им в иностранных книготорговых фирмах было заказано свыше 5 тыс. книг и журналов[20]. Научные учреж-

[13] «Вопросы литературы», 1963, № 4, стр. 83.
[14] ЦГАОР СССР, ф. 4737, оп. 1, д. 181, л. 3.
[15] Там же, д. 17, л. 30.
[16] Там же, д. 185.
[17] Там же, д. 150, л. 13.
[18] Там же, д. 200, л. 94.
[19] Там же, д. 158, л. 5; д. 201, л. 54; д. 253, л. 120; д. 231, л. 23.
[20] Там же, д. 68, л. 12.

дения СССР в 1925—1926 гг. получали 231 французский, 344 английских, 438 немецких, 30 итальянских журналов. Постоянными посетителями книжного отдела были, в частности, океанограф Ю. М. Шокальский, автомобилестроитель Е. А. Чудаков, физиолог М Н. Шатерников, географ А. А. Борзов, историки С. Д. Сказкин и В. К. Яцунский, математик А. П. Котельников и другие. В 1927 г. книжный отдел обслуживал 701 индивидуального заказчика и 226 научных учреждений, выписал 1247 наименований журналов, 9312 книг [21].

На центральную и местные комиссии по улучшению быта ученых возлагалась также организация отдыха научных работников. В Москве, Петрограде и других городах действовали дома ученых — своеобразные центры политико-воспитательной и культурно-массовой работы среди научных работников [22]. ЦЕКУБУ направляла ученых по путевкам в здравницы Подмосковья («Узкое», «Сосновый бор»), Крыма (Гаспра) и Северного Кавказа (Кисловодск). Под Ленинградом были открыты санатории «Петергоф» и «Детское село» [23]. Большое внимание уделяла комиссия охране жилищных прав научных работников, обращаясь в СНК РСФСР с предложениями по улучшению их жилищных условий. Совнарком принял постановление о предоставлении научным работникам, зарегистрированным в ЦЕКУБУ, дополнительной комнаты сверх причитавшихся по норме, а также (с разрешения комиссии) помещений для лабораторий, чертежных, библиотек и хранения коллекций [24]. ЦЕКУБУ участвовала в разработке законодательных актов о правах научных работников на дополнительную площадь, о льготах при оплате коммунальных услуг, помогла семьям многих научных работников улучшить их жилищные условия (в распоряжении ЦЕКУБУ имелось несколько домов, построенных на кооперативных началах).

Успешную деятельность ЦЕКУБУ по охране жилищных прав, санаторному обслуживанию научных работников и созданию условий для научной деятельности отмечали многие ученые. Участники совещания работников местных комиссий по улучшению быта ученых телеграфировали В. И. Ленину в октябре 1922 г.: «Первое Всероссийское совещание КУБУ приветствует Вас как инициатора основания ЦЕКУБУ, успешно выполняющей большую ответственную работу улучшения быта ученых, как политического вождя, который всегда чутко прислушивался к нуждам научных работников России и верно оценил великое значение союза труда и науки» [25]. На этом совещании делегаты местных комиссий обсудили доклады о деятельности ЦЕКУБУ, санаторном обслуживании и продовольственном обеспечении научных специалистов. Участники совещания одобрили деятельность комиссии.

23 июля 1926 г. на заседании Совнаркома РСФСР с докладом о ЦЕКУБУ выступил Халатов. В постановлении Совнаркома отмечалось, что комиссия проделала значительную работу по улучшению быта ученых; ей рекомендовалось и далее обеспечивать санаторное обслуживание научных работников, заниматься охраной жилищных прав ученых, снабжением их научной литературой; говорилось о расширении деятельности домов ученых. Совнарком утвердил новый состав ЦЕКУБУ. Председателем комиссии по-прежнему оставался Халатов. Эта комиссия функционировала до мая 1931 года. И ей и ее преемнику [26] — Комиссии содействия ученым при СНК СССР — принадлежит большая роль в создании материальной базы научных учреждений, привлечении ученых к активной исследовательской и общественной работе, консолидации научных сил для решения задач, стоявших перед страной строившегося социализма.

Н. С. Зелов

[21] Там же, д. 246, л. 8.

[22] Подробнее см. Н. С. Зелов. Московский дом ученых. «Вопросы истории», 1972, № 10.

[23] ЦГАОР СССР, ф. 4737, оп. 1, д. 68, л. 11.

[24] СУ, 1922, № 6, ст. 73.

[25] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 6, д. 869, л. 26.

[26] В мае 1931 г. ЦЕКУБУ была реорганизована в Комиссию содействия ученым (КСУ) при Совнаркоме СССР. На КСУ возлагались задачи содействия работникам науки и техники в их научно-исследовательской работе (издание научных трудов, выписка иностранной литературы, выдача пособий), улучшении материально-бытового положения (медицинская и санаторно-курортная помощь, жилищные условия).

ДЕЛО О ГОРЕ МАГНИТНОЙ

Всему миру известна героическая эпопея возведения г. Магнитогорска и его металлургического комбината — знаменитой Магнитки [1]. Но не многие знают, какая длинная история скрывается за двумя короткими словами: «гора Магнитная». В 1900 г. Д. И. Менделеев, совершив поездку по горным предприятиям Урала, писал: «Магнитную гору никто не разведывал, но все видевшие единогласно говорят, что такой громадной массы магнитного железняка в одной массе нигде не видано, а потому здесь считать запас надо... не миллионами, а миллиардами пудов» [2]. С горой Магнитной связаны и возникновение первых горнозаводских предприятий на Урале, и Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева, и многие другие события. Имеет к ней отношение и совершенно необычный, длившийся полтора столетия судебный процесс «за право владения горою Магнитною, она ж Атачь».

Белорецк — один из старейших чугуноплавильных и железоделательных центров Урала. Здесь, в верховьях р. Белой, в 1762 г. возник металлургический завод. Его основателями были купцы И. Твердышев и И. Мясников. При сооружении завода его владельцы «купили» у башкир 179 тыс. десятин земли, уплатив за нее по трети копейки за десятину! И «правительство закрепило за заводчиками в монопольное владение богатейшие месторождения руд, в том числе гору Магнитную, ставшую сырьевой базой Белорецкого завода» [3]. Гора Магнитная территориально находилась на землях Оренбургского казачьего войска. Казачьи атаманы, считавшие ее своею собственностью, с 1753 г. вступили в долгую тяжбу с хозяевами Белорецких заводов за право владеть этим колоссальным месторождением железных руд. Объект спора — гора, да какая! Высота — 616 метров. Богата гранитами, магнитным железняком.

Основанному в 1734 г. Оренбургскому казачьему войску была дарована в 1755 г. обширная территория в 7,5 млн. десятин. В 1840 г. Николай I утвердил положение об Оренбургском казачьем войске и его границах; гора Магнитная при этом оказалась на его землях. Этим положением казачьи атаманы не раз оперировали в своих спорах с заводчиками, приводя также межевые бумаги середины XVIII в. в качестве доказательства своей правоты [4]. Значит, гора Магнитная принадлежала Оренбургскому казачьему войску? Однако ответчики Мясников и Твердышев утверждали, что они первыми поставили заявочные столбы на горе Магнитной и первыми начали разрабатывать ее рудные залежи, получив на это формальные права гораздо раньше Оренбургского казачьего войска: «Иван Мясников 14 октября 1752 г. донес Оренбургской губернской канцелярии, что по данному ему, обще с Иваном Твердышевым, из губернской канцелярии указу, они, Мясников и Твердышев, отыскали много железных рудников, в том числе отысканные в 1747 году уже осмотрены, и из них многие оказались благонадежны, особенно за рекою Яиком в горе, именуемой Атачь, магнитная самая и добрая железная руда, которой по ширфовке явилось великое множество» [5].

Оренбургская губернская канцелярия 27 ноября 1752 г. заключила с заводчиками контракт, в котором говорилось: «Сколько ими, Твердышевым и Мясниковым, до сего времени сыскано рудников, оные все, в каком бы расстоянии они ни были, записать за ними, Твердышевым и Мясниковым» [6]. Спустя три дня инженерного корпуса кондуктор Ф. Менц произвел межевание железных рудников. Всего было отмежевано 382 рудных места и поставлены заявочные столбы на разных склонах горы. Итак, еще за 3 года до пожалования казакам земель и за 88 лет до указа Николая I гора Атачь уже принадлежала Мясникову и Твердышеву, но никак не казачьему войску? Однако атаманы не могли примириться с таким «своеволием» заводчиков и принесли в губернскую канцелярию жалобу на Мясни-

---

[1] См. о ней: В. Ф. Романов. Магнитогорский металлургический. «Вопросы истории», 1975, № 9.

[2] «Уральское горное обозрение», 1900, № 16, стр. 4; см. также А. Н. Заварицкий. Гора Магнитная и ее месторождения железных руд. «Труды» Геологического комитета, новая серия, 1927, вып. 122.

[3] И. Ф. Ушаков. Белорецкое горнозаводское хозяйство дворян Пашковых в первой половине XIX века. Л. 1953, стр. 9.

[4] ЦГИА СССР, ф. 1330, оп. 10, д. 2452, л. 22.

[5] Там же, л. 6.

[6] Там же, л. 6 об.

кова и Твердышева. Канцелярия отписала казакам: «Гора Атачь еще в... 1747 году, яко рудник записана была со стороны заводчика Твердышева и в ... 1752 году в ноябре месяце и отвод оной руде учинен, почему она Твердышеву присвоена» [7].

В 1799 г. казачий атаман вновь принес челобитную на заводчиков, на этот раз в Правительствующий сенат. К тому времени Белорецкие заводы и прилегавшие к ним железные рудники перешли во владение помещицы Д. И. Пашковой. Новая хозяйка Белорецких заводов еще прирезала от башкир 125 тыс. десятин земли, построила на р. Тирляни молотовой завод, источила гору Атачь новыми штольнями. День и ночь скрипели по дороге возы: то везли гужом за 90 верст руду с горы Магнитной на пашковские заводы. Оборотистая и жестокая коллежская асессорша Пашкова (она лично запарывала до смерти крестьян) добилась проведения в 1787 г. нового межевания земель, и гора Магнитная опять оказалась в ее собственности. В свою очередь, и оренбургский казачий атаман не расстался с мыслью, чтобы владеть горой и продавать руду заводчице.

Снова вспыхнула «горная вендетта». Казачьи атаманы плохо знали искусство тяжбы. Зато Пашкова была в нем достаточно искушена. Она не пожалела денег для подкупа нужных чиновников, в том числе и в сенате, который решил: «Бесспорно отказать Белорецкому железоделательному заводу все рудники, отведенные и неотведенные, а только заявленные, разработанные и неразработанные, состоящие как внутри отмежеванной... к тому заводу даче, так и в других местах, а также лежащими за рекою Уралом» [8]. После смерти Пашковой во владение заводами вступил ее сын Иван. Ему тоже пришлось столкнуться со старыми претендентами на гору Магнитную — оренбургскими казачьими атаманами. Новую тяжбу рассматривал в 1834 г. Бирский уездный суд, ибо спорная гора территориально находилась в сфере его юрисдикции. Суд 1 ноября 1834 г. пришел к заключению: «Предоставить гору Атачь со всеми промыслами в единственное и потомственное владение Пашковых к Белорецким заводам» [9].

Казачий атаман и на этот раз обратился с жалобой в Петербург, в Главное управление казачьих войск. А оно, в свою очередь, подало кассационную жалобу на постановление Бирского уездного суда в Правительствующий сенат. Мы не знаем, какую взятку дал Пашков, чтобы повернуть дело в сенате так же, как оно прошло в Бирском уездном суде. Зато известно, что 16 февраля 1849 г. 4-й (межевой) департамент сената подтвердил постановление Бирского суда. Проиграв дело в сенате, Главное управление казачьих войск направило жалобу на «высочайшее имя». Александр II повелел рассмотреть вопрос о горе Магнитной Государственному совету.

Тем временем И. Пашков умер, а во владение Белорецкими заводами вступили его сыновья и дочери. Вместе с заводами Пашковы (равно как и новые поколения казачьих атаманов) получили в наследство и тяжбу. В начале 1869 г. Государственный совет обсудил жалобу казачьего войска, выслушал объяснения ответчика и решил: «В настоящее время единственный вопрос, подлежащий рассмотрению, заключается в том, кому следует начать дело о восстановлении нарушенного владения», а также признал, что «дело о принадлежности рудников (рудников, а не горы! — Г. М.), как разрабатываемых ныне, так и тех, которые разрабатывались Пашковыми до возбуждения настоящей переписки, должно начать Оренбургское войско» [10].

Это решение 26 мая 1869 г. было утверждено царем. Итак, чтобы доказать бесспорность своего права владения горой Атачь, казакам нужно было обратиться по инстанции в суд. Постановление Государственного совета и монаршее соизволение, таким образом, наталкивали оренбургских казачьих атаманов на новую тяжбу, и они опять начали ее. В иске, поданном в 1877 г. в Оренбургскую судебную палату, снова приводились доводы о «пожалованных некогда казачеству царем землях», о «незаконных захватах этой земли с находящейся на них горою Магнитною» заводчиками Мясниковым и Твердышевым, а затем и их наследниками Пашковыми. Оренбургское казачье войско ходатайствовало не только о возврате своих «законных владений», но и предъявило заводчикам иск о взыскании денег за добытую железную руду. Казачьи атаманы подсчитали, что с 1841 по 1873 г. вла-

[7] Там же, оп. 11, д. 997, л. 193.
[8] Там же, оп. 10, д. 2542, л. 11.
[9] Там же, л. 20.

[10] Там же, оп. 11, д. 997, лл. 195, 197.

дельцами Белорецкого завода было взято на горе Атачь более 12 млн. пудов железной руды, и требовали уплаты 132 667 руб. 32 коп. (по копейке за пуд), да еще по 4238 руб. 4 коп. ежегодно с 1874 года.

11 июля 1877 г. дело о горе Магнитной слушалось в Оренбургской губернской судебной палате. И Фемида опять отвернулась от Оренбургского казачьего войска. На этот раз казачьему атаману противостояли уже не Пашковы. Хозяевами заводов (их было уже четыре: Белорецкий, Кагинский, Тирлянский и Узянский) стали немецкие промышленники Г. М. Вогау, К. К. Бонза и... гвардии отставной ротмистр С. Пашков [11]. Основной капитал акционерного Общества Белорецких заводов находился теперь в руках Вогау и Бонза, купивших вследствие несостоятельности прежних владельцев Белорецкие заводы с торгов в 1873 году. Заводы нового акционерного общества, работавшие на железной руде горы Магнитной, к концу XIX в. выплавляли до 2,7 млн. пудов чугуна ежегодно.

Вот с кем встретился представитель Оренбургского казачьего войска полковник С. Зуев 11 июля 1877 г. в губернской судебной палате. Позиция заводчиков была старой: рудник горы Магнитной еще в 1747 г. был закреплен за Твердышевым и Мясниковым. Это подтверждено решениями ряда судебных инстанций, а также указом Правительствующего сената и постановлением Государственного совета. Кроме того, казачье войско утеряло право на гору Атачь, так как срок для обжалования постановления сената истек. Казачий атаман выдвинул свою аргументацию: при межевании в 1752 г. Мясникову и Твердышеву была отведена не вся гора, а только три рудника на ней. К тому же, доказывал Зуев, «план составлен (Менцом. — Г. М.) в ноябре месяце, то есть зимою, когда гора покрыта толстым слоем снега. Стало быть, межевание велось не на месте, а наобум, почему запись или неверна, или подложна» [12]. Далее полковник заявил, что 12 декабря 1840 г. Николай I утвердил «Положение об Оренбургском казачьем войске», в котором говорилось, что войску пожалованы «все земли, прирезанные от киргизской степи» [13], в том числе и гора Магнитная, как стоящая на этих землях. А посему полковник Зуев требовал присудить ее Оренбургскому казачьему войску «по принадлежности».

Как только в зале суда прозвучала ссылка на «Положение», адвокат заводчиков заявил протест: истец произвольно толкует монаршую волю и даже искажает ее; там дословно написано следующее: «Оренбургскому казачьему войску принадлежат все земли прирезанного от киргизской степи участка, но за исключением земель помещичьих и заводских» [14]. Так кому же принадлежит гора Магнитная? По мнению акционеров, Белорецким заводам. В ответ полковник попросил суд обратить внимание на § 62-й того же «Положения», где говорится, что «войско не имеет права на устроенные частные владения, если последние утверждены за владельцами законными актами» [15]. А Пашковы незаконно захватили целиком гору, а не только отведенные им рудники на ней. Вот в чем суть вопроса. Но и на этот раз судебный процесс закончился в пользу промышленников.

В середине 90-х годов спор о праве владения горой Магнитной разгорелся вновь. Новый наказной атаман Оренбургского казачьего войска, он же оренбургский губернатор генерал-майор В. И. Ершов подал в 1896 г. кассационную жалобу на постановление судебной палаты в Правительствующий сенат. По-видимому, толчком к возобновлению старого спора послужило то обстоятельство, что объявился новый претендент на богатства горы Магнитной — бельгийский капиталист Юз. Он, обосновавшись в Донецком бассейне, вошел в правительственные сферы с предложением возить железную руду с Урала в Донбасс при помощи вновь построенной железной дороги. Но его проект был отклонен.

Практичнее оказался столичный делец нефтепромышленник А. Е. Сувчинский, разработавший план «штурма» горы Магнитной. По его указанию горный инженер Р. Р. Леш два года тайком вел разведку на горе Магнитной и в ее окрестностях. Результаты были такими: «Урал заключает в своих недрах не изведанную еще и поистине неисчерпаемую массу богатейших рудных залежей. Эта масса так велика, что изыскания нигде не проводятся на глубину, превышающую 5 сажен, ввиду практической ненужности их... Поверхностный десятисаженный слой горы Магнитной

[11] Там же, ф. 1364, оп. 3, д. 1010, л. 2.
[12] Там же, ф. 1330, оп. 10, д. 2542, л. 26.
[13] Там же, лл. 68—69.
[14] Там же.
[15] Там же.

может доставить 20 миллиардов пудов руды»[16]. Леш присмотрел у одного казачьего урядника богатый рудою участок на склоне горы Атачь и откупил право на заявочный столб за 60 руб. серебром. Так к двум прежним претендентам на гору Магнитную прибавился еще один — петербургский промышленник Сувчинский, прозванный «магнитным кавалером». Узнав, что правление Оренбургского казачьего войска собирается обратиться с новой кассационной жалобой в Правительствующий сенат, Сувчинский решил опередить события и подал в Главное управление казачьих войск прошение о сдаче ему, Сувчинскому, горы Магнитной в аренду.

Сувчинского принял начальник управления генерал-лейтенант П. О. Щербов-Нефедович. Проситель заверил генерала, что гора — ваша, казачья, но ее богатства присваивают заводчики, и поэтому желал, чтобы гору Магнитную передали ему в аренду сроком на 99 лет. За каждый пуд добытой руды он был готов уплатить по четверти копейки, и многие тысячи рублей поступят в доход казачьего войска. Спустя же 99 лет, если управление того пожелает, контракт может быть расторгнут, и все рудники безвозмездно станут собственностью казачьего войска. После визита коммерсанта в Главное управление казачьих войск в Петербург был вызван наказной атаман из Оренбурга. Обсудив предложение Сувчинского, в управлении решили: пусть добывает руду, все равно оренбургским казакам никогда не быть рудокопами, а доход все же предвидится. Но чтобы гору сдать в аренду, казачеству надо сначала утвердиться в правах на владение ею. И так как постановления Бирского уездного суда и Оренбургской судебной палаты не утратили своей силы, то отменить эти решения вправе лишь Правительствующий сенат.

Щербов-Нефедович был уверен, что на этот раз дело в сенате будет разрешено в пользу казачества. Незадолго до этих событий он был принят Николаем II. Докладывая о нуждах вверенного ему войска, генерал сказал, что Оренбургское казачество выражает недовольство тем, что у него отняли права на гору Магнитную, и собирается обратиться в сенат с жалобой. Царь заверил его, что интересы казачьего войска дороги ему. И тогда в кассационный департамент сената пошло прошение Главного управления казачьих войск о разрешении давнего спора относительно горы Магнитной. Ответчик — Вогау и К° — опять не пожалел денег на судебную тяжбу. Сувчинский тоже не поскупился. Дело о горе Магнитной было назначено к слушанию во втором общем собрании сената на 17 января 1897 года. В те январские дни среди посетителей ресторана Кюба (что располагался на Большой Морской в Петербурге), где, как свидетельствуют современники, находился «главный штаб русской промышленности», обретался не только Сувчинский, но и люди из акционерного общества Вогау и К°. «Играли» они более крупно, чем петербургский нефтепромышленник. И выиграли, чему способствовали события, происшедшие непосредственно перед разбирательством дела о горе Магнитной в сенате.

В начале января 1897 г. Николай II принял военного министра генерал-адъютанта П. С. Ванновского, который в числе прочих дел доложил о двух поступивших жалобах — от Общества Белорецких заводов и Оренбургского казачьего войска. Жалобщики претендовали на право владения горою Атачь. Николай II осведомился о сути спора. Министр сообщил, что промышленники сетуют на несговорчивость Оренбургского казачьего правления, не желавшего отводить свои земли в окрестностях горы Магнитной для устройства новых рудников и заводов. Ванновский обратил внимание на следующие слова из прошения заводчиков: «Несмотря на горнопромышленную горячку на Южном Урале и массу поступающих заявок и предложений по рудному делу, войсковое правление казаков не выработало еще оснований для сдачи казачьих войсковых и поселковых земель под горные промыслы, так что все заявления лежат без движения, никто ничего не может добиться и вообще царят растерянность и полный хаос, который может привести к множеству недоразумений, тяжб и жалоб. Неужели нет способов понудить правление чем-нибудь отвечать назревшей потребности в эксплуатации недр казачьих земель? Теперь в газетах пишут вполне справедливо об оскудении казачества. Не своевременно ли поэтому помочь ему путем выгодной сдачи земель под горные промыслы, когда сами обстоятельства промышленности подсказывают это?»[17]. В каждой строчке этой реляции был виден

[16] «Оренбургская газета», 11.IV.1899, № 632.

[17] «Уральское горное обозрение», 1899, № 21, стр. 8.

почерк акционеров Вогау и К°. То было частью продуманного плана захвата окрестностей горы Магнитной, еще остававшихся во владении казачьего войска.

Промышленники верно рассчитали, что их жалоба военному министру не останется втуне. Докладывая царю о претензиях заводчиков, Ванновский от себя добавил, что Белорецкие заводы ежегодно дают свыше 1 млн. пудов отличнейшего чугуна, выплавляемого на древесном угле из руд горы Магнитной. Он напомнил также, что недавно банк предоставил акционерам ссуду в 519 тыс. руб. на расширение доменного и сименс-мартеновского производства и что из всех 60 частных заводов на Урале Белорецкие — в числе лучших по выполнению заказов казны. И если сенат лишит их законного права владеть горой Магнитной, то может прийти в упадок важный центр железоделательной промышленности Урала, а военное ведомство лишится отменного поставщика. Вместе с тем министр уверял, что ему дороги также интересы казачества. Царь, выслушав доклад, пообещал «выяснить, рассмотреть и надлежаще устроить».

17 января 1897 г. второе общее собрание сената начало рассматривать спор о горе Магнитной. Сенатор А. И. Пятницкий, изложив суть дела, резюмировал: Оренбургское казачье войско, своевременно не воспользовавшись правом обжалования приговоров, не раз пропускало законные 10-летние сроки подачи кассаций; к тому же истец не представил сенату никаких новых, ранее не известных доказательств бесспорности своих притязаний. В подобных условиях трудно принять иное решение, кроме как принятое предыдущими судебными инстанциями. Почти единогласно спор о горе Магнитной был решен в пользу Вогау и К°... Давно не видывали стены ресторана Кюба такого банкета, какой организовали акционеры Вогау и Бонза на масленицу 1897 года. Ордена, бриллианты, шитые золотом мундиры, сенаторские треуголки с плюмажами... Рекою лилось дорогое французское вино, звучали речи, звенели бокалы. Счет был оплачен Вогау и К°.

Два года спустя вновь разгорелись страсти по поводу горы Магнитной. Военный министр А. Н. Куропаткин (сменивший в 1898 г. Ванновского) отказался подписать определение сената от 26 января 1897 г. о горе Атачь. Тем самым новый министр не пожелал признать это определение законным. Вогау и К° снова направили жалобу в сенат: прошло уже 20 месяцев, а военный министр не возвращает подписанного определения; тем самым постановление сената не может вступить в силу [18]. Тогда сенаторы в специальной «Записке» по делу о горе Магнитной заявили, что действия военного министра «направлены на ниспровержение законной силы решения и есть прямые удары в твердыню решения» [19]. И сенат еще раз повторил то, что угодно было акционерам: «Всю область фактического владения Белорецких заводов войско присваивает себе». И далее: «Войско вообще не имеет законного основания ни простирать права на разрабатываемые Белорецкими заводами рудники, ни требовать платы за добываемую и добытую руду из означенных рудников» [20].

Управление казачьих войск, проиграв дело об Атачь-горе в высшей судебной инстанции империи, вновь обратилось к царю. Вскоре последовали меры: 6 мая 1899 г. наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор В. И. Ершов был награжден орденом Владимира 2-й степени. Вопрос же о горе Магнитной был решен совсем неожиданно для претендентов на нее. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов и министр двора и уделов граф В. Б. Фредерикс доложили царю, что дело о горе Магнитной получило скандальную огласку в прессе. Брошена тень на Правительствующий сенат. Оба министра предложили разрубить узел одним ударом — гору Магнитную отобрать в казну! Вскоре было официально объявлено, что гора Магнитная отчуждается в казну. Итак, казна завладела третьим крупным железорудным месторождением Урала. Первым было Бакальское, на западной стороне Южного Урала (оно давало в год до 4 млн. пудов руды); вторым — гора Благодать. Теперь к ним присоединялась гора Магнитная. Рескрипт по этому поводу был составлен дипломатично: казна «приобретает» у Оренбургского казачьего правления гору Магнитную не навечно, а только на 99 лет. Правление получило от казны хорошее вознаграждение. Кроме того, окрестности горы были объявлены собственностью казачества. Не остались в обиде и

[18] ЦГИА СССР, ф. 1330, оп. 11, д. 708.
[19] «Записка по делу Общества Белорецких заводов Пашкова о горе Магнитной». СПБ. 1902, стр. 5.
[20] Там же, стр. 6.

заводчики. Ведь к казне отошла Магнитная за исключением рудников, которые уже принадлежали Обществу Белорецких заводов. Не остался в убытке и Сувчинский: за заявочный столб он получил от казны отступные — 300 тыс. рублей.

Пять раз в Зимнем дворце решалось дело о горе Магнитной. И лишь в шестой раз, 7 ноября 1917 г., при штурме Зимнего дворца, истинными хозяевами горы, как и всех других народных богатств, был окончательно решен этот вопрос. Самое высочайшее повеление — воля трудового народа — обратило ее в собственность Советской республики.

Г. И. Мишкевич

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КОЛЛЕДЖЕЙ США

Интерес к североамериканским колледжам (самому первому из них исполнилось 340 лет) объясняется тем, что еще в колониальный период зарождаются просвещение и интеллектуальная мысль США. Ряд острых проблем тамошних систем образования, проявившихся в колониальную эпоху, достался в наследство независимой республике. А некоторые из них, например, отсутствие равных возможностей доступа к образованию, подчиненность колледжей узкоклассовым интересам правящих групп, в наши дни породили сопротивление демократических сил страны. История этих учебных заведений привлекает внимание еще и потому, что помогает выяснить, в какой мере первые центры высшего образования влияли на подготовку войны североамериканских колоний Великобритании за независимость.

В США до сих пор продолжается спор о месте колледжей в жизни колоний, при этом мнения оказываются порой диаметрально противоположными. Так, К. Джэнкс и Д. Ризмэн декларируют: «Колледж тех лет был всегда опорой правящих классов, но никогда не был важной их опорой» [1]. Те же авторы невысоко оценивают тогдашние колледжи в педагогическом отношении, утверждая, что они скорее походили на среднюю школу, нежели на университет, а по своей организации и содержанию курсов были ухудшенной копией британских университетов. В академическом курсе по истории американского высшего образования в 1636—1968 гг. говорится, что «влияние национальных условий на импортированные из-за океана колледжи ощущалось с самого начала» [2]. М. Джернигэн считает, что американские деятели колониальной поры не добавили ничего нового к европейским педагогическим концепциям. Некоторые из этих концепций получили в Северной Америке большее развитие, другие — меньшее. Так, здесь на практике быстрее осуществлялась новаторская для тех лет идея — участие государства в делах образования.

Объясняется это в значительной мере тем, что просветительные учреждения в Северной Америке находились под влиянием не единой государственной церкви, как в Англии, а различных церквей, часто враждовавших между собой. Поэтому средняя и высшая школы не имели там такого мощного, как в Англии, источника средств. Деньги для устройства колледжей приходилось добывать иными путями, порой даже посредством организации общественных лотерей. Тем не менее, как и в Старом Свете, в американских учебных заведениях XVII—начала XVIII в. оставалось доминирующим влияние церковников. Правда, в результате соперничества различных религиозных сект, например, пуритан и квакеров, да и в обстановке постепенного снижения роли церкви в общественной жизни существовали возможности ослабления этого влияния. Реализовываться эти возможности начали в период, непосредственно предшествовавший войне за независимость [3].

Во время и после Американской буржуазной революции ее руководители в прин-

[1] C. Jencks, D. Riesman. The Academic Revolution. Garden City (N. Y.). 1968, p. 1.

[2] J. Brubacher, W. Rudy. Higher Education in Transition. A History of American Colleges and Universities, 1636—1968. N. Y.—Evanston—L. 1968, p. 3.

[3] M. W. Jernegan. Laboring and Dependent Classes in Colonial America, 1607—1783. Chicago. 1931, pp. 59—60.

ципе одобряли религиозное влияние на просвещение. Доктрины большинства американских церквей соответствовали буржуазным прагматическим устремлениям лидеров новой республики. Последние, в частности Т. Джефферсон, выступали лишь против навязывания в колледжах одной сектой своих догм в ущерб другим, а также в ущерб интересам государства [4].

В 1619 г. Генеральная ассамблея Вирджинии обратилась с петициями к «Казначею, Совету и Компании в Англии», в которых содержалась просьба возвести в колонии здание колледжа и прислать для этой цели рабочих. Последние прибыли, и вскоре началось строительство в городке Хенрико. Назначили даже ректора будущего колледжа. Но в 1622 г. при нападении индейцев на городок жители его были перебиты, а строения, в том числе и будущего колледжа, разрушены [5]. Так что практически этот колледж не появился.

В колониях наиболее активным просветительское движение было в Массачусетсе. Иммигранты-пуритане из Англии составляли здесь, пожалуй, самую образованную часть колонистов: к середине XVI в. на каждые 40 семей приходился один выпускник Оксфорда или Кембриджа [6]. Отвергнув главенство господствующей церкви, что само по себе являлось вызовом метрополии, пуритане нередко пытались найти ответы на интересовавшие их вопросы в библейских текстах и желали, чтобы этот интерес сохранился и у последующих поколений. Видимо, руководствуясь этим стремлением, Генеральная курия Массачусетса выделила в 1636 г. 400 ф. ст. для основания колледжа, а два года спустя английский священник Д. Гарвард, переселившийся в Северную Америку, оставил этому колледжу в наследство личную библиотеку и половину своего состояния. Поэтому колледж и назвали Гарвардским.

Основатели Гарварда поставили перед собой задачу «продолжить христианскую традицию Старого Света в Новом» [7]. Колледжу предписывалось не только готовить священников, но и распространять христианство среди коренного населения. Роли у колонистов были четко распределены. «Святые отцы» вдалбливали индейцам, что надобно слушаться белых пришельцев, а если те не повиновались, то солдаты на службе его величества внушали это иным способом. Первые годы жизни колледжа были тревожными: они совпали по времени со всплесками религиозного фанатизма ультрапуританского толка [8].

В Гарварде началось обучение первых американских студентов. По воспоминаниям очевидцев, первый президент колледжа Н. Итом пускал в ход розги чаще, чем было принято даже в те суровые пуританские дни. После того, как он избил своего помощника ореховой палкой, «достаточно большой, чтобы убить лошадь», президента привлекли к суду и затем уволили. Его сменил в 1640 г. Г. Данстер, выпускник Кембриджа. При нем американское высшее образование начало функционировать на собственной основе: двое из первого выпуска Гарварда стали преподавателями в этом учебном заведении. В 1650 г. была принята хартия колледжа, действующая до сих пор. Школа к середине XVII в. решала уже более значительные задачи, нежели подготовка священников [9], и в хартии было записано, что цель колледжа — «способствовать развитию добропорядочной литературы, искусств и наук». Следовательно, руководители Гарварда стремились готовить священников образованных и не ограничивались лишь одной церковной схоластикой. Этот колледж, создававшийся на основе опыта Оксфорда и Кембриджа, послужил затем образцом для ряда других американских высших учебных заведений.

Второй по счету колледж на североамериканской земле открылся в Вирджинии в 1693 году. Его назвали колледжем Уильяма и Мэри (в честь английских королевских величеств, поскольку значительная сумма для его постройки была собрана по подписке в Англии и Шотландии). Вначале этот колледж находился под сильным шотландским влиянием (его первый президент Дж. Блэйр был выпускником Эдинбургского университета). Но со второй четверти XVIII в. оно было почти полностью вытеснено английским [10]. Последнее исходило не из правил Оксфорда и Кембриджа, а из так называемых «несогласных академий».

---

[4] «Американские просветители». Т. 2. М. 1969, стр. 138.

[5] А. С. Самойло. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. М. 1963, стр. 37.

[6] M. W. Jernegan. The American Colonies, 1492—1750. N. Y. 1959, p 189.

[7] J. Brubacher, W. Rudy. Op. cit., p. 8.

[8] S. E. Morison. The Intellectual Life of Colonial New England. N. Y. 1956, p. 29.

[9] Ibid., p. 32.

[10] J. Brubacher, W. Rudy. Op. cit., p. 4.

Эти учебные заведения начали появляться в Англии после принятия парламентом в 1662 г. закона о единстве церкви. Из университетов увольнялись лица, не признававшие обязательное подчинение учебных заведений господствующей единой церкви. Они-то и создавали впоследствии средние и высшие школы с более современными по тем временам программами.

В 1697 г. руководитель одного из таких учебных заведений Ч. Мортон переехал в Северную Америку и занял пост вице-президента Гарварда. При нем начался подъем этого колледжа как центра естественных наук на североамериканской земле. Определенное влияние на развитие американского образования оказало восприятие опыта шотландских университетов, которые, особенно Эдинбургский, смелее английских вводили в учебные программы новые курсы. А шотландская философская школа «здравого смысла» оказалась вполне приемлемой для прагматичных американцев.

В 1701 г. в Коннектикуте был основан Йельский колледж. В январе—мае 1702 г. в нем обучался всего один студент. Двумя годами позже их стало 20. Почти все они жили в доме ректора и единственного в те годы штатного преподавателя А. Пирсона. Ректор учил студентов большей частью на дому [11]. В Йеле, как и в других колледжах, жалованья учителям не платили. Жили они за счет поборов со студентов, именовавшихся «штрафами за нарушение правил». В 1704 г. преподаватель Йеля Дж. Харт настолько переусердствовал в этом деле, что его ученики взбунтовались. Решение конфликта было таким: бунтовщиков наказать, а преподавателям установить твердый оклад. Впрочем, расходы по этой статье были небольшие, так как в колледже имелось всего два преподавателя. Часть финансового бремени несли студенты, которые платили за обучение в основном натурой — пшеницей, солодом, дровами, салом, воском и даже козами, которых доили прямо в университетском дворике, а молоко подавали к обеду. Стипендии студенты не получали, и те, что были победнее, в свободные часы подрабатывали.

Оживление в развитии высшего образования в Северной Америке заметно с середины XVIII века. Этому предшествовала идейная борьба в колониях между умеренными пуританами и раскольниками-«обновленцами» [12]. Церковники хотели восстановить свое пошатнувшееся влияние на образование. Большинство «обновленцев» стремилось либо подчинить колледжи своему контролю, либо создать собственные учебные заведения.

В 1726 г. священник У. Теннент основал в Пенсильвании «колледж на бревнах» — примитивную богословскую школу, где лет 20 готовил юношество с тем, чтобы оно несло в массы «дух возрождения» церкви [13]. Религиозные битвы в конечном счете лишь ослабили влияние церкви. В то же время впервые появилась возможность реального воздействия прогрессивных идей на образование. В 1749 г. известный просветитель Б. Франклин, интересовавшийся делами колледжей, представил проект создания «Академии» и ее учебного плана. Он предлагал, чтобы основными предметами в новом учебном заведении в Пенсильвании были не мертвые языки и богословие, а новые языки и литература, математика и механика [14]. Хотя открытый в 1751 г. Филадельфийский колледж (ныне Пенсильванский университет) и не принял в целом программу Франклина, предложенный им учебный план и принципы организации во многом уже были свободными от церковной схоластики. Два американских колледжа предреволюционного периода были основаны последователями «обновленцев». В 1746 г. «пресвитериане нового направления» открыли Принстонский колледж в Нью-Джерси. В его хартии, принятой в 1748 г., было записано, что число священников в попечительском совете колледжа не должно превышать число мирян. Это свидетельствовало об ослаблении влияния церковников. В Нью-Йорке открытие колледжа задержалось из-за борьбы за контроль над ним. Наконец, летом 1754 г. удалось сформировать попечительский совет этого учебного заведения на компромиссной основе: в него включили представителей пяти церквей. Осенью того же года Королевский колледж (впоследствии Колумбийский университет) начал свою работу. Продолжавшиеся религиозные распри бы-

[11] R. A. Holden. Profiles and Portraits of Yale University Presidents. Freeport. 1968, pp. 9—10.

[12] Подробнее об этом см.: Н. М. Гольдберг. Свободомыслие и атеизм в США (XVIII—XIX вв.). М.-Л. 1965, стр. 21—22.

[13] R. Hofstadter. Anti-Intellectualism in American Life. L. 1964, p. 65.

[14] R. Ulich. History of Educational Thought. N. Y. 1945, pp. 236–241.

ли столь остры, что попечители решили вообще отказаться от богословского отделения. Королевский колледж в этом отношении оказался тогда единственным в колониальной Америке. В хартии Георга II от 31 октября 1754 г. предписывалось, чтобы президентом колледжа стал адепт епископальной церкви и чтобы в соответствии с ее правилами в данном учебном заведении совершались религиозные церемонии. Вскоре после революции эти положения были выброшены из хартии.

Два колледжа — Брауновский в Род-Айленде (1764 г.) и колледж Королевы в Нью-Йорке (1766 г.) — были созданы общинами, стоявшими в оппозиции Англии и ее церкви. Первый был основан баптистами, второй — голландскими реформатами, влияние которых в Нью-Йорке было значительным [15]. Однако учебные программы в этих колледжах с самого начала носили довольно светский характер. И, наконец, в 1769 г. в Нью-Гэмпшире появился Дартмутский колледж, выросший из миссионерской школы для индейцев [16].

Число выпускников высших учебных заведений в Америке колониального периода было невелико. Так, в 1775 г. окончили Гарвард 40 человек, Йель — 35, Королевский колледж — 13, Дартмут — 11, Филадельфийский колледж — 8 [17]. Эти цифры опровергают бытующий у ряда американских буржуазных историков взгляд, что в пуританских колониях Новой Англии дух просвещения и степень образованности были столь высоки, что даже сын простого фермера «мог легко получить отличное классическое образование» [18].

В основу учебной программы колледжей, открытых в XVII и начале XVIII в., были положены классические языки и литература (древнегреческая и древнеримская). Изучались также сопутствующие дисциплины — арамейский, древнесирийский и древнееврейский языки, богословие, этика, политика, риторика, логика, философия Аристотеля То была система знаний, разработанная и преподававшаяся в западноевропейских университетах средневековья. Однако в Новом Свете она стала менее целостной и стройной. По меткой характеристике классика американской литературы В. Ирвинга, выпускник колледжа колониальных лет «очень ловко сражался на границах нескольких наук и совершил столь отважный набег в область мертвых языков, что захватил в плен кучу греческих существительных и латинских глаголов вместе с различными выразительными поговорками,.. которыми постоянно щеголял в разговоре и в письмах, проявляя при этом такое же тщеславие, с каким победоносный генерал в древности выставлял напоказ трофеи из разграбленных им стран» [19]. Эта эклектичность в преподавании стала в США своеобразной традицией и порой прослеживается до наших дней.

В XVIII в. произошла некоторая переориентация учебных программ. Вводились естественнонаучные дисциплины — математика, физика, ботаника, астрономия, судовождение. Вступительные экзамены начинают проводиться не только по древним языкам, как это было раньше, но и по арифметике. Важнейшей причиной этих процессов было изменение расстановки социально-классовых сил в колониях. Крепнущий класс буржуазии не мог больше мириться с тем, чтобы учебные центры продолжали оставаться под контролем земельной аристократии и духовенства. Растущая промышленность нуждалась в специалистах, и в 1728 г. в Гарварде открывается первая научная лаборатория.

В социально-классовом отношении колледжи в Северной Америке, особенно во время их основания, немногим отличались от английских. Вплоть до 1767 г. в Йеле и до 1772 г. в Гарварде списки студенческих групп составлялись не по алфавиту, а в соответствии с имущественным и общественным положением семей учеников. На одном из выпускных вечеров в Гарварде оратор колоритно обрисовал социальные цели образования. Если бы, по его словам, первые поселенцы не создали колледжей, то «правящий класс могли бы захлестнуть механики, каменщики и портные, а благородные люди были бы раздавлены чернью, отпрысками плебеев из сточных вод Рима. Восторжествовали бы низменные чувства, а не истина и разум» [20]. Классовую направленность колледжей характе-

[15] E. S. Goustad. The Great Awakening in New England. N. Y. 1957, p. 108.

[16] Подробнее см., F. Chase. A History of Dartmouth. Cambridge. 1891.

[17] «Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах». М. 1972, стр. 20.

[18] D. Lacy. The Meaning of the American Revolution. N. Y. 1966, p. 229.

[19] В. Ирвинг. История Нью-Йорка. М. 1968, стр. 109—110.

[20] Цит. по: P. Miller. The New England Mind; the Seventeenth Century. N. Y. 1939, p. 84.

ризует также организация их финансирования и управления. К. Джэнкс и Д. Ризмэн отмечают, что колониальные колледжи не были ни государственными, ни частными в современном толковании этих определений[21]. В большинстве своем они финансировались за счет пожертвований частных лиц и организаций, но управлялись властями колоний вместе с представителями местной знати — крупными землевладельцами, священниками, адвокатами. Колледжи являлись как бы своеобразными смешанными акционерными обществами. С. Морисон отмечает, что руководство Гарварда («президент и члены совета»), назначенное в 1650 г., стало первой «чисто американской» корпорацией[22]. В колледжах взималась плата за обучение, поэтому выходцы из беднейших семей сюда поступить не могли. Для них (уже тогда) организовывалась система фабричного ученичества. В колониальный период были посеяны семена классовой дискриминации в образовании, о чем свидетельствовали различные типы школ для разных слоев населения.

Середина XVIII в. была периодом непосредственной идейной подготовки войны за независимость. Люди, ставшие у руля правления заокеанской республики, в свое время оканчивали отечественные учебные заведения. Автор «Декларации независимости» Т. Джефферсон 25 марта 1760 г. поступил в колледж Уильяма и Мэри. Изучал он богословие, право и другие дисциплины. Среди преподавателей лишь один профессор натурфилософии и математики У. Смолл не носил сутану священника. Именно с ним и подружился молодой Джефферсон. Много лет спустя он говорил: «Смолл, вероятно, определил судьбу моей жизни». Несмотря на то, что Джефферсон проучился в колледже всего два года с небольшим, Смолл и другие приверженцы натурфилософии оставили, по-видимому, след в памяти будущего президента США. Отчасти под впечатлением этих двух лет Джефферсон в 1787 г. писал из Парижа своему племяннику П. Карру: «Отбрасывай все страхи и предрассудки, из-за которых слабые умы рабски пресмыкаются. Твердо держись разума и призывай на его суд каждый факт, каждое мнение»; в том же письме Джефферсон обнаруживает весьма практичный подход к образованию, советуя племяннику изучать не итальянский, а испанский язык, ибо «будущие связи с Испанией и Испанской Америкой сделают знание этого языка ценным приобретением»[23]. Учи то, что разумно, а разумно то, что полезно. Именно на внедрении такой философии в американскую школу и настаивали вожди буржуазной революции.

Уже будучи признанным лидером революции, Т. Джефферсон в 1779 г. обращается к своей «альма матер» — колледжу Уильяма и Мэри с проектом радикальной модернизации его учебного плана. Суть проекта состояла в ограничении количества религиозных курсов и увеличении предметов естественнонаучного и гуманитарного характера[24]. Тогда план Джефферсона отвергли, но впоследствии власти колледжа начали постепенно проводить предложенные им реформы. В написанных два года спустя «Заметках о штате Вирджиния» Джефферсон рекомендует отбирать в колледжи «одаренных юношей из бедняков», дабы «помочь штату извлечь пользу из тех талантов, которые природа щедро рассеяла как среди бедных, так и богатых и которые бесполезно гибнут, если их не отыскивать и не развивать»[25]. К. Колден в сочинении «Введение в изучение философии, написанное в Америке для пользы молодого джентльмена» резко критикует систему тамошнего образования: «Общие методы обучения, обычно применяемые в государственных школах, служат лишь для того, чтобы забивать головы молодых людей бесполезными понятиями и предрассудками, которые делают их непригодными для приобретения подлинных и полезных знаний». Что же надо изучать? Физику, геометрию, астрономию и механику, причем сначала в их древнегреческом варианте[26]. Подобный подход вполне соответствует взглядам лидеров Американской буржуазной революции на образование.

Влияние идей Просвещения с середины XVIII в. непосредственным образом отражается на деятельности некоторых, особен-

---

[21] C. Jencks, D. Riesman. Op. cit., p. 257.

[22] S. E. Morison. Harvard College in the Seventeenth Century. Cambridge (Mass.). 1936, p. 9.

[23] «Американские просветители». Т. 2. стр. 78.

[24] Подробнее о деятельности американских просветителей в области образования см. T. Woody. Educational Views of Benjamin Franklin. N. Y. McGrow-Hill. 1931; R. Honeywell. The Educational Work of Thomas Jefferson. Cambridge. 1931.

[25] «Американские просветители». Т. 2, стр. 64.

[26] Там же. Т. 1. М. 1968, стр. 191.

но вновь открытых, колледжей и на идейной позиции их руководителей. В заявлении президента Королевского колледжа С. Джонсона накануне открытия этого учебного заведения говорилось о религии в самом общем виде, зато обстоятельно планировалось изучение гуманитарных и естественнонаучных дисциплин на уровне тогдашней науки. И хотя Джонсону и его коллеге из Филадельфийского колледжа У. Смиту удалось на практике лишь частично претворить их планы в жизнь, церковникам был нанесен чувствительный удар.

Таким образом, во многих колледжах в середине XVIII в. велась довольно острая идейная борьба между сторонниками короны и «адвокатами независимости». Отголоски этой борьбы, очевидно, сказывались и на мировоззрении будущих политических лидеров США. Почти во всех колледжах практиковались политические диспуты, становившиеся все более напряженными по мере ухудшения отношений с метрополией. Растет и число дипломных сочинений на злободневные политические темы. В ряде случаев студенты предугадали даже будущие направления в политике, например, изоляционизм. На четырех диспутах в Гарварде (1742, 1751, 1753 и 1773 гг.) они утверждали, что для Америки важнее развитие сельского хозяйства, нежели внешней торговли. В Йеле обсуждались вопросы о законности войны, о пределах полномочий конгресса, о рабстве, свободе печати, восстании Д. Шейса в Массачусетсе [27]. После битвы при Лексингтоне (апрель 1775 г.) штаб-квартира патриотически настроенного генерала А. Уорда расположилась непосредственно на территории Гарварда. Его тогдашний президент С. Лэнгдон читал солдатам проповеди и нравоучения, благословляя «дело свободы».

Большинство авторов «Декларации независимости» и почти третья часть скрепивших ее своими подписями были выпускниками американских колледжей [28]. Из Гарвардского университета вышли лидер умеренного крыла антиколониалистов Дж. Отис и радикал, отстаивавший с конца 1760-х годов идею самоуправления, С. Адамс [29]. И все же история колониальных колледжей Северной Америки не дает однозначного ответа на вопрос об идейной подготовке революции. Через колледжи прошли и будущие роялисты и будущие республиканцы. Один лишь участник буржуазной революции миновал учебные аудитории — трудовой народ, руками которого она и была совершена.

В. М. Матвеев

---

[27] A. Haddow. Political Science in American Colleges and Universities, 1636—1900. N. Y. 1969, p. 34.

[28] «Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах», стр. 21.

[29] Подробнее см.: В. В. Согрин. К идейным истокам войны за независимость США. «Вопросы истории», 1975, № 9, стр. 54—60.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буганов Виктор Иванович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории СССР АН СССР, заведующий сектором источниковедения дооктябрьского периода. Специалист по истории СССР периода феодализма, историографии, источниковедению; автор работ о русском летописании, классовой борьбе в феодальной России, ленинской методике работы с источниками, в том числе монографий: «Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв.», «Московское восстание 1662 г.», «Московские восстания конца XVII в.», «Отечественная историография русского летописания», ответственный редактор и член редколлегий ряда коллективных трудов и сборников документов.

Трукан Герман Антонович — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором источниковедения истории советского общества Института истории СССР АН СССР. Специализируется в области истории Октябрьской революции и советского общества, автор книг «Октябрь в Центральной России», «Солдат ленинской гвардии», «Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти», глав в коллективных трудах и статей по этой тематике.

Сметанин Станислав Иннокентьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Специализируется по истории промышленности России. Автор ряда статей по этой проблеме.

Рябошапко Юрий Борисович — старший научный сотрудник ВНИИ документоведения и архивного дела. Специализируется по истории русско-шведских отношений XVI—XVII вв., автор статей по этой проблематике.

Аверкиева Юлия Павловна — доктор исторических наук, главный редактор журнала «Советская этнография», автор ряда монографий и большого количества статей по этнографии индейцев Северной Америки и общим вопросам этнографии.

Першиц Абрам Исаакович — доктор исторических наук, заведующий сектором первобытной истории Института этнографии АН СССР, член редколлегии журнала «Советская этнография». Автор монографий и статей по истории первобытного общества, общей этнографии и этнографии кочевых обществ.

Чугаев Владимир Петрович — кандидат исторических наук, доцент, директор Института общественных наук АН Украинской ССР во Львове, работает в области полонистики и советско-польских отношений новейшего времени. Автор ряда статей и других публикаций по данной тематике.

Бокщанин Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР. Специализируется в области внешней и внутренней политики средневекового Китая. Автор ряда работ по этой проблематике.

Пасков Станислав Соломонович — ассистент кафедры всеобщей истории Дальневосточного университета, специализируется по новой и новейшей истории Японии.

Шмакова Нина Павловна — кандидат исторических наук, доцент Челябинского пединститута, специализируется по истории социалистического строительства в СССР, автор статей по этой тематике.

Боханов Александр Николаевич — научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется по истории буржуазного газетно-издательского дела в России.

Ефремова Ната Павловна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и научного коммунизма Московского гидромелиоративного института. Автор статей по истории французской печати и революционного движения второй половины XIX века.

ВЛАДИСЛАВ ИОСИФОВИЧ РАВДОНИКАС

28 ноября 1976 г. скончался известный советский ученый-археолог член-корреспондент АН СССР, профессор Владислав Иосифович Равдоникас.

В. И. Равдоникас родился 10 декабря 1894 г. в Тихвине, в семье фельдшера. Начало его самостоятельных археологических изысканий относится еще к 1915 г., когда им производились раскопки курганов в верховьях Сяси. Мобилизация в армию во время первой мировой войны прервала эту работу Владислава Иосифовича, хотя и не заставила его забыть археологию. В его библиотеке сохранилось известное руководство Г. Мортилье «Доисторическая жизнь» с надписью на титульном листе: «Поручик Равдоникас. Западный фронт». Когда началась гражданская война, Владислав Иосифович добровольцем вступил в ряды Красной Армии, сражался против белогвардейцев и интервентов. В 1919 г. в качестве адъютанта начальника Петроградского укрепрайона он принимал активное участие в обороне Петрограда, командовал артиллерией Петропавловской крепости.

После окончания гражданской войны В. И. Равдоникас окончил Петроградский университет, возобновил занятия археологией, совмещая их с активной советской и культурной работой в Тихвине, а в 1928 г. переехал в Ленинград и связал свою судьбу с центральным археологическим учреждением страны — Академией (впоследствии институт) истории материальной культуры (ныне Институт археологии) АН СССР, где он проработал 25 лет.

Рубеж 20-х и 30-х годов был периодом ломки старой археологической науки, ее перестройки на базе материалистической методологии. В 1930 г. в Ленинграде вышла небольшая книга В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры». Книга представляла собой памфлет, в котором подверглась сокрушительной критике русская дореволюционная буржуазно-дворянская официальная археология и ее пережитки, представленные в научной литературе 20-х годов, и были обрисованы задачи советской археологической науки. Не все в этой книге выдержало испытание временем, не со всеми ее оценками можно в наши дни согласиться. Но в истории отечественной археологии она сыграла огромную роль, показав советским археологам, что работать по-старому нельзя.

Теоретическая работа В. И. Равдоникаса была всегда неразрывно связана с его конкретными исследованиями, с проводившимися им полевыми археологическими работами. Он внес крупный вклад в изучение неолита Северо-Запада СССР своими раскопками Вознесенского поселения и других стоянок каменного века по течению р. Свири, а особенно уникального могильника на Оленьем острове, в северной части Онежского озера. Кремневое и костяное охотничье оружие, обнаруженное в 177 оленеостровских погребениях, украшения, произведения искусства, наконец, сам разнообразный и сложный погребальный обряд позволили Владиславу Иосифовичу с большой полнотой восстановить образ жизни, хозяйство, общественные отношения и религиозные верования племен первобытных охотников, обитавших по берегам Онежского озера несколько тысяч лет тому назад. Не менее крупный вклад в изучение истории народов СССР внесли многолетние исследования В. И. Равдоникасом памятников первобытного монументального искусства эпохи неолита — наскальных изображений, петроглифов Онежского озера и Белого моря. Сотни выбитых на гранитных скалах, у самой воды изображений людей, животных, птиц, лодок, охотничьих и мифологических сцен, солярных и лунарных знаков были на высоком научном уровне зафиксированы экспедицией В. И. Равдоникаса, а затем опубликованы в его капитальных трудах: «Наскальные изображения Онежского озера» (М.-Л. 1936) и «Наскальные изображения Белого моря» (М.-Л. 1938). Эти две монографии вошли в золотой фонд советских и мировых исследований по истории первобытного искусства и в наши дни изучаются специалистами так же внимательно, как и 40 лет назад, сразу же после их появления.

Круг научных интересов В. И. Равдоникаса не ограничивался каменным веком. Им много было сделано для изучения славяно-финских древностей, а также истории и культуры Древней Руси. Итоги исследования им курганов Приладожья подведены в его работах «Die Normanen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet» (Стокгольм, 1930), «Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье» (М.-Л. 1934) и в ряде статей. Исходя из анализа собранных им фактов, Владислав Иосифович доказал, что курганы юго-восточного Приладожья принадлежали не норманнам, а местному прибалтийско-финскому населению. Он резко выступил против норманистской концепции и утверждений о культурно-творческой роли норманнов в истории нашей страны.

Огромный научный интерес вызвали организованные под руководством В. И. Равдоникаса многолетние (1938—1940, 1945, 1948—1950, 1957—1959 гг.) раскопки Старой Ладоги, одного из древнейших городов Древней Руси. Эти изыскания дали богатый материал по истории жилища, торговли, хозяйства, техники Древней Руси. Исследования Старой Ладоги по праву причисляются к важнейшим достижениям советской археологии в области изучения древнерусских городов. Раскопки проводились экспедицией Ленинградского университета и явились школой, через которую прошли многие десятки студентов. В наши дни эти столь успешно развернувшиеся под руководством В. И. Равдоникаса работы продолжает экспедиция Ленинградского отделения Института археологии, возглавляемая уже учениками учеников Владислава Иосифовича.

Очень важной стороной деятельности В. И. Равдоникаса являлась подготовка кадров. В 1936 г. он возглавил кафедру археологии исторического факультета Ленинградского университета (первоначально она называлась кафедрой истории доклассового общества) и руководил ею в течение 15 лет. Уже в предвоенные годы В. И. Равдоникасу удалось подобрать и сплотить на кафедре коллектив, который внес немаловажный вклад в дело подготовки советских археологов. Из университетских лекций В. И. Равдоникаса вырос его двухтомный курс «История первобытного общества» (ч. I. Л. 1939; ч. II. Л. 1947). Это был первый советский учебник для высшей школы по данному предмету. В течение многих лет его изучали тысячи студентов-историков университетов и пединститутов. И в настоящее время учебник В. И. Равдоникаса производит сильное впечатление ясностью изложения, четкостью основных положений, насыщенностью конкретным археологическим, этнографическим и историческим материалом, а особенно критичностью в отношении буржуазной идеологии. Во время суровой блокадной зимы 1941/1942 г. В. И. Равдоникас оставался на своем посту заведующего кафедрой и продолжал читать лекции в университете.

Помимо основной работы в Ленинградском университете и в Академии (Институте) истории материальной культуры, где он в течение ряда лет руководил сектором и возглавлял Ленинградское отделение, Владислав Иосифович участвовал в работе Государственного Эрмитажа (в 1932—1933 гг. он заведовал там Отделом истории первобытной культуры), а также Музея антропологии и этнографии АН СССР. При его непосредственном участии было организовано издание «Советская археология», выходившее первоначально в виде сборников, на базе которых в 1957 г. возник журнал того же названия. Передовые статьи первых четырех томов этого издания, вышедших в 1936—1937 гг., принадлежат перу В. И. Равдоникаса.

Научные заслуги В. И. Равдоникаса получили высокую оценку. Советское правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени и медалями, в том числе медалью «За оборону Ленинграда», которой он особенно гордился. В 1946 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Международное признание заслуг ученого выразилось в избрании его в 1945 г. членом Норвежской академии наук.

Вклад Владислава Иосифовича Равдоникаса в советскую историческую и археологическую науку имеет непреходящее значение.

П. И. Борисковский

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ТОЛСТОВ

28 декабря 1976 г. на 70 году жизни скоропостижно скончался Сергей Павлович Толстов, выдающийся советский ученый, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент АН СССР.

С. П. Толстов принадлежит к поколению исследователей, мировоззрение которых формировалось в период первых пятилеток. Это время дало блестящую плеяду ученых и организаторов науки, одним из которых и был Сергей Павлович. Он родился 25 января 1907 г. в Петербурге в семье военного. В 1930 г. окончил Московский университет, где учился одновременно на физико-математическом и историко-этнографическом факультетах. В те годы началась его деятельность этнографа, уже тогда он развивал идеи своего учителя Д. Н. Анучина о применении комплексных методов в науке.

В начале 1930-х годов С. П. Толстов заведует этнографическим отделом Московского областного музея, является одним из руководителей краеведческого движения в нашей стране. В 1934 г. он закончил аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры по специальности «история и археология Средней Азии». В 1929—1936 гг. С. П. Толстов одновременно сотрудник Музея народов СССР, ученый секретарь, а потом заведующий Московским отделением Института истории материальной культуры АН СССР. В течение многих лет он был профессором МГУ, где заведовал кафедрой энтографии, а в 1943—1945 гг. являлся деканом Исторического факультета.

Когда началась Великая Отечественная война, С. П. Толстов вступил в ряды народного ополчения, был командиром взвода топографической разведки, участвовал в боях под Ельней и Можайском, где был тяжело ранен. После демобилизации он вернулся к работе в АН СССР, в конце 1942 г. стал директором Института энтографии АН СССР и проработал на этом посту более 20 лет. В течение двух десятилетий (1946—1966 гг.) С. П. Толстов был главным редактором журнала «Советская этнография», на протяжении ряда лет являлся ученым секретарем Президиума АН СССР.

В 1944 г. Сергей Павлович вступил в ряды Коммунистической партии, в 1953 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Увлеченность и большой талант, который он щедро дарил своим коллегам и ученикам, напряженный творческий труд, преданность науке — вот качества, которые характеризовали С. П. Толстова как ученого, полевого исследователя, педагога, организатора науки. Его перу принадлежит более 300 работ по востоковедению, археологии, истории, этнографии и смежным дисциплинам. Большой вклад внес Сергей Павлович в разработку проблем истории первобытного общества, социально-экономической истории древних среднеазиатских народов и их этногенеза, этногенеза славян и других. Развивая лучшие традиции русской и советской исторической науки, С. П. Толстов справедливо считал, что вопросы происхождения народов, история их культуры могут быть правильно поставлены и разрешены только в процессе комплексного анализа антропологических, археологических, лингвистических и собственно этнографических данных с обязательным учетом абсолютной хронологии фактов. Примером может служить насыщенная разнообразным фактическим материалом статья С. П. Толстова «Нарци» и «волхи» на Дунае» (1948 г.), где рассмотрены вопросы этногенеза ранних славян и с большим мастерством связаны воедино данные археологии, письменных источников, лингвистики и этнографии.

Результатом комплексного подхода к разработке проблем истории первобытного общества и истории культуры в целом явилось учение о хозяйственно-культурных различиях народов мира, сформулированное С. П. Толстовым еще в одном из его ранних трудов («Очерки первоначального ислама»), а впоследствии развитое в работе «Этнография и современность» (1946 г.). С. П. Толстов критикует буржуазные концепции «культурных кругов» и «культурных ареалов» как самодовлеющих единств, абстрагированных от народа и его живой истории. Этим концепциям противопоставляется развиваемая им историко-этнографическая концепция хозяйственно-культурных зон (названных в 1955 г. М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым «хозяйственно-культурными типами») и «историко-культурных областей». Ученый дал определение советской этнографии как отрасли исторической науки, исследующей культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, изучающей проблемы происхождения и культурно-исторических взаимоотношений этих народов, восстанавливающей историю их расселения и передвижений.

В послевоенные годы Сергей Павлович возглавил организационную работу по созданию многотомной серии «Народы мира», первый том которой — «Народы Африки» — вышел в 1954 г., а всего опубликовано 19 книг (13 томов). В ней использован

огромный фактический материал, накопленный наукой во многих странах и творчески обобщенный советскими этнографами.

Весьма значителен вклад С. П. Толстова в изучение истории, археологии и этнографии народов Средней Азии. Еще в 30-е годы перед советскими историками встала задача создания истории среднеазиатских советских республик и выяснения сложных проблем социального строя народов Востока, в частности спорных вопросов общественного строя древних народов домусульманской Средней Азии. Для решения ее был организован ряд крупных археологических экспедиций, целью которых явились изыскания новых источников. В 1937 г. Сергеем Павловичем была создана Хорезмская археологическая (впоследствии археолого-этнографическая) экспедиция, исследования которой стали важным делом его жизни. Итоги ее работы за предвоенные годы нашли отражение в монографии С. П. Толстова «Древний Хорезм» (1948 г.). В ней впервые дана четкая периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья, основанная на использовании всех видов источников, в первую очередь археологических. В книге рассмотрена история хорезмской ирригации — базы хозяйства и жизни местного населения, а также форм поселений разных эпох. Здесь впервые были собраны и систематизированы новые данные, свидетельствующие о господстве рабовладельческого уклада в общественном строе древних среднеазиатских народов, названного С. П. Толстовым в 1948 г. «общинно-рабовладельческим».

В послевоенные годы работы Хорезмской экспедиции достигли еще большего размаха. Убежденность С. П. Толстова-исследователя, его организаторский талант, широкая эрудиция, постоянный поиск нового — вот те качества, которые привлекли к нему молодежь, сделав Хорезмскую экспедицию сплоченным коллективом его учеников, и объединили усилия самых разных специалистов — историков, этнографов, антропологов, географов, геологов, ирригаторов, почвоведов.

Проблематика Хорезмской экспедиции была весьма разнообразна. Это и вопросы этногенеза народов Средней Азии, и взаимоотношения населения оазисов с их кочевой и полукочевой периферией на протяжении тысячелетий, и становление производящего хозяйства в Южном Приаралье, и эволюция форм семьи, и др.

В ходе исследований были изучены и нанесены на комплексные археолого-геоморфологические карты обширные массивы земель древнего орошения общей площадью в 5 млн. га, что позволило восстановить историческую картину жизни земледельческих оазисов Приаралья на протяжении почти 4,5 тысячи лет — от зарождения ирригации в середине II тыс. до н. э. вплоть до XX века. На основе богатейшего археологического материала С. П. Толстову удалось доказать, что динамика границ земель древнего и средневекового Хорезма — это динамика социально-экономической и политической истории среднеазиатских народов. Ученый увидел в землях древнего орошения Средней Азии огромный резерв для нового сельскохозяйственного освоения. Поэтому в 1960 г. он выступил инициатором создания Комиссии по использованию данных исторических наук для практики народного хозяйства при Отделении истории АН СССР.

Открытия Хорезмской экспедиции при раскопках дворца хорезмских царей Топрак-кала, античного памятника Кой-Крыглан-кала, могильников предскифского и скифского времени Тагискен и Уйгарак получили мировое признание. Работы Сергея Павловича по истории и археологии древнего Хорезма принесли ему широкую известность. Его книги «Древний Хорезм» и «По древним дельтам Окса и Яксарта» знают не только у нас в стране, но и за рубежом; его труд «По следам древнехорезмийской цивилизации» переведен на несколько европейских языков.

Научная деятельность С. П. Толстова получила высокую оценку в нашей стране и за ее пределами. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, двумя орденами «Знак Почета». За книгу «Древний Хорезм» ему в 1949 г. была присуждена Государственная премия I степени. С. П. Толстов являлся почетным академиком АН Узбекской ССР, заслуженным деятелем науки Таджикской ССР, заслуженным деятелем науки Каракалпакской АССР. Он был избран членом-корреспондентом АН ГДР и Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического общества, Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии, археологического департамента Индии.

Образ Сергея Павловича Толстова навсегда останется в сердцах его друзей, ученых и коллег.

SUMMARIES OF ARTICLES

V. I. BUGANOV, G. A. TRUKAN. **Topical Problems of Source Research in the History of the U.S.S.R.**

The article briefly describes the vast amount of work carried out in the field of source research relating to Russian and Soviet history in the period between the 24th and 25th CPSU Congresses and examines the tasks of further research in this sphere. Noting the achievements made in studying Lenin's laboratory of historical research, the authors stress the vital need of concentrating the attention of Soviet historians on creating a generalizing collective work about the Leninist method of treating sources and its closest connection with the general Marxist conception of the historical process. The article gives a detailed characteristic of the progress made in the field of source research devoted to the history of Soviet society.

S. I. SMETANIN. **The Beginning of the Industrial Revolution in the Urals**

The article highlights the beginning of the industrial revolution at the mining enterprises in the Urals in the period preceding the abolition of serfdom. Drawing on his close analysis of the numerous reports and other materials submitted by the management of these enterprises, the author clearly shows that in the conditions of production organization obtaining under serfdom, the transition to puddling and other technological changes, which were accompanied by the mass employment of hired labour in auxiliary work processes, could not ensure lower production costs or bring down the prices of finished goods. The rising metal prices were an economic expression of the crisis corroding the serf-ownership system based on feudal oppression, reflecting the incompatibility of the new productive forces with the regime founded on feudal oppression.

Y. B. RYABOSHAPKO. **Russo-Swedish Relations at the Close of the 16th and the Beginning of the 17th Centuries**

The article examines one of the stages of Russo-Swedish relations at the end of the 16th and the beginning of the 17th centuries, which were keynoted by the struggle waged by Sweden to compel Russia to ratify the Tyavzin peace treaty of 1595 which finalized the results of the Livonian War. Declining to ratify the treaty for a protracted period and having weighty reasons to do so, Russia took advantage of this factor to stabilize her relations with Recz Pospolita, Denmark, the Hanseatic League and all the other enemies of Sweden.

Y. P. AVERKIEVA, A. I. PERSHITZ. **The "Soviet Ethnography": Half-Centenary of Publication**

The article highlights the principal trends in the activity of the "Soviet Ethnography"—the central journal published by Soviet ethnographers—over the fifty years of its existence. The authors illustrate the journal's activity at the different stages in the development of the Soviet ethnographical school and in diverse fields of research. The attention in the article is focussed on how the journal reflects the progress of research in the contemporary ethnic, cultural and social welfare processes, ethnic and cultural history, as well as the general theory of culture and ethnos. Particular emphasis is laid by the authors on the journal's elaboration of problems posed by the branches of science closely related to ethnography—the history of the primitive society, ethnogeography, folklore, ethnolinguistics, anthropology.

V. P. CHUGAYEV. **The Movement for the Formation of a People's Front in Poland**

The article analyzes the experience of the Polish Communists' activity in rallying all the anti-imperialist and peace-loving forces of their country and building up a people's front for the struggle against the onslaught of fascism and the growing danger of unleashing a new world war. Under the banner of the people's front the working class of Poland organized powerful manifestations which merged with the peasant movement and the national-liberation struggle of the working people in the Western Ukraine and Western Byelorussia. This struggle erected a powerful barrier to the fascization of Poland and checked the activity of her militaristic circles. The experience gained in the formation of the people's front during the prewar years helped the Polish Communists to organize a broad Resistance movement against the nazi invaders in the second world war period and to rally the forces of the entire Polish people for the building of socialism in their country.

S. S. PASKOV. **Japanese Bourgeois Historiography of Japan's Imperialist Expansion at the End of the 19th and the First Three Decades of the 20th Centuries**

The author examines a number of works produced by contemporary Japanese historians belonging to the bourgeois-liberal trend and devoted to the various aspects of Japan's foreign policy at the end of the 19th and the first three decades of the 20th centuries. The article analyzes the methodological principles and conceptions of Japanese historians on the following questions: Japanese imperialism, the history of Sino-Japanese relations, Japan's relations with other imperialist powers. The author shows the utter hollowness of the attempts made by a number of bourgeois historians to disguise the apology of Japanese expansion in the period under review.

A. A. BOKSHCHANIN. **The Policy Pursued by the Chinese Empire in the National Borderlands at the Beginning of the 15th Century**

The article, which is based on anthentic Chinese sources, reveals the basic aims and methods of the policy pursued by feudal China towards its subjects belonging to different national minority groups. Analyzing materials relating to the early 15th century, the author shows how with the help of whip-and-carrot methods (resorting to armed force in conjunction with diplomatic methods of "winning over people's hearts") the Chinese government secured the consolidation of its power in the outlying national districts of the empire. The article points out that the non-Chinese population inhabiting the fringe areas put up active resistance to the expansionist policy and brutal oppression on the part of the Chinese authorities. This resistance was suppressed more ruthlessly than the riots and disturbances flaring up among the Chinese peasantry.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 3, 1977

Articles: **V. I. Buganov, G. A. Trukan.** Topical Problems of Source Research in the History of the U.S.S.R.; **S. I. Smetanin.** The Beginning of the Industrial Revolution in the Urals; **Y. B. Ryaboshapko.** Russo-Swedish Relations at the Close of the 16th and the Beginning of the 17th Centuries; **Y. P. Averkieva, A. I. Pershitz.** The "Soviet Ethnography": Half-Centenary of Publication; **V. P. Chugayev.** The Movement for the Formation of a People's Front in Poland; **S. S. Paskov.** Japanese Bourgeois Historiography of Japan's Imperialist Expansion at the End of the 19th and the First Three Decades of the 20th Centuries; **A. A. Bokshchanin.** The Policy Pursued by the Chinese Empire in the National Borderlands at the Beginning of the 15th Century. Historical Essays: **N. P. Shmakova.** The Birth of the Chelyabinsk Tractor Works; **V. G. Kartsov.** The Confederates of Stepan Razin and the Raskolniki; **N. P. Yefremova.** The Appeal of the Commune. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. **Surveys: M. S. Kuzmin.** Contemporary Literature on the Soviet Union's International Scientific and Cultural Contacts in 1917-1932. **Book Reviews:** "The Hegemony of the Proletariat in the Three Russian Revolutions"; V. I. Kostrikin. The Land Committees in 1917; "Problems of the Socio-Economic Formations. Historico-Typological Research"; G. S. Kucherenko. Saint-Simonism in 19th-Century Social Thought; V. Voznesensky. The Rise of the Sun of Freedom. September 9, 1944 (Sofia); G. M. D. Howat. The Foreign Policy of the Stuarts and Cromwell (New York), etc. Facts, Events, People. Notes on articles published in foreign journals. Articles in Soviet and foreign periodical publications. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire », n° 3, 1977

Articles: **V. I. Bouganov, G. A. Troukan.** Les problèmes actuels de l'étude des sources de l'histoire de l'U.R.S.S.; **S. I. Smétanine.** Le début de la révolution industrielle dans l'Oural; **Y. B. Riabochapko.** Les relations russo-suédoises à la charnière du XVIe et du XVIIe siècle; **Y. P. Averkiéva, A. I. Perchits.** Un demi-siècle de la revue des éthnographes soviétiques; **V. P. Tchougaev.** Le mouvement pour le Front populaire en Pologne; **S. S. Paskov.** L'historiographie bourgeoise japonaise de l'expansion de l'impérialisme à la fin du XIXe siècle et dans le premier tiers du XXe siècle; **A. A. Bokchtchanine.** La politique de l'empire chinois dans les périphéries peuplées d'autres nationalités au début du XVe siècle. Aperçus historiques: **N. P. Chmakova.** La naissance de l'Usine de tracteurs de Tchéliabinsk; **V. G. Kartsov.** Les partisans de Razine et les raskolniks; **N. P. Efrémova.** L'appel ardent de la commune. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revues. M. S. Kouzmine.** Les publications les plus récentes sur les relations culturelles et scientifiques internationales de l'U.R.S.S. en 1917-1932; **Comptes rendus des livres:** « L'hégémonie du prolétariat dans trois révolutions russes »; V. I. Kostrikine. Les comités terriens en 1917; « Problèmes des formations économiques et sociales. Recherches typologiques historiques »; G. S. Koutchérenko. Le saint-simonisme dans la pensée sociale du XIXe siècle; V. Voznessenski. C'est ainsi que se leva le soleil de liberté. Le 9 septembre 1944 (Sofia); G.M.D. Howat. La politique extérieure des Stuart et de Cromwell (New York) et autres. Faits, événements, hommes. Notes sur les articles publiés dans les revues étrangères. Articles parus dans les publications périodiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 3. 1977.

Artículos: **V. I. Buganov, G. A. Trukan.** Problemas actuales del estudio de las fuentes de historia de la URSS; **S. I. Smetanin.** Principios de la revolución industrial en los Urales; **Y. B. Riaboshapko.** Relaciones ruso-suecas en la divisoria de los siglos XVI—XVII; **Y. P. Avérkieva, A. I. Pershiz.** Medio siglo de la revista de los etnógrafos soviéticos; **V. M. Chugaev.** Movimiento por el frente popular en Polonia; **A. A. Bokshchanin.** Política del imperio chino en las regiones colindantes, pobladas por otras nacionalidades, a principios del siglo XV; **S. S. Paskov.** Historiografía burguesa japonesa de la expansión del imperialismo a fines del siglo XIX—primer tercio del XX. Ensayos históricos· **N. P. Shmákova.** Nacimiento de la fábrica de tractores de Cheliábinsk; **Y. G. Karzov.** Cosacos de Razin y apóstatas; **N. P. Efrémova.** Llamamiento de la Comuna de París. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Revistas: M. S. Kusmin.** Novísimas publicaciones en materia de las relaciones internacionales, científicas y culturales de la URSS en los años 1917—1932. **Reseñas de libros:** «Hegemonía del proletariado en las tres revoluciones rusas»; V. I. Kostrikin. Comités de la tierra en el año 1917; «Problemas de las formaciones económico-sociales. Estudios histórico-tipológicos»; G. S. Kucherenko. Sensimonismo en el pensamiento social del siglo XIX; V. Vosnesenskiy. Así salió el sol de la libertad. El 9 de septiembre de 1944 (Sofía); G. M. D. Howat. Política exterior de los Stuarts y de Cromwell (New York) etc. Hechos, acontecimientos, personalidades. Notas de artículos, publicados en las revistas extranjeras. Artículos en las publicaciones periódicas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 28/I 1977 г.
А 09223. Подписано к печати 1/III 1977 г. Формат 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 19,60. Учетно-изд. л. 22,29. Тираж 25 000 экз. Изд. № 753. Зак. № 119.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

LOVETT G. H. **La guerra de la independencia y el nacimiento de la España contemporánea.** Vol. I. El desafío al viejo orden. 378 p. Vol. 2. La lucha, dentro y fuera del pais. 427 p. Barcelona. Península. 1975.

LUSSU E. **Marcia su Roma e dintorni.** Torino. Einaudi. 1976. 188 p.

Trent'anni di storia italiana (1915—1945). Dall'antifascismo alla Resistenza. Lezioni von testimonianze presentate da Franco Antonicelli. Torino. Reprints Einaudi. 1975. XXIX, 398 p.

VIOLANTE C. **Studi sulla cristianità, medioevale.** Società, istituzioni, spiritualità. Raccolti da Piero Zerbi. 2-a ed. riv. e accresc. Milano. Vita e pensiero. 1975. 412 p.

ZUNINO P. G. **La questione cattolica nella sinistra italiana (1919—1939).** Bologna. Il Mulino. 1975. 503 p.

IVERSEN H. **Socialistiske essays.** Udv. of indled. ved. Carl Erik Bay. Bd. I. 196 s. Bd. 2 147 s. København. Sirius. 1975.

CECEÑA J. L. **México en la órbita imperial.** Las empresas transnacionales. 5-a ed. México. El Caballito. 1975. 271 p.

LIMA A. **Movimento sindical e unidade no processo revolucionário português.** Lisboa. Avante! 1975. 157 p.

CLARK T. R. **Puerto Rico and the United States, 1917—1933.** Pittsburgh. Univ. of Pittsburgh Press. 1975. XV, 238 p.

SNYDER M. P. **City of Independence.** Views of Philadelphia before 1800. New York. Praeger. 1975. 304 p.

VAN VORIS W. H. **Violence in Ulster.** An Oral Documentary. Amherst. Univ. of Massachusetts Press. 1975. X, 326 p.

HELLWIG G. und LINNE G. **Daten der Weltgeschichte.** Namen und Ereignisse von der Vorgeschichte bis zur Gegenwart. Gütersloh u. a. Bertelsmann. 1975. 512 S.

KÜHN H. **Geschichte der Vorgeschichtsforschung.** Berlin—New York. De Gruyter. 1976. XIX, 1048 S.

DURAND Ph. **Le livre d'or de la Bretagne.** Du V-e siècle à nos jours, l'histoire et les trésors littéraires. Paris. Seghers. 1975. 332 p.

Le racisme et l'appartheid en Afrique australe. Rhodésie. Ouvrage de référence rédigé d'après des données rassemblées par Reginald Austin. Paris. Presses de l'Unesco. 1976. 130 p.

PINGLÉ J. **Histoire des espagnols.** Paris. Ed. universitaires. 1975. 420 p.

POUILLON J. **Fétiches sans fétichisme.** Paris. Maspero. 1975. 351 p.

URFER S. **Socialisme et eglise en Tanzanie.** Suivi d'une étude de Jacques Van Nieuwenhove sur Présence chretienne en société socialiste. Paris. Idoc-France. 1975. 168 p.

Die Freiheit die sie meinen... Erweitertes Weissbuch über die Repression gegen Lehrer in der Schweiz. Hrsg.: Gewerkschaft Kultur, Erziehung und Wissenschaft. Basel. Z-Verl. 1976. 98 S.

VANDENBERG Ph. **Nofretete.** Eine archäologische Biographie. Bern—München. Scherz. 1975. 339 S.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи, через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма, и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах,— 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Цена 70 коп. Индекс 70145

ДОКУМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

(К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ВЫХОДУ В СВЕТ XXI ТОМА)

Комиссия по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР подготовила к печати очередной, XXI том фундаментальной публикации «Документы внешней политики СССР».

В том вошли наиболее важные советские внешнеполитические документы за 1938 г.: межправительственные договоры и соглашения, нотная переписка, записи бесед руководителей Наркоминдела и советских полпредов с дипломатами, государственными и общественными деятелями зарубежных стран, письма и телеграммы Наркоминдела советским дипломатическим и консульским представителям за границей и их донесения в Москву. Как и в предыдущих томах, подавляющее большинство документов будет опубликовано впервые. К ним даются подробные комментарии, составленные, как правило, на основе неизвестных ранее документальных материалов, и необходимые указатели. Документы тома освещают последовательную и решительную борьбу Советского Союза против агрессивной политики фашистских государств, перешедших в то время к прямым актам военных захватов в Европе. Ряд новых документов освещает всестороннюю и эффективную помощь, которую Советский Союз продолжал оказывать Китаю в 1938 году. В томе широко представлены материалы о ряде крупных международных событий 1938 г., а также о двусторонних отношениях СССР с Великобританией, Францией, США, Германией, Италией, Польшей, Чехословакией, Румынией, Болгарией, Венгрией, Японией, Китаем, Афганистаном, Ираном, Турцией, скандинавскими и другими странами.

XXI том, как и все предыдущие, явится ценным источником не только для специалистов-международников, журналистов, историков, научной общественности, но и для самых широких кругов читателей, интересующихся историей советской внешней политики, дипломатии и международных отношений.

Том будет выпущен в свет Политиздатом в 1977 году.

В магазинах, распространяющих подписные издания, можно оформить на него предварительный заказ.

Союзкнига

Вопросы истории № 3. 1977. 1—224